Литературное
наследие
Алтая

Министерство культуры Алтайского края

Алтайская краевая универсальная научная библиотека
им. В. Я. Шишкова

Алтайский государственный университет

Александр Черкасов

На Алтае

Барнаул · 2019

ББК 26.890 (253.3) 12+
Ч-48

Издание подготовлено по заказу и при финансовой поддержке
Правительства Алтайского края
в рамках губернаторского издательского проекта
«Литературное наследие Алтая»

Черкасов, А. А.
Ч-48 На Алтае / А. А. Черкасов / [ред.-сост. С. А. Мансков] / М-во культуры Алт. края, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова – Барнаул; Новосибирск : Типография Колорит, 2019. – 452 с. : [1] л. порт., ил.

ISBN 978-5-90363-297-8

«На Алтае» Александра Черкасова – это воспоминания бывшего городского головы Барнаула о виденном и пережитом за 19 лет службы. Перед читателем предстает живая история края, его заселения, появления горнозаводской промышленности, рассказы о природе, местных крестьянах, охотниках и рыболовах, об их быте, обычаях. Все это написано сочным языком, точно передающим удивительную народную речь.

Это вторая книга из серии «Литературное наследие Алтая». Издание адресовано широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-90363-297-8

Охотник за словом

Книгу очерков Александра Александровича Черкасова «На Алтае» издавали, но она очень быстро стала библиографической редкостью. В последнее десятилетие XIX века отдельными очерками публиковалась в журнале «Природа и охота», на рубеже XX и XXI столетий в сокращенном виде появилась в краевых изданиях «Алтай» и «Бийский вестник». В 2004 году героическими усилиями краеведа Василия Федоровича Гришаева вышла в полном объеме в «Библиотеке журнала „Алтай"» и снова исчезла из круга активного чтения. Ее просто разобрали по школьным и домашним библиотекам. Для искушенного книгочея она стала сказкой, которой можно убаюкивать расшалившихся детей: «А знаешь ли ты, дружок, что еще 150 лет назад горожане во время северного сияния ловили осетров весом в 100 килограммов». Для историка и этнографа – справочником о жизни барнаульского люда. Для лесника и охотника явилась бесценным подспорьем в их деятельности. Для эстета – источником лингвистического удовольствия. В общем, тираж книги очерков «На Алтае» не утолил читательского голода, а скорее пробудил его. А наблюдения Александра Александровича Черкасова стали частью большого «алтайского текста».

Первые упоминания о Барнауле и Алтайском округе возникают в столичных источниках в жанре путевых очерков. Заморские путешественники, передвигаясь по этой благодатной стране, фиксируют интересные, часто весьма экзотические наблюдения. Об Алтае пишут ученые, чей стиль сух и информативен. Продолжая эту западную традицию, сибирские культурные герои Степан Иванович Гуляев, Николай Михайлович Ядринцев, Александр Александрович Черкасов делают шаг в сторону литературности. Очерки становятся не только

журналистским и научным фактом, но и текстом, являющимся самодостаточным художественным началом. По этой уже проторенной дороге через короткое время начинают движение уже «настоящие писатели» Вячеслав Яковлевич Шишков и Георгий Дмитриевич Гребенщиков. Таким образом, выстраивается цепь преемственности в пространстве большой русской литературы. От «Записок охотника» Ивана Сергеевича Тургенева и «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» Сергея Тимофеевича Аксакова через «Записки сибирского охотника» Александра Александровича Черкасова к эпическим полотнам «Чураевых» и «Емельяна Пугачева». А сам жанр записок становится равным среди других прозаических жанров.

Записки, вопреки собственному названию, фиксируют мир не фрагментарно, а создают картину жизни в определенный исторический период. Автор объединяет в единое целое личные наблюдения, научные знания из разных областей, яркие свидетельства местных жителей. Все это «нанизывается» на сюжетный стержень охотничьих прогулок, которые только повод для рассказа о территории и людях. Особенно интересна оригинальная речь собеседников, передаваемая писателем очень ярко. Не случайно черкасовские диалектизмы вошли в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и в «Словарь современного литературного языка», изданный Академией наук СССР в 1959–1965 годах. Александр Михайлович Родионов в своей статье об этом человеке писал: «А какие закрома словесные, какие жемчужины народных речений открыл нам этот человек с ружьем! Он был не просто охотник, он был охотник за словом!» Такое неравнодушное внимание к окружающей действительности позволяет создать объемный убедительный образ. Интересно, что делает это не писатель-неофит, а статский советник (в табели о рангах – бригадирский чин), опытный литератор, публиковавшийся еще при Н. А. Некрасове в «Современнике» и избравший Барнаул после многочисленных путешествий местом

для службы и литературного творчества. И здесь многое объясняет биографический код.

Александр Александрович Черкасов родился 26 декабря 1834 года в Старой Руссе Новгородской губернии в семье горного инженера. Отцовская линия и определила дальнейший путь: интерес к природе, карьера горного офицера, аскетизм. «Все мое имение состояло из двух чемоданов с бельем и платьем, двух ружей с необходимыми принадлежностями и здоровенного лягаша Каштана».

В 11 лет Александр был отправлен в Петербург в закрытое учебное заведение – горный кадетский корпус, из которого через десять лет вышел молодым прапорщиком. Однокашники за доброту и заботы дали кличку «Мамка», а за физическую силу – «Самсон». И эта сила пригодилась ему очень скоро.

Первые самостоятельные жизненные уроки горный офицер получил в Нерчинской Даурии. «Под мое ведение, — вспоминал Черкасов, — были отобраны такие атлеты из ссыльных рабочих, что стоило только любоваться этими пасынками судьбы и удивляться их бычачьей силе или замечательной сметке русского простолюдина. Этими тружениками выворачивались и поднимались на борта разреза иногда такие громадные валуны, весившие несколько сот пудов, что трудно было поверить своим собственным глазам, видевшим это в действительности. Стоило только по-человечески обходиться с этими пасынками, но в нужный момент помогать своими руками и плечами — и тогда клейменые труженики становились настоящими братьями, на их заскорузлых лицах выражалась добродушная улыбка, в речах появлялся юмор, остроумие, и вы забывали, что имеете дело с теми людьми, которых таврили, как лошадей, и называли презренным именем варнака или челдона». Советские исследователи видели в этой цитате идеологию – классовую близость писателя к униженным и оскорбленным. Но здесь другой генезис. Черкасов не сидит в теплом кабинете и не пишет бесконечные отчеты. Он производственник, работающий внутри своего детища, и таежный разведчик новых залежей руды, постоянно

находящийся в тесной связке с самыми различными социальными слоями. Здесь нельзя восседать на троне, здесь нужно дело делать, не оглядываясь на происхождение.

В словаре Брокгауза и Эфрона небольшая статья о Черкасове заканчивается фразой: «Просвещенный и гуманный, он всюду делал много добра». А когда демократизм связан с природной добротой, другого варианта просто нет.

Как отмечает биограф писателя Е. А. Петряев, в 1862 году Александра Александровича командировали партионным офицером на поиски золота в долину Урюма, притока Шилки. Тогда район этот страшил всех отдаленностью, суровостью климата и безлюдьем. Тут рабочие не раз вспоминали забайкальскую пословицу: «Кто в тайге не бывал, тот богу не маливался».

Через год Черкасова ждала удача, нашли золотые россыпи. За это открытие ему в 1864 году была назначена пенсия – 1200 рублей в год.

В экспедициях молодой офицер пробует писать. Дает первые опыты на оценку коллегам по военному цеху и получает приятельское одобрение. В 1866 году лучший литературный журнал России «Современник» публикует отрывок из «Записок охотника Восточной Сибири». Редакционный комментарий к очерку говорил о фрагментарности публикации, так как в ближайшее время будет издана книга этого автора. Осенью 1867 года книга под патронажем Николая Алексеевича Некрасова появилась в продаже. Другой авторитетный литературный журнал «Отечественные записки» отметил в рецензии: «Своеобразный и несколько грубоватый, как самая жизнь звериных промышленников (так в Восточной Сибири называют охотников), язык автора производит на читателя весьма приятное впечатление какой-то необычной свежести, напоминающей и степное раздолье, и влажную прохладу частого зеленого бора» (1868, т. 176, отд. II).

Экземпляр этой книги можно и сегодня подержать в руках в главных библиотеках страны. В прекрасном издании с кожаным корешком и хорошо читаемым шрифтом даются

замечания, касающиеся собственно технической части охоты: описание различных зверей, обитающих в Сибири, а также способы добывания их всевозможным образом с показанием устройства употребляемых для того охотничьих снастей и некоторые замечания о сибирской природе и сибирских охотниках с их бытом, суеверием и привычками. Эта книга – итог пребывания начинающего писателя в Забайкалье.

Шестнадцать забайкальских лет дали очень многое. Черкасов стал опытным горным инженером, открыл богатые месторождения полезных ископаемых, приобрел собственный литературный стиль, создал крепкую семью.

В 1871 году его переводят в Алтайский горный округ на должность заведующего Салаирскими рудниками, чертежной, пробирной и Бачатской каменноугольной копью, но Забайкалье будет до конца жизни объектом постоянного сопоставления с новым местом службы.

Через год он получает назначение управляющим Сузунским медеплавильным заводом. Исполнение служебных обязанностей на первом этапе отнимало много времени, и не случайно в письме к забайкальскому приятелю Кудрявцеву (сыну первого охотничьего наставника) Черкасов с сожалением сетовал на то, что теперь охота для него умерла. Но натура берет свое и очень скоро начинаются охотничьи путешествия, которые дают богатый литературный материал. После одиннадцати лет службы в лесном Сузуне приходит отставка и долгожданная возможность свободных охотничьих походов и литературного творчества. В 1883 году для жительства выбран Барнаул. Здесь он начинает писать и мемуарные записки. Воспоминания о некоторых эпизодах кадетской жизни будут опубликованы позднее в малоизвестном журнале «Охотник». В эти же годы управляющим Павловским сереброплавильным заводом назначен его младший брат Аполлинарий Александрович.

Почивать на лаврах долго не пришлось. Всероссийская известность, высокие нравственные и деловые качества стали причиной избрания Черкасова барнаульским городским

головой. Его деятельность в течение четырех лет была столь успешной, что горожане избрали его еще на один срок.

Восьмидесятые годы XIX века – время появления пространства Алтая в столичных журналах. Выходят работы Г. Н. Потанина, в 1881 году появляется очерк Н. М. Ядринцева «Сибирская Швейцария», а год спустя фундаментальный труд «Сибирь как колония». В этом же году А. С. Суворин издает дополненные «Записки охотника Восточной Сибири» Черкасова двухтысячным тиражом. В них нет Алтая, но он появляется в новых очерках «Федот» (1886) и «А. Брем» (1887). В 1893 году алтайские впечатления публикуются в журнале «Природа и охота» в июльском – октябрьском номерах.

«Глубоко сожалею, – жаловался Черкасов Суворину, – что в статье «На Алтае» редакция и цензура сделали много выпусков, весьма интересных, и в общем изгадили весь труд, потерявший связь в рассказе… Почти все мои рассказы идут о Сибири и знакомят читателя с этой страной во многих отношениях, а охота часто служит только канвою… Мои статьи охотно читаются… даже прекрасным полом».

Последним поворотом судьбы писателя и городского головы становится переезд в Екатеринбург в 1890 году – необходимо было давать образование подрастающим детям. И здесь опытный офицер, инженер и писатель становится городским головой.

В Екатеринбурге Черкасов завершает работу над книгой «На Алтае. Из записок сибирского охотника» и ждет, когда под одной обложкой выйдут забайкальская и алтайская части. К сожалению, довести начатое дело до конца писатель не успел. В Екатеринбурге он не пришелся ко двору местным толстосумам. Начались интриги, сплетни, травля. Через два месяца легкоранимый Черкасов заявил об уходе в отставку, но тут был нанесен последний удар: в январе 1895 года он получил по почте грязный анонимный пасквиль, оскорбляющий честь его и семьи. И сердце не выдержало. Александр Александрович Черкасов скончался тут же, за столом, зажав в кулаке анонимку. Его хоронил весь город. 24 января 1895 года

в Вознесенской церкви Екатеринбурга состоялось отпевание, а затем тело было предано земле на кладбище Ново-Тихвинского женского монастыря.

Основой этой книги стало издание, подготовленное Василием Федоровичем Гришаевым в 2004 году из публикаций в журнале «Природа и охота» за 1893 год. Редактором-составителем были исправлены в тексте некоторые неточные даты, инициалы, расшифрованы сокращения, собственные имена и фамилии, даны объяснения наиболее непонятным словам, возвращен первоначальный вариант подзаголовка «Из записок сибирского охотника».

Сергей Мансков

На Алтае

Из записок
сибирского охотника

Посвящается
глубокоуважаемому
Ф. Е. За́ссу[1]

I

Введение. Сравнение Западной Сибири с Восточной. Краткая топография Алтая. Основание Барнаула. Акинфий Демидов. Начало и развитие горного дела. Лес и фауна. Мараловодство. Торговля пантами.

Сегодня, 12 декабря, Спиридона солнцеворота, или – как говорят простолюдины еще проще и понятнее – «солнце на лето, зима на мороз». Все обыкновенно радуются такой перемене в нашей широкой отчизне и, как бы оживая под усиливающимися морозами, ждут великого праздника, а затем и широкой масленицы. Вот в силу-то этой перемены и радости, мне кажется, оживаю и я, потому что, как бы стряхнув с себя лень и какое-то глупейшее апатичное состояние, принимаюсь снова за перо и хочу поделиться с читателями воспоминаниями все о той же Сибири, но уже Западной, где привелось мне прожить почти 20 лет и наблюдать немало интересного как по части этнографии, топографии, так и фауны с охотничьей точки зрения.

В конце 1871 года по разным сложившимся обстоятельствам я неохотно простился с Восточной

---

[1] Фердинанд Егорович Засс – врач, ботаник, метеоролог. С 1883 года – инспектор медицинской части Алтайского горного округа. С 1900 года возглавлял амбулаторную лечебницу города Барнаула. С А. А. Черкасовым познакомился, работая врачом Салаирского рудника.

Сибирью и попал в Западную, где и довелось мне служить в Алтайском горном округе кабинета его величества.

Переселяясь на Алтай и думая о нем, с точки зрения охотника и любителя природы, я воображал, что Западная Сибирь так же богата и красива, как и ее родная сестрица – Восточная. Но – увы! – в них хоть и есть родственное сходство, но есть и большая разница: одна – как красивая брюнетка, а другая – как только миловидная блондинка. В одной огонь, энергия, капризы и страсти Востока, в другой мягкость, ровность, какая-то пухлость и точно малокровие. Даже в одежде заметна немалая разница: одна – как кокетка, одета в более яркие цвета с разными буфами, оборками и коками в роскошной шевелюре, другая – в более мягких одноцветных красках, с небольшими воланами, складками и хотя с взбитой челкой, но как бы с тонкими секущимися волосами и даже не прочь подстричься хоть под гребенку. Что же касается богатства, то одна неприхотлива и одевается большею частью в свои собственные произведения – прелестную мерлушку, белку, лисицу и нередко дорогого соболя, украшая себя местными драгоценными камнями и золотом; другая же таскает преимущественно завозные меха и рядится большею частью в покупные ожерелья.

Вот что заметил я в первые же годы своего пребывания на Алтае, сопоставляя, так сказать, наглядную разницу между Восточной и Западной Сибирью; а живя долее, я убедился, что мое первое впечатление более или менее верно. Может быть, многие скажут, что такой взгляд – дело вкуса, прихотливости

и, пожалуй, неведения всего того, что есть в обширном и столь разнообразном Алтае; пожалуй, согласен и с этим; но все-таки, проживя в нем почти 20 лет, я несколько присмотрелся, прислушался, сообразил многое перечитанное, изображенное фотографией и прихожу к тому убеждению, что только некоторые уголки действительно богатого по-своему Алтая несколько похожи на Даурские палестины и могут с ними посоперничать относительно природы и ее естественного богатства.

Конечно, я смотрю здесь на край не как ученый биолог, а как простой смертный, как охотник по страсти, пожалуй, как любитель природы, останавливаясь преимущественно на той местности, где мне довелось побывать на Алтае. Центром такого района будет Барнаул с его близкими и далекими окрестностями. Мои записки – не исторические исследования или ученый трактат, а просто записки наблюдателя и без цифровых данных. Это личные воспоминания кое о чем мною виденном, слышанном и наблюдаемом, с небольшими справками.

Алтай впервые появляется на картах в 1457 году, когда венецианский географ Фра-Мауро[2] нанес на своем глобусе Джагатый, Ургендж и Алтай, а всю Сибирь представил в виде узкой полосы между Алтаем и Северным океаном.

Вся северная и северо-западная часть Алтая ничто более, как плоская возвышенность с весьма небольшим местным рельефом, это громадная долина верхней части громадной реки Оби и ее притоков. Вся

---

[2] Фра Мауро *(Fra Mauro)* – венецианский монах, составивший одну из первых карт мира.

же восточная и юго-восточная части имеют характер гористой местности и носят название тайги или черни.

Тут вытекают Бия и Катунь, которые составляют верховья Оби, и тут же, между хребтами гор, залегает громадное Телецкое озеро, которое несколько напоминает грандиозный Байкал, так широко поместившийся и загородивший путь в Восточную Сибирь. Вся эта местность и есть настоящий Алтай-Алин[3], что значит – золотая гора. Здесь тот самый узел гор, который составляет водораздел и главный источник трех грандиозных рек Западной Сибири – Енисея, Оби и Иртыша. Тут берут свое начало реки Томь, Бухтарма и множество других речек, которые, бойко выбиваясь из отрогов Алтая, несутся в системы вод Енисея и Оби и составляют то золотое Эльдорадо, куда стремятся многие золотопромышленники, закапывая свои последние гроши или приобретая нередко большие капиталы. Этот узел гор заполняет собой и почти всю южную половину Алтая, проявляясь в некоторых местностях и юго-западной его части, где уже являются все главные месторождения серебро-свинцовых и медных руд. Менее всего интересна и небогата своими естественными дарами западная часть Алтая, где местность переходит в степной оазис и составляет долины Иртыша; тут только вершины его притоков несколько гористы и лесисты, зато их долины очень хлебородны и могут назваться настоящей житницей края.

В западной части Алтая залегают почти все соляные озера, где самосадочная соль добывается миллионами пудов и развозится по всей Сибири. Это своего

[3] Этимология этого названия восходит к монгольскому «алтан» – золотой.

рода Эльдорадо, которым пользуются преимущественно мелкие спекулянты. Они берут эти солончаки с торгов у казны на аренду и нередко набивают свои карманы не хуже многих золотопромышленников.

Почти в центре Алтайского горного округа, на левом берегу Оби и при впадении в нее небольшой речки Барнаулки, на высоте 400 футов над уровнем моря лежит город Барнаул, который образовался в 1738 году[4] на месте первого заселения горнорабочего люда сына тульского кузнеца Никиты Демидовича Демидова – Акинфия Никитича, который и был основателем горного дела на Алтае. Он еще в 1723 году нашел первые медные руды около Колыванского озера и в 1725 году построил уже медный завод на р. Локтевке.

В 1744 году в Барнауле было уже получено первое серебро. Но в 1747 году при императрице Елизавете Петровне после смерти действительного статского советника Акинфия Никитича Демидова Барнаульский завод и основанный им же серебряный Колыванский завод были отобраны вместе с открытым Воскресенским рудником, перешли в казну под именем Колывано-Воскресенских заводов. С 1761 года заводы эти поступили в ведение Кабинета, а с 1771 года Барнаул считался уже горным городом и только в 1822 году переименован на общем положении в город окружной.

Барнаул, имея свой сереброплавильный завод, стал центром управления горного промысла всего Алтая. В настоящее время город имеет около 20 тысяч жителей и бесспорно занимает первое место между всеми

---

[4] Автор ошибается. Официальной датой возникновения г. Барнаула считают 1730 год.

уездными городами всей широкой Сибири как по своему значению, с административной точки зрения, обширности заселения, так и в торговом отношении.

До реформы императора Александра II и освобождения крестьян Барнаул был настоящим горным городом и едва ли не имел большего значения в крае, чем губернский город Томск. В нем с 1761 года сосредоточена была вся власть горного мира и управления приписных к заводам крестьян, которых в 1808 году было уже около 65 000, а к 1 января 1861 года, перед освобождением, их считалось всего 133 910 душ.

Всем этим единовластно заведовал горный начальник и был как бы владыкой целого края. Первым из них был в 1747–1750 годах известный в истории русского горного промысла Беэр, который выплавил в два года уже 44 пуда серебра. Затем при начальнике Качке (1785–1798 гг.) получалось металла 756 пудов, а при Чулкове (1799–1806 гг.) выплавка дошла уже до 1153 пудов – и это был maximum производительности Алтая. С 1823 по 1863 год были уже главные горные начальники и вместе с тем губернаторы Томской губернии.

Но заговорив об этом, я уклоняюсь от цели своих воспоминаний и потому перейду к другому, а о Барнауле скажу пока еще коротенько, что теперь он переживает кризис и вместо горного города делается хлебным рынком, застраивается повсюду хлебными амбарами и посредством пароходного сообщения с Тюменью ежегодно сплавляет едва ли менее трех или четырех миллионов пудов зерновой пшеницы.

Еще не так давно, каких-нибудь 50 или 60 лет, около Барнаула были громадные леса, но теперь почти

все его окрестности имеют характер степи и только с южной его стороны примыкает тощий бор молодого сосняка да на правой стороне Оби кое-как сохранились остатки когда-то громадного бора. Не далее как в двух верстах к северу от города есть так называемый Крутой Лог, выходящий своим устьем к левому берегу Оби, в котором в помянутое время был такой лес, что в нем легко было заблудиться, и женщины боялись в него ходить за грибами и ягодами. Но ныне тут голая поверхность земли со старыми пнями, и вместо бывшей дичи пасется городской скот. То же самое можно сказать и о долине речки Пивоварки, тут же протекающей только уже весной и в большое ненастье.

По сказаниям старожилов, в этих лесах водилось множество лесной дичи и было немало различных зверей сибирской фауны – волков, медведей, росомах, рысей, куниц и разных мелких хищников, но на их памяти не было диких коз, маралов (благородный олень) и сохатых; звери эти любят преимущественно гористую местность и на Алтае встречаются ныне только в тех округах, где являются лесистые горы, как, например, в восточной, юго-восточной и южной частях; а на главных хребтах и водоразделах живут даже каменные бараны, аргали, куницы, соболи и выдры; впрочем, эти последние изредка встречаются и на Барнаульском плоскогорье по лесным речкам.

Почти к северу от Барнаула, в 125 верстах вниз по Оби, лежит Сузунский медноплавильный завод, со всех сторон окруженный когда-то могучим сосновым бором, который отчасти сохранился и до настоящих дней, несмотря на то что завод пользуется

им уже более ста лет, а частые лесные пожары сильно повлияли на его здоровье. К востоку же от Барнаула, за Обью в 160–200 верстах, находится так называемый Салаирский край. В нем состоит собственно Салаирский серебряный рудник; несколько далее (4 вер.) – Гавриловский серебряный завод и за ним в 8 верстах – Гурьевский чугунно-плавильный и железоделательный завод с механической фабрикой. Вся эта местность гориста и покрыта смешанным лесом, который и называют тут чернью.

Смотря с охотничьей точки зрения на всю эту местность, приходится сказать, что в окрестностях Сузунского завода, лежащего всего в 12 верстах от р. Оби, находится множество тетеревей, белых куропаток, зайцев, уток, дупелей, бекасов и других долгоносиков, а в лесу есть рябчики и глухари. Затем в пролеты бывают гуси, лебеди и масса журавлей, которые во множестве остаются на лето и сильно портят хлебные посевы.

Что касается зверей, то около Сузуна держится много волков, реже попадает лисица и еще реже медведь, рысь, росомаха; зато вдоволь живет мелких грызунов и хищников, как, например, хорьков, горностаев, ласок, и водится немало барсуков, но белки немного, а диких коз, маралов (изюбров – по-восточно-сибирски), лосей (сохатых) нет вовсе. Судя по этому перечню, все-таки дичи, и, как видите, дичи весьма разнообразной, достаточно для любого охотника.

Все то же в большем или меньшем количестве живет в Салаирском крае, в окрестностях Барнаула и Павловского завода, который лежит в 50 верстах от города по Сузунской дороге.

Колебания в количестве и разнообразии помянутой дичи незначительны и приходится только сказать, что в Салаирской черни живет множество рябчиков, глухарей и пропасть медведей; а около Барнаула масса дупелей, тетеревей и зайцев.

Русаков же вообще на Алтае нет вовсе, тут один обыкновенный беляк. Но удивительнее всего то, что в таком обширном крае нет вальдшнепов; они встречаются здесь крайне редко и составляют для охотника лакомый кусочек, тогда как в окрестностях Томска, находящегося от Барнаула всего в 400 верстах, вальдшнепы бывают не только весной и осенью пролетом, но и плодятся.

В южной части Алтая многие крестьяне и зверопромышленники держат прирученных маралов при домах и заимках (хуторах) в особо устроенных маральниках и пользуются, как в Забайкалье, весенними рогами самцов, которые отправляют большими партиями на продажу в Кяхту. Но на Алтае эти рога не носят названия пантов, а зовут просто маральими рогами.

Интересно, что мараловодство как торговый промысел на Алтае получил свое начало только в 1860 годах в деревне Фыкалке бывшей инородческой управы, а ныне Бухтарминской крестьянской волости. Первый опыт был сделан братьями Шараповыми. Отсюда мараловодство пошло дальше и в 1882 году было уже в деревне Шаболихе Алтайской волости и в Чечулихе Ануйской волости; тут у крестьянина Фомина состояло уже до 40 маралов; а в Верхне-Бухтарминской волости в 1887 г. насчитывалось до 220

штук и в Нарымской у 20 домохозяев было уже 164 марала[5].

Маральи рога сбываются китайцам, и их везут с Южного Алтая в Кяхту на почтовых; а, как известно, расстояние такой доставки выражается почти в трех тысячах верст – значит, стоит овчинка выделки.

И по сведениям оказывается, что бийские купцы покупают маральи рога из первых рук по 5–7 и 9 рублей за фунт, а продают китайцам уже по 20–30 и более рублей за ту же единицу веса, принятую при этой торговле. Если принять средний вес рогов в 20 фунтов, стоимость их будет весьма солидная; значит, есть из-за чего и потрудиться!..

Кажется странным, почему алтайцы не доставляют в Китай маральи рога чрез Бийск той горной дорогой, которая прошла по хребтам в Кобдо для меновой торговли, разрешенной еще в 1803 году, когда в Бухтарме учреждена была и таможня? На этот вопрос многие торговцы отвечали так: путь этот очень неудобен, хотя и короче: а кобдинцы рогов не берут потому ли, что не знают в них толку, оттого ли, что доставлять им рога в Пекин чрез всю Среднюю Азию невозможно.

Для маральников звери добываются обыкновенно маленькими различными способами, кто как может и как сумеет; а ныне перекупаются у мараловодов. Содержать их – надо большой навык и знание: как, когда и что делать; иначе они нередко погибают или, соперничая между собою, увечат друг друга, что

[5] Автор очерков приводит статистические данные из книги П. А. Голубева «Алтай» (Томск, 1890).

и бывает преимущественно осенью, когда маралы начнут гнаться (течка). Поэтому опытные содержатели маральников заранее отделяют самцов-производителей с матками от подростков, а тем более от равносильных по возрасту маралов. Для таких гаремов необходимо строить плотные высокие заборы, иначе самцы, видя своих соперников, постоянно беснуются, яруются и при малейшей возможности перескакивают на драку, которая никогда добром не кончается. Поединки маралов ужасны, и они редко остаются после страшной потасовки живыми. Это своего рода дуэль на жизнь или смерть.

Оплодотворенные самки перед отелением тоже отделяются и наблюдаются хозяевами, как и домашняя скотина.

Надо заметить, что маралы ежегодно меняют рога и, сбрасывая их в начале зимы, к весне получают уже новые; и вот эти молодые рога спиливаются хозяевами около половины июня, для чего самцов-рогачей загоняют в особо устроенные узкие стойла.

Содержатели маральников в случае надобности покупают друг у друга производителей, нередко за дорогую цену, или за условную плату подпускают своих маток для случки, или же приобретают молодых самцов или самок, смотря по надобности. Так, например, в выше поименованных деревнях самцы продаются между хозяевами маральников от 75 до 200 рублей, а самки от 15 до 40 за штуку. Такая цена превосходит почти в 6 или 7 раз стоимость местной лошади.

Из шкур маралов делают превосходную замшу, которая и обрабатывается тут же, на заводе в селе Алтайском, и ценится довольно дорого.

Словом, ведение мараловодства – своего рода эксплуатация, совершенно сходная с коннозаводством; тут необходима своя особая специальность и знание дела, особенно при снимании мягких рогов и умении сохранить их от порчи, чтоб не проквасить заключающейся в мягких роговых шишках эссенции и не потерять цены. Равно надо уметь снять их вовремя и не передержать рогов на животном – взять их впрыску, иначе они подсохнут, отвердеют; а к июлю – уже негодны, потому что их мягкие части (что и ценится) исчезнут и появится окостенелость рога. В предупреждение порчи мягкие рога тотчас после их отнятия легко провариваются в соленой воде или в кирпичном чае.

Мараловоды продают свой дорогой товар и, помимо бийских купцов, особым скупщикам и спекулянтам этой торговли, которые уже партиями отправляют его в виде целых рогов в Кяхту. Было бы, кажется, удобнее и дешевле отправлять одни мягкие роговые шишки, но китайцы их не берут, то ли потому что по спиленным рогам они узнают рога из маральников, то ли отдельные мягкие части могут испортиться. Тут необходимо заметить, что рога с убитых диких маралов (изюбров), так называемые панты, всегда отделяются промышленниками по самый череп или даже с черепом животного, и они ценятся гораздо дороже.

Я уже говорил в своих записках («Записки охотника Восточной Сибири», 2-е изд., 1884 г.), что в Забайкалье весенние рога изюбра (панты) продаются из первых рук, смотря по добротности и количеству отростков, нередко за 150 рублей и более, а ныне, говорят, цена их доходит едва ли уже не до 300 рублей и более.

Для чего китайцы покупают так дорого панты – неизвестно, это пока их тайна, хотя и говорят, что из эссенции еще мягких роговых шишек приготовляются особые лекарства или жизненная эссенция и сильнейший конфертатив; но все это одни догадки, как и то, будто бы приготовлениями из пантов пользуются только одни мандарины и богатые люди. Удивительно, как до сих пор этот секрет не обнаружится хотя бы через посольства и почему наша медицина не обратит на это должного внимания?

II

Ширь Алтая. Краткие исторические сведения. Климат. Громадность снегов. Пути на Алтае. Бураны. Способы спасения. Катастрофа с караванным. Спасение пешехода. Погибшие в бураны. Звон, маяки. Наводнения. Подмытое кладбище. Богатство почвы. Урожаи. Вечная мерзлота. Талики. Шергинская шахта. Ископаемые из мерзлоты. Мамонты.

Чтобы бросить общий взгляд на охотничий и рыбный промыслы на Алтае и потом уже побеседовать о разных интересных эпизодах того и другого спорта, а также посмотреть на быт народа и отдельных личностей, необходимо сказать, хоть коротенько, о некоторых интересных исторических сведениях и климатических условиях края, иначе многое будет не совсем понятно для незнакомого с Алтаем читателя.

Алтайский горный округ занимает площадь в 332 000 квадратных верст в южной половине Томской губернии и расположен вдоль и поперек, приблизительно говоря, по тысяче верст; значит, есть где разгуляться не только простому охотнику, но и любому путешественнику, чтоб заметить разницу в фауне, флоре и климатических условиях, если принять южную и северную окраины от 50 и до 56° северной широты и от 97 и 102° восточной долготы.

Нельзя не заметить, что Алтай, составляя собственность Кабинета Его Величества, есть величайшее имение в свете, в районе которого находится 8 городов, более 1500 деревень и поселков и не менее 250 000 жителей.

Думаю, что при этом кратком обзоре будет не лишним упомянуть о нижеследующих интересных исторических сведениях. Так, например, при заселении Сибири в 1613 году всем переселяющимся в такие Палестины правительство давало разные льготы: землю под усадьбу и пашню, лес на постройки, скот на обзаведение, пахотные инструменты и прочее; а в 1688 году уже повелено было учредить заставы и более переселенцев из России не пропускать. Так как при заселении Сибири в ней повсюду еще были разные татарские племена, которые постоянно враждовали между собой и делали набеги на русские поселки, то повелено было строить остроги и укрепления. Так, в 1604 году на месте улуса татарского князя Таяна, принявшего подданство, построен Томск; а в 1618 году на реке Томи при впадении в нее реки Кондомы основан Кузнецкий острог среди инородческого племени абинцев, которые уже знали выплавку руд. В 1713 г. основан Чаусский острог, который в 1822 году был уже городом Колыванью, а Кузнецкий – городом Кузнецком. В этой последней местности в 1607 году взят был первый ясак с кузнецких татар. В 1634 же году князь телесов Мандрак принял русское подданство и обещал платить ежегодно по 10 соболей за каждого своего подданного; а в 1760 году повелено заселять южную часть Алтая по реке Ульбе и строить укрепления по реке Бухтарме…

Полагаю, что эта небольшая хронология, взятая мною из книги П. А. Голубева «Алтай», интересна и не утомила читателя своей краткостью, а возобновила в его памяти те необходимые сведения, которые нелишни при чтении чего-либо о Сибири. Теперь

попробуем перейти к климату описываемого края и сказать то, что бросается в глаза каждому побывавшему в Сибири.

В общем климат Алтая почти сходен с забайкальским, большой разницы нет: то же жаркое лето и те же страшные морозы зимою, которые как тут, так и там нередко достигают до 40 и даже более градусов; а летние жары бывают до 28,5 и 29° по Реомюру. По расчетам Вильда, за двадцатилетний период, с 1833 по 1853 год, средняя годовая температура, по сведениям Барнаульской метеорологической станции, на Алтае выражается в –0,02 , а влажность с 1875 по 1877 г. вышла в 4,7. Цифра эта выше забайкальской, и мне кажется, потому, что в зимний период весь Алтай покрывается страшной массой выпадающих снегов, чего нет в Забайкалье. Там, напротив, снега невелики до того, что нередко всю зиму ездят на колесах, чем в особенности и отличается братская степь, залегающая более чем на 400 верст между городами Верхнеудинском и Читою.

Совсем другая картина на Алтае: весь он покрывается и как бы закупоривается толстым снеговым саваном. Действительно, покров этот бывает так велик, что небывалому в Томской губернии трудно поверить. Тут обыкновенная толща снега доходит до 3 и 4 аршин, а местами и более. Словом, это море снега на огромном пространстве, которое 7 месяцев лежит под белым саваном.

В самом деле, трудно поверить даже и местному жителю, до чего бывают велики снега в описываемом крае. Вы представьте себе уже только то, что подветренные глубокие лога и долины нередко вполне

заносятся снегом и сравниваются с общей белой пеленой великого плоскогорья. Вот почему на Алтае волей-неволей придуманы особые способы запряжки лошадей в зимние экипажи, особенно в громоздкие, как, например, дорожные возки, повозки и купеческие кошевы.

Так как дороги с осени пробиваются обыкновенно простым людом, ездящим преимущественно в одну лошадь, то образуется торок, или накат, крайне узкий, так что при постепенно увеличивающемся снеге ехать тройкой в ряд уже невозможно. Вот и придумали запрягать гусем, т. е. всю тройку по одной, друг за другом; или так называемой бочкой – по паре друг за другом; или же еще иначе – одну в корень, а двух на вынос. То и другое, конечно, неудобно и требует большого навыка ямщиков и приезженных лошадей. Иначе история плохая, и всякий проезжающий будет подвигаться вдвое и втрое тише и мерзнуть в той же пропорции. Все это еще ничего и терпимо, если путь свободен, но горе, когда попадают обозы, а тем более попутные. Часто случается так, что разъехаться невозможно, и вот ваш громоздкий экипаж миром спроваживают на бок дороги в глубокий снег, в котором ваши лошади тонут по уши. Вот тут и извольте ждать, пока мимо вас пройдет обоз – иногда лошадей в 200 и более! – а затем миром же с криком и уханьем добывают ваших лошадей и повозку, чтоб поставить на дорогу.

Если же обоз попутный и обогнать или объехать его невозможно, то остается только одно удовольствие – покориться судьбе и ехать шагом за обозом. Не правда ли – это своего рода идиллия, которая рвет

вас до самого сердца; а потом, когда волнение волей-неволей пройдет, вы или ложитесь спать, коли это возможно, или вылезаете из повозки, чтоб пройтись пешком, поразмять свои члены – промяться, как говорят сибиряки, и, пожалуй, понаблюдать, если вы любитель всего того, что попадает на глаза при такой оказии!..

Бывает, что на больших трактах по особому распоряжению начальства на местных жителей налагается особая повинность: расчищать дороги, и это обыкновенно делается так: сооружается из бревен или широких плах громадных треугольник, к которому припрягаются миром лошади, и такая машина с ужасным криком погонщиков и характерным скрипом везется углом вперед по дороге; она разворачивает снег на стороны и делает дорогу шире. Но все это возможно и полезно только тогда, если такую чистку производить с осени и не давать заноситься дороге прибывающим снегом. Конечно, такая повинность нелегка и часто бывает горше летней – содержать дороги в исправности. Понятное дело, что треугольником громадные ухабы и снежные надувы не возьмешь, а потому их ранее особые люди сбивают всевозможными инструментами сельского хозяйства.

По-моему, всякому, приезжающему в долгий путь по Западной Сибири, особенно с семьей, несравненно лучше ехать в двух небольших и легких экипажах, чем в одном и большом. Знаю это по горькому опыту, а потому и советую. В большом можно засесть иногда в плюгавом снежном надуве; иногда является невольная злоба, когда видишь, что мимо легко и свободно несутся небольшие повозки, а ямщики еще нарочно

насвистывают и подсмеиваются над завязшим собратом. Бывает, что их счастливые пассажиры давно уже напились на станции чаю, а вы все еще сидите в снегу и ждете помощи!.. Посудите сами, что такая штука вызовет и не одну злобу!.. Поэтому можете вообразить, что бывает на мелких проселочных дорогах и как путешествуют по ним в более или менее громоздких экипажах! Вот почему многие таежники, например, служащие люди на золотых приисках, ездят по таким снежным вертепам в небольших кошевках и в одиночку.

И все это ничего, даже, пожалуй, поэтично; но вот беда, если вы попадете под буран, да еще мокрый, или буран на морозе. А почти весь Алтай может похвастаться своими ужасными и страшными буранами. Это не то, что на Руси называют метелью, – нет!.. Алтайский буран действительно опасен, и это – страшное явление суровой природы; это какой-то ад земли и неба, дружно сплотившийся в одну демоническую силу, которая с ужасным воем и ревом ветра сыплет снег сверху, поднимает снизу и несет, и кружит его в такой непроглядной массе, что нет никакой возможности увидать что-либо в каких-нибудь пяти или десяти шагах не только ночью, но и даже днем; это какая-то геенна жизни и смерти, пред которой часто нет спасения и все мужество человека бессильно. Этот снежный ад не только засыпает дорогу, но заносит ваших лошадей и заметает экипаж до того, что все остается под снежной пеленой и гибнет, как утлый челнок в пучине моря, но не захлебываясь в волнах разбушевавшейся стихии, а медленно коченея и застывая в такой ужасной среде мглы и холода. Тут

о путешествующих пешком нет и речи – гибель их неизбежна. Это верные мерзляки, как говорят сибиряки; это Божьи свечи, как называют сердобольные старухи.

Конечно, многие из читателей придут к тому заключению, что все попавшие в пути под буран непременно гибнут и отправляются к праотцам, в мир теней!.. Нет, это было бы слишком жестоко и несправедливо со стороны неба. Нет, оно, посылая человеку такое страшное испытание, дает ему и ту силу противодействия, которая заключается в разуме, соображении и находчивости.

И действительно, по этому данному Богом дару, даже в самые свирепые бураны многие не только едущие в экипажах, но и пешие путники, не желая знакомиться с новым миром духов, сохраняют свою жизнь различными способами. Так, например, едущие в экипажах, видя невозможность подвигаться далее, тотчас останавливаются, выпрягают лошадей и, настегивая их, отпускают на свободу; потом поднимают оглобли кверху и затем уже, размявшись работой, залезают в экипажи – возки или повозки – и плотно закупориваются со всех сторон. Если же экипаж некрытый, например, кошева или простые пошевни, путники выбирают лишние вещи, опрокидывают сани кверху полозьями, поднимают оглобли и забиваются под образовавшийся из экипажа шатер. По большей части отпущенные на волю нарочно в хомутах лошади выбиваются по присущему им инстинкту, или, вернее, своему особому соображению, в жилые места и этим дают знать жителям о случившейся беде. По большей части лошади убегают обратно в свои деревни; если

же следующая станция или жилье ближе, а буран попутный, они бегут туда, и это ясно доказывает их соображение.

Сибиряки в таких случаях, народ бывалый и практичный, тотчас и сообразят, откуда и чьи лошади и при первой возможности дают знать подлежащей власти; а она, собрав народ и лошадей, немедленно отправляется на розыски – конечно, если это возможно, – и по поднятым оглоблям находят живых или мертвых путников.

Бывали примеры, что спасающиеся таким образом люди сидели по три и по четыре дня под снегом; в 1870 годах ехала по вызову в Риддерский рудник акушерка, которая попала под страшный буран, просидела на возке четыре дня одна-одинешенька. Ее нашли после продолжительного бурана живою. Питалась она пряниками, которые везла в гостинцы, и все-таки была спасена розыскными партиями сметливых сибиряков. В таких случаях хуже всего сбиться с дороги и попасть куда-либо в сторону, а тем более на края оврага или крутые берега рек. Тут история плохая: несчастные путники улетают в такие снежные трущобы с лошадьми и повозками, что их не спасут никакие оглобли, и только всесильная весна откроет погибших. Вот почему в Сибири дороги те лошади, которые следят дорогу и, чувствуя ее под ногами, ни за что не собьются с пути. Бывают даже такие, которые, бегая на выносе, следят не только ногами, но и нюхают, как собаки.

187... года в первых числах января из Барнаула отправился караван с серебром – «серебрянка», как называют сибиряки, – и день отъезда пришелся как раз

в страшный буран, а отменить отправку было нельзя, потому что повсюду по особому распоряжению были заготовлены лошади. Все повозки каравана дружно пустились в путь и проехали станцию без особых приключений, но сам караванный М. А. Басов, как отправляющийся с семьей, что-то призамешкался, а потому ему пришлось догонять повозки и ехать одному. И вот, не далее как в 6 верстах от Барнаула ямщик не угадал Крутой спуск так называемого Глядена, а попал в сторону обрыва страшно высокого берега р. Оби.

Место это носит такое название потому, что оно сажен на 40 или 50 выше уровня воды и составляет почти вертикальный обрыв, весьма удобный для того, чтобы с него глядеть и любоваться являющейся перед зрителем картиной или, лучше сказать, панорамой громадной реки с ее островами и далью противоположного берега. И действительно, на этот Гляден нарочно ездят весною многие горожане собственно для того, чтобы полюбоваться разливом Оби.

Вследствие такой невольной оплошности ямщика возок вдруг скатился с обрыва и буквально полетел на несколько сажен вниз, но, по счастию, попал на громадный снежный надув, образовавшийся от сгоняемого с горы снега и слепившегося в кучу на небольших выступах и кустиках яра и в полном смысле слова висевший над глубокой пропастью.

Сначала путники не поняли, что с ними случилось и куда они попали, и только почувствовали какое-то воздушное путешествие, моментальное замирание колокольчика, затем мягкий толчок снизу, остановку экипажа и какую-то зловещую тишину. Снег крутил сверху яра и не давал возможности рассмотреть всей

опасности положения, так что ямщик и караванный, только попробовав потоптаться на висячем надуве, поняли, где они и куда попали!..

Никакие самоличные усилия не помогли несчастным выбраться из такой ужасной снежной урны; в отчаянии они начали кричать и призывать на помощь. По счастию, какой-то добрый человек проезжал мимо и услыхал крики, но не вдруг попал к месту катастрофы; затем, увидав сверху пурхающихся внизу людей и сообразив, что он один тут ничего не поделает, тотчас поехал в город и сообщил о несчастии. Прошло часа два или три мучительной нравственной пытки для караванного, его жены, детей и ямщика; но вот наконец прискакали из Барнаула бойкие люди из пожарной команды и только с помощью веревок и разных приспособлений вытащили наверх всех людей, лошадей и вещи; а возок, сколько ни бились, достать не могли, и он уже потом, улетев вниз, разбился вдребезги. Наш же милейший Матвей Алексеевич по воле судьбы поплатился только испугом, небольшим помятием членов и своим карманом за спасение; а его супруга, помимо первого, немного признобила руки, все же дети и ямщик остались целы и невредимы.

В настоящее время перед краем обрыва поставлены прочные перила, которые напоминают о случившейся катастрофе и носят в народе название басовских.

Увлекшись рассказом такого ужасного случая, я забыл упомянуть о том, как спасаются иногда в большие бураны пешие путники. Вот что я слышал из уст одного старика, который в молодости попал в такую беду и спасся только тем, что, добравшись

до придорожной вехи, он опоясал ее кушаком, выкопал около нее в снегу яму, положил поперек найденную хворостину и накрыл ее имевшимся при нем зипуном. Затем, оставшись в плохонькой шубенке, забрался в этот снежный стакан, и усевшись в него, сложив под себя ноги и творя молитвы, все время старался надуваться и шевелить пальцами рук и ног. Сверху его скоро занесло снегом, и он не чувствовал холода, а, напротив, даже согрелся и немного дремал. На другой день по кушаку его нашли родственники и спасли от смерти.

Посомневавшись в рассказе старика, я спросил его:

– А чем же ты, дедушка, копал яму?

– Как чем? – несколько обидевшись, сказал он. – А хворостина-то на что? Ей и выкопал. А выгреб сперва ногами, а потом и руками. Ведь я, поди-ка, был в рукавицах; поскребешь, поскребешь да и выпихнешь… а я ведь не конь, мне не стойло надо!..

Знаю также и такие примеры, что многие крестьяне, уехав с утра за сеном, попадали на обратном пути под сильные бураны и спасали себя только тем, что сбрасывали с возов сено и, зарывшись в него, терпеливо дожидались прибытия разыскивающих их людей.

Сказав о счастливых случаях спасения, невольно приходится побеседовать и о тех несчастных, которые волей-неволей погибают в большом количестве в буранные зимы. Их обыкновенно называют в Сибири мерзляками, и сколько горя и слез приносят эти мерзляки совершенно неожиданно в семьях, оставляя нередко на произвол судьбы беспомощных стариков, жен и детей!..

А сколько таких невероятных случаев, когда погибали люди не где-нибудь на дороге, а, так сказать, у себя дома. Так, например, в самом городе Барнауле одна женщина пошла за несколько десятков сажен за водой на заводский пруд, но – увы! – домой она не возвратилась, и ее нашли уже весною за лазаретным забором между поленницами дров. По всей вероятности, эта несчастная, ослепленная бураном, сбилась с дороги, попала по крепкому надуву снега, сравнявшему с забором, на поленницы дров и провалилась между ними. Нашли ее совершенно невредимой и с ведрами у коромысла.

В 1889 году погиб в большой буран целый свадебный поезд, уже возвращавшийся из церкви, при переезде из села в свою деревню.

А один старичок-крестьянин ночью замерз на своей повети, куда завезла его лошадь, не имея возможности попасть в занесенные снегом ворота.

Все это доказывает, до какой степени бывают сильны и гибельны бураны на Алтае, в котором многие местности славятся их свирепостью. К таким пунктам принадлежит Салаирский рудник, Змеиногорск и многие другие села и деревни. Тут бураны почти совсем заносят не только улицы, но и дома, так что жителям приходится откапывать ворота и окна, а случается и так, что занесенные снегом домохозяева не имеют возможности выбраться на улицу, а потому кричат о помощи, и их откапывают посторонние. Такие оказии всего чаще встречаются с бедными вдовами и осиротевшими старцами. Но есть на том же Алтае и такие благодатные уголки, где буранов

не бывает совсем, как, например, в Зыряновском руднике – в южной части описываемого края.

Тут кстати будет сказать, что в буранных местностях во время сильных буранов и в особенности ночью нередко звонят в церковные или набатные колокола мерными редкими ударами, чтоб заблудившиеся путники, слыша эти звуки, могли хоть сколько-нибудь ориентироваться и попадать на спасительное направление к жилому месту. Бывает, что на видных и известных пунктах зажигают смоляные бочки, которые тоже, как спасительные маяки, направляют несчастных путников. Но все это полезно только на недалеком расстоянии; однако и эта мера спасла уже многих людей, которые блудили в бураны около самых своих селений, а вместо ворот заезжали оглоблями в окна.

Из всего этого легко усматривается, какой запас снега накапливается к весне и какая масса воды появляется при таянии. И вот почему такая грандиозная река, как Обь, быстро заполняет свою огромную долину такой массой воды, что река выходит из берегов и заливает все низменности на большие пространства.

И счастье Алтая еще в том, что в нем нет вечной мерзлоты, как в Забайкалье, так что вода почти наполовину уходит в рыхлую почву по предгорьям и более или менее плоским долинам. Затем она снова появляется уже перед началом лета и наполняет ту же долину Оби. Эта прибыль и вторичный разлив воды называется уже коренной водой. Разливы Оби иногда до того поднимаются, что подмывают высокие берега, или так называемые яры, в таких размерах, что они отделяются на десятки сажен с поверхности сразу. Есть примеры, что поселившиеся на таких местах деревни

в короткое время перекочевали уже на 2-е и 3-е место. Грустно всегда смотреть, когда подмывает лесную гору или яр и громадные деревья сотнями летят в воду или висят еще на крутизне, как бы не решаясь упасть с большой высоты, чтоб расстаться с родной почвой и, быть может, уплыть Бог весть куда.

Но раз видел я на высоком яру подмытое кладбище. Фу, какая тяжелая и грустная картина!.. Тут по отвесному обрезу видны были неподалеку от поверхности многие гробы, то покосившиеся, то развалившиеся, то стоящие друг на друге!.. Масса людских костей спускалась по крутой осыпи или висела еще вверху, готовясь каждую минуту упасть в воду. Особенно тяжелое впечатление производили черепа, которые, чернея глазными впадинами и как бы разинув рты, точно чего-то боялись и как бы с характерной и присущей им улыбкой и с ужасом кричали, смотрели вниз, чтоб их услыхали и увидали, а затем спасли от той среды, которая так безжалостно нарушила их вечный покой, где они так мирно почивали!.. Эта разоренная святыня людского тления так грустно напомнила мне тогда слова Гамлета, когда он увидал череп Йорика II. Да и чем, подумаешь, отличаются эти нависшие над водой черепа от черепов тех великих людей, которые оставили за собой бессмертную славу, смотрели на мир и понимали его не так, как почившиеся тут сибиряки!.. В чем же разница?… И есть ли она за гробом?…

Однажды, не так давно и зимою, пониже Барнаула упала с большой высоты громадная часть яра прямо на лед; проломила его до дна, запрудила Обь, которая зимою же пробила себе новый путь, оставив прежнее русло.

О разливах Оби я уже говорил ранее в статье «Брем» (см. журнал «Природа и охота», 1886 г. №3) и потому не повторяю, а скажу только, что полая вода заливает одни луга и покосы, но пахотные места не трогает. Нередко случается, что второй разлив так называемой коренной воды продолжается почти до половины июля; тогда он не только не приносит пользы, но портит покосы, оставляя на траве ил, называемый ржавцем, в такой массе, что на корнях травы оседает довольно толстая кора, под которой могут бегать даже собаки. Вследствие этого трава поднимается плохо и поздно, так что покосы иногда начинаются только в августе, когда уже поспевает хлебная страда. Счастье, если вовремя пройдет два-три хороших дождя, который обмоет ржавец, иначе ржавая трава худо косится и вредна для корма. Поздно поднявшаяся трава, хотя и зеленая по виду, не имеет питательности и ее нередко косят уже в сентябре, преимущественно для базара, но такое сено обегают и называют осенцом. Можно судить, какое громадное пространство покосов затопляется Обью, и жители волей-неволей косят елани или травянистые возвышенности в особенности для своего обихода и для весенней пахоты, потому что нагорное сено считается несравненно лучше обского.

Что касается почвы, то, сравнивая Алтай с Забайкальем, приходится сказать, что как тут, так и там почва настолько жирна и богата, что хлебопашцы не употребляют никакого удобрения. Но все-таки на Алтае никогда не бывает на новых землях тех баснословных урожаев, как это случается в Нерчинском крае, особенно на так называемых кислых залогах,

т. е. тех вновь поднятых землях, которые перележали год и по перепашке засеяны только на следующую весну. В Забайкалье не редкость, если десятина кислого залога даст хозяину более трехсот пудов зерна, особенно пшеницы и ячменя, т. е. уродится сам двадцать пятый.

В 1860 годах протоиерей Боголюбский посылал на Лондонскую всемирную выставку как зерно, так и целые снопы нерчинской пшеницы, за что и получил призовую медаль.

Что же касается воды, то на Алтае ее несравненно больше, и стоит только посмотреть на карту, чтоб видеть эту наглядную разницу. По всему Забайкалью проходят только пять более или менее значительных рек – это Селенга, Ингода, Онон, Аргунь и Шилка; тогда как на Алтае помимо громадной Оби и верхней части Иртыша протекают Томь, Чумыш, Алей, Уба, Ульба, Чарыш, Кондома, Бухтарма и др. Эти реки наполовину судоходны весною, а некоторые и летом, а их притоки больше и многоводнее мелких речушек Даурии. На Алтае повсюду колодцы, а в Забайкалье их нет вовсе; там вечная мерзлота, которая воды не даст, находясь иногда только на несколько четвертей под оттаивающей летом почвой, непроницаемой мерзлой постелью задерживает на себе все атмосферные хляби и служит той сырой подпочвой, которая дает влагу всему произрастающему на земле. В этом случае она едва ли не лучше глубоко проницаемой почвы Западной Сибири.

Изъездив почти весь Нерчинский округ как партионный офицер, я встретил природный талик только в самой южной части края на р. Бальдже, где

по пробивке мерзлоты на 16 четвертей в глубину почвы появилась вода и талая подпочва. Но на Урюмских золотых приисках – это почти на 500 верст далее к северо-востоку от Шилкинского завода – был пробит шурф более чем на 86 четвертей в мерзлую почву и таликов не встречено. Между тем изменяющийся золотоносный пласт, так называемый супесок (песчанистая глина), все-таки продолжался с признаками россыпного мелкого золота.

Известно, что неподалеку от Якутска некто Шергин хотел пробить мерзлоту, дойти до таликов и, получив воду, сделать колодезь, но при всем его желании, энергии и большой затрате денег ему это не удалось, потому что он пробил шахту на 384 фута от поверхности и все-таки вечной мерзлоты не прошел. Конечно, его работа впоследствии имела уже специальную цель и получила научный характер, почему она попала в мемуары известного Миддендорфа[6] и этот колодезь назвался уже Шергинской шахтой. Крепко же промерзла якутская почва, что на глубине 55 сажен не только не встречено воды, но и не пробита вечная мерзлота!.. Сколько же времени трудился мороз над сибирской почвой?... Почему и как попали в нее сохранившиеся до нашего времени мамонты, решать не нам!..

Тут позволю себе упомянуть еще о том интересном факте, который пришлось мне видеть на том же Урюмском золотом промысле, а именно: при работах в разрезе под №4 на четвертом аршине золотоносных песков, считая глубину от верха почвы, был

---

[6] Александр Федорович Миддендорф – русский путешественник, академик, создатель мерзлотоведения.

найден рабочими вполне сохранившийся ствол довольно толстой березы, тогда как по всей окрестности этого участка рос в изобилии только лиственничный лес и нигде не было ни одной даже и плюгавой березки. Как, когда и откуда найденная береза могла попасть в золотоносный мерзлый пласт и очутиться вместе с россыпным золотом?... Тут считаю, кстати, крайне интересным заметить, что в 1772 году Паллас приобрел с берегов Вилюя (приток Лены) под 64° с. ш. труп носорога, походивший на мумию, из мерзлого песка. Он издавал запах гнилого мяса, и часть кожи была покрыта черными и бурыми полосами и шерстью. Проф. Брандт в 1846 году нашел в полостях коренного зуба этого носорога еще сохранившиеся остатки вполовину пережеванной пищи, состоящей их сосновых игл, мелких частей дерева и половину какого-то гречишного зерна.

А в 1803 г. Адамс открыл целый труп мамонта, выпавший из льда на берег Лены под 70° с. ш. Его мягкие части еще так были свежи, что это мясо съели волки. Мамонт был покрыт длинной щетиной, затем волосом и шерстью красно-бурого цвета. Скелет его находится в С.-Петербургском музее. Длина его 16, а высота 9 футов. Эта величина более величины самых крупных слонов нашего века!.. Сколько же веков сохранялись эти трупы в сибирской мерзлой почве!.. («Геология» Ляйэля, т. I)

III

Лес. Красоты природы. Колыванская гранильная фабрика. Ее произведения. Минеральные источники. Зыряновский рудник. Долина Иртыша. Закрытие заводов. Катон-Карагай. Змеиногорский рудник. Колыванское озеро. Целебные воды. Монастырь, миссионерство. Памятник Демидову. Гора Синюха. Вид с Синюхи. Риддерские белки. Громатуха. Достоевский. Лесная поросль. Ягоды. Кедровые орехи. Пчеловодство. Черемша. Трава загат.

В первой главе этого очерка я коротенько сказал о существовании остатков боров и черневого леса в окрестностях Салаирского края Сузунского завода и г. Барнаула; но для полноты описания общего богатства Алтая лесами считаю нужным познакомить читателя и с тем, что еще есть в этом крае из растительного царства.

К северо-востоку от Барнаула существуют еще поредевшие боры – Белоярский, Вагановский и Бочатский, а к югу и к юго-западу от Павловского завода – Касмалинский и остатки Кулундинского. Далее к Змеевскому и Локтевскому заводам из боров почти ничего уже не осталось; тут они когда-то были и сплыли, как говорится. Но зато в тех местах, где заводов пока никогда не бывало, а всесокрушающие эксплуататоры попасть туда не могут или им невыгодно, как, например, в вершины рек Томи, Чумыша, Бии, Катуни и других, по многим горным речкам и ручьям гор всего Юго-Восточного и Южного Алтая, там лесов непроходимая масса. Тут в некоторых местах

царствует пока настоящая тайга, в которой таятся в достаточном количестве почти все те же звери, которые встречаются и в Восточной Сибири и о которых я сказал выше, здесь нет только кабанов.

Вся эта часть широкого Алтая еще как бы не тронута, пользуется заповедной тишиной безлюдья, за исключением небольшого количества вымирающих калмыков[7], и, поднявшись во многих пунктах к облакам, словно гордится своею нетронутой дикостью, и, тая в своих вертепах тайги столь разнообразное царство животных, еще мохнатой грудью отстаивает свои права и доныне неизведанные богатства.

Тут белорусая сестрица северного плоскогорья Алтая словно перерождается в забайкальскую красавицу брюнетку, и как бы поджидает своего суженого, дескать, пожалуйте, не робейте, а я давно уже созрела и полна той кипучей жизнью, очаровательной красотой, которых ты не встретишь в других местах всей Западной Сибири!..

И действительно, трудно найти что-либо подобное в холодной полосе нашего Северного полушария. Это говорят и многие ученые, посетившие эти места в разное время. Не говоря уже о красотах девственного Алтая, в котором были все-таки немногие, как хороши окрестности уже заселенных мест за Кузнецком, Бийском и в особенности за Колыванской гранильной фабрикой! Как хороши места около Риддерского рудника, по реке Ульбе и у пограничного пункта Катон-Карагая, поселившегося у самого подножия Алтая.

Останавливаясь на этих местностях, невольно хочется упомянуть о тех излюбленных пунктах, которые

[7] Так раньше называли алтайцев.

в этом случае составляют всю поэзию Алтая. Так, например, что за роскошь гора Синюха, достигающая высоты 5000 футов над уровнем моря и находящаяся в 6 верстах от Колыванской фабрики. Далее же к юго-востоку снеговые белки, или гольцы, грандиозного Коргона, отстоящего на 150 верст от той же фабрики и возвышенности Тигирека (1 780 футов над уровнем моря), а в Риддерском участке – Ивановского и Проходного белков, высотою 5 000 и 6 000 футов над уровнем моря.

Тут считаю долгом заметить, что нынешняя Колыванская гранильная фабрика существует на месте бывшего первого сереброплавильного завода на Алтае, основанного, как я говорил выше, Демидовым в 1727 г. и уничтоженного в 1766-м. Она построена в 1799 году на реке Белой, лежит на высоте 1 209 футов и отличается красотой местности[8].

Из ее произведений замечательны: громадная чаша, которая имеет длины 16 и 9 футов ширины; а также ваза длиною более 9 футов и в 4 фута диаметром. Эта последняя сделана в 1819 году из целой глыбы зеленой яшмы, которая весила более 700 пудов и была привезена за 35 верст из месторождения усилием 400 рабочих в 8 дней.

Из Коргонского хребта доставляются на фабрику превосходные фильзитовые порфиры, порфировые брекчии, розовый кварц и др. цветные породы. Мрамор, гранит, кварцы, зеленые яшмы и другие привозятся из разных окрестностей и реки Чарыш.

В юго-восточной части Алтая есть целебные ключи и кумысолечебные заведения, на которые ездят

---

[8] Как отмечает В. Ф. Гришаев, завод был закрыт из-за оскуднения лесов в 1766 году, позднее вновь функционировал с 1789 по 1799 годы. Фабрика вступила в строй в 1802 году.

многие больные. Из них более известны так называемая Белокуриха и Рахмановские ключи.

Первая находится к югу от Бийска в 63 верстах. Самая деревня лежит на реке Белокурихе, впадающей в Песчаную, приток Оби. Теплые воды находятся в самой деревне Новой Белокурихе за огородами крестьян Пестрякова. Воды приятного вкуса и имеют температуры 26°R. По содержанию солей они убоги, и их причисляют к водам индифферентным. Открыты они в 1866 году усердием известного на Алтае исследователя своего края и родины, покойного Степана Ивановича Гуляева, горного чиновника и члена 11 ученых обществ.

Рахмановские ключи находятся в Бийском округе на южном склоне Катунских белков и вытекают из отрогов горы Белухи, имеющей до 12 500 футов высоты. Они расположены около устья реки Берели, впадающей в Бухтарму, к северу от Катон-Карагая и в 300 верстах к востоку от Зыряновского рудника. По-калмыцки они называются Арасан, что значит теплые ключи, температура которых от 25 до 30,5° по R. По содержанию они щелочно-соленые и совершенно подходят к карлсбадским водам. Они достойно славятся своим целебным свойством, и вся беда в том, что ключи лежат на значительной высоте, окружены высокими горами и гольцами, а потому климат их суров. Почти на той же высоте, более 600 футов над уровнем моря, в этой же долине находится довольно большое озеро (версты 3 дл.), дополняющее картину величественной и вместе с тем дикой природы. Несмотря на достоинство целебных ключей, их посещают немногие по отдаленности местоположения и крайне трудному пути,

так что из ближайшей деревни, отстоящей в 25 верстах, к ключам можно попасть только верхом или пешком, а труднобольные путешествуют на носилках, что, конечно, неудобно и дорого. Тут хотя и есть небольшой дом, но больные помещаются преимущественно в юртах. Тут полная девственная дичь Алтайской тайги, так называемых Коргонских Альпов, и замечательно красивая местность. Это почти крайний пункт наших владений и граница заселения. Ближайшее к ключам культивированное место – Зыряновский рудник, лежащий на высоте 1475–1485 футов. Здесь же, в окрестностях этого рудника, и последние леса Южного Алтая, расположенные по рекам Бухтарме и Хайр-Кумину.

Да, будь эти ключи в более цивилизованной и заселенной местности, они стяжали бы себе достойную славу, и многие больные, в особенности ревматики и сифилитики, ожили бы от их целебного качества. Вот чем и жалка Сибирь, обладающая столь разнородными богатствами, вот где как нельзя более уместно изречение: «И видит око, да зуб не берет».

Говоря об этой местности, надо заметить, что Зыряновский рудник, открытый в 1791 году на месте Чудских копей, есть в настоящее время лучший в целом крае. Он имеет уже 15 этажей проработки и более 70 сажен глубины. Он стоит от Барнаула на 600 верст к югу и на 120–150 верст от Усть-Каменогорска водяным путем. Тут же находится Нижняя пристань, куда сплавляются руды из Зыряновского рудника по Иртышу, который до впадения Бухтармы имеет тихое течение и называется Тихим Иртышом, а далее является сильная быстрина, и река идет в горной местности.

Тут она пробила себе путь между высокими скалами, изредка прерываемыми небольшими долинами и ущельями с великолепной растительностью.

Местами Иртыш идет совершенно в скалах – как говорят, в щеках, – и тут они достигают наибольшей высоты и называются Петушьим гребнем, а также Семи Братьев. Это самое опасное место, и здесь нередко разбиваются вдребезги суда, нагруженные рудой. Это потому, что тут река делает изгибы, и течение с неимоверной силой бьет с одного берега на другой, как бы стараясь спихнуть или смыть вековые утесы.

Селение Зыряновского рудника расположено в безлесной безотрадной местности, на незначительных притоках Бухтармы и находится на 60 верстах от Верхней пристани на Иртыше, куда вся добываемая руда свозится сухим путем. Сплавка же ее по Иртышу организована бывшим начальником Фроловым в 1804 году. Отсюда до Устья Бухтармы река идет лугами.

Я говорю о Зыряновском руднике несколько подробнее потому, что в настоящее время в нем усилиями инженера Н. И. Кокшарова сосредоточивается почти вся серебропроизводительность Алтая по особому способу получения металла, и вот почему уже более ста лет работавшие сереброплавильные заводы – Павловский, Локтевский и Барнаульский – кончают свое существование. Согласно объявлению, последовавшему от Алтайского управления в январе 1893 года, их отдают в аренду на что угодно: «под мукомольные, винокуренные, сахарные, стеариновые, кожевенные» производства. Значит, дошел черед до 150-летних заводских устройств, возведенных

усилиями стольких горных деятелей прошлого и нынешнего столетий!.. По самой поверхностной оценке только одних зданий и сооружений на заводах и рудниках состояло к 1889 году на 1 031 444 рублей, помимо плотин; а разного имущества без заводских припасов — на сумму 748 000 рублей.

Если положить среднюю цифру отпускаемых Кабинетом за последние годы сумм в 1 500 000 рублей, которые все оставались в крае, то спрашивается: что причиталось из них на те районы, где ныне остановится производство? Из этого ясно, какой страшный недочет ляжет на тех рудовозов, углежогов, углевозов, рабочих людей, которые постоянно трудились около этих заводов. А что будут делать старики – специалисты заводских работ, как, например, плавильщики, абтрейберы[9], машинисты и прочие, которые всю свою жизнь находились при заводах?...

Алтайская станица, или так называемый Катон-Карагай, основана очень недавно – в 1871 году – семипалатинским губернатором Владимиром Александровичем Полторацким и находится в долине Бухтармы под самой пятой грандиозного Алтая на высоте 3 465 футов, в 130 верстах от Зыряновска. Место это замечательно по разнообразию и богатству роскошной растительности. Так, по дороге к Зыряновску попадаются спиреи, темные и белые розы, дикие персики с белыми плодами и масса всевозможных полевых цветов, начиная с дикого тмина и кончая ирисом, лилиями, мальвами и др.

[9] Большинство терминов горного дела происходят из немецкого языка. Абтрейбер – рабочий, отделяющий серебро от свинца у разделительного горна.

Тут же неподалеку поднялись к небу высоты Алтая, из которых в северной его части замечательна гора Сарымсакты (более 10 тысяч футов) и в восточной – Щебенуха (7 550 футов). В этом грандиозном узле гор поразительно хороши так называемые Холзунские Альпы; их темные леса, окаймляющие роскошные долины и снеговые пики при утреннем или вечернем освещении солнца, когда являются взору яркие контрасты света и тени, производят поражающее впечатление.

В эту прекрасную местность приезжают многие больные лечиться молоком, сывороткой и кумысом. Да, и вот будь этот благословенный уголок где-нибудь поближе! Недаром и знаменитый Гумбольдт называет этот замечательный край «прекрасным швейцарским ландшафтом».

Далее по течению Иртыша к Усть-Каменогорску картина меняется, и тут уже исчезает даже вид на величественный Алтай. Являются безлесные долины и более или менее голые холмы, идущие к Змеиногорскому руднику, в своем роде замечательному по рудному месторождению. Рудник этот находится в 172 верстах к северу от Усть-Каменогорска, бывшего пограничной крепостью с киргизами в 1720 году. Змеиногорский рудник открыт в 1736 году, и тут же в 1804-1805 годах построен Змеевский сереброплавильный завод. Рудник этот считался по содержанию серебра в рудах самым богатым в крае, и, по указанию Палласа за 1771 год, управление его не довольствовалось 20-золотниковым содержанием серебра в пуде руды и все хотело больше, потому что прежде хорошая руда давала до 76 золотников!..

Змеиногорский рудник начал свою производительность с 1742 года, имеет до 650 футов глубины и – увы! – теперь давно уже затоплен и совершенно бездействует; а было время, когда он за 18 лет (с 1745 по 1763) дал более 9 000 пудов серебра и 318 пудов золота. Потом он оскудел и в 1826 году дал уже 204 пуда, а затем – только 80 пудов серебра.

Тут горы безлесны и самая большая возвышенность Караульная сопка имеет 2 006 футов высоты, а самое селение лежит на высоте 1 330 футов и имеет до 6 000 жителей.

Недалеко от Змеиногорска находится знаменитое Колыванское озеро, расположенное в горах и славящееся красотой местоположения. Вид с так называемого Глядена, с высоты 1 900 футов, великолепен. Озеро это имеет несколько верст в окружности; вода его чиста и прозрачна, и в нем на дне растет какая-то особая трава (которую Финч называет Trapa natans), которая в августе месяце дает плоды под названием рогулек. Они употребляются в пищу, как орехи.

В этой местности южнее Змеиногорска, между деревнями Шемонаихой и Екатерининской, лежит возвышенность, с которой открывается далекий вид на равнины. Высота ее до 1 770 футов, и она служит водоразделом притоков между Иртышом и Обью.

Выше упомянув о целебных ключах, нельзя умолчать и о речке Солоновке, которая находится в Нижне-Кулундинской волости, в 10 верстах от деревни Бархатовой. Вся долина речки до 400 сажен. В ней температура воды в нижних слоях доходит до 35°R. Вся беда, что она лежит в степи, где нет ничего – ни жилого места, ни дров, ни пресной воды. Больные

помещаются в юртах и купаются прямо в речке или лежат в соленой черной грязи.

Как кумысолечебные места славится деревня Черный Ануй в 176 верстах от Бийска – полезна от легочных болезней и малокровия.

Деревня Черга лежит тоже за Бийском в 50 верстах от села Алтайского и славится превосходным климатом и красотой местности и, наконец, Улала – в 70 верстах от Бийска, в которой находится монастырь и миссионерство.

К этим же благословенным местам причисляют и Колыванскую гранильную фабрику, как славящуюся превосходным летним климатом и красотой местности. Тут, конечно, можно найти все, начиная с хорошего удобного помещения и кончая приятной прогулкой к Белому озеру, на котором есть купальни и лодки для желающих прокатиться. Так как к югу и юго-востоку в нескольких верстах от Колывани начинаются степи, то тут много и кумыса.

Тут же, в 2 верстах от речки Локтевки, стоит небольшая четырехугольная пирамида – это памятник А. Н. Демидову!..

Границей гористого Алтая к северу от Змеиногорска будет служить почтовая станция Саввушка, все-таки еще находящаяся на высоте 1 197 футов над уровнем моря.

Кажется, не было еще такого гостя в Колыванской фабрике, который бы не соблазнился и не побывал на горе Синюхе. Вся она от самого предгорья покрыта глухим, таежным, хвойным лесом, по которому и идут на вершину горы пробитые тропки, так что приходится взбираться по какой-то сырой полутьме сплошного

черноземного пихтовника. Но вот, взобравшись наконец по бесконечному подъему на самую вершину горы, где уже нет большой растительности, вы невольно останавливаетесь, поражаясь открывшимся во все стороны дивным ландшафтом, – все дальше и дальше, как бы развертывающейся панорамой.

Тут очаровательный кругозор так велик, что сразу всего невозможно охватить взглядом, а нужно потихоньку повертываться и глядеть с одной части на другую! Да, но как оставить одну и смотреть на другую, когда не хочется оторваться от первой, попавшейся на глаза. Вас точно тянет каким-то особым магнитом к этому созерцанию, и вы чувствуете в себе такую силу и такое желание, которые говорят вам: «Как хорош Божий мир!.. И зачем я смертен, когда мне хочется жить и жить без конца!..»

И действительно, вид с Синюхи поразительный!.. Если с Эйфелевой башни в 150 сажен высотой виден горизонт на 70 верст, то вообразите, как далек тушующийся край горизонта с Синюхи, которая почти в 5 раз выше этого чуда строительного искусства?! Здесь вы смотрите с высоты одной версты и двухсот сажен! Но чтоб действительно видеть все, необходимо взобраться на каменную возвышенность, которая в виде особой горки как бы нарочно вышла на самой вершине Синюхи, несколько и тут поросшей лесом. Вот с этой-то, хотя и небольшой, возвышенности, находящейся выше леса, открывается такое уже необозримое море всевозможных видов и ландшафтов, что вы действительно теряетесь – куда и на что смотреть. Теряетесь потому, что вы в очаровании долго не можете ориентироваться и сообразить, где вы и что перед

вами? Но вот вы, наконец, осмотрелись и начинаете приглядываться сначала с ближайших к горе пунктов. Прежде всего вы видите селение гранильной фабрики – видите и удивляетесь, какое оно маленькое! А все постройки вам кажутся словно карточными домиками, и даже самая церковь показывается точно небольшим флаконом с какой-то блестящей точкой на его вершине! Но вот вы, присматриваясь, различаете улицы, а на них замечаете точно двигающихся мух и букашек; но это, конечно, ни то ни другое – а это люди и домашние животные, которые поражают ваше напряженное зрение такой ничтожной мизерностью! Вы и гордитесь, что находитесь на такой высоте, и невольно уничижаетесь, соображая такое микроскопическое бытие человека на такой мизерной планете в мире миров необъятной Вселенной!.. Тут такие думы действительно невольны и являются сами собой при том состоянии, в каком вы находитесь.

Но вот вы видите и Белое озеро с его лесистым островом, которое вам кажется точно зеркалом, на котором как бы нечаянно брошен черный скальп или шиньон… При этой последней мысли вы уже смеетесь и, переводя взор в сторону, опять невольно поражаетесь грандиозной картиной видимых высот Коргонских Альпов с их вечными пиками и белеющими от снега вершинами!.. Этот вид так поразительно хорош, что вы не можете от него оторваться и, чем больше смотрите, тем больше думаете и снова поражаетесь его диким величием. Тут у вас является страстное желание на каком-нибудь ковре-самолете подняться еще выше Синюхи и медленно облететь этот волшебный мир, чтоб посмотреть его поближе

и побывать повсюду, куда вас точно тянет какой-то особой неопределенной силой! Да! Вам именно хочется быть на этот раз хоть тем лермонтовским Демоном, который, облетая Кавказ, узрел танцующую Тамару!.. Словом, всевозможные причудливые мысли целыми роями лезут в вашу голову и, словно теснясь, выживают одна другую и заменяются новыми. И действительно, им нет конца, и вы невольно сосредоточиваетесь на одном зрении, уже думая, как, должно быть, хороши эти Сибирские Альпы при закате солнца!

Но вот время летит незаметно, и вы, желая обозреть все, напрягаете зрение уже дальше, видите к северу отдельные группы гор и выдающиеся булки около Саввушки, часть Колыванского озера, еще какие-то разбросанные селения и, наконец, нескончаемую даль, которая так велика, что в переливах сменяющихся цветов какой-то неуловимой сини и фиолетовой окраски пасует самое сильное зрение, так что вы невольно беретесь за бинокль, но и он – увы! – на сливающемся в глубокой дали горизонте оказывается таким же бессильным орудием!..

Возвращаясь с Синюхи, из этого волшебного мира, вы и восхищены, и вместе с тем точно разбиты душой, когда, незаметно проехав нагорную тайгу, очутитесь внизу – в том же мире действительности, откуда вы поехали, где вы вертитесь своим бытием и где останетесь той же ничтожной мушкой, какую вы видели с вершины Синюхи!.. Да, останетесь ею, и все-таки никогда не забудете того, где вы были, где провели несколько часов, что в это время пережили и перечувствовали, и все, все, что вы видели! Да, и я уверен,

что впечатление это, конечно, навсегда останется с вами до конца вашей жизни. Говорят, что в ясные осенние дни с Синюхи видят блестящую точку золоченого креста Барнаульского собора – это почти через 300-верстное расстояние!

Однажды на одном из Риддерских белков – Ивановском, Проходном или Голодном – был с компанией горный инженер, покойный Остермейер, и ему удалось наблюдать величественную картину грозы, которая разразилась гораздо ниже их пребывания на белке. Он говорил, что, находясь на этот раз выше облаков и за тучами не видя земли, он в каком-то особом восхищении смотрел на чертившую во все концы молнию и поражался страшными ударами грома, которые казались ему гораздо более оглушительными, чем на земле.

В 1850-х и 60-х годах в Риддерский рудник приезжал епископ Афанасий, который, восхищаясь красивыми окрестностями, пожелал побывать на Ивановском белке, но не как турист, а как простой паломник. Он заказал довольно большой крест и на своих плечах унес его на вершину белка, где и водрузил собственноручно.

Проходной белок выше Ивановского, и на нем и летом лежит снег. Чрез него идет более или менее пробитая промышленниками дорожка, по которой можно прямо проехать в Зыряновский рудник, и переезд этот считают только от 60 до 70 верст, тогда как кругом по тракту не сложишь и втрое. В этом районе, тоже замечательном красотой местности на Алтае, пробегает в крайне живописной долине речка Громатуха, которая своим шумом и быстротой едва

ли уступит воспетому Тереку; а при ненастной дождливой погоде она превращается в такой ревущий поток, что попасть чрез него нечего и думать. Ну вот как тут не вспомнить строф великого поэта, который, восхищаясь природой Кавказа, сказал:

И глубоко внизу, чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, и горный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали.

Да, действительно, есть что посмотреть и что послушать, особенно небывалому человеку, но с чуткой душой и любящему природу. Тут именно можно только созерцать и слушать, потому что долго не хочется отрываться от дивной картины, а говорить бесполезно, так как за ужасным шумом и ревом вы не слышите даже своих слов, а не только кого-либо другого. Но вы, конечно, от восхищения непременно попробуете это сделать, чтоб поделиться своими впечатлениями – и кончится тем, что вы, смотря на своего товарища и видя, как он, что-то говоря, разевает рот, но ничего не слыша, поневоле рассмеетесь и, только отойдя несколько сажен от бушующей реки, поделитесь тем, чем хотели.

Громатуха, конечно, недаром получила свое название. Но – увы! – ее будут знать только те, которые ее видели, любовались ее страшным течением

и ее красивыми скалистыми берегами, потому что она в Сибири, а не на Кавказе, так поэтически воспетом и Пушкиным, и Лермонтовым. А побывал ли хоть один поэт в таких прелестных уголках до сих пор все еще как будто страшной для всех Сибири?.. Нет, тут прошел по ужасным этапам только один Достоевский, который и сказался в своем, хотя и «Мертвом», но бессмертном «доме». И – увы! – это не сладкие гармонические звуки, так сильно действующие своей поэзией на душу; нет, это великая скорбь великой души, которая так сильно, так удручающе действует и на простого смертного; это луч из того ореола, который, пробившись из душной и темной тюрьмы, осветил и согрел многих далеко за ее бесконечным путем. И вот при одном слове Сибирь у многих является уж не поэзия Кавказа, а какая-то нервная лихорадка и антипатия даже к самому названию этой великой и богатой страны.

Однако ж оставим всю эту поэзию в стороне. Упомянув ранее о лесе, тут я скажу, что на Алтае почти все те же породы, что и в Забайкалье, исключая только некоторых, как, например, черноберезник и ильмовник. И странно, что во всей Сибири нет дуба и клена; зато как хороши сибирские кедры! А ими бывают покрыты большие участки плоскогорий и громадные покатости гор и хребтов. Вообще же, вся лесная поросль состоит из сосны, пихты, ели, лиственницы, березы, осины, ольхи, рябины, черемухи, тополя, ветлы, калины и разной мелкой поросли. То же самое можно сказать и о дикорастущих плодах. Здесь в великом множестве земляника, клубника и малина, а затем уже и все остальные ягоды – где больше, где меньше,

а где и совсем нет. Так, например, в одном месте много брусники, так нет земляники, и наоборот, но в общем есть все. Одни ягоды составляют лакомство и идут в варенье, другие же только для салата. Что касается наливок, запеканок, то этим Сибирь отличается, в особенности Восточная.

В Алтае есть еще особая ягода желтовато-красноватого цвета, так называемая облепиха, которая хороша только в киселе, желе и мороженом. Вкусом и, главное, запахом она очень напоминает ананас. Видом же походит на зерна кукурузы и растет на довольно большом кустарнике с большими колючими иглами преимущественно около берегов Оби и других алтайских речек. Облепиха чрезвычайно плодовита, и к осени кусты ее почти сплошь покрываются ягодой, так что в массе представляют очень эффектный вид; а издали кажутся как бы покрытыми золотым матом, сильно выдаваясь из другой растительности. Облепиху в поле собирают редко, а обыкновенно наломают или насекут ягодных прутьев, сложат на телегу и обирают уже дома. Сплошь насаженные ягоды держатся чрезвычайно крепко, и ощипывать их между колючками не доставляет большого удовольствия, а тем более потому, что сырую облепиху не едят. Из облепихи настаивают и наливку, но она только для любителей и далеко уступает всеми излюбленной княженике[10]. С этой последней не сравнится и никакая вишневка, но ягода эта растет не везде и продается дороже всех.

[10] Княженика (*Rúbus árcticus)* – северная ягода красного цвета, по вкусу напоминающая ананас.

В Южном Алтае, в Бийском и отчасти в Кузнецком округах, растет множество кедровых орехов, добывание которых, как черемухи и рябины, производится иногда самым варварским способом. Тут нередко рубятся деревья только для того, чтоб получить несколько кедровых шишек. Но в других местах кедровники берегутся и составляют заповедные рощи. В таежных кедровниках, как и в малинниках, бывают курьезные встречи с медведями, которые очень часто посещают эти участки. И сколько интересных рассказов ходит в народе про эти встречи, в особенности, когда Михайла Потапыч займется усердным катанием кедровых шишек в лапах или на каком-нибудь камне и не замечает присутствия человека, а тем более пугливых женщин, которые ходят нередко в артелях.

На Алтае в большом количестве растут арбузы и дыни разных сортов. Крестьяне засаживают ими целые поля и нередко продают баснословно дешево. Дыни бывают очень вкусны, но арбузы не всегда, и потому их во множестве покупают для соленья, на салат.

Фруктовых садов тут нет вовсе, и как ни пробовали садить и разводить яблони – ничего не вышло. Здесь есть своего особого рода деревья, которые зовутся яблонями, но они приносят только небольшие своеобразные яблочки кислого вкуса; их обыкновенно связывают пучками и маринуют для салата. Весенний же цвет этих яблонь, состоящий из беленьких цветочков, в общей массе очень красив и весьма приятного нежного запаха.

Тут, мне кажется, кстати будет сказать и о пчеловодстве, которое на Алтае получило свое начало

в 1777 году, но в это время опыт не удался, и все пчелы погибли. Затем в 1786 году командир Иркутского драгунского полка Аршеневский достал из Оренбурга 7 ульев опытных пчеловодов из башкир и попробовал развести пчеловодство около Усть-Каменогорска. Этот второй опыт удался как нельзя лучше, и пчелы понемногу развелись сначала в Южном Алтае, а затем перешли и повсюду. В настоящее время пчеловодство на Алтае существует в громадном размере и развилось преимущественно в Кузнецком и Бийском округах. Тут пчеловоды имеют громадные пасеки и держат в них колодки не только сотнями, но тысячами, а некоторые даже стали засевать поблизости от пасек гречиху и разные цветочные травы; но в Кузнецком округе, где хорошо растет липа, садят липу.

Не понимаю, к чему отнести подобное явление, которое мне довелось видеть не один раз, как говорится, своими глазами. Дело в том, что, несмотря на то что около пасек было много полезных цветов и кустарников, пчелы в массе садились на близлежащую падаль, пропащую лошадь, уже совсем почти разложившуюся, с сильным трупным запахом. Они, видимо, собирали на ней пригодные им вещества, потому что, набравшись, улетали с большим запасом на пасеку. Есть ли это прихоть насекомого или потребность – не знаю. Пасечники же такого явления не объясняют, но знают его хорошо и в этом пчелам не препятствуют.

В Южном Алтае пасеки, близко лежащие к лесу, любят посещать медведи, и тут их проказы бывают до того дерзки и назойливы, что пасечники поневоле прибегают к разным хитростям и ловушкам, даже нарочно стреляют по ночам холостыми зарядами и бьют

в тазы и трещотки. Но косолапый гастроном не обращает внимания на такие острастки и, забираясь в пасеки, озорничает до того, что трудно поверить. Над поставленными же чучелами он просто потешается и частенько уносит их в кусты или в крапиву, словно для того, чтоб такое курьезное изображение человека и глаза ему не мозолило. В общем же выходит так, что косолапый платится за такое озорничество своей шкурой, потому что наши мужички не трусливы и при первой возможности бьют их из различных самопалов сами или приглашают для такого случая знакомых зверовщиков.

Чтоб показать, в какой степени в настоящее время развито пчеловодство на Алтае, стоит только взглянуть на статистические сведения; а они говорят, что в 1887 году тут существовало 398 184 улья. Конечно, эта цифра только приблизительная и всегда меньше того, что находится в натуре, потому что много таких домов и заимок, где хозяева держат для своего обихода два, три, а может быть, и десяток ульев, которые по своей мизерной цифре не попадают в отчеты. Бывают года, что пчелы вымирают почти наполовину, и тогда, конечно, тотчас поднимается цена на мед и воск.

Вот в этом случае Забайкалье отстало от Алтая; там пчеловодства нет вовсе и любители меда пользуются привозным или лакомятся диким, находя осьи или шмелиные пузыри и отбирая мед. В мое время (в 1860-х годах) бывший батальный командир Ив. Сем. Рик[11] доставал откуда-то пчел и всеми силами старался их развести, чтоб организовать пчеловодство

[11] Вероятно, автор говорит о Николае Семеновиче Рике – герое русско-турецкой войны, выходце из Иркутска.

в этом отдаленном крае, и, как мне помнится, дело пошло у него хорошо с помощью одного ссыльного пчеловода. Но вскоре Рик умер, и в настоящее время я не знаю, был ли кто его последователем… И неужели – нет?.. Нельзя не сожалеть, если этот опыт не привился и погиб на первой же ступени. Такого рода промышленность на Алтае в массе населения дает громадные деньги.

Затем считаю крайне уместным и полезным сказать о том, что в описываемом крае в некоторых его местностях растет особого рода злак, видом очень похожий на дикий лук и чеснок, – это так называемая на Алтае (Allium. ursinum) колба, которая далее к востоку носит название черемши. Она находится преимущественно на низких потных местах и не повсюду, а лишь в известных пунктах не только целого края, но и определенных участков. Так, например, ее много в Салаирском крае и вовсе нет около Барнаула, нет и в Сузуне.

Корень колбы составляет небольшая луковица, из которой выходит перо, красноватое у основания, к средине розоватое и затем чисто луково-зеленое к концу. Это наружный вид молодой весенней колбы, самой вкусной и полезной своими целебными свойствами. Потом она вырастает и пускает из своего стебля довольно узкие, длинные и островатые листики, и в таком виде она уже почти теряет свой первоначальный вкус и целебное свойство и считается старой.

Колбу весною целыми возами привозят из Салаирского края в Барнаул на базар, и ее, по обыкновению, тотчас расхватывают простой народ и любители

из интеллигенции. Вкус ее походит на дикий чеснок, и многие едят ее просто с хлебом или крошат, как лук, в похлебки. Колба имеет свой особый специфический запах, и потому говорить с тем, кто ее изрядно покушал, не совсем приятно, и такого гастронома слышно за несколько шагов. Если же вы сами удостоились этой трапезы, то ничего – не противно; но зато сидите уж дома и не ходите в гости, особенно туда, где есть барыни, – а то беда! – и плохо вам от них будет. Многие, покупая колбу с весны, сушат или засаливают ее в особые посудины и держат на погребе. Но главная суть заключается в том, что колба крайне полезна как кровоочистительное лекарство и составляет специфическое средство от самой страшной цинги. Народ хорошо знает это могучее ее качество, и там, где есть колба, нет цинговых больных. Все, страждущие этой ужасной болезнью, только и ждут весенней колбы; а действие ее замечательно, едят раза три, четыре – и цинги как не бывало. Зимой же едят ее со щами соленую и сушеную, но уже вместе сваренную.

Когда я был в страшной Урюмской тайге Нерчинского края в поисковой партии, у меня заболели ужасной цингой многие рабочие. Я тогда не имел и понятия о существовании какой-то колбы, или черемши, которой нет в Забайкалье. По просьбе же рабочих я достал несколько кулей сушеной черемши из лазарета Карийских промыслов и немедленно доставил их в тайгу. Рабочие стали варить с черемшой щи, и те, у которых вываливались сами собою зубы, опухли ноги и покрылись уже язвами, поправились менее чем в две недели. С радости они забыли пред-

шествовавшие слезы и работали уже с песнями. Вот тут я убедился воочию и узнал, что такое колба, или черемша.

Непонятно, право, почему на нее не обратят внимания сибирские эскулапы и не привьют такого лечения в России, где цингой хворают немало, а в особенности во флоте. Неужели недостаточно таких наглядных примеров, которые они должны видеть ежедневно весною. А смотришь, поступит больной в лазарет, и его начинают пичкать из аллопатической кухни. И горе тому цинготному, который хоть крадучись не покушает несколько раз колбицы. Чем объяснить такое невнимание к местному средству и какое-то упорное нежелание познакомить с ним и своих собратов в России? А ведь этой колбы, или черемши, можно доставить хоть сотни пудов в сушеном виде куда угодно.

Почему же сушеную черемшу, по крайней мере прежде, доставляли в Нерчинский край, в тамошние лазареты, предпочитали ее всем латинским снадобьям и поражались ее быстрой помощью?

Но вот и еще весьма интересная вещь: на Алтае, тоже в известных местностях, растет особая трава загат, которая, впрочем, носит и другую кличку: ее зовут просто теплой травой на том основании, что траву эту употребляют зимой вместо оберток или онуч, обертывая ею ноги или просто кладя ее в достаточном количестве в обувь. Она довольно длинная, мягкая и замечательна еще тем, что очень прочна и долго не сечется; из нее пробовали делать половики, маты и употребляли для набивки матрацев. Трава загат действительно имеет свойство греть, и я неоднократно

пробовал носить ее в больших сапогах – тепло, мягко и удобно. Дело только в том, что знают о ее существовании весьма немногие даже и из простолюдинов, которые как бы с умыслом умалчивают о том, что загат такая полезная и практичная штука; растет она не везде и не в большом количестве. Но почему не попробовать собрать ее семян и не культивировать в большом масштабе?.. Неужели мы не доросли еще и до этого?.. Дескать, к чему и зачем?.. Куда пойдет и кому понадобится какая-то трава?..

Заканчивая эту главу, я ненадолго снова возвращусь немного назад и поговорю о применении больших деревьев – тополя и ветлы – на Алтае. Здесь из них делают превосходные лодки от 3,5 до 15 и даже более аршина длиною, которые и продаются от 5 до 40 рублей из первых рук; такая цена бывает уже на совсем готовые лодки, т. е. обнабоенные с боков досками и просмоленные, а простые, белые долбяжки отдаются дешевле.

Из них ветловые лодки ценятся вообще дороже тополевых, потому что они легче и служат долее, а на воде намокают меньше. У хорошего хозяина добрая лодка служит очень долго, и я знаю такой пример в Барнауле у известного охотника С. М. Козлова. Его девятиаршинная лодка служит ему верой и правдой уже более 30 лет, и на ней нет еще ни одной щели. Все дело в том, что лодку держат на воде только тогда, когда нужно; а как только служба ее кончилась, ее тотчас вытаскивают, ставят на дроги или особо сделанные для этой цели длинные роспуски и увозят домой, где она и подсыхает непременно в тени, за солнцем. Конечно, такой обиход возможен только при том

условии, если заботливый хозяин ездит не каждый день и имеет средства к такому чествованию своей любимой лодки.

Рыбаки же, например, довольствуются и тем, что каждый день вытаскивают лодки на берег и по возможности прячут в какую-либо тень, оборачивая их кверху дном; а смолят внутри и снаружи обязательно каждую весну, посыпая на горячую смолу мелким порошком извести. Обнабойка лодок делается только по бортам (лодки) из хороших ровных тесниц и производится умелыми опытными руками, иначе можно испортить не только тесницы, но и лодку.

Большие обнабоенные лодки поднимают довольно большой груз, и в них нередко перевозят большие дорожные тарантасы не только чрез незначительные реки, но и чрез Обь в полном ее разливе, который доходит иногда до 12 и 15 верст в ширину. Для охотников и рыбаков в Барнауле хорошие лодки играют весьма важную роль, потому что почти вся дупелиная охота, не говоря уже об охоте за водяной птицей, а равно и все рыбалки производятся преимущественно на той стороне, т. е. на правом берегу Оби.

Если же держать лодки постоянно на воде, то они, несмотря на их осмолку, до того намокают, что делаются тяжелыми; при наступлении морозов они уже не в состоянии просохнуть – и их раздирает.

Для охотника же и рыбака легкость лодки имеет громадное значение уже потому, что легкая лодка мельче сидит в воде и скорее доступна к перетаску чрез наволоки; а это весьма часто случается в особенности в разлив реки, когда приходится частенько переезжать с одной незатопленной гривы на другую

или из протоки в протоку. А так как лодки же служат рыбакам и охотникам спасительным шатром во время ненастья и ночевок, то доступность лодки к вытаскиванию на берег играет весьма важную роль.

Хорошие лодки надо беречь уже и потому, что их воруют да так ловко, что почти никогда концов не находится, что и делают преимущественно путники, уплывая в них по течению кому куда любо и далеко от Барнаула. Они же потом и смеются, говоря: «Все же не куплена, доехал без прогонов». Что поделаешь?.. А на их шубном рыле краска не заалеет!

Надо еще заметить, что лодки на Алтае, как охотничьи, так и рыбачьи, никогда не делаются с рулями, которые считают неудобными и бессильными на больших стрежах, где рулевому приходится иногда поработать с большим уменьем во всю силу, а тем более в ветреную погоду и развод волны. Вот почему на корму садятся преимущественно люди бывалые, опытные и с хорошим запасом силы.

Рулевое весло тут зовется правильным, и оно делается ланцетовидной формы с костыльком на верхнем конце. Рыбачьи лодки, в которых частенько работают в одиночку, как, например, при осмотре снастей – самоловок и переметов, имеют обыкновенно прикладываемые к носу особые правила, которые спускаются в воду во время стоянки на реке, чтоб не вертело лодку при погрузке кормы рыболовом. Правило это ничто более, как длинное прямое весло, которое на середине веретена вставляется наподобие очепа в прорезь носовой части лодки, и оно с помощью веревочки может опускаться и подниматься, что и делается, если рыбаку надо куда-либо переехать.

Если же на лодке в доступных местах идут бечевником, то обыкновенно привязывают бечевник не к носу, а за уключину той же стороны лодки, которая совпадает с берегом бечевника; иначе нос будет топить, и лодка пойдет тяжелее, а править на корме станет неудобно. Случается, что в попутный ветер ставят небольшой парус, который приделывается на петлях к поперечине, вертящейся одним концом у поставленной мачты; а другой, наружный ее конец, имеет веревку, которой управляют парусом и пропускают чрез кольцо у борта лодки; ее обыкновенно берут в руки, но никогда не крепят у кольца. Если же держать конец веревки некому, то она берется кормовщиком в зубы, чтобы он, работая веслом, мог в случае порыва ветра тотчас ее выбросить и тем дать свободу парусу повернуться по ветру.

Все эти кажущиеся пустяки весьма важны на практике, а в случае опасности имеют крайне серьезное значение и пренебрегать ими не следует.

IV

Весна. Нетерпение охотников. Зажоры. Путь по черепу. Топтуны. Незнание глухариных токов. Рыбаки. Ночевка у рыбака. Рассказы и воспоминания старика. Плывущая змея. Клев змеи.

Что такое весна на Алтае?.. Конечно, многие скажут: «Как что?.. Весна, как и везде весна! Это такая желанная гостья, которую все от мала до велика ждут с нетерпением, а в особенности рыбаки и охотники, у которых все снасти и ружья давным-давно приведены в порядок, и дело только за тем, чтоб живительное весеннее солнце распалило снеговой саван и, согнав с реки толстый лед, дало простор погулять рыбе; а пошевелив всю перелетную дичь с юга, пригнало ее в наши отогревающиеся Палестины». Что верно, то верно, и я, конечно, того же мнения; но дело в том, такова ли весна на Алтае, как и везде? Вот тут и приходится сказать – нет: а за этим «нет» волей-неволей надо побеседовать, потому что одно слово отрицания ничего еще не выяснит.

Положим, что весеннее солнце Алтая, как и везде на той же параллели, греет одинаково, а край этот, как изображающий собой нагорную возвышенность, находится еще ближе к солнцу, но выходит так, что у Барнаула широкая Обь вскрывается, или, как говорят, расходится, обыкновенно только около 10 или 15 апреля, а бывает еще и гораздо позже, тогда как все российские реки этой параллели вскрываются с половины марта; следовательно, разница немалая. Но дело и не в этом, а в том, что на Алтае страшная

масса снегов не скоро поддается лучам солнца и долго поддерживает низкую температуру в воздухе; а все дороги целого края почти недоступны чуть не до самого мая. Вот это последнее обстоятельство и есть настоящее отравление для всего охотничьего мира. Недоступность дорог нередко держит охотников дома даже тогда, когда перелетная дичь успеет уже отдохнуть и снова готовится к дальнейшему путешествию, а своя, туземная, уже вдоволь натокуется.

И действительно, выходит так, что охотники волей-неволей слушают только рассказы кое-как пробравшихся крестьян, которые говорят, что давно уже видели лебедей, гусей, уток и что косачи бормочут повсюду. Конечно, страшная досада закрадывается в душу каждого истого охотника, и он решается попробовать! Но как и на чем ехать – вот беда! Понятно, что наводятся возможные справки и терпение лопается; охотник собирает все необходимое и, запасшись шубой, на санях или на колесах отправляется куда-нибудь недалеко; но – глядишь, подлый зажор чрез какую-нибудь речушку или крутой ложок не пропустил даже и к этому недалеку, и взбешенный Немврод[12] не солоно хлебавши возвращается домой.

Но бывает и еще того хуже, если он поупрямится и захочет все-таки пробраться через этот проклятый зажор, потому что, заехав в него, он или искупается в снежной воде, или засядет так, что ни взад ни вперед; и вот приходится так или эдак добывать экипаж. В конце концов, невыгоревшая поездка проклинается на все корки, и нередко финалом такой попытки является простуда, а иногда что-нибудь и посерьезнее.

---

[12] Немврод – легендарный ветхозаветный воитель и охотник.

Конечно, не удовольствовавшись такой беседой, вы спросите – да что же за штука этот проклятый зажор? А вот извольте послушать: зажор является весной там, где в каком-нибудь логе глубокий снег не успел еще стаять, но уже осел и кажется пустяшной посиневшей пеленой; но под ней скопилась вода, которая и ждет только того, чтоб скопиться еще и прорваться по склону, тогда как с боков этой пелены снега уже нет и давно видна земля или пожелтевшая с осени трава, а на дороге даже пыль. Словом, зажор – это ужасно подлая и предательская штука, а тем более, когда он узок, но глубок. Объехать его некуда либо невозможно, а он словно нарочно кажется такой пустяшной преградой и точно говорит: не бойтесь и поезжайте смелее, я уже истлел и вас не задержу! И вот вы решаетесь, кричите на коней, машете кнутом и с маху влетаете в зажор… Уфф!! И глядишь – на первых же саженях под экипажем сгрудило весь жидкий, взявшийся водой снег; а лошади, проскочив до боков, забились, запрыгали на одном месте и, не имея сил выхватить экипажи, стали или еще того хуже – легли!.. Вы только что до этого ухали, кричали, понукали – и вдруг при такой оказии сами невольно говорите или, лучше сказать, произносите – тпру!! Вот тут и извольте воевать, сидя в повозке и не имея возможности даже выскочить на сухое и крепкое место!.. Вот те и попробовали!.. Встретили весну!..

Словом, тут надо держать ухо востро и доверяться не следует; а самое лучшее отпрячь коня и, сев верхом, попробовать. Если зажор жидок и неглубок – тогда и с Богом; а если наоборот – лучше заворотите оглобли и отправляйтесь домой или пробуйте попасть

на другое место, чтоб удовлетворить своему первому непреодолимому побуждению поохотиться после такой долгой зимней спячки.

Конечно, в южной части Алтая весна входит в свои права несколько ранее, но и тут не будет редкостью, если зажоры пролежат до двадцатых чисел апреля. Что касается черневых и таежных участков, то в них сообщение еще затруднительнее, потому что, помимо зажоров, и самый путь чрезвычайно долго лежит под снегом, а из пробитой зимой дороги остается неприглядный почерневший гребень – череп, как здесь называют, по которому ни идти, ни ехать почти невозможно, потому что конь проваливается на каждом шагу, а пешехода если и держит, так надо быть акробатом, чтоб, выворачивая ноги внутрь или наружу носками, пройти по такой штуке несколько верст. Идти же или ехать сбоку нечего и думать; тут лежит иногда еще двухаршинный снег до того рыхлый и взявшийся водой, что вы, как говорится, запутаетесь и вымокнете на первых же шагах. Для возможного путешествия остаются одни лыжи, но и на них доступна ходьба только по приморозу, т. е. ночью либо рано утром, до обогрева. Бывали примеры, что в случае нужды переходы в 20 или 30 верст, как это обыкновенно и бывает между так называемыми этапами, или кордонами, люди шли три и четыре дня, ночуя, так сказать, днем у разведенного огня.

Зимою на таежных золотых промыслах после каждой большой кити (пороши), чтоб иметь возможное сообщение и не потерять с осени пробитый путь, посылаются особо люди на известных и пригодных к тому лошадях топтать дорогу, что и делается от кордона

до кордона, иногда более сотни верст на счет промысла (прииска) – иначе он может остаться в безвыходном положении до весны и иметь сообщение разве только на лыжах. Конечно, такое топтание стоит недешево и делается в силу необходимости. Что касается пригодности лошадей для такой работы, то тут выбираются такие, которые и в глубоком снегу бредут тихо и ровно, не торопясь, насколько хватит их силы. Другие же, чуть снег выше колена, начинают скакать, падать или просто лягут, так что их самих приходится выручать силой. Лучших же, пригодных лошадей берегут, дорожат ими и называют топтунами. Такие лошади бесценны и летом, при проездах по болотистым тундрам.

И вот, мне кажется, такая невозможность путешествия ранней весной и есть одна из главных причин того, что на Алтае не знают глухариных токов!.. Не считайте это абсурдом и верьте, что алтайские промышленники не имеют понятия об охоте на глухарей весною и потому рассказывают о спаривании этой дичи такую ерунду, что и слушать тошно. Прожив в Сузунском заводе 11 лет, я несколько раз просил местных и окрестных охотников отыскать глухариный ток, за что давал им 5 рублей, и никто из них не взялся не только найти ток, но и подумать об этом, потому что, по их убеждению, таких токов нет – значит, и искать нечего.

На все мои доводы они только ухмылялись и, разводя руками, говорили:

– Нет, барин, токов мы не знаем, да он и не токует, а просто собирает слюну, где набросает копалуха (глухарка). Вот, примером сказать, косач – тот

действительно слетается к одному месту и бормочет; да и то ноне хитрить стал – токует вразнобой.

– Ну хорошо, так что же, по-вашему, значит, и он только бормочет да слюну собирает, так, что ли?

– А кто его знает, мы эвтаго не видали, да и того, чтоб он с маткой топтался, тоже не уприметили.

Тем обыкновенно и кончались мои исследования, и я все-таки в течение 11 лет ни одного глухариного тока около Сузуна чрез местных охотников не нашел; а искать самому не удавалось, потому что в это время всегда приходилось сильно хлопотать по заводу, кончая плавку и подготовляясь к встрече весеннего напора воды и пропуска льда.

Знают ли глухариные тока в Южном Алтае, мне неизвестно, а по сбивчивым отзывам других утвердительно сказать не могу.

Вот в этом случае невольно вспомнишь Забайкалье, где и весна совсем иная, и каждый охотник знает в своем районе все глухариные тока наперечет. Там их посещают уже в начале марта и кончают около мая. Даурская весна приходит несколько раньше, а доступ во все заповедные места возможен не только весною, но и во всякое время года, потому что снег невелик и стаивает уже в марте, особенно в южной части Забайкалья.

На Алтае, по-моему, рыбаки гораздо счастливее охотников. Они отправляются на свой промысел на таком экипаже, который не задержат никакие зажоры, и нередко забираются в свои излюбленные места еще ранее вскрытия реки; а при первом ледоходе и поднятии воды на более низких местах, когда рыба опрометью бросается в луга и затоны, они уже

ставят свои ловушки и вдоволь наедаются свежинки. Это едва ли не самое веселое для них время, несмотря на холод, который обыкновенно бывает при вскрытии Оби. И мне кажется, что тут главную роль играет не столько промысел, сколько самая жизнь и приволье после скучной зимы.

Думаю так потому, что и в простых рыбаках есть также ничем несокрушимая страсть, как и у охотников, которая проявляется не в одном собственно промысле, но и в любви к природе, в особом настроении духа и своего рода поэзии. Я в этом убедился не один раз, и стоит только суметь задеть ту слабую струнку, как, по-видимому, из самой грубой натуры мало-помалу выйдет тот светоч жизни, который не сделаешь искусственно и не купишь ни за какие деньги, а только позавидуешь и почувствуешь от всей души.

Надо видеть, с каким оживлением снуют эти простые люди повсюду на своих немудрых лодочках, ставя снасти или бегая по берегам с разными наметами и кривдами, когда рыба стремится вверх по реке и идет около берегов. В это же время они городят свои заколы по устьям небольших речек и разным мелким старицам и протокам, ставя в них верши, фитили и морды, несмотря на то, что все это временно – только до большой воды.

По-моему, рыбаки счастливее охотников уже потому, что, живя при такой реке, как Обь, у них рыбный промысел не оскудевает почти круглый год и настолько разнообразен, что хватило бы только труда и энергии вести его с весны до осени и с утра до утра почти ежедневно. Это такого рода занятие, что, имея всевозможные снасти рыбного промысла, скучать и бездействовать нельзя: работа есть всегда, если

не на воде в самую бурную погоду, то дома у своего камелька и рабочего верстака.

Вот почему все истые рыболовы всегда имеют на своих излюбленных и насиженных местах более или менее приспособленные жилища, которые они строят в виде землянок на высоких берегах и гривах или ставят настоящие теплые помещения, где нередко и живут полным хозяйством. Кроме того, летом они, как и охотники, нередко уплывают в разные места своего промысла и, ведя уже кочевую жизнь, довольствуются тем, что Бог послал, ночуя и спасаясь от непогоды то в балаганах, то просто под лодками. От комаров и мошек они надевают на голову особо устроенные сетки – всякий по своему вкусу – и спят под холщовыми пологами, которые иногда ткутся особой тканью, прохово, чтоб не было душно. Полога имеют форму опрокинутого ящика и вешаются на вбитые в землю колышки.

Не один десяток раз доводилось мне ночевать в рыбачьих помещениях у гостеприимных хозяев, и я всегда с удовольствием вспоминаю эти ночевки. Если и приходилось иногда терпеть от насекомых, тесноты и неудобства, то это такого рода неприятности, которые не мешают большому удовольствию; а тем более потому, что, по выражению поэтов, и в бурях есть покой, а в опасностях – своего рода удовольствия, которые не забываются до конца жизни. Конечно, все это может показаться просто смешным для людей, по часу занимающихся своими розовыми ноготками на выхоленных ручках и одевающихся не иначе как в крахмал и батист, но... таким рыбакам и охотникам, право, гораздо лучше сидеть дома и, не краснея, рассказывать в салонах о своих подвигах.

Из множества слышанных мною рассказов в этих простых и причудливых помещениях от этих ужасных «пейзанов» я приведу в этих воспоминаниях хоть два или три, которые пришли мне в данную минуту на память.

Однажды на охоте весною за дупелями за Обью по незатопленным гривам меня захватила страшная буря, которая волей-неволей заставила бросить охоту, искать убежища и заночевать. По счастью, мне с товарищем скоро довелось попасть на рыбачью избушку. Мы попросились, и нас охотно и гостеприимно приняли хотя и в тесном, но теплом помещении, а вечером накормили превосходной ухой из только что пойманных налимов. Конечно, не обошлось и без того, что я, со своей стороны, напоил старика хозяина и его старушку хорошим чаем да попотчевал немного бальзамкой. За непогодью вечер был длинный, и потому мало-помалу мы разговорились.

– Ну, что, барин?.. Как ты сегодня поохотничал? – спросил меня еще могучий старик, подсаживаясь ко мне на лавку и палочкой поправляя в камельке прогоревшие тонкие дрова.

– Да что, дедушка, плохо что-то. Дупелей еще мало, а проклятые утки словно настеганы, – сказал я.

– Они, брат, ноне таки и есть, – прервал он меня. – В прежние-то годы, бывало, идешь мимо, дак она точно тебя не видит, а покеркать маленько, да и потянется потихоньку под кусты, а либо в траву... Да тогды, барин, и ружья-то у нас какие были – потеха!.. – с кремнями, да и на сошках... Вишь, так-то стрелять, как вы, господа, мы не умели, да и дробь-то готовили сами, таку, значит, сечку...

– Знаю, дедушка!.. И сам ей стрелял в Нерчинске. А ты разве охотник?..

Старик при слове «Нерчинск» тотчас выпрямился, несколько повернулся ко мне, и в его добрых и умных глазах как бы мелькнуло не то сомнение, не то удивление; но я, тотчас заметив это и зная, что пойдут сейчас расспросы, не дал ему настроиться на эту тему и сказал:

– Я ведь, дедушка, служил там по горной части почти семнадцать лет, так в это время много чего видел и испытал; а ты вот расскажи, как ты из охотника сделался рыбаком?..

– Да вишь, барин, случай подошел… – я и дал себе зарок боле не стрелять…

Тут старик опустил седую голову, сунул палочку в огонь и, перебирая пальцы, начал рассказывать:

– У меня и родитель был страшенный охотник, да и рыбак не последний. Он, знашь, и утятничал, и медведев бивал, и осетров ловил немало; ну, значит, и я в него уродился; дак у меня душа-то, барин, кака-то жалосливая… Был я молодым еще парнем, а уж женатым и ребят было двое – сынок да девчонка; а у родителя-то была, значит, заимка… На ней скот кормили зимами, ну и хлебушка молотили немало, а тут, к весне-то, и выкорчевали – вишь, незачем стало. Вот я раз утречком пошел поутятничать да и дошел до заимки. Гляжу, утка-серуха слетела с соломы… Что, мол, за диво!.. Дай-ко я посмотрю, чего она тут робит?.. Ну, значит, залез на этот ворох и вижу – гнездо, а в нем яичек семь штук накладено… Постой, думаю, пусть выведет, дак тогды я соберу утяток да подпущу к домашним. Вот я ничего не пошевелил, а потихоньку

слез с соломы да крадучись и убрался на речку… Спустя эдак недели две али поболе я и вздумал – надо, мол, сходить и посмотреть, а домашним ничего не обсказываю – молчу. Вот, значит, подкрался я тихонько к заимке и гляжу на солому… А серуха-то увидала меня, закеркала таку беду да и полетела, словно подшибенная. Ладно, мол, лети куда знаешь, не обманешь, а я погляжу… Вот и залез на солому да и вижу, что все семь детенков сидят, словно пуговки, еще таки махонки, только вылупились, и шейки таково плотно утянули в себя, что только носочки да глазки и знать… Вот я, долго не думая, собрал их в шапку да и полез долой… Гляжу, а серуха-то так и летает, так и летает на кругах надо мной, а сама керкает, да так жалобно керкает, что меня индо за душу взяло!.. Вишь, думаю, детенков жалеет, то и плачется!.. Ну, да, мол, ладно – ничего, других заведешь… Вот я ушел в кусты да и гляжу, что от нее будет… Гляжу, значит, да и вижу, что она спустилась на солому, закеркала потихоньку, а тут и давай бегать по вороху!.. Вот она и туда, вот и сюда – нету; вот она спорхала вниз и там начала искать, но видит, что и тут нету! Вот она и опять залетела наверх – и нутка искать да перебирать носом солому… А сама керкает таково жалобно, словно всхлипывает, а крылышками похлопывает, адоли мать причитает и в ладоши бьет над своим робенком.

Тут старик нагнулся от меня в сторону и крадучись утер рукавом, вероятно, показавшиеся слезы. Я как будто не заметил такого пассажа, достал и закурил с уголька папиросу, а потом сочувственно спросил:

– Ну, и что же, дедушка, дальше?

– А дальше-то, барин, – сказал старик, приоправившись, – она, голубушка, значит, взмыла кверху да и пошла свечкой все выше да выше, а потом, знашь, сложила под себя крылышки да как бацкнет об землю!.. Тут и убилась до смерти!..

– Вот так штука! – сказал я невольно.

– Н-да, барин, такая штука, что я и по век не забуду. Вот уже мне за 70 лет, а я и теперь словно вижу эту серуху!.. – сказал он и поднялся подложить дровец.

– И что ж бы ты думал? – продолжал он. – Принес я этих утяток домой, подпустил к домашней утке и обсказал родителю. Он, знаешь, покачал эдак головой да и говорит: «Ну, Сенюшка!.. Не дело ты сделал... – и вот помяни мое слово, и тебе счастья в детях не будет...» Так оно и вышло: в ту же осень у меня занемогли оба ребенка какой-то шкарлатиной, сказывал фершал, да и успокоились, сердешные!.. Вот, барин, с той поры и робят у меня не стало; вот, как видишь, и живем со старухой только вдвоечке... – досказал он сквозь слезы, высморкался чрез пальцы и, нагнувшись в низенькую дверь, вышел во дворик.

За ним вышел и я, чтобы освежиться и посмотреть погоду. На небе горели уже звезды, а ветер совсем стих, и свежий чистый воздух предвещал хорошее утро, но было еще не поздно, и спать не хотелось.

Придя в избенку, я нашел старика уже спящим на ленивке около печки и как бы поджидавшим меня.

– Что, барин, поди, как радуется твое сердце!.. Вишь, как разведрило, словно и век ничего не бывало!.. – сказал он. – А мотри-ка, звезды-то каки ясны, будто их кирпичом кто вычистил – так и горят, сердешные, да славят Господа!..

– Да, дедушка!.. Хорошо теперь стало!.. – сказал я, действительно радуясь, и стал приготовлять себе логово из потника и полушубка на лавке; потом посмотрел на часы.

– А где же твой товарищ и колькой теперь час? – спросил старик.

– Еще рано, только половина одиннадцатого; а товарищ давно уже спит, слышишь, похрапывает; а ты бы, дедушка, вот рассказал еще что-нибудь. Ведь ты больше моего живешь на свете, значит, видал и испытал немало, вот хоть на рыбном промысле.

– Как не видать, всего бывало, барин! Ведь я, почитай, боле сорока лет как рыбачу, дак много перевидал на своем веку... А вот коли спать тебе неохота, так и скажу, что придет на память.

– Расскажи, расскажи, дедушка, пожалуйста!.. А спать мне еще не хочется.

– Да, вишь, раз кака штука случилась. Поехал я днем осматривать самоловы... Вот подплыл к одному енгарю (длинное полено или толстый обрубок жерди, к которому привязывается веревка и опускается на дно с тяжестью, обыкновенно камнем или шлаковиной (от заводской плавки), и служит наплавнем или маяком, где ставится самолов, который и привязывается тут же; этот маяк называется енгаръ), поднял снасть и давай перебирать по крючкам да и слышу, что где-то позадь меня запикал да заклекал орел, вот, знаешь, белохвостик... Я оглянулся да и вижу, что он растопырил крылья и бьется чего-то по самой воде и таково ерко клекчет, словно зовет кого на помощь... Думаю, что за диковина!.. Чего его так взяло у самой

воды и середь Оби!.. Вот я гляжу, что он, сердешный, то окунется в воду, словно нырнет, то опять выскочит над воду да подастся в сторону… Как, мол, так?.. Птица не водяная, а в воду кунается… Нет, думаю, постой!.. Тут что-нибудь неладно! Вот я опустил в реку снастину да и ну-тка к нему; а он кунается да ревет лихоматом!.. Подплыл я, значит, на лодочке да сначала и разобрать ничего не могу… Смотрю, и другой товарищ, рыбак, скребется сюда же… Здравствуй, мол, Ефимыч!.. Эвто что, мол, за диковина, что такая могутная птица да бьется на воде, словно оторваться не может и осилить не смеет!.. «Да чего, – говорит, – Семенушка! Я и сам в толк взять не могу… Давай подъедем да и разберем поближе…» Ладно, мол, давай… Вот мы подгребли потихоньку с разных, значит, сторон да и видим, что большущий орлище вцепился когтями в каку-то рыбину и воюет не на живот, а на смерть!.. Та, значит, утопить его не может, а он, окаянный, вытащить из воды не осилит… а сам весь вымок и кричит не на милость Божью!..

– Вот оказия-то… – сказал я, недоумевая.

– Да чего, барин, не оказия!.. Такую диковину только и привелось видеть раз во всю жисть.

– Что ж, вы поймали, поди-ка, обоих?..

– Ну вот постой да и слушай!.. – сказал старик, одушевляясь, слез с ленивки и стал картинно движениями изображать свои действия.

– А что, мол, есть у тебя веревка, есть багор?..

– Есть, – говорит.

– Ну и у меня найдется… Дак давай закрючим да и поведем к берегу.

– Давай, – говорит, – да забрасывай за ноги.

А пока мы подплывали да толковали, время-то прошло, вестимо, немало: глядим, птица уходилась, да и рыбина-то притомилась... Один опустил совсем крылья и рот разинул, словно пропасть хочет; а другая тоже распустилась и жабрами, адоли мехами, поводит. Вот мы, значит, закрючили обоих веревками да и поперли к берегу.

Тут мы и разглядели, что рыбина-то никто другой, как осетр, вот экой длины!.. матерящий!! – сказал старик и развел руками аршина на два.

– Что ж, вы причалили их к берегу или нет? – спросил я, думая, что старик уже окончил свой рассказ.

– Причалить-то мы, барин, причалили, да и сами повоевали немало. Вишь, лодки-то у нас махонки, а рыбина-то, пока вели, отдохнула, ну и давай отбиваться да подергивать вглубь; и птица-то, значит, оклемалась да стала воиста, того и гляди хлобыснет крылом и вывернет... А вот как притащили мы их на мель, дак сами силу забрали и выперли на берег!..

– Ну и что же?

– А уж тут наша воля, с берега-то не уйдет.

– Как не уйдет, дедушка? Ведь орел мог улететь?..

– Куда он улетит, коли оторваться не может!.. Он, брат, так засадил в рыбину когтищи, что мы едва вырезали!..

И старик, растопырив и согнув свои могучие пальцы, наглядно показал, как был вцеплен орел.

– Ну, дедушка, эта штука интересная, но я вот чего не понимаю: как мог орел поймать осетра в воде!..

– Вот то-то и есть, что не в воде, а надо располагать, примером, скажу так, что, верно, рыбина плавилась поверху, как у осетров и бывает зачастую. Иной

раз вниз видишь, как они плавятся да играют по солнышку. Ну вот, поди-ка, орел-то углядел его сверху да и торнул, как пуля, на рыбину, а там и пошла война, значит, не под силу обоим.

Старик замолчал; я все еще сидел и раздумывал про слышанное: но вот он, усевшись опять на ленивку, как будто обиделся моему недоверию и тихо сказал:

– Чего, барин! Вижу, что ты быдто сумлеваешься в моем сказе? Так вот поедешь отсюда к старой протоке – она же и по дороге тебе будет, верст 5 или 6 отсюда, не боле, – ну и заверни к рыбаку, значит, к эвтому самому Ефимычу, он и теперь живой да и помоложе же меня будет; вот он и обскажет тебе всю правду; а мы с ним и рыбину-то вместе на базар возили да и продали отцу благочинному.

– Полно ты, дедушка, обижаться; я ведь не то, что не верю тебе, Боже помилуй! А просто соображаю и хочу запомнить такую диковину, может, когда-нибудь и напишу об этом…

– Да-а!.. Вот оно что!.. – протянул старик. – Ну, значит, так и пиши, как я тебе обсказал, штука занятная!.. А вот что еще со мной было не так давно, только не знаю, уж сказывать ли?.. Поди-ка, барин, и спать тебе пора?

– Нет, нет, дедушка!.. Рассказывай хоть до утра и не думай того, чтоб я уснул при такой редкой беседе.

– Ну то-то же; а то ложись со Христом да и спи крепче, отдохни; а коли нужно, дак я разбужу хоть на солновсходе и чайник поставлю; али вон старуха верещагу[13] спроворит, пряжеников напекет…

---

[13] Блюдо из яиц и поджаренного хлеба.

– Нет, дедушка, еще успею, высплюсь, а ты вот расскажи, пожалуйста.

– Изволь, барин, изволь; эта штука хоть и не особенно лестна, дак тоже, поди-тка, редко случается. Вишь ты, поехал я раз на плесо, поудить на животь. Дай, мол, попробую от нечего делать; а был праздник и быдто грех робить по промыслу. Вот я запустил две здоровых лесы да и посиживаю на яме в старой большой протоке, а там тихо и лодку, почитай, не сносит; ну а был-то я босиком, потому что жары стояли ужасные. Вот сижу да и слышу, что что-то студит одну ногу; я, значит, отодвину ее маленько да и сижу опять карaулю. Тут снова слышу, что студит. Думаю, что за диво такое? Неужели, мол, потекла лодка и попала вода?.. Да нет, быть не может, лодка как блюдцо, ни единой щелки на ней нет... Ну, мне и невдомек поглядеть под ноги, а значит, перевожу это только в мыслях. Вот и опять слышу, студит да и только, да так раз до пяти. Что, мол, за оказия!.. Неужели где прошиб лодку?.. Таково жалко стало посудину. Одумал это да и взглянул под ноги; взглянул да и обмер от страху! Вон и лесы из рук полетели!.. Смотрю, а у ноги-то большущая змея кольцом свернулась да все и жмется к ноге-то, словно околела (прозябла), проклятая... Я, значит, как заревел лихоматом, да соскочил с места посередь лодки и поймал в руки весло да и хотел им убить эту погань; но второпях-то не угодил и так треснул в лодку, что надколол весло. А она, паршивая, повиляла головой, выставила жало, да как зашипит!.. А потом стала в комок собираться, словно прыгнуть хочет. Вот я испугался пуще старого, подхватил ее как-то ловко

веслом снизу да и выбросил в воду. Ну, думаю, слава тебе Господи!.. Но вышло не так, а она, братец ты мой, вынырнула из воды-то да и лезет таково бойко через набоину в лодку. Я, значит, не обробел (успел) да тем же веслом и выбросил ее снова; а она, язва эдакая, оборотилась, словно вьюн, на воде-то да и ну-тка опять ко мне!.. Вот я, значит, осердился, да как хряпнул ее концом по шее!.. Тут завертелась, подлая!.. Да тут же и пропала, гнусина проклятая! Я обрадовался, выбросил ее уж руками да и гляжу – что за диво!.. Вода хлынула в лодку. Ну, думаю, вот еще беда вяжется другая; ну-тка я скорей к берегу, ну-тка к берегу, а вода так и хлещет! Я, значит, расколол лодку-то, как свистнул ее со всего маха!.. Ну, барин!.. А ведь я едва-едва не уходился в ту пору и только кое-как добился до берега; а как вышел на землю, дак, веришь ли, руки-ноги трясутся, в горле все пересохло, индо сердце захватывает!.. И никогда еще в жисть свою я так не пужался, как тогды... будь она проклята, гнусина непутная!..

– С чего же она залезла в лодку еще с первого раза? – спросил я, ложась на лавку.

– Да кто ж ее знает, к чему она залезла?.. А я, барин, хоть и рыбак, а воды боюсь – хвастать нечего; вишь, я тонул как-то весною да с тех пор и стал потрухивать на большой воде. А что касается змей, так их и часто видишь на реке, особливо весною.

Старик замолчал, и я вскоре услыхал, как он засопел на ленивке, а затем я уснул скоро и сам.

Потом чрез несколько лет мне и самому довелось испытать вроде только что рассказанного, и я тогда же вспомнил повествование дедушки.

В 188... году весною в самый разлив Оби поехал я с С. М. Козловым и его зятем В. А. Шавровским за дупелями на лодке. Побывав на многих гривах, мы направились за реку, к так называемой Айдаровской заимке. И вот, переплывая большое плесо, мы увидели быстро плывущую на нас змею; чтобы избежать неприятной встречи, гребцы налегли на весла, но змея пошла на пересек и летела все-таки прямо на лодку. Плыла она очень бойко, согнув несколько спину и приподняв голову. Все мы испугались, засуетились и закричали, думая, что змея заскочит в лодку, что, вероятно, и случилось бы, если б господин Шавровский не успел схватить ружье и выстрелить в нее уже не далее как в пяти или шести аршинах от борта. Тут она юркнула в воду, и мы уже не видели ее более.

Кстати, упомяну здесь и еще об одном случае. Живя в Сузунском заводе, я нередко ездил на так называемую Бобровскую мельницу поудить и поездить темными вечерами по нижележащим затонам с острогой. Мельница эта находится в 8 верстах от завода по речке Малому Сузуну и славится хорошей рыбалкой. Однажды нас собралось человек шесть, и все принялись за работу: кто удил под вешниками, кто ставил жерлицы, а кто возился с лодкой и приготовлял из сосновых пней смолье, чтоб вечером поездить с острогой. Словом, все были заняты и не обращали особого внимания друг на друга. Как вдруг раздался крик, и затем увидали побег одного из товарищей. Некоторые, конечно, обернулись в ту сторону и стали спрашивать, что такое случилось?

Но вот послышались плевки, саркастическая брань и, наконец, хохот.

Оказалось, что один из моих сослуживцев, Чупин, как только заклевало на удочку, подсек и выдернул не предполагаемого окуня, а довольно большую змею, которая так же взяла на мульку и потащила поплавок. Но дело в том, что выдернутая кверху змея сорвалась с крючка и полетела было прямо на сидевшего рядом соседа, который, испугавшись, успел отшатнуться в сторону и затем с криком побежал спасаться.

Змея же, упав на землю, тотчас юркнула в кусты, но шума и смеха было еще много и после ее исчезновения.

V

Ясачные. Черневые татары. Их нравы и обычаи. Охота. Рябчиковый промысел. Рыбный промысел. Стерляжьи станки. Добывание стерлядей. Телецкое озеро. Сельди. Омули.

Можно ли Алтай рассматривать как край промысловый, имеющий значение в торговле продуктами охоты? По-моему, нет, и нет потому, что на Алтае не существует в этом значении ни рыбного, ни зверового промыслов, как это с давних пор есть в Забайкалье. Тут, как и во многих местах России, бьют белок, лисиц, зайцев и даже соболей и куниц (в Южном Алтае), но все это почти не составляет торговли в массе, и вся подобного рода пушнина расходится тут же на месте, за исключением небольших партий, которые попадают в руки торговцев и поступают на ярмарки или известные рынки.

Тут нет в массе того класса людей, которые называются промышленниками, хотя и есть так именуемые ясачные. Все это когда-то было и исчезло, как исчезли во многих округах и самые леса, кормильцы и поильцы бывших «ясашных» по действительному назначению.

Так, например, многие села и деревни Салаирского края образовались из ясачных людей и в них немало настоящей татарской крови. Даже в нынешнее время в окрестностях Салаира, Гавриловского и Гурьевского заводов живет еще много некрещеных татар, которые в большой массе встречаются в Кузнецком и Бийском округах; а также в горах Алтая. Тут они

настоящие аборигены страны и носят название черных татар и калмыков (телеуты и кумандины).

Крайне сожалею, что мне не удалось познакомиться с ними поближе, чтобы познакомить и читателей с их бытом, их жизнью, нравами и прочим. Я только слышал, что этих жалких остатков Великой орды Кучума (общее название) не коснулась еще никакая культура и они прозябают все в тех же жалких условиях, которые были и во время побоищ Ермака, с тою только разницею, что в настоящее время люди эти – более чем мирные обитатели своих лесных вертепов. По своему уединенному положению и незнанию они возмутительно эксплуатируются не только именитым купечеством Кузнецка и Бийска, но многими торгашами, истыми кулаками и управляемой ими ближайшей властью. Эта последняя до того ненавистна всему, оставшемуся от Великой орды, что всякому путешественнику достаточно иметь на костюме хоть одну ясную пуговицу, чтоб напугать любого татарина или калмыка и не добиться от него не только награды, но даже и простого гостеприимства в смысле радушия, чем отличаются вообще сибирские туземцы.

Сколько именитых миллионеров г. Бийска пошли, так сказать, жить с этой несчастной татарвы, и трудно поверить тем сказаниям, которые выходят из уст очевидцев относительно той вопиющей эксплуатации, какая допускается в торговом отношении с этим невежественным людом, в каких баснословных оценках принимается, например, от него пушнина, сырой материал, и в каких небывалых ценах спускается ему вся дрянь, весь залежалый товар и проч.

Что касается подлежащей власти, то трудно сказать хотя что-нибудь даже приблизительно со слов тех же очевидцев. Знаю только, что возникало немало официальных дел и что в прежнее, недавнее, время многие бросали давно насиженные места и с удовольствием шли в «черневые заседатели» в татарские трущобы. Думаю, что люди, вероятно, были истыми охотниками, любителями нетронутой природы и дорогой пушнины!..

Что касается нравов и обычаев этой татарвы, то, слушая рассказы, читая очерки и смотря на фотографии и рисунки заезжих художников, право, трудно верить, что и в девятнадцатом столетии среди современной более или менее высокой культуры существуют еще такие варварские обычаи и обряды.

По словам родственника моего, талантливого художника А. Э. Мако, бывшего в горах Юго-Восточного Алтая, летом у калмыков почти постоянное и поголовное пьянство. Они при малейшем подходящем случае сами «сидят» вино перегонкой из кобыльего молока, которое и называют арак. Заквашивают они его нечищенным бараньим желудком, вследствие чего вино получается крайне вонючее и противного вкуса, что могут переносить только неразборчивые калмыки, привыкшие к своему ужасному произведению, противному тем более потому, что этот «душу ворочающий» напиток пьется теплым.

Богатые калмыки летом одеваются в шелковые китайские халаты, а бедные даже и в самую жару носят шубы, как и все калмыцкие женщины, зимой и летом, надевая их прямо на голое тело. Но женщины для красоты или для более приличного вида надевают поверх

шубы черные бархатные или плисовые туники, обшитые галуном или позументом.

Калмыки коротко стригут свои волосы и, как китайцы, с маковки имеют длинную косу, к которой привязывают простые или шелковые кисточки; а их князьки и именитые родовичи – большие, шелковые с золотом кисти. Женщины носят две косы, а девушки штук до 20 мелких заплетенных косичек, которые украшают привязанными деньгами или белыми раковинками. Головные их уборы состоят из высоких меховых шапок, срезанных косо к затылку, наподобие киверов павловцев.

Тип калмыков, как и вообще сибирских инородцев, подходит более к китайскому: буро-темный цвет кожи, скулистый, с узкими, поставленными вкось глазами и скудными признаками черной бороды.

Вообще калмыки народ честный, слово свое держат свято и воровства не знают – это их достоинство и гордость народная.

Из их быта интересны некоторые обряды и обычаи. Так, например, при перевалах чрез снеговые вершины белков они навязывают на деревья всевозможные ленточки, тряпочки, ремешки, даже пучки из конских волос хвоста или гривы: это есть своего рода жертва в знак благодарности за благополучное путешествие чрез такие грандиозные возвышенности.

Преимущественно летом у них бывают особые празднества с богослужением, что называется камланием. Их священники – обызы – вообще играют важную роль: они и врачи, и ворожеи, и служители богам. Одеваются они в это время особо и навешивают на себя всевозможные принадлежности, не имеющие

никакого значения, как например: ленты, колокольчики, дощечки и прочее – и с бубном в руках очень напоминают сибирско-восточных шаманов. Они также совершают свое камлание около костра, где скачут, кричат, словом, неистовствуют до изнеможения, после чего, как мертвые, падают около огня и лежат минут 20 до восстановления сил.

Во время праздника камлания калмыки приносят жертвы из молодых рыжей масти лошадок, которых они после разных обрядов богослужения привязывают и веревкой закручивают им часть головы повыше ноздрей. Вследствие этого лошадь перестает дышать, глаза несчастного животного выходят из орбит, хвост поднимается султаном и затем в момент смерти вдруг опускается, и тогда животное в полном смысле слова раздергивают веревками, привязанными за ноги, так что лошадь падает на грудь и живот. Можете себе представить, какие страшные звуки являются при этом варварском обряде, когда ломаются кости, хрустят суставы!.. Словом, картина ужасная и до того потрясающая, что ее безобразие сознали и сами калмыки, не дозволяющие при этом присутствовать женщинам.

Да и вообще, их богослужение с обызом во главе, для краткости называемое камлы, выражает что-то неприятно-сказочное, демоническое, что русские простолюдины называют просто бесовщиной.

При калмыцких свадьбах нет никакого богослужения и есть только обрядность, как при уговоре с женихом, так и при выдаче калыма за невесту. Калмыки просватывают своих детей еще ребятами, лет 5-8, и отделяют в сожительство; а более взрослые как бы крадут своих суженых, за что и платятся

возвышенным калымом. Бывает, что оскорбленный будто бы отец невесты несколько поломается над женихом ради приличия, а сватов отдерет нагайкой – тем дело и кончается.

Во время болезней обызы камлают у постели больного, и если это не помогает, то несчастного перекидывают через седло, т. е. кладут на седло животом, и ночью везут версты за две в лес – зимою или летом – это безразлично – разводят огонь, оставляют оседланного коня, и все уезжают, а больной остается один. Если он не возвратится в юрту, значит, так угодно Богу, и тогда чрез некоторое время едут его смотреть, чтоб привезти его труп.

Знаю, что А. Э. Мако были сделаны превосходные рисунки всех этих безобразий из быта калмыков, и из них была организована выставка в г. Томске с благотворительной целью.

Черневые татары и калмыки почти все поголовно промышленники, как орочены Забайкалья, и только редкие из них, живущие в более оседлых местах, занимаются хлебопашеством и скотоводством. Это и есть настоящие ясачные как по оплате податей, так и по профессии. Все они имеют винтовки с такими же сошками, как и тунгусы Восточной Сибири, с которыми они могут поспорить на поприще охоты. Это действительно замечательные стрелки из винтовок; это настоящие зверовщики, которые знают всю тайну своего округа, знают бытовой характер всякого зверя, обитающего в отрогах поднебесного Алтая, знают, где и как его взять, и не трусят ни перед какой опасностью.

Из русского населения такие же промышленники встречаются преимущественно из тех крестьян,

которые живут около тех же отрогов Алтая, в Кузнецком и Бийском округах, в окрестностях Риддерского рудника и отчасти в Салаирском крае. Конечно, есть они и в других местах обширного Алтайского округа, в особенности изобилующих лесами, но тут они единичны и называются, как и везде, охотниками.

Такого огульного белковья, как оно существует в Восточной Сибири, на Алтае нет, да и быть не может, потому что здесь сравнительно белки немного и ее шкурка не имеет тех высоких качеств, как в Забайкалье. И вот почему на местных рынках беличьих шкурок весьма немного. То же можно сказать и о другой пушнине, как, например, лисице, хорьке и др.

Помимо собственно Алтая, т. е. хребта и его отрогов в южной части Алтайского округа, охота как промысел существует только в Салаирском крае, в так называемой Салаирской черни.

Тут живет масса рябчиков, которых и бьют, и ловят местные охотники. Салаирская чернь, состоя из разной породы лиственного и хвойного леса, как нельзя лучше удовлетворяет жизни рябчиков, и вот почему он держится тут в очень большом количестве. Тут, например, масса рябины – этой излюбленной пищи рябчика, который на этом же лакомом кусочке гибнет тысячами в разных поставцах и ловушках, где приманкой служит та же предательская рябина.

В Салаирской черни рябчиковый промысел получил, так сказать, свое гражданство в большом размере, и тут редкий житель не охотник по рябчику. Весной и в особенности осенью рябчиков истребляют во множестве ружьями и поставушками, которые преимущественно состоят из волосяных силков. Этот

последний промысел основан на том, что рябчик живет 9/10 своей жизни на земле, тут его дом от самого юного возраста, так как рябушка вьет свое гнездо на земле. Тут он приучается бегать так, что его не задержит никакая чаща, никакие лесные заломи. Однако несмотря на все это, рябчик может летать чуть-чуть не из яйца, потому что у него прежде всего обрастают крылья, и он величиною с воробья уже преисправно летает, но полет его в это время похож на полет бабочки; такие маленькие метляки называются здесь поршками.

И все-таки, несмотря на такую раннюю способность летать, рябчики летать не любят: они только бойко перелетают с дерева на дерево и в случае крайности, например, в редколесье, летят несколько десятков сажен – и только. До сих пор еще не замечено, чтобы рябчики перелетали из одной местности в другую, и только в случае пожаров, когда погорит их родной угол, они, если не погибнут в пламени, что часто с ними случается, перелетают в близлежащие уцелевшие места леса.

В силу такой характерной жизни рябчика промышленники все свои поставушки делают на земле, располагая силья на жердочках или на расчищенной до земли почве леса. В первом случае в излюбленных местах их пребывания вбивают в землю на видных полянках два колышка аршина на два друг от друга и четвертей на 5 или несколько более от земли. На одном из колышков вилашки оставляются подлиннее, а в другом коротенькие. На эти вилашки кладется горизонтально жердочка так, чтобы один ее конец выставился вершков на 5 или 6 за большие

вилашки, в которых и ставится волосяная петля или силок, а на выставившийся конец жердочки привязывается приманка – пучок хорошей красной рябины. Рябчик, завидя лакомое блюдо, вспархивает на жердочку, бежит по ней до больших вилок, пробирается между ними к рябине – и попадает в силок; вот и вся премудрость.

На расчищенных же местах ловят рябчиков и без приманки, пользуясь той характерной чертой, что они любят пурхаться в песке. Вот, подметя эту слабость, промышленники в тех же излюбленных местах, но уже не на чистых полянках, а в мелких чащичках расчищают до земли или до песка узкие точки длиною в аршин или четвертей в пять и посредине точек этих перегораживают поперек небольшими колышками из тех же сучков и оставляют посредине воротца, т. е. проход, в которых и настораживают силок. Если на расчищенной полоске грунт земли крепок и черен, то на ней нарочно насыпают песок, в котором так любят купаться рябчики, а на него иногда бросают битое стекло, которое блестит на солнце. Рябчик, видя или случайно попадая на ток, начинает рыться и пурхаться в песке, а затем его поманит и на другую сторону, где он видит много заманчивого чрез предательские воротца; он перебегает туда и так же попадает в силок. Для того же, чтоб он не перебегал с боков частокольчика, к последнему с обеих сторон приваливают (по его длине) чащичку, или небольшие срубленные деревца, чрез что рябчик не перепархивает, а бежит около к тем же воротцам.

Такой варварский промысел невыгоден тем, что много пойманных рябчиков попадает не в мешки

алчных промышленников, а поедается зверями и хищными птицами; а такие ловушки посещают не только волки, лисицы, хорьки, рыси, но и медведи; из пернатых же контрабандистов – совы, филины, копчики и вороны, которые хитрее всех своих собратов и потому редко попадают под выстрелы озлобленных промышленников.

Конечно, ружейный промысел менее хлопотлив и почти без потери птицы, но он дороже и требует большего навыка находить и стрелять в чернолесье хитрого рябчика, особенно из малопульных винтовок.

И все-таки, как бы ни был велик рябчиковый промысел, он более или менее местный и не составляет торговли в обширном значении этого понятия. Все добываемые тысячи рябчиков поступают на близлежащие местные рынки – преимущественно в Барнаул и Томск, где и разбираются жителями от 10-15 и до 25 копеек за пару, смотря по урожаю и состоянию погоды в промысловое время.

Случается, что перед весною бывает оттепель и затем вдруг ночью наступит сильный холод, который так крепко сковывает отсыревший снег, что ночующие в нем рябчики на следующее утро не могут выбраться из-под толстой ледяной корки и погибают тысячами, особенно если не оттеплит погода, а, напротив, прибавит градусов мороза и проморозит всю толщу снега; тут несчастный рябчик не может уже пошевелиться и замерзает в оледенелой лунке. Говорят, будто многие промышленники пользуются таким случаем, отправляются в чернь на лыжах и, если не было новой кити (пороши), находят такие замороженные ночевки по приметным лазам в лунки и добывают мерзлых рябчиков.

После таких ночей бывают страшные неурожаи рябчиков; остаются живыми весьма немногие, которые ночевали в снегу где-либо к прутикам кустов, или неглубоко забившись в снег, что они нередко и делают в теплое время.

Тут же, в Салаирской черни, добывается осенью много и глухарей; но и они поступают в те же местные рынки, тоже, конечно, не составляют предмета торговли в обширном смысле этого слова. Оттепели не имеют влияния на такую могучую птицу.

Однажды в Барнауле кто-то купил на базаре глухаря, у которого в зобу нашли порядочную самородочку золота. Ясно, что глухарь где-то склюнул ее на месторождении этого драгоценного металла. Искали, искали, кем и откуда привезен глухарь, но ничего добиться не могли; так месторождение и осталось тайной.

Что касается рыбного промысла, то и он на Алтае только местный, несмотря на то, что весь этот обширный край прорезывается такой многоводной и рыбной рекой, как Обь с ее большими притоками.

Тут водятся все обыкновенные породы рыб, за исключением судака, леща, сома и раков. Такой недостаток не замечается и самыми ярыми гастрономами, потому что в водах Оби ловится в большом количестве знаменитая нельма и тальмень. Первая (нельма) принадлежит к роду белорыбицы и может вполне составить лакомое блюдо на каком угодно столе. Здесь она употребляется преимущественно в пирогах и разварная. С нею может посоперничать в этом случае только тальмень, но он более редок и потому часто ценится даже дороже нельмы.

Тальмени попадают в очень крупных экземплярах и нередко бывают до 2-х и более пудов; а нельмы

достигают до 30-35 и несколько более фунтов. Хорошая жировая нельма называется здесь жировкой и ценится иногда на месте до 20 и 25 копеек за фунт. Такие экземпляры обыкновенно широки в поперечнике и легко отличаются по взгляду от тонких и узких, которые называются стрежницами.

Как нельма, так и в особенности тальмень – очень бойкая и сильная рыба, которая и ловится преимущественно неводами; но попадается нередко в большом количестве и в заколах, запруженных больших притоках Оби, когда рыба идет в известное на то время.

Плохим старым неводом трудно удержать большую нельму, а тем более крупного тальменя. Часто случается, что он и причаленный уже к берегу уходит, так сказать, из рук рыбаков или на виду. Он или выскакивает, или забирает мотню в зубы, отходит с нею несколько назад – и вдруг, как пуля, бросается в реку (или «на воду») и, прорывая мотню, уходит не только сам, но выпускает и всю попавшуюся в нее рыбу. Так он пробует иногда до двух и трех раз, и если мотня настолько прочна, что выдержит этот стремительный и сильный удар крупного тальменя, тогда он уже окончательно, так сказать, падает духом и вдруг делается смирным. Недаром рыбаки называют его речным разбойником и говорят, что эта рыбина «сильно воиста». Нередко случается, что, выбирая мотню, находят тальменя с крепко забранной во рту сетью.

Знаменитых забайкальских сазанов также вовсе нет на Алтае, зато часто попадают осетры и в огромном количестве стерляди; а затем изредка севрюга и так называемые кастрюки; это тоже один из видов

красной рыбы. Их почему-то некоторые рыбаки называют «поповской рыбиной»; кастрюк далеко не такого вкуса, как стерлядь, а севрюга уступает и этому поповскому блюду.

Очень больших осетров я на Алтае не видал; но экземпляры в 3, 5 и даже 7 пудов встречаются не особенно редко. Они ловятся неводами и так называемыми самоловами. К сожалению, я не специалист рыбного промысла, а потому и не берусь описывать устройство этих последних.

Точно так же ловят и стерлядей – эту «мягкую рыбу», по выражению рыбаков. На самоловы ловят обыкновенно летом, по спаду коренной воды, или когда «обрежется вода», как говорят. Но главный промысел стерлядей осенью, по замерзанию реки, так называемыми каракшами. Инструмент этот очень напоминает трех- и четырехлапчатый якорек, кошку, где вместо сердцевидных лопаток также загибаются кверху весьма острые зубья или крючки.

Самоловы ставятся почти до самой осени на фарватер реки; а каракшами ловят по затонам, около берегов и на ямах.

В последнем случае все дело в том, чтоб отыскать, где остановилась стерлядь, а она останавливается к зиме таким плотным руном и в такой массе, что трудно и вообразить то количество рыбы, которое составляет это руно, или так называемый – по-рыбачьи – станок. Конечно, рыбаки приблизительно знают такие места, но их на Оби так много, что надо немало труда, чтоб по рекоставу попасть на стерляжий станок. Тут, конечно, как и на всякой охоте, дело навыка,

уменья, знания и, пожалуй, главное – счастья, чтоб найти то, что ищешь. Но в деле охоты играют главную роль хорошие собаки, а тут – одно счастье и сметка рыболова.

Вот почему вскоре по рекоставу рыбаки ездят по таким притонным местам и бьют пробные лунки или проруби. Но дело в том, что эти притонные места после сильного разлива реки крайне капризны, и часто случается так, что где прошлой зимой были затоны, тут ныне образуются отмели; и совершенно наоборот – затоны и ямы являются там, где их вовсе не ожидают.

Пробив пробную прорубь, рыбак спускает каракшу и тихонько пробует ею подергивать. Так как стерляжий станок именно стоит неподвижно, то в случае удачи на зубья каракши попадают стерляди, которые и показывают присутствие станка. Но и тут дело счастья! Обрадованный рыбак тотчас смотрит, какую стерлядь он вытащил – крупную или мелкую.

Какая радость, какой восторг является на лице рыбака, если попала мелкая!.. Он тут же, по обыкновению, снимает обеими руками меховую шапку и набожно крестится к востоку, творя от искреннего сердца благодарственную молитву!.. Тут он невольно озирается и зорко смотрит во все стороны, нет ли кого-нибудь из людей, а тем более из его соперников… И если нет, то он торопливо и тщательно заделывает удачно пробитую «пролубку» снегом и старается сделать так, чтоб она была незаметна. Затем он торопливо отправляется домой и по возможности скорее возвращается в то место уже с товарищами и со всем

необходимым, чтоб остановиться у своего Богом ниспосланного счастья!..

Какая радость и вместе с тем сомнение является на лице того же рыбака, если он из пробной проруби вытащил крупную стерлядь. Тогда он выжидает и спускается несколько сажен ниже по реке, чтоб снова выбить такую же пробную прорубь и попробовать опять тихонько каракшей. Вот тут и решается его судьба, его сомнения, его счастье: тут станок или ушел!..

Дело в том, что если сразу попала на каракшу крупная стерлядь, то весь станок может уйти, потому что во всяком станке стерлядей крупные экземпляры составляют его голову, а мелкие – хвост. Сперва пойманная крупная стерлядь даст, конечно, кровь, которую понесет по течению и по самому плотно стоящему руну рыбы, каковая сильно боится ее появления в чистой воде и часто уходит всем станком на другое место. Вот почему первые пробы каракшей и делаются осторожно, чтоб только поддеть рыбу и не пустить много крови. Если же крови мало и пущена не с головы станка, а из его средины, то бывает, что нижняя часть руна мелкой стерляди только пошевелится и не уйдет. Если же крови много и пошла она с головы – то весь станок непременно уходит.

Вот тут-то и выходит при счастии – самое жгучее несчастие!.. Тут иногда все труды пропадают даром, все надежды рушатся разом!.. Можете судить, что чувствует в это время истый рыбак и с каким старанием он все-таки заделывает свои пробные проруби. Это делается оттого, что сдвинутый с места станок иногда поднимается кверху по реке и недалеко

останавливается снова. Тогда он преследуется систематически пробными прорубями уже вверх по реке. Но осенний день короток: надо съездить домой, а в это время кто-либо подметит работу рыбака и может воспользоваться открытым Эльдорадо!.. Вот почему, повторяю, рыбаку приходится волей-неволей скорее сбегать домой и замаскировать свою находку; а если он заметит, что его видели – он заявляет либо попавшимся ему навстречу знакомым мужикам, либо заезжает в первую деревню и делает явку старшине, что он нашел станок на таком-то месте, что и охраняет его от негодяев, любящих пользоваться даровщиной.

Как в Забайкалье немногим счастливцам достается убить весной изюбра – эти дорогие панты, так на Алтае не всем рыбакам выпадает счастье найти удачно стерляжий станок. Иной с утра до вечера бьется всю осень и часть зимы на реке; изъездит десятки и сотни верст, набьет пропасть пробных прорубей и все-таки не наткнется на станок. Вот почему многие рыбаки заранее составляют артели и ищут уже вместе, на общий пай, разъезжаясь в разные стороны. Такая коммуна – одна из лучших мер в среде рыбаков; тут знание и счастье уже не одного человека и бояться друг друга не приходится; а работа спорее при удачной находке тем более потому, что одному рыбаку невозможно работать на хорошем станке: тут и не хватит ни силы, ни энергии, и не вынесет самый здоровый организм уже потому, что надо работать и караулить. Поэтому одиночки всегда трудятся или целым семейством, если оно есть, или нанимают работников, участвующих в известном пае.

Лишь только найден станок, рыбаки немедленно приступают к работе, и тут вся суть в том, чтобы начать ее с хвоста. Для этого осторожно бьют проруби, большею частью в шахматном порядке, на том месте, где определился хвост станка, и рыбаки начинают, благословясь, работать каракшами. Они тихо спускают их в прорубь и, подергивая кверху, выводят зубчатый инструмент наружу. Стерляди, попавшиеся на зубья, ловко снимаются умелой рукой и выбрасываются на лед. Их тут же подбирают нередко бабы и мальчишки, макают в снег и кладут в кучи или прямо на возы.

Таким образом, станок выбирается с хвоста и работа подвигается все выше и выше к голове, так что стерлядь попадает на каракши все крупнее и крупнее. Тут торопиться не следует и надо дочиста выбирать рыбу, чтоб она не оставалась сзади; иначе можно добыть только часть и распугать всю нижнюю половину станка, которая и без того от появившейся в большем количестве крови уходит безвозвратно.

Трудно поверить, какой плотной массой собираются иногда стерляди в станках; нередко случается так, что опускаемая каракша останавливается на рыбе, а выдернутая кверху выносит по две и по три штуки за раз. Вот почему проруби надо делать просторнее, особенно в голове станка, чтоб не сдергивать о края поддетую на крючки крупную рыбу. Конечно, нужна и своего рода практика, чтобы умеючи подсекать каракшей и еще более умеючи выводить ее на поверхность из проруби; иначе рыба срывается, уходит и пугает остальную.

Большой станок, даже и при дружно работающей артели, выбирается иногда по нескольку дней сряду. Тут немало работают и женщины, и подростки – эти будущие рыбаки. На льду нередко строятся шалаши, где складывается абда, или лопать, т. е. одежда и разный запас с разными пряжениками и харчами. Тут же разводится костер, ставятся самовары, греются чайники, варится в котелках и чугунках уха. Это настоящий рыбачий праздник, где работают до устали и пьют и едят до отвалу. Здесь немало труда и лошадям: на них то и дело везут нагруженные рыбой воза и обратно запас сена и овса; а если работа идет удачливо, то почему же на них не привезти и водочки, этого целительного бальзама для русского человека, да еще на морозе!.. Словом, тут труд и праздник в полном разгаре, а на лицах сияющая радость, выражающаяся каламбурами и остротами чисто русского простонародного происхождения.

Конечно, такой стерляжий промысел хорош и удобен с осени, когда лед еще не толст; но далее, зимою, он очень тяжел, потому что морозы усиливаются, бураны чаще, а лед доходит толщиной до 5 и 6 четвертей. Вот и извольте продолбить сквозь такую ледяную толщу не одну сотню прорубей и лунок. Тут, пожалуй, вместе с потом вылетит и самый широкий запас неподдельного юмора, а в отбитых на тяжелой пешне руках прольется дорогой для усталого рыбака стаканчик.

Бывает, что хороший и умеючи взятый станок дает до 50 и более возов мелкой и крупной стерляди, которая и делится по условию артели на паи. При такой удачной рыбалке есть где поработать, есть чему

и порадоваться; а при такой душевной отраде, значит, можно и выпить «окаянного»!..

Не упомню, в какое именно время и каким способом была добыта очень крупная стерлядь, которая весила более пуда (кажется, 1 пуд 3 фунта). Ее купил живший тогда в Барнауле В. А. К-ий, который и отправил ее как редкость ко двору чрез графа Адлерберга, за что и получил крайне любезную благодарность от ее сиятельства.

Много ловится рыбы и в Телецком озере, которая по большей части расходится по ближайшим заселенным окрестностям, потому что везти рыбу из такого отдаленного угла Алтая на более выгодные рынки крайне затруднительно и дорого.

В Телецком озере водится множество превосходных сельдей, на что и обратил особое внимание В. Е. Аврамов. Он организовал на озере специальные рыбалки и стал добытых сельдей засаливать и мариновать в жестянки, придавая форму сардинковой укупорки.

Сначала дело пошло довольно удачно, и «Абрамовская селедка» пошла на близлежащих рынках... Но, как и по большей части у нас на Руси, все это дело лопнуло, потому что сам Аврамов не мог постоянно жить на месте промысла, а его доверенные стали небрежно относиться к засолу и мариновке; и вот хорошо начатая эксплуатация погибла во цвете лет, а сам предприниматель вскоре скончался. Почему другие, с более толстым карманом, не возьмутся продолжать начатое – не знаю. А жаль!..

Почему же в Забайкалье привился в громадных размерах на Байкале и Селенге омулевый промысел?

Тут омулей добывают сотнями тысяч, солят в бочки и развозят почти по всей Сибири.

Торговля омулями идет на громадную сумму, а на самом рыбном промысле много людей не только кормятся, но и сколачивают капитальцы. В Забайкалье омулей подают к закуске вместо селедки, и многие их предпочитают, особенно так называемую селенгу. Любители делают из них пироги, а простой народ употребляет омулей в большом количестве – просто, без всякой приправы.

VI

Лесное хозяйство. Оскудение лесов. Курьезы. Поджоги. Лесной пожар днем. Случаи.

В третьей главе этого беглого очерка я коротенько сказал об оскудении лесов на Алтае. Конечно, началось это не вдруг и не сейчас, а давно, но тем не менее нельзя остановиться на полуслове и покончить так неопределенно. В старое время, когда был еще обязательный труд, за лесом смотрели хоть и не больше того, чем теперь, но тогда была другая картина всего управления краем, была и другая расправа. Тогда вся власть сосредоточивалась в одном лице – горном начальнике, который был владыкой края и зорко смотрел за подчиненными, а те за тем, что лежало на их обязанности и ответственности. Отсюда не трудно дойти и до тех близких к делу, которые имели прямое отношение к мужику, т. е. той самой силе, которая преимущественно вращалась в лесу. За этой силой смотрели, указывали, как обращаться с лесом, и в случае небрежности с нее взыскивали или карали на месте преступления, и она безропотно покорялась. Тогда всякий оглядывался, не смел делать коекак и был осторожен, зная, что ему не пройдет даром ни одна более или менее важная провинность. Это, конечно, видели дети мужичка и хорошо понимали, за что наказывали их «тятьку», а сам «тятька», хоть иногда и больно почесываясь, внушал им, что вот того-то делать нельзя, а надо, если нужно, спросить старших и быть как можно осторожнее с огнем.

Мужикам никогда не отказывали в их нуждах относительно леса и даже смотрели за тем, чтоб у них было все в исправности по хозяйству; даже взыскивали с лентяев и настаивали на том, чтоб они немедленно поправляли то, что рушилось или требовало починки. Мужички хорошо это понимали, и волей-неволей сами берегли лес. Знаю это потому, что служил при обязательном труде в Нерчинском крае и видел все воочию, как говорится.

Тогда все бора были сыры и мало боялись огня; а если и случались лесные пожары, особенно в засуху, то при обязательном труде крестьяне сами или по наряду собирались в большом количестве, тотчас захватывали огонь и прекращали пожарище.

– А так ли это теперь? – спросит читатель.

– Нет.

– Да почему же нет? Ведь крестьяне – те же крестьяне и так же обязаны ходить на опалку лесов весною и тушить пожары…

– Вот то-то и есть, что крестьяне не те, а власть разбилась над ними до семи нянек, и дело выходит так, что пока подлежащая ближайшая власть начнет сначала переписку, а потом уже нарядит крестьян тушить пожар, то придет их разве половина и то только тогда, когда пожар войдет в свою силу, когда остановить его трудно или невозможно – и, глядишь, немалой части бора как не бывало!..

– Странно!

– И ничего тут странного нет, потому что с увольнением крестьян они сделались отрезанными ломтями, и к общему делу их уже не приставишь. Они сами по себе – и дело само по себе; оно в зависимости

от этой отдаленной уже силы, которая не только не понимает своего экономического строя, находящегося в тесной связи с благосостоянием лесов, но даже как бы враждебно относится к этому благосостоянию, и им об этом никто не растолкует. Мужики даже свои, т. е. отведенные им участки, не берегут, а казенные леса умышленно поджигают.

– Как так? А для чего же исправники, мировые посредники?..

– Гм!.. Да разве они могут помочь общему делу!.. Ничуть! Они состоят взаимно в постоянном антагонизме. Да вот, например, хоть относительно пожаров; они только замедляют нужную помощь через формальную переписку, которая требует немало времени и не имеет при этом случае смысла. А если им представляются протоколы о виновниках пожаров, то они нередко штрафуют их сами самой пустяшной пеней – и делу конец. Мировые посредники даже ослабили наздор за крестьянами исправников, и вместо обоюдной помощи у них тот же антагонизм и одна формальная переписка, клонящаяся к тому, что крестьяне, хорошо зная эту вражду, позволяют себе не слушаться ни того, ни другого... Впрочем, это такая длинная история, что коротко говорить невозможно, а подробно неудобно, да и цель моих заметок вовсе не та...

К тому же в деле оскудения лесов на Алтае имеет громадное значение само лесное хозяйство.

– Как так? Вот это еще того лучше!..

– Да, действительно лучше!.. А между тем, так выходит на деле, потому что тех же крестьян до того стеснили всевозможной и дорогой пошлиной за лес, что мужик не может вырубить себе топорища без пени;

а если попался не своему куму или не сумел почествовать вовремя даже и кума, то приходится заплатить за такую пустяковину втрое...

Ведь и в самом деле, до чего доходила пресловутая строгость в лесном хозяйстве – курьез! Право курьез! Позволят, например, мужику или, еще лучше, рабочему при заводе или рудниках вырубить за попенную плату сколько-нибудь дров или бревен; возьмут, конечно, деньги, назначат срок, обыкновенно крайне короткий, и следят за порубкой. Вот мужик или рабочий вырубит, а глядишь – прихворнулось порядком либо простояли бураны, ему и не удалось вывезти из леса порубку, а срок-то прошел. Вот и налетят архаровцы да и конфискуют все на месте. Потом эту же порубку и купит, как будто с аукциона, какой-нибудь того же архаровца кум за половину цены, а мужик или рабочий только взвоет, сердечный!

Как-то рассказывал мне один крестьянин из-под Бийска, что он сделал новую колоду, в которой возил на продажу хлеб. Его увидали лесные хозяева, взяли за новую колоду попенные деньги и отпустили с миром. Он, конечно, обрадовался, что еще дешево отделался, и уехал домой. Потом его опять увидали и снова потребовали попенные. «Что вы, – говорит, – братцы, помилуйте!.. Да вы прошлый раз взяли с меня за эту колоду, а теперь за что?» – «Как за что? За новую колоду, видишь, клейма на ней нет?» – «Да я-то чем же повинен, что вы не поставили?» – «Врешь, – говорят, – давай, а то протокол составим и в полицию потащим!» Что тут поделаешь? Пришлось заплатить другие попенные да почесаться в затылке.

– А вот мой сусед, – говорил мужичок, – сробил четыре новых колоды и не заплатил ни за одну ни копейки.

– Это как же так? – спросил я.

– А он, барин, похитрее меня будет – взял новые-то колоды да и загреб в навоз; ну они, значит, и зачернели, словно старые, в глаза-то и не лезут!.. Так и прошло!..

– А тут еще что было, – продолжал тот же мужик, – наша крестьянская баба – еще сватья мне будет – плетет из прутьев коробья и возит их продавать на базар... Вот она раз и приехала с новым коробом – ее и поймали. «Чего, – говорят, – просишь за короб?» – «Да сорок копеечек только, кормильцы!» – «А свидетельство есть?» «Какое же свидетельство? – говорит сватья. – Ведь я вдова, пить-есть надо; а короб-то, поди-ка, из прутьев!..» – «Нужды нет, что из прутьев – давай штрафу 40 копеек, а короб-то мы у тебя отберем, не продавай без свидетельства!» Вот вертелась, вертелась сватья, завыла!.. Продала трубку холста, выбросила этим кровопивцам 40 копеек да и прибежала домой без оглядки... Ну и выла потом целую неделю!..

Не менее курьезен был, как рассказывали, и такой случай в ближайшем к Бийску винокуренном заводе. По дороге к этому заводу стояла большая старая, сухая и подгорелая сосна, за которую опасались, что она упадет и, пожалуй, кого-нибудь задавит, ее и велели срубить. Но увидала власть, составила протокол, высчитала, сколько сажен дров может выйти из этой сосны, перевела на деньги и, считая штраф втрое, потребовала 65 рублей пени. Чем это кончилось – не знаю, но пассаж курьезный.

Не менее забавная история была и в Сузуне: весною при спуске воды из шлюза стало мыть заводский ряж. Надо было немедленно принять энергичные меры. По приказанию управляющего было срублено и привезено со всем – с сучьями – две или три молодые сосны для того, чтобы их спустить на веревках к ряжку и тем, отбивая сильный прибой воды, спасти дорого стоивший казне и столь важный для завода ряж. Лесничего в это время не было дома, а минуты были дороги; сосны срубили, спустили и спасли ряж. Но не так посмотрело на это самоуправство лесное хозяйство: оно составило протокол, и с управляющего взыскали большой штраф.

И это, так сказать, в одном общем хозяйстве... одного и того же ведомства!.. Спрашивается, что дороже для общего дела: дорогостоящий ряж для завода со всеми последствиями в случае его повреждения или три молодых сосны из близлежащего бора?! В каком же положении находится управляющий даже в экстренных случаях?.. А он отвечает не только за целость и сохранность завода, но и за каждую передержанную копейку в живом деле против пресловутой сметы по бессмысленным параграфам. Могло ли идти дело при таком порядке? А между тем лесное хозяйство, как умывающее руки и ни за что пока не отвечающее, спокойно почивает на лаврах и хладнокровно составляет вопиющие протоколы, не помогая делу, а только во имя поставленной неприкосновенности зеленого канта... И – Боже! – такой абсурд поддерживался за последнее время местным владыкой горного дела на Алтае, которому подчинялись и умывающие руки пилаты.

И могло ли быть что-нибудь подобное при прежнем управлении, начиная с Беэра и кончая Фроловым?

Конечно, нет, потому что тогда подобные умыватели делали свое дело и помогали общему хозяйству одного и того же хозяина.

Что же наконец выходит из всего только что представленного, хотя и в сотой доле, положения дела?..

А выходит – между управлениями неподобающий антагонизм вместо обоюдной помощи, а в народе не только содействие, но какая-то раздутая месть!.. Он за все оплачиваемые оглобли и топорища упорно жжет леса и вместо их охраны нередко залезает только на поветь, подпирается в бока руками и говорит своему соседу: «Фу!.. Как там, паря, лихо пластает!..»

Однажды в 188... году в Барнауле из окна городской управы мне довелось слышать очень курьезный разговор двух встретившихся крестьян:

– А ты, дядя Михей, как сюда попал?.. Разве вас не выгоняли на пожар?

– Как, паря, не выгоняли! Да кому же охота идти, почитай, верст за 50! Вот мы свой и зажгли – вишь как буровит!..

Действительно, прямо за Обью в Бобровском бору виден был дым на большом пространстве.

– Как не видать – давно вижу! – говорил молодой парень и тыкал рукавицей в воздух по направлению к Оби.

– Ну вот и смотри да приготовляй харчи – погонят и вас... А тут все же поближе, в своем месте-то!.. Вот и сушник будет дома... Теперь, брат, и топорищев, и оглобель даром нарубим!.. – рассмеявшись, сказал

дядя Михей и, оглянувшись, тихо и как бы по секрету прибавил: – А ты знай да помалчивай! Понял?..

– Как не понять – знаем!.. Не впервой!.. – как-то таинственно проговорил парень и с довольной улыбкой отправился на базар.

А попробуйте нынче взять этих приятелей и доказать хоть тому же мировому суть их разговора!

Прожив в Сузунском заводе почти 11 лет, я вполне убедился, что значит быть человеком с теми же Михеями и как подобные отношения отзываются как на заводском деле, так и в лесном хозяйстве. Одно время был у нас лесничим Ф. А. Г-ель, который придирался к людям за всякую малость, делал конфискации, не позволял пользоваться из бору вершинником и проч. – и дело дошло до того, что с появлением лета в окрестностях Сузуна редкий день не было пожара в лесу; зато выдавались и такие счастливые дни, что было их по три и по четыре, пяти зараз. Приходилось повсюду рассылать нарочных за людьми, чтоб не терять времени, снимать своих рабочих даже с заводских печей и нередко на казенных лошадях посылать в бор, чтобы захватить пожары и спасти курени, где находились сотни сажен куренных дров и тысячи коробок угля. В случае надобности рабочих оставляли в лесу на ночь и на другой день без смены и, собирая печеный хлеб и покупая сотнями калачи и огурцы на базаре, посылали все это в телегах трудившимся до изнеможения заводским рабочим; а некоторые крестьяне кое-как собирались только тогда, когда уже нечего было и делать.

После Г-еля поступил лесничим М. М. К-ов, который, послушав моего совета, повел дело по-божески,

попенных денег выручал больше, бора очистил от залежи, а пожаров в течение нескольких лет почти не было, за исключением таких, которые бывали не от умышленных поджогов, а от таких случайностей, какие могут и не ставиться в вину работающим в лесу людям.

Такая перемена и относительное спокойствие были так наглядны, что дивились даже сами рабочие и нередко говорили:

– У нас, барин, теперь спокой!.. И молодяжник в лесу не озорничает!..

Не думайте, что этот лесничий делал только поблажки и не соблюдал интересов казны – нет: и строго было, но было по-божески. Ныне на Алтае леса – едва ли не самый жгучий вопрос бытия. Конечно, старые лысины не залечишь, но дай Бог, чтоб новое управление поправило дело и поставило его так, чтоб народ понял, что поджигать безнаказанно нельзя и что лес надо беречь для общего благосостояния.

– А что такое лесной пожар?

– Ну, на этот вопрос отвечать, как говорят сибиряки, «хитрено», а тем более на бумаге. Это такая штука, которую и лучшая кисть художника да и даже самая фотография изобразить во всей форме не в состоянии. Они могут наглядно показать только моменты, но целого – никогда!..

Лесной пожар, особенно в засушливое время, может начаться от такой пустяковины, что и сказать трудно: от возгоревшегося охотничьего пыжа, от окурка папиросы и даже от не совсем потухшей спички, брошенной на сухую почву леса. Стоит только «зашаять» и потом вспыхнуть какой-нибудь былинке или сухому

листу – и, глядишь, огонек перескочил на соседнюю сухую травку или близлежащий желтенький листик, там еще немного подальше – и пошла писать история... Прислушайтесь хорошенько – и вы заметите какое-то слабое потрескивание: это захватило тихо подкрадывающимся огоньком тоненькие сухие прутики... Вот вспыхнули и они, а тут недалеко кустик – загорелся и он, показался уж дым!.. Тут еще и еще, огонь все дальше и дальше!.. Нарушилась температура воздуха, потянул за огнем ветерок – и вот уже затрещало и зашипело со всех сторон, тут и там повалил черный дым!.. Еще не прогорело сзади, а огонь все лезет вперед и вперед, как какой-нибудь Змей Горыныч, который своими красными языками моментально охватывает кусты, обхватывает деревья, словно окутывает их своим тяжелым дыханием, дыханием смерти, и пожирает на месте!..

Видя это чудовище, засуетились и зачирикали тревожно пичужки!.. А вот выскочил из-за куста заяц и, недоумевая, в чем дело, усевшись на корточки, стал прислушиваться и приглядываться во все стороны. Круто вспорхнул где-то рябчик и, тютиркая, полетел на близстоящее дерево. Вот закокала подальше тетерка и словно сказала – это пожар!..

Да, это действительно пошел низовой пожар!.. Куда-то он направится? Где остановится! Но там, впереди, кажется, есть лесная поперечная дорожка; дойдет и, может быть, остановится?.. Дай-то, Господи!.. А если перескочит?.. Ну, тогда плохая история – там пойдут заломи, урманы, а дальше курени – беда!!

В чистых борах низовой пожар не очень опасен и не так вреден, как в местах таежных или черневых

лесах. В первом случае огонь иногда проходит тихо: погорят ягодники, мелкий валежник, молодая поросль и, пожалуй, обтлеют некоторые большие деревья на несколько четвертей или аршин от корня – и только! Но не так это бывает в черневых лесах и в тайге; об этом скажем после.

А много ли на Алтае чистых боров? Нет, все они более или менее, как говорится, загажены: тут и сушняк, тут и валежник, тут и вершинник; а куч хворосту и старых гнилых пней – сколько угодно!.. Вот этот-то сухой хлам и служит главной причиной распространения пожаров; он-то и есть главный враг здешних лесов; от него глубоко загорается тундристая почва; от него низовой пожар нередко переходит в верховой; а он-то и есть настоящий бич, уничтожающий леса. С низовым пожаром можно справиться, а с верховым по большей части невозможно.

В чистых сосновых борах почти все деревья нижних сучьев не имеют: все они отпадают сами и остаются только с половины дерева до вершины. Тут мало кустарной поросли и молодой чащи, так что низовому огню трудно пойматься за высоко расположенные ветки и пройти в верховой. Вот почему в таких чистых борах пожар кончается скоро и большого вреда не приносит.

Совсем другая картина и не так спокойно проходит пожар в борах нечистых и в смешанном лесу, например в черни!..

Тут низовой пожар немедля охватывает кусты, молодую поросль и, поднимаясь по ней кверху, моментально хватаясь за большие ветви высоких деревьев, быстро переходит в пожар верховой.

Так как при этом всегда сначала образуется сильная тяга снизу, а температура поднимается вдруг очень высоко, то вылетевший огонь на вершины деревьев, этих великанов сибирской тайги, подчиняется направлению ветра, который обыкновенно тотчас усиливается. Тут уже образуется со страшной силой верховая тяга и огонь не только не дожидается подпаливания снизу, но опережает низовой пожар и летит уже с ужасной быстротой. Вот этот-то страшный полет верхового огня, стремительно перескакивающий с вершины на вершину лесных гигантов, и называется здесь маткой.

Можете себе представить, что такое изображает из себя матка, да еще в ветреную погоду, в большом и густом лесу… А таких маток образуется иногда несколько, смотря по ходу низового пожара, густоте нижней лесной поросли, ее направлению и, наконец, густоте и расположению большого леса!..

Это уже не Змей Горыныч взвился кверху и охватил своими длинными огненными языками и страшными лапами могучие вершины громадных деревьев, нет! Это уже что-то выходящее за пределы мифологии и самого пылкого воображения сказителей!.. Нет! Это какой-то сплошной полет огня, который неудержимо стремится к вершине леса, поднимает свои страшные и громадные огненные языки то прямо кверху, то расстилая их вперед, и как бы старается как можно скорее захватить в свое огненное жерло все, что еще невредимо стоит с зелеными курчавыми головами и еще не попало в его страшные объятия!..

Густой дым разнообразных оттенков и мириады искр, то поднимающихся кверху, то падающих книзу,

сопровождают ужасный полет матки!.. Как иногда из прихотливой группировки облаков, особенно при закате солнца или при освещении полной луны, образуются причудливые фигуры, так и при таком пожаре сбоку нередко кажется, будто над лесом, распростершись, летит громадных размеров дед, который, то кутаясь, то сбрасывая с себя одежду, в черной мохнатой шапке, и выдыхая красноватое пламя, старается схватить в свои ужасные объятия и пожрать весь остальной лес, еще так мирно зеленеющий впереди!.. И это не плод пылкого воображения в кабинете – нет! – а это более или менее общая примета народа, который, смотря на ужасный лесной пожар, под впечатлением страха, и как бы соболезнуя, говорит: «А вон и дедушка прилетел!»

– Но что же делается внизу, под этой страшной беснующейся стихией!..

– Тут в это время какой-то поражающий огненный хаос!.. Огонь с неимоверной силой и быстротой моментально охватывает молодую поросль, отдаленные кусты и, перескакивая с одной группы на другую, в вихре огненной пыли, в клубах черного и белого дыма крутит, мечет во все стороны и со страшным воем несется вперед и вперед!.. Словно он бесится на то, что отстал, и напрягает все свои силы, чтоб догнать всепожирающую матку!.. С особенной силой и точно озлоблением нападает он на молодой мохнатый ельник и в особенности на кудреватый пихтач, у которого смолоду нижние ветви расстилаются почти по земле. Моментально охваченная пихта както вдруг съежится, точно от боли, поведет судорожно ветками несколько кверху, зашипит, сразу стушуется

в пелене сероватого дыма и потом от скопления смолистых газов и полета огня кверху она точно выстрелит – и мириады искр посыплются во все стороны!.. И вот из цветущей зеленой пихточки вдруг остается тощий дымящийся остов!.. Точно каким-то чудом сделалось превращение, так тяжело действующее на душу!.. Вот сию минуту она цвела, росла, наслаждалась жизнью – и почти вдруг, моментально погибла и превратилась в сухой черный скелет!

Почти то же бывает и с молодыми елочками. Только молодые сочные березки упорно как бы борются с огнем и не вдруг делаются его жертвой. Они долго-долго шипят, собирают в кучки концы своих веточек, словно подбирают обожженные пальчики, и затем уже тихо загораются пламенем, отделяя массы черного дыма.

Если местность пожарища гористая, то надо видеть, с какой быстротой огонь взбирается на крутые покатости и с какой алчностью пожирает он все горючее и попадающееся ему навстречу! Особенно огонь сильно свирепствует там, где растет большими группами цепкий вереск и стелющийся можжевельник… А что делается в это время уже в пройденных им крутых логах – в урманах[14], поросших густым дурбенником?!

В общем, такая картина лесного пожара – страшная картина. Она сильно действует на самые грубые, так сказать, проволочные нервы и производит потрясающее впечатление!.. Ее, если хотите, интересно наблюдать со стороны, вне опасности, но Боже сохрани

[14] Урман – овраг или крутой лог, на дне которого протекает ручей или небольшая речка. Тут обыкновенно растет высокая толстая поросль в виде травы, на стебле которой бывают розовые цветы, похожие на аконит; народ называет это «дурбенником» – *Примечание А. А. Черкасова.*

попасть в этот кипучий огненный ад, где нет спасения, и где царит одна смерть и смерть!.. Тут, кажется, сам Вельзевул собрал все свои силы, чтоб этой свирепой стихией пожрать, уничтожить и превратить в пепел все, что только попадает в его могучие объятия.

От какого-то неподдающегося описанию шума и зловещего гула находит неудержимый страх и гнетущее уныние на душу. Но если вы еще бодритесь и внимательно прислушаетесь к этому общему гулу, вы прежде всего обратите свое внимание на страшный рев и шипящий свист несущейся по верху матки. Затем отличите общий треск в пожарище и вот, наконец, заметите отдельные выстрелы захваченных пихт и глухое падение подгоревших деревьев!.. А в общем, опять тот же потрясающий гул и рев расходившейся стихии.

Надо видеть, что делается во время этого ужасного огненного ада не только со всеми обитателями захваченного пожаром леса, но и с теми людьми, которые явились в него для тушения пожара!.. Посмотрите, как тревожно и быстро вылетают со всех сторон рябчики, тетери и глухари. Как они мечутся во все стороны, отыскивая где бы то ни было спасения; нередко приходится видеть, как они, захваченные дымом или в суматохе попавшие в самое пламя, тут же падают в пожарище и сильно хлобыщут крыльями в предсмертной агонии; или же, увертываясь от огня, они с опаленными перьями кружатся на месте – и, глядишь, завертевшись, снова несутся в сторону пожара на явную смерть!..

В этом случае беспомощнее всех рябчики, потому что они не привыкли и не умеют летать далеко, а вследствие этого скорее всех падают на землю и на ней находят огненную могилу. Более же находчивы глухари:

они стремглав несутся вперед и, если успеют опередить матку, то спасаются в уцелевших местах или перелетают в другие бора и участки.

Если такой пожар бывает весною, то можете судить, сколько погорает гнезд и молодого поколения лесной дичи!.. Тут надо еще заметить, что в такое время почти все матки гибнут прежде всего; это потому, что они крепко сидят и даже не слетают с гнезд совсем; или же, полетав по пожарищу, скоро возвращаются к тем же гнездам или беспомощным выводкам и гибнут тут же. Сколько раз находили обгорелых копалух (глухарок) на гнездах или во мху и ягоднике над своими птенцами.

Интересно также видеть, что делается с зайцами. Эти несчастные тоже мечутся во все стороны и в это время не только не боятся человека, но как бы прыгают под его защиту. Лисицы же и медведи реже попадают на глаза человеку, но трупы их находят частенько. Бывали не однажды и такие примеры, что спасающиеся медведи, с пеной у рта и со страшным ревом несущиеся с пожара, не только не трогали тушителей пожара, но также вертелись тут же и как бы искали их покровительства.

После страшного лесного пожара, кажется, в начале 1870-х годов, в окрестностях Колыванской гранильной фабрики было найдено 6 обгорелых трупов медведей. Все они лежали кверху лапами, с поднятыми, вздутыми или треснувшими животами; а кругом их на обгорелой земле видны были следы их ужасных и отчаянных скачков. Во время пожара играет убийственную роль густой и удушающий дым, который не позволяет видеть и ориентироваться даже и человеку.

Но всего ужаснее бывает та картина, когда тушащие пожар люди попадают в такое положение, что матка накрывает их сверху леса, а низовой огонь вдруг окружает несчастных со всех сторон!.. Можете себе представить отчаяние, слезы, вопли этих несчастных, вздевающих кверху руки и громко молящихся Господу!..

Вот почему на таких страшных пожарах строго следят за появлением матки и ее направлением. А лишь только заметят, что она уже есть, тотчас кричат: «Матка! Матка идет!.. Спасайся, ребята!» И надо видеть, с какой поспешностью бегут пешком и верхом не только молодые ребята, но и поседевшие старики в безопасные места: к большим дорогам, речкам, озерам и даже лесным болотам.

Конечно, и в таких случаях находчивость и предусмотрительность – главная мера спасения. И сколько было таких примеров, что нерастерявшиеся люди, уже, кажется, совсем погибавшие от окружившего их огня, находили свое спасение в наскоро выбитых ямках на почве или выскакивали, накрывшись чем попало к близлежащим озеринкам и болотникам, где моментально бросались в воду и, прячась в ней, избегали ужасной смерти!..

Тут опытные надсмотрщики не позволяют работать в тонких рубахах, которые легко могут загореться от искр. Следует быть, самое лучшее, в суконных простых азямах. Были примеры, что у неосторожных рабочих загорались рубахи на бегу, и тогда от раздуваемого пламени они сгорали почти у пристани своего спасения. Ужасна, говорят, та картина, когда спасающийся горит на бегу, когда он, весь объятый

пламенем, наконец, не выдерживает, падает и умирает в страшных мучениях.

Замечательно, что в случае крайности многие лошади, брошенные хозяевами, инстинктивно следовали их примеру и также бросались и даже ложились в воду. Рассказывали даже такой пример, что одна старая лошадь, сохранив себя в мелком болоте, потеряла глаза, не имея возможности окунуть свою длинную голову. У нее несколько обгорели уши и вытекли глаза, но она еще жила у своего спасшегося хозяина, который берег ее до самой ее смерти, нередко говоря, что только она сохранила ему жизнь, вынесши его во весь мах из пожарища к лесной болотине.

Иногда огненная матка летит с такой быстротой, что ее не могут обскакать и на самых бойких лошадях; бывали примеры и на моей памяти, что люди, не умев спастись вовремя, гибли в страшных мучениях от захватившего их огня. Страшные обгорелые их трупы находили уже после и с воем и плачем погребали иногда тут же, на месте ужасной их смерти. Мне случалось видеть некоторые намогильные насыпи с покривившимися уже крестами, которые ясно говорили о случившемся несчастии и поучительно напоминали о том, что при тушении пожаров надо каждому быть крайне осторожным и внимательным ко всему окружающему.

Удивительнее всего то, что простой народ, вечно воюя с суровой природой, как-то хладнокровно смотрит на подобные события и нередко, говоря о погоревших и о мерзляках, относится к памяти этих несчастных как-то безучастно, как бы глубоко веруя в предопределение: дескать, «чему быть, того не миновать, знать, им такая судьбина».

VII

Лесной пожар ночью. Меры тушения. Опалка лесов. Разорение гнезд. Пожары усадьб и деревень. Причины обезлесения края. Поиски яиц. Гибель лодки. Перепела на городском пожаре. Выпь.

По большей части бывает так, что лесные пожары бушуют днем, а к ночи они потухают, вероятно, от ночной сырости и понижения температуры. Но в засушливое время и в особенности осенью они ночью бывают еще ужаснее. Если издали смотреть на них днем, то, кроме сильного дыма, вам ничего не покажется. Увидите лишь общее дымное марево – и только; а если ветер от вас, то заметите разницу и в самом выбрасываемом огромными клубами дыме. Если он выбивается черными или темными массами – это значит, что пожар в том месте идет вперед; если же он сизого и беловатого цвета – тут уже погорело, и это дымятся остатки пожарища.

Во время больших пожаров отделение дыма бывает так велико, что вся окрестность на несколько десятков верст наполняется им до того, что закрывается солнце – или совсем, или вы видите его, точно сквозь дымчатое стекло, в виде красноватого диска. В такое время всю окрестность затягивает ужасно неприятной дымной мглой и повсюду несет дымом или гарью. Все это наводит крайне тяжелое впечатление на нервы и уныние на душу; а простой народ говорит: «Словно давит!.. Мотри, как затянуло мороком, – верно леса пластают!»

И действительно – «пластают»; другого слова, пожалуй, и не подберешь, потому что погоревший таким образом лес в самом деле ложится пластом, и со временем на том месте, где когда-то стоял дремучий бор, является пустошь с обгорелыми пнями, изрытой прогоревшей почвой и кое-где вновь поднимающейся жалкой березкой... Ужасно тяжело и грустно видеть подобные смертные останки от бывшего леса!.. Проезжая мимо, невольно только покачаешь головой; как охотник, подумаешь о бывших обитателях леса и, пожалуй, скажешь: а ведь, наверное, ничего подобного не увидишь, например, в соседней нам Германии... Нет! Там, мне кажется, такой вопиющей картины и быть не может.

Совсем другая и более тяжелая картина пожара бывает ночью. Тут издали не видно даже и дыма; зато красновато-багровое зарево охватывает все окрестное небо и еще более зловеще действует на душу. Но что представляется глазам наблюдателя, если он побывает вблизи пожара, а тем более явится помощником к тушителям, закоптевшим в дыму и саже. Все, что видел он днем, будет уже слабым подобием настоящего, если только ночь темна и суха. Тут все ужасы сильного дневного пожара являются хотя и сосредоточеннее, но в более ярких красках. Это такая страшная движущаяся панорама, что трудно представить себе и в воображении: нет, ее надо видеть. Тут трудно охватить весь ужас общей картины и можно только издали наблюдать за отдельно горящими участками.

Вот посмотрите, как теперь горит; гораздо виднее, когда местами тихо подкрадывается огонек

к какому-нибудь совсем еще темному кустику или вдруг налетит на почти черную елку или пихту, только что так красиво освещенную сбоку. Все причудливые полутени моментально исчезают, и она, охваченная уже огнем, с шипением ежится и корчится в его пламенных объятиях. Но вон там, подальше, кажется, совсем потухает, и только какая-то былиночка горит еще, как восковая свечка, точно поставленная Богу с теплой молитвой о помиловании. Ах, нет! – около нее появилась другая, а вот еще и еще!.. Вон дальше около них что-то уж вспыхнуло, затрещало – и вот охватило целый куст; а с него выскочивший огонь поймался за какую-то висячую ветку, перескочил на другую – и Боже!.. Как моментально он уже охватил целую группу молодых сосенок!.. Повалил страшный дым, застлал собой близстоящие деревья и затем громадным огненным языком вылетел далеко выше этих несчастных сосенок, с которых во все стороны посыпались искры!..

Но что это за шум и рев со страшным треском слышится из леса где-то вдали? Чем это осветило вдруг всю группу вблизи стоящих больших деревьев?.. Почему это вдруг задвигался и загалдел побежавший и прихотливо освещенный сзади народ? Боже! Да это ночью по верху леса со страшной силой несется опять ужасная матка!.. Какими огромными красными языками охватывает она вековые деревья, словно прыгает с вершины на вершину, и как огненная буря летит вперед и вперед! Тут никакая сила ее не остановит... Нет! Тут и страшный ливень с умилостивившихся небес не скоро зальет эту клокочущую огненную геенну!

Смотрите, с какой ужасной злобой и быстротой несется она по ветру!.. Какие мириады искр, оторванных горящих веток летят от нее во все стороны и пурпурным каскадом, крутясь в этом ужасном огненном хаосе, падают на еще темнеющий и только багрово освещенный ягодник. А вот подальше видите это маленькое озерко или болотце – теперь не разберешь; смотрите, каким красным цветом отливает оно от пожара, точно в нем не вода, а кровь, сбежавшая с этих кудрявых великанов, которые, горя и вспыхивая вновь, все-таки пересиливают этот красноватый оттенок и багровыми светочами отражаются в таком кровяном зеркале!.. Брр!.. Право даже жутко становится от такой картины, которую больше нигде и, быть может, никогда не увидишь...

Но что это иногда мелькает около пожарища, хлобыщется об деревья, падает и конвульсивно вертится в обгоревших кустах и ягоднике... Боже! Да это несчастные пернатые обитатели горящего леса, которые, как нарочно, летят ночью на свет, натыкаются в темных углах на ветки, выбиваются к огню и, охваченные им, как-то корчась на воздухе, падают в пожарище.

Ночью даже и низовой пожар имеет свою особую физиономию, свою характерную прелесть; тут вы видите почти то же, что и днем, только гораздо рельефнее, и нет тех страшных картин, что бывают при верховом. Здесь при проходе огня понизу замечательно причудливо освещаются то ярким блеском, то полусветом и полутенями группы больших деревьев; словно их кто-нибудь в разных пунктах снизу освещает вспышками магния, что, в общем, выходит очень

эффектно. В такие минуты невольно кажется, что это искусственная забава в каком-нибудь саду или парке, а не пожар, не горение лесов, этих несчастных боровых остатков Алтая.

Низовые пожары тушатся и ночью, но верховые, особенно в ветер, когда неминуемо является матка, – это уже немыслимо. В этом случае и днем люди, работая в дыму, теряются и делаются жертвами огня, а ночью и подавно; да и требовать от них в такое время работы невозможно: можно только вдали от пожара проводить перехватывающие канавы, вырубать просеки и проч., но и это доступно только в светлые и лунные ночи.

Как крайняя мера, при тушении больших пожаров является необходимость пустить с безопасного места встречный огонь; для этого люди заходят вперед пожара и нарочно поджигают лес, направляя огонь навстречу. При низовом пожаре это штука нехитрая и неопасная, но при верховом – история другая. Тут иногда невозможно опередить пожар, идущий по вершинам деревьев; а при удаче трудно поднять наверх огонь искусственно и направить против образовавшейся страшной тяги воздуха. Если же это и удается, то всегда явится два противоположных течения и в один миг образуется две супротивных матки, которые, как разъяренные огненные потоки, несутся со страшной быстротой и силой друг против друга, и можете себе представить, что происходит тогда, когда они сойдутся!.. Вот где настоящий огненный ад, который я и описать не в состоянии, чтоб представить читателю настоящую картину.

Чем ближе сходятся две противоположные матки, тем более усиливается течение воздуха и их стремление скорее соединиться в одно целое!.. В самый же момент соединения тот и другой огонь схватываются вместе, образуя огненную массу, которая сначала крутится, затем вдруг взвивается кверху на страшную высоту, выше леса, и только тогда огонь теряется в массе вылетевшего громадным столбом дыма!.. В эти ужасные секунды слышатся не только рев и гул, а какой-то зловещий клекот бушующего огня, который, как страшный водопад, оглушает до того, что невозможно слышать не только разговора, но и крика человека. Затем вдруг все стихает – слышны только шипение и треск да видны мириады искр, которые, то сверкая, то потухая, крутясь, падают из-под клубов черного дыма!.. Является удручающая зловещая тишина, как бы говорящая в этой агонии: готово! все кончено!.. Лесу больше тут нет!..

Как предупредительная мера от могущих быть пожаров вследствие напольных огней, на Алтае волей-неволей прибегают к искусственной опалке боров весною, но только в то время, когда в них еще сыро. Для этого выгоняются с окрестных деревень крестьяне, как и на пожары; работа ведется под присмотром местных лесничих и полесовщиков. Вся суть в том, что около кромки боров опаливается, или лучше сказать, выжигается ветошь (старая трава) и мелкая поросль полосою в несколько сажен шириною. Конечно, это имеет смысл и значение, если делается толково и вовремя; но бывает и так, что при нерадении рабочих или плохом присмотре, особенно в ветреную погоду, огонь вырывается и попадает в бор;

и вот является та беда, которой боялись, от которой предохраняли лес.

Вся работа при опалке состоит в том, что около кромки бора нарочно зажигают ветошь и дают ей прогореть на известное расстояние, а затем по краям огонь тотчас тушат метлами и заскребают лопатами; вот и вся нехитрая штука.

Досадно и тяжело иной раз видеть, когда при опалке лесов крестьяне разоряют гнезда тетерь, собирая из них яйца или разбивая их о землю, если они уже насижены. Тут вполне проявляется все грубое невежество этого темного люда, которому служит забавой хлопанье насиженных яиц. А если кто-нибудь начнет стыдить такого субъекта в его неразумном поступке, то он только глупо осклабится и непременно скажет либо дерзость, либо отделается своего рода философией: «Ну а что за беда! Ведь она вольная птица!.. Не я, так кто-нибудь другой оберет яйца!» И увы! Несмотря на такой, по-видимому, глупейший довод, он почти прав, и прав потому, что в первый же подходящий праздник пойдут разыскивать тетерьи гнезда не только ребятишки, но и взрослые парни, даже бабы, девки и пожилые мужики. В некоторых деревнях такого рода занятие производится чуть не огульно, и в весьма редких – умные старики имеют влияние на целое обчество – и там гнезд почти не разоряют. Следовательно, «что город – то норов, что деревня – то обычай»; в одной бахвалятся тем, кто больше набрал яиц; в другой это считается грехом.

Читатель, быть может, скажет: а что же делает власть, которая в силу закона должна остановить такое безобразие?..

Совершенно верно – должна!.. Но наши власти, и повыше деревенских, охотно, например, покупают заведомо ловленных в сетях весной дупелей; так почему же какому-нибудь деревенскому старшине не отведать и самому скусных тетерьих или утиных яичек?..

Заканчивая этот краткий очерк о пожарах, не могу не упомянуть, что они нередко бывают так внезапны, что от них погорают иногда не только близлежащие к лесам заимки (хутора), мельницы, но и селения. Такие примеры были и на моей памяти, и с таким печальным финалом, что выгорала не только большая часть деревни, но даже часть скота, а жители, лишившись почти всего имущества, едва спасались сами. Положим, что такая катастрофа случилась вследствие беспечности и засорения деревни близлежащими назьмами и ворохами соломы, но тем не менее такой случай ясно уже доказывает, что тут и силы всего деревенского люда не могли отбить упорно наступающего из леса огня.

Из всего вышесказанного легко заключить, какая масса леса гибнет на Алтае от пожаров!.. Они настоящий бич лесного хозяйства, и в сравнении с ним, что значат не только воровские порубки, но и заводские, если б они велись правильно. Правильной, рациональной порубки не велось здесь и ранее; никакой таксации на Алтае не было да, пожалуй, и быть не могло, вследствие того, что не было топографических съемок края. Считали и меряли леса «близко да около», а потому и порубки начинались, где поудобнее и повыгоднее; а вырубленные участки не очищались и на них не оставлялось должного числа семянников.

Я видел хорошую геогностическую карту Салаирского горного округа, составленную с 1843 по 1852 год. А межевая экспедиция по Алтаю под управлением полковника Мейна была только в 1856 году.

В последнее же время, кроме умышленных поджогов, врагами леса явились переселенцы из Руси, которые, забравшись будто в обетованные Палестины, делали что хотели и губили зря не только лесные участки, но, селясь где попало, повырубали, например около Барнаула, почти все лесные колки и даже отдельно стоящие деревья. Это словно какая-то саранча налетела на привольные пажити Алтая и, точно с голодовки, напустилась на его природные богатства, пользуясь то особой льготой, то отсутствием организации переселения. Употребляя в пищу зайцев, они в огромном количестве истребили их петлями, а теперь переловили шатрами. И вот там, где поселились рассейские, дичи почти не стало; где по колкам стояли озерки или пробегали ручейки – образовались сухие лога, «хоть топор наколоти», как говорят сибиряки.

Затем в последнее время к причинам обезлесения края добавилось с 1844 года (первое) пароходство, которое, постепенно развиваясь, в настоящее время истребляет ужасное количество дров. И вот почему теперь почти все побережья великой Оби имеют вид неприглядной пустоши, а жители берегов, зарясь на высокую плату за дерева, повырубили большую часть даже и своих участков.

Не понимаю, почему пароходовладельцев не обяжут топить дешевой нефтью или каменным углем, который открыт на Алтае с 1851 года и ныне может разрабатываться в разных местах, не говоря уже

о казенной Бочатской каменноугольной копи, уголь которой может давать до 77% кокса. Уголь этот легко можно доставлять на Обь и сплавлять по Томи.

Собирание утиных и тетеревиных яиц до того вошло здесь в обычай крестьян, что побережные жители, чтоб скорее находить гнезда, зажигают весною незатопленные водой гривы, где растет в большом количестве тальник и подходящие таким местам деревья, как, например, тополь, ветла, осина и т. п. Можете судить, какое количество побережной растительности погибает от такого безобразия, не говоря уже о дичи.

Однажды плыл я весной с барнаульским исправником А. А. Н-м по разлившейся Оби в небольшой лодке, нанятой нами в деревне Гоньбе. Разговаривая с хозяином лодки и нашим чичероне[15] по дупелиным местам, исправник спросил его, не знает ли он у кого-нибудь продажной хорошей лодки?..

– А тебе, ваше высокоблагородие, в каку меру надобно лодку? – спросил его наш ментор, пожилой уже крестьянин.

– Да аршин девяти или десяти, дедушка, будет достаточно.

– А вот у меня, барин, как раз такая и есть, совсем новенькая, вот только ноне изладил.

– Хорошая?

– Одно слово лодка – куды хошь плыви, не захулишь.

– А ты что же возьмешь за нее, дедушка?

– Да рублев пятнадцать надо бы взять, ваше высокоблагородие!.. Уж шибко хороша издалась; и развод,

[15] Чичероне (итал.) – проводник.

значит, широкой, небось, не вывернешься, коли обнабоишь, как должно.

– Ну хорошо, старик!.. Я тебе верю и оставь лодку за мной.

– Да она, барин, вот недалеко отсюда – на берегу, можно и заехать... Поглядишь своим глазом, дак лучше дело-то будет.

– А вот и прекрасно, так ты и заверни к лодке.

– Слушаю, барин, слушаю!.. Пошто не заехать – ведь недалеко...

И действительно, проплыв еще несколько сот сажен, старик поворотил к берегу, зачалился веревкой за куст и торопливо полез на берег, радостно и самоуверенно говоря:

– Вот, барин, погляди сам, знаю, что не охулишь...

Тут он поднялся совсем и ушел в кусты, а мы закурили папиросы и хотели идти туда же, но остановились, поджидая старика, чтоб спросить, куда и далеко ли идти. В это время мы слышим неподалеку на берегу похрустывание сучков от походки старика, хлопанье рук по бедрам и какое-то причитанье сквозь слезы:

– О Господи!.. С нами крестная сила! Да это чего же такое наробочено?.. Вот варнаки-то, проклятые, что они делают!.. Вот паскудники-то настоящие! О Господи! О Господи!..

Слушая такое причитанье, мы переглянулись, переговорили на эту тему и полезли туда же, на берег.

Не далее как в 15 или 20 саженях между кустами и деревьями мы увидали старика, который топтался на обгорелых щепках и то хлопал себя по бедрам, то снимал шапку и крестился, все еще причитая, то сердясь, то всхлипывая от душивших его слез.

Мы подошли.

– Вот, барин!.. Гляди-тко, что сроблено!.. Вот они, варнаки проклятые, что делают с нашим братом…

Взобравшись на груды обгорелых щеп, мы увидали кучи свежего пепла, повсюду следы огня и обгорелый бок новой лодки.

– Вот она, матушка, кака была!.. А сколько я маялся, высекал из целой лесины, долбил да тихохонько разводил ее на парах!.. – причитал старик…

Мы, конечно, убедились, что лодка действительно была, но сгорела от нарочно пущенного огня. Велико было горе старика. Он аккуратно проследил пожарище, нашел обгорелое утиное гнездо, в котором уже не было яиц, и отыскал на сыром иле следы сапог…

Все, вместе взятое, ясно говорило, что тут кто-то разыскивал гнезда, а чтоб скорее их видеть – пустил пал (огонь) и сжег неподалеку сработанную лодку… Старик почему-то соображал, кто виновник его несчастия, хотел по приезде в деревню собрать сход и миром обсудить дело; а исправник обещал помочь ему в этом.

Конечно, этот факт рассказан мною лишь как пример из сотней подобных; тут приходится жалеть не об одном старике, а о том, что пока никакие узаконения не прекращают подобных безобразий не только в Сибири, но, кажется, и на Руси. Теперь остается ожидать, что будет с водворением нового закона об охоте, которым так строго запрещается разорение гнезд и караются разорители гнезд и собиратели яиц. Надо, чтоб проснулись и все те, коим нужно смотреть за этим.

Говоря выше о пожарах, я упомянул о том, что лесная дичь ночью сама летит на огонь. Такой пример был наблюдаем почти всеми присутствующими на пожаре в Барнауле, когда в одну летнюю ночь горел дом г. Лапина. Лишь только пожар вошел в свою силу и огромное зарево осветило окрестности города, как над самым пожаром в большом количестве появились перепелки. Они со всех сторон налетали с близлежащих полей и лугов, тряслись над пожаром, но, охваченные высоко взвивавшимся огнем, точно свертывались в комочки на воздухе и падали в пожарище. Многих из них вынимали по окраинам из растаскиваемых обгорелых бревен, досок и разного хлама и показывали присутствующим.

Однажды, когда я ночевал на охоте в опушке леса, к нам ночью прилетела на огонь выпь, сшибла с тагана небольшой медный чайник и была поймана тут же конюхом, которому она едва-едва не выклюнула глаза, за что и поплатилась жизнью.

VIII

Салаирский край. Рудники. Золото. Охота. Заселение Салаира. Салаирцы и разбойники. Преступления. Обязательные работники. Охота. Ф. Е. Засс. Дрохва. Тетеревиные охоты. Обнажения. Смерть коня. Катастрофа с орлом. Косачи в саду. Сибирский Вильгельм Тель. Страшное северное сияние.

Почти весь 1872 год я прожил в Салаирском руднике, а потому имел возможность хоть несколько ознакомиться с его окрестностями и с самим населением этого уголка. Вся местность тут состоит из небольшой возвышенности и почти повсюду покрыта смешанным лесом с преобладанием хвойного. Высота Салаирского хребта достигает только от 1 000 до 1 800 футов над уровнем моря. Граница местного полесья соединяется с так называемой чернью, о которой я упомянул выше, а чернь эта занимает большое пространство и тянется на десятки верст как по дороге к Барнаулу, так и к бывшему Томскому заводу и далее к городу Кузнецку.

Салаирский рудник открыт в 1781 году, а в 1795 году уже строился Гавриловский серебряный завод для плавки этих руд и по велению Екатерины II был назван в честь горного начальника Алтайского округа Гавриила Качки, этого знаменитого деятеля, при котором так много сделано для горного дела в крае. При нем были открыты и самые мощные рудники – Риддерский (1786 г.) и Зыряновский (1791 г.), и введена в Томском железном заводе на одной печи в виде

опыта плавка руд на каменном угле, который добывался в 45 верстах на реке Томи в Кузнецком горном округе.

К северу в окрестностях Салаирского рудника в долинах горных речек находится много луговых и сенокосных дач, около которых расположено немало больших и малых деревень и селений. Самое же селение рудника довольно обширно и раскинуто амфитеатром по речке Осиповке, по широкому склону и предгорию рудного холма, в котором разрабатывались три серебряных рудника, расположенные один выше другого на протяжении 3–4 верст. В них добывают тяжелые шпаты и охристые руды, содержащие золотистое серебро. В последнее время оказалось, что почти все небольшие лога этой возвышенности содержат в себе рассыпное золото, которое и стали добывать открытыми работами не только в свободных долинках, но даже в огородах и дворах жителей Салаира.

Вот в этом случае только и прав тот автор заметок о Сибири, который писал в «Игрушечке», что в этой обетованной стране золото рассыпано природой по всем улицам Барнаула, которое и блестит повсюду в солнечные дни и что в том же Барнауле такие холода зимою, что жители и дома одеваются в шубы, а на имеющихся роялях по клавишам лежит толстым слоем иней!.. Такие сообщения были не святочными рассказами для молодого поколения земли русской, а серьезным описанием уголка Алтая!.. Курьез!!! А тем более курьез потому, что в то время еще не было открыто россыпного золота под огородами и дворами Салаирского рудника.

Тут мне довелось жить в казенном двухэтажном доме управляющего, который построен на возвышенности, и потому вид из его окон довольно обширен и оригинален. Вдали видна синь холмистой черни, а вблизи, под горной покатостью, – все широко раскинувшееся селение. К дому управляющего принадлежит довольно большой и тенистый сад, в котором, кроме берез, пихт и других деревьев, есть несколько лип, что составляет на Алтае довольно редкое явление.

Как в Гавриловском, так и в Гурьевском заводе этого края есть большие заводские плотины, на которых весной и осенью бывает много пролетных уток, но почти все они не более как гости, потому что к лету улетают; остаются гнездовать весьма немногие. И это не оттого, чтобы им не было удобных мест, где гнездиться и где вывести молодое поколение, к чему особенно располагают вершины прудов, а потому, что множество худых и хороших ружейников не дают им не только заняться гнездом, но и спокойно посидеть около воды.

Зато по всей окрестности Салаира водится пропасть тетеревей и немало белых куропаток; а по дороге к Томскому заводу и к Барнаулу, в черни – глухарей, рябчиков и медведей, которые сильно беспокоят прилежащие, деревни, задирая коров и лошадей. Поэтому многие местные промышленники караулят их на лабазах и бьют из своих немудрых «орудиев». Тетеревей же они стреляют преимущественно осенью, сподъезда; а некоторые крестьяне добывают их у хлебных кладей шатрами и кошами. На эти последние тетерева садятся к приваде и проваливаются внутрь плетеных из прутьев или забранных из жердочек ловушек.

Дешево и сердито!.. Тут и караулить не надо. В досужее время промышленник еще с осени исподволь наделает кошей, наставит их в разных местах около кладей и пашен, накладет необмолоченных снопиков какого-нибудь хлеба и насторожит западни – вот и вся мудрость.

По первым снежкам он, обыкновенно утром, едет на дровнях по ловушкам, вынимает попавшихся тетерь в поделанные снизу или сбоку отверстия, зубами закусит им головы, побросает конвульсивно трепещущую птицу в мешок – и, довольный своим промыслом, насторожив снова ловушки, едет домой. А завтра та же история – до тех пор, пока простоватые тетери попадают в такие немудрые устройства.

Бывают годы, что тетерева нейдут на хлеб, а питаются в лесу и по березникам молодыми лещинками[16] и почками деревьев; тогда промышленники ставят коши около или на самых деревьях и подманивают птицу на ягодную приваду, употребляя для этого рябину, калину и даже шипишку. Но случается, что и тут тетерев нейдет на поедь и упорно держится на лесу, тогда промышленники бросают ловушки и принимаются за винтовки, говоря, что птица «чует неурожай». И надо заметить, что такая народная примета обща по всей Сибири, как Западной, так и Восточной.

Никакого другого промысла по части охоты тут нет, да и быть не может, потому что большая часть рудничных жителей занята работами в руднике и на золотых приисках, а крестьяне окрестных деревень и ведут хлебное хозяйство, и в известное свободное для них время занимаются перевозками для

[16] Лещина – лесной кустарник, дающий орехи со съедобными семенами.

заводов и рудника. Да, строго разбирая, огульного промысла, как, например, белковья в Восточной Сибири, тут и не может создаться за неимением белки. Она водится в этом крае только в небольшом количестве, как и другие породы грызунов, за которыми охотятся или попутно, или те, собственно, люди, которые почти ничем другим не занимаются; их жизнь и весь труд посвящаются исключительно охоте во всех видах. Охотой они питаются и зовутся здесь обыкновенно ружейниками. Их профессия бить и ловить все, «что только попадает на глаза», что доступно их знанию и имеющимся под рукой орудиям.

Здесь нет слова «зверовщик», как оно понимается в Восточной Сибири. В этом слове чувствуется родное, лелеющее душу; к зверовщику является не только симпатия, но сразу безотчетное доверие и дружба. Совсем другое говорит слово ружейник. Тут с первого раза является невольная брезгливость, и вы, тотчас чувствуя как бы антипатию, начинаете думать о каком-нибудь приказном, который, урвав часок свободного времени, бегает в немецком пальтишке и опорках за утками и случайно бьет их из тульского дробовика. Но, в сущности, это, конечно, только иллюзия, потому что есть много плохих зверовщиков и хороших опытных ружейников.

Познакомившись несколько с народонаселением этого уголка Алтая, и в особенности Салаирского рудника, я пришел к тому заключению, что тут пальца в рот не клади и держи ухо востро. Здешний люд за себя постоит и не любит, когда его хоть немножко погладят не по шерсти. Потом я узнал, что салаирские горнорабочие образовались более или менее

из ссылаемых сюда людей из других местностей Алтая за провинки в обязательное время. Тогда Салаирский край считался местной каторгой, куда и посылались на исправление все ухорезы, как из бергалов[17], так и из приписных крестьян, а многие деревни образовались из крещеных и обрусевших ясачных инородцев.

Надо заметить, что в обязательное время из приписных крестьян с 1761 г. по особо состоявшемуся указу забривали людей в горнорабочие, или так называемые бергалы, которые и распределялись по заводам и рудникам, делаясь как бы их собственностью. Дети их считались подростками и по штатам 1849 года с 8-летнего возраста поступали уже в рудоразборщики, за что получали плату и провиант. По положению 1828 г. бергалы увольнялись в отставку только по совершенной неспособности к труду; а с 1849 г. горнорабочие поступали на действительную службу с 18-летнего возраста и по прошествии 35 лет беспорочной службы получали отставку. Но с 1852 г. и этот срок был сокращен до 25-летнего. Отставным людям выдавались безвозмездно провиант и пенсия, что распространялось на вдов и сирот. Бесприютные же старухи принимались в горные богадельни.

В Салаире до освобождения крестьян и великой реформы императора Александра II были тюрьмы и военно-судная комиссия, которая нередко приговаривала горнорабочих к наказанию шпицрутенами, и штрафные люди с 1830-х годов посылались уже на золотые промысла, которые были расположены

[17] Бергал (от немецкого «Berghauer») – забойщик породы, рудокоп из приписных крестьян.

преимущественно в Кузнецком округе по системе р. Кондомы. И тут смертоубийства и всевозможные зверства не считались уже редкостью, а местная расправа того времени нередко доходила до жестокого телесного наказания, и этим многие заправилы как бы гордились, считая удары розог не десятками, а иногда большими сотнями. Поэтому не мудрено, что в этом крае появлялись отчаянные негодяи и разбойники, которые наводили не только ужас, но панику даже и на местных жителей, прославившихся своим отчаянным поведением. Тут рабочий Пальников среди белого дня застрелил инженера Пирожкова, а другой зарезал управителя Иванова, чего не бывало и на патентованной каторге Нерчинского края. И странное дело, что тут, среди такой разношерстной каторги, ссыльные люди с Алтая всегда считались самыми отчаянными негодяями, и их звали колыванскими; а это одно слово сразу характеризовало личность и клало такую печать, что всякий вперед уже знал, с кем имеет дело.

В Салаирском крае в описываемое время был знаменитый разбойник Сорока, который имел такую способность скакать с помощью шеста или здоровой и длинной палки, что его не могли догнать даже и на лошадях. Вообще надо сказать, что этот уголок Алтая был спасительной пристанью для многих сосланных и бежавших как с каторги, так и с местных золотых промыслов; а бежавших сюда, несмотря на шпицрутены, были десятки и даже сотни. Если они не трогали жителей, то их не только не выдавали, но покрывали перед законом. В противном же случае с такими негодяями расправлялись по-своему,

и их не раз находили в заводских прудах изувеченными донельзя, с натыканной в глаза рубленой щетиной.

Из этого видно, что задатки вольного духа в Салаире были давно, и они отразились на последующих поколениях, несмотря на то, что общий дух свободы и времени сравнял более или менее все население Алтая. Салаирские бергалы показали свою казовую сторону даже и в семидесятых годах текущего столетия, когда некоторые негодяи забрались ночью с недоброй целью в дом управителя рудника, но неудачно... А затем, вероятно, они же, думая, что их намеченная жертва в доме, во время страшного ночного бурана приперли все входы и выходы и подожгли здание, но сожгли в нем не того, кого искали, а какого-то несчастного старика сторожа.

Надо еще заметить, что доклад 1761 года всех горнорабочих людей избавлял от подушной подати и от всех общенародных тягостей. Рекрутские же наборы мастеровых после распоряжения 1782 г. всегда происходили одновременно и на одинаковых основаниях с общим набором по империи (Голубев, стр. 393). Денщики горным чинам отделялись из горнорабочих по выбору и желанию офицера, им полагалось от казны жалованье по 4 руб. в год и провиант 2 пуда муки в месяц. Приписные крестьяне имели двоякое отношение к горному ведомству: они обязаны были исправлять некоторые работы для заводов, и из них выбирались мастеровые. Из них же, по указу 1795 года, вызывались более состоятельные люди в заводские урочники, которые обязывались по особому положению и за известную плату вывозить известное количество руды, угля и дров, флюсов, жечь уголь, рубить

дрова, делать кирпич, сидеть деготь, смолу и проч. Они пользовались всеми льготами горнозаводских людей по податям и повинностям, но не получали дарового провианта. По выполнении уроков они были свободными людьми до следующего годового обязательства. Вот главная суть обязательства бывших приписных крестьян.

Но перейдем опять к Салаирскому краю и скажем, что, помимо вышепоименованных и единичных ужасов, причины которых темны, в нем жить можно хорошо и удобно, потому что край этот богат заработками, и здесь мало-мало трудящийся люд нужды не терпит, да и жизнь не дорога; а истому охотнику соскучиться тут невозможно. Помимо лесной и полевой дичи здесь немало водяной и болотной, особенно весною во время половодья и таяния снегов, когда на покосных местах появится немало дупелей, бекасов и разных пород куликов, от крошечного песчаника и до крупных кроншнепов.

В мое время в Салаирском руднике жил страстный охотник и любитель природы с научной точки зрения доктор Ф. Е. Засс, с которым я имел удовольствие познакомиться и не один раз побывать вместе на охоте, где он, как старый местный охотник, был всегда моим ментором и возил меня по разным окрестностям Салаирского края.

Веселый и хороший товарищ, он всегда стеснялся только тем, что ему, как служащему человеку и, вообще, как доктору, нельзя было надолго отлучаться из дома и делать дальние экскурсии. Но все-таки при первом удобном случае мы ездили за несколько десятков верст от Салаира и, ночуя в поле, имели

достаточно времени, чтоб вдоволь насладиться и набить кучу разной дичи.

Однажды мы ездили на реку Ур – это уже далеконько за Гурьевский завод, где весной нашли дупелиные тока, и совершенно неожиданно встретили дрохву, которая почему-то подпустила нас в степной местности довольно близко, когда мы проезжали в тележке крупной рысью. Хитрая птица, вероятно, заметила нас далеко и притаилась за мелкими кустиками, а когда мы набежали уже близко, она не выдержала и, припадая на ногах, как-то сгорбившись, побежала в сторону от дороги. Мы сначала приняли ее за кроншнепа и поспешно закричали кучеру, чтоб он остановился; но так как вдруг сделать этого было невозможно, а минута была дорога, то я на ходу экипажа выстрелил в нее на бегу; а когда она поднялась, то доктор успел пустить в нее дуплетом, дупелиной дробью. Дрохва потеряла несколько мелких перышек и плавно, но бойко отправилась далее, а мы не солоно хлебавши поглядели ей вслед, послали сто чертей вдогонку и только тогда узнали, по какой дорогой дичи мы так поспешно отсалютовали.

Доктор много лет охотился раньше и после в этой местности, но никогда не встречал тут такой редкой дичи, которая попадается на Алтае только в западной его части, где являются более открытые плоскогорья, напоминающие степи.

Кстати, не могу не рассказать здесь крайне курьезного охотничьего поля, когда мы уже в половине августа охотились за тетеревами; надо заметить, что в это время молодые косачи были уже так велики, что

получили черное оперение и казались настоящими чернышами. Время подходило уже к вечеру, и мы хотели бросить охоту; но знаменитый Мильтон доктора потянул к нескошенному сырому покосу и вскоре остановился. Мы подошли с разных сторон и несколько под углом друг к другу. При слове «пиль» вылетел против доктора молодой косачонок; пока доктор прикладывался – поднялся по линии и другой. После выстрела замертво падают оба, но доктор видел одного. Зарядив ружье, он идет к нему и кладет в сетку.

– Доктор! Берите и другого, – говорю я, видя, что он не заметил такого пассажа.

– Как же-то так?.. Я стрелял одного-то.

– Берите, берите и другого – вон, смотрите, подальше лежит и еще один...

В это время с моей стороны срывается опять косачонок и летит низко, почти по траве; я выстрелил, и косачонок сунулся сразу; но когда я стал его брать, то услыхал, что далее, по линии выстрела, кто-то трепещется в траве; подхожу и вижу подбитую мною молодую тетерку, которую, вероятно, захватило пущенным по траве выстрелом на месте ее сиденки или бегущую от меня.

Только что успел я взять свою добычу и хотел поговорить по этому поводу с доктором, как в это время поднимаются от собаки сразу два косачонка; проходит пауза от выдержки, и затем после выстрела опять падают оба.

– Теперь-то я видел шельмецов обоих, сождал-то их на линию и убил-то одни зарядом!.. – радостно смеясь, говорил доктор.

Долго еще толковали мы об этом интересном случае и исходили все место, но больше не подняли ни одной штуки.

Зная аккуратность доктора, думаю, что у него записано в памятной книжке это действительно замечательное поле. Если же кто-либо, прочитав эту страницу, коварно улыбнется и, быть может, скажет: «Не любо – не слушай, а врать не мешай», – то это дело вкуса; отчего же и не посмеяться, тем более что еще такие ли курьезы рассказываются нашим братом охотником!.. А будь-ко тут еще хоть парочки две, так, пожалуй, и мы тех бы сдвоили на один выстрел!.. А я, предвидя этот смех и все-таки сообщая такой курьезный факт, не краснея, посвящаю свои воспоминания еще здравствующему человеку и собрату по охоте. Думаю также, что милейший Фердинанд Егорович не обидится на меня и за то, если я, стараясь подделаться к его разговору, позволяю себе прибавлять и ту частицу «то», которую он по привычке прилепляет почти к каждому слову.

Надо заметить, что уважаемый Ф. Е., как научный наблюдатель, любил частенько заезжать к так называемой Крековской мельнице, находящейся по речке Бочате в 3 верстах ниже Гурьевского завода; там выходят обнажения горных пород, в которых попадаются превосходные окаменелости, служащие образцами когда-то жившего древнего мира. Их-то он и собирал для изучения и определения залегающей формации столь интересного геологического периода для Сибири.

Немало интересно в этой местности также и то, что ниже Гурьевской заводской плотины в высоко

обнаженном береге на глубине не менее трех сажен под толщей глины залегает пласт, в котором нередко вымывает водой толстые деревья. Все они очень хорошо сохранились и не окаменели, а только уплотнились и приняли темный цвет. По-видимому, эти деревья из хвойных пород. Я видел из них у инженера М. Г. Быкова разные поделки, которые очень красивы и имеют вид настоящего ореха. Тут же после спуска воды из плотины и запора вешников видны в самом русле реки Бочаты в большом количестве могучие пни, вероятно, того же первобытного леса. Пни эти, конечно, ничто больше, как погребенные остатки растительности древнего мира. Тут они сохранились в замытой почве и, быть может, покоятся не одну тысячу лет.

И вот в XIX столетии нашей эры их снова вымыло водой, вероятно, уже вновь образовавшейся речки, как бы напоказ ныне живущему люду – дескать, смотрите, что тут было, и сосчитайте, сколько тысячелетий существует наша планета – эта крошечная песчинка в необъятной и непостижимой Вселенной!

В Салаире несколько раз ездил еще с нами на охоту Ив. Ив. Губин, который в то время управлял Бочатской каменноугольной копью. Как веселый человек и отличный стрелок, он составлял хорошую компанию. Вот однажды, сговорившись ехать вместе на ночевую, мы, по обыкновению, рано утром выехали из Салаира и, соединившись с Губиным у Бочата, отправились сначала по близлежащим излюбленным местам, а затем, переночевав не упомню, в какой деревне, поутру поехали дальше. Доктору хотелось побывать на каком-то новом месте, которое было

недалеко от деревни и от тех Палестин, где предполагалась главная охота. Чтобы не терять времени, мы отправили лошадей потихоньку вперед с тем, чтобы наши возницы остановились у известного им пункта около речки, отпрягли лошадей, разложили огонь и, вскипятив чайники, ждали нас; мы же не замешкаемся и скоро придем завтракать.

Надо заметить, что солнце еще с утра сильно припекало, а к завтраку было уже так жарко, что мы едва доплелись до назначенного пункта. Изморенные и усталые, мы тотчас сбросили с себя все охотничьи принадлежности, верхнее платье и забрались под тень кустов. Около нашего табора был отличный луг, на котором и паслись наши спутанные лошади. Не далее как в 15 саженях от нас ходил превосходный бурый конь известной в крае кузнецкой породы – коренник Ивана Ивановича. Я, признаться, не раз поглядывал на него и думал, как бы и мне приобрести такого же. В это время доктор достал фляжку и предложил выпить. Я обернулся к протянутой ко мне рюмке, но вдруг услыхал, что кто-то топча ногами, забился на траве; невольно поворачиваю туда голову и вижу, что этот самый бурка, как подкошенный, моментально падает на траву... Он конвульсивно раза два подернул ногами – и растянулся недвижимым трупом.

Все сначала подумали, что бурка запутался. Конюх г. Губина подскочил первый, посмотрел на глаза животного и приподнял его голову, но она бессильно упала на траву.

– Что!.. Что такое случилось? – как-то все мы невольно спросили конюха.

– Пропал! – грустно ответил он.

– Как пропал?.. Да может ли это быть?.. Посмотри хорошенько, не запутался ли ногами? – сказал Губин.

– Да чего смотреть, когда и глаза-то потухли да остеклели – посмотрите хоть сами!..

Конечно, все мы пожалели от души доброго коня, а Губин все еще стоял около трупа и тупо глядел на своего любимца...

По замечанию доктора, коня убило солнечным ударом. Что касается меня, то я был ужасно поражен этой внезапной и моментальной смертью такого могучего животного. Мне пришлось видеть подобный случай первый раз в жизни, и он тяжело и глубоко запечатлелся в моей памяти.

Упомянув об этом, я хочу познакомить читателя еще с весьма интересной историей, которую я слышал от одного правдивого человека, и которая говорит о том, сколько нашему брату-охотнику приходится видеть не совсем обыденных явлений в вечно живой и столь разнообразной природе. Некто Василий Евлампьевич Без-нов, тоже управитель Бочатской копи и впоследствии по воле судеб член городской управы в г. Барнауле, ехал однажды с Бочаты на охоту. От нечего делать дорогой он обратил внимание на довольно высоко парящего орла белохвостика, который в хороший солнечный день летал на кругах в синеве неба и, как бы сознавая свое величие, гордо посматривал своим зорким оком на землю, где многие пернатые, видя своего страшного врага, прятались во все тайники и прикрытия. Но вот Без-нов услыхал какой-то неопределенный свист от быстро пронесшейся птицы, которая тотчас мелькнула кверху и в одно мгновенье так сильно щелкнула

этого царя пернатых, что он завертелся на воздухе и, кувыркаясь через голову, упал на землю почти около тележки, а бойкий победитель сначала стремглав взмыл еще выше, потом бросился за падающим орлом и затем, как бы убедившись, что побежденного не стоит преследовать далее, играя, полетел вбок и скрылся в ближнем лесу. Без-нов и ехавший с ним товарищ тотчас остановили лошадей и побежали к подбитому орлу, который едва сидел с опущенными крыльями на земле. Из его клюва капала кровь, глаза точно вылезали из орбит, и сам он был до того слаб, что позволил себя почти беспрепятственно связать и унести в тележку. Невольно спросишь: кто был победитель такой могучей и хищной птицы? – Сокол!.. Эта очень небольшая и бойкая птичка!.. Тут его полет был до того стремителен и удар до того безошибочен, крепок и смел, что г. Без-нов не мог уловить самого момента этого быстрого удара и видел уже только, как моментально кувыркнулся орел и как вылетевшие из него перья тихо завертелись в синеве неба... Спрашивается, какая причина такой борьбы или мести явилась у сокола? Что за фантазия пришла ему пробовать свои силы с таким могучим противником?.. Однажды зимою уже перед вечером ко мне тихонько подошел живущий у меня повар и как-то таинственно поманил меня пальцем.

– Что тебе нужно? – спросил я, немного озадаченный его мимикой.

– Барин, берите скорее ружье и идите в сад, там два косача сидят на березах неподалеку друг от дружки, словно чучелы!..

– Да, поди-ка, уж улетели?..

– Не-ет!.. Сидят, я сейчас видел.

– А стрелять-то как ловко, можно даже от самой кухни, не далеко?..

Я тотчас зарядил маленьким зарядом винтовку и, накинув пальтишко, торопливо пошел к саду; но мне попал навстречу мой кучер, который только что выбрел по глубокому снегу из сада и держал в руках сук.

– Ну что?.. Видел тетерь? – спросил я его.

– Видел... Да я их, барин, прогнал! Ревел, ревел на них – они все сидят... Я уж стал бросать сучьями – так только тогда полетели, проклятые!..

– Ну а кто же тебе велел их спугивать?.. Ведь ты видел, что Архип пошел за мной?..

– Видел, как не видать... Да, барин, не надо стрелять полеву птицу у дома – вон она, пожалуй, новой раз и на крышу садится.

– Ну, так что ж, что садится?..

– Нет, барин, не надо! На то у нас и примета худая... Уж она даром не сядет и беспременно что-нибудь да случится.

– Полно ты молоть, Федор!.. словно баба какая!..

– Нет, барин! Поверьте, что это так; да не нами оно и замечено... Вот спросите кого хотите – и все скажут, что коли села тетеря, а хозяин ее убил, то уж даром не пройдет: либо дом погорит, либо смерть прилучится...

На том мы и покончили; я, прострелив винтовку в цель, ушел в комнаты, а кучер и повар начали о чем-то спорить... Странно, однако же, что такая примета существует едва ли не по всей России, да, кажется, есть она и в Западной Европе. Как-то тот же Василий

Евлампьевич Без-нов рассказал мне такую штуку: был он летом на тетеревиной охоте и встретил тут же молодого парнишку лет 14 или 15 из крестьян, который ходил с простой собачонкой и маленькой винтовкой. Без-нова ужасно удивила такая встреча, и он невольно спросил этого сибирского Вильгельма Теля:

– Ты что тут делаешь? Ведь теперь тетери не садятся еще на деревья!..

– Так что нужды, что не садятся? А мне и не надо – вот как выгонит Серунька, я и того, бью их на полету. Вон погляди!..

Парнишка несколько штук молодых, но уже крупных тетерек вытряхнул из мешка, который он носил за спиной. Такая штука до того заинтересовала Без-нова, что он, повертев и поглядев малопульную винтовочку, предложил парнишке идти и охотиться вместе, а чтоб ободрить его, покормил хорошей закуской. Молодой мальчуган-охотник скоро освоился с его благородием и охотно согласился. Вскоре они нашли несколько выводков, и тут Без-нов вполне убедился, что его парнишка из винтовки бьет так, что почти каждый вылетевший в меру тетеревенок попадает в его объемистый мешок. Дело шло очень просто: Серунька слышал дичь не хуже любого сеттера, но стойки не делал, а просто тихо скрадывал и потом вдруг бросался на тетеренка, которого он ловил даже на подъеме или вспугивал. Тогда его молодой хозяин, не торопясь, прицеливался и бил почти без промаха.

– Поглядел я, поглядел на этого чертенка, – говорил Без-нов, – подивился его искусству, и сам, сделав несколько здоровых промахов, помаленьку да потихоньку отвернул в сторону и, пожимая плечами, уехал

на другое место, чтоб при новой неудаче не хлопать глазами.

– Ну да, батенька, тут поневоле уедешь!.. Еще насмеется, проклятый!.. – сказал я.

– Стыд!.. Да такой, знаете, стыд, что лучше бы тут провалиться!.. У меня вылетит тетеренок – я приложусь и, кажется, выдержу – бац! – глядишь, мимо... тьфу! Просто злоба берет!.. А этот Селифошка только усмехнется, проклятый!.. А сам как щелкнет – так и тут, в мешок да в мешок!.. Вот, мол, чертенок!.. Вот те и не садятся на деревья!.. Нет, думаю, оставайся ты с Богом! Так и уехал... Да! Не забуду этого Селифошку!..

С 23 на 24 января 1872 г. было в Барнауле страшное северное сияние, сильно охватившее тогда даже и широту положения Барнаула (53° и 20°). В этот вечер я был с семьею в гостях. По обыкновению, почти все мы играли в карты и не заметили, что делается на улице. Но вот кто-то обратил внимание на то, что в окнах сделалось так светло, что можно было принять за рассвет утра. Конечно, тотчас это явление заметили уже все, и многие невольно посмотрели на часы, думая, что уже поздно, но на них не было и 12 – значит, утро еще далеко!.. Но что же это за свет?.. Откуда и отчего он происходит?.. Сначала многие подумали, что не пожар ли в городе? Но нет!.. – совсем не тот свет и заревом не отливает, а, напротив, напоминает рассвет утра, но точно с каким-то искусственным синеватым оттенком. Почти все мы тотчас накинули шубы и выскочили на улицу, где было уже так светло, что многие читали принесенную книгу. Тут, конечно, все уже поняли, что такое явление ничто более, как грандиозное

северное сияние. Долго все гости топтались на месте, ходили по улице, как очарованные, смотрели к северу и кроме общего света, разлившегося по всему небосклону, увидали громадные синевато-белые столбы, расходившиеся с горизонта в виде громадного расходящегося глухариного хвоста. Целый мир звезд точно стушевался, и только более крупные из них, гораздо слабее своего обычного блеска, еще мерцали с высоты неба!.. Общая картина такого грандиозного явления природы изображала что-то величественное, непостижимое и вместе с тем удручающе действующее на душу. У многих нервных особ ощущался бессознательный трепет, даже страх и непонятная ажиотация!.. Многие молчали и только созерцали, а все мы словно еще раз сознали свое ничтожество пред силами великой природы и как бы смиренно приблизились к Богу... С вечера господина Бедрина мы отправились около двух часов ночи, и сияние не только не уменьшалось, но едва ли не увеличилось; мы ехали точно днем, но при особом фантастическом освещении. В эту ночь заведывавший в то время магнитной обсерваторией в Барнауле инженер Янчуковский, чрезвычайно энергичный и нервный человек, впал в меланхолию, а затем окончательно помешался и вскоре скончался. На него ужасно подействовало сильное колебание магнитной стрелки. Это грандиозное северное сияние, это величественное явление северного неба продолжалось, по научным наблюдениям, с 9 часов вечера до 4 часов утра. Сибиряки северное сияние называют просто блистаньем, а северные поморы – всполохом. В Сибири же сполохом называют набатный звон на пожар.

IX

Сузунский завод. Монетный двор. Могикане искусства. Древность русской печи. Окрестности. Охоты. Андрей Архипыч. Охота на токах. Подъезд. Любовная песнь.

В начале 1873 года я был уже на службе в Сузунском медноплавильном заводе, находящемся к северо-западу от Барнаула в 125 верстах. Как самый завод, так и все большое селение Сузуна, как его называют попросту, расположены по обе стороны речки Малого Сузуна, которая впадает в 12 верстах ниже в Обь с ее правого берега.

Сузунский завод начат постройкой в 1764 году, а в 1766 году в нем уже был открыт монетный двор, на котором чеканилась медная монета 10, 5, 3, 2, 1, 1/2 и 1/4 копейки достоинства. Монета эта называлась сибирскою, имела в своем гербе два соболя и предназначалась для обращения только в Сибири. Она до 1781 года чеканилась 25-рублевой стоимости в пуде серебристой меди, а с этого времени повелено было сибирскую монету сравнять с екатеринбургскою в 16 рублей стоимости, и быть уже общегосударственной. В этот период, т. е. с 1766 по 1781 год, было сделано на Сузунском заводе медной монеты на 3 799 661 рублей. Затем, после пожара на монетном дворе, чеканка монеты в 1848 году была совсем прекращена, и в мое время при заводе остались памятниками от монетного двора только чугунные чеканные станы и считались на приходе по магазину сохраняющиеся чеканные стальные штемпеля.

Надо заметить, что в Сузуне во время его существования помимо красной меди плавилось несколько раз и серебро, но было это периодически и в разное время; а в 1850 годах было устроено ружейное производство, для чего заранее были избраны способные слесарные ученики и отправлены для изучения ружейного дела в Тулу. В этот же период при Сузунском заводе, помимо школы грамотности, были школы столярного и резного мастерства, для чего тоже избирались способные мальчики и обучались особо, преимущественно мебельному производству, и надо сказать, что сузунская мебель была известна в целом крае и славилась своей доброкачественностью. В мое время еще существовали могикане этого периода процветания искусства на Алтае, и их произведения уже по вольному труду ценились любителями очень высоко тем более потому, что эти труженики воспроизводили мебель даже по рисункам с Парижской выставки. И заметьте, что такие серьезные работы производились не из ореха или какого-нибудь другого дорогого дерева, нет, а делались они из простой сибирской березы, которая по особому способу отжигалась и по наружному виду почти не отличалась от ореха, а прочностью превосходила. Такими виртуозами искусства были Батанов и в особенности Владимиров, произведения которого славились под названием Владимировской работы.

Странно, что сибирская монета, в особенности полновесная гривна и пятаки, называлась по всей Сибири барнаулами, а монетки в 1/4 коп. народ и теперь почему-то зовет бухонками.

Вся местность как около завода, так и в его окрестностях, на большое пространство ровная и потому не может похвастаться красотой природы. Кроме не особенно возвышенных берегов, в некоторых местах речек Малого Сузуна и Оби нет ни одной горки; поэтому вся местность крайне однообразна, и только окружающие ее сосновые леса придают ей несколько оживленный характер. Самое селение Сузуна раскинуто на довольно большом пространстве и разбито правильными широкими улицами, в которых живет до 4 тысяч жителей, преимущественно бывших обязательных горнорабочих людей. Завод построен в этой привольной местности тогда, когда тут были еще непроходимые девственные леса, а потому почти все дома водворяемых обывателей строились прямо с пня, из кондовых сосновых бревен. Некоторые из таких первобытных построек уцелели до 1880 годов и были еще так прочны, что не требовали особого ремонта и только, как говорят сибиряки, «ушли в землю» своими нижними венцами бревен. Еще замечательнее то, что во многих так хорошо сохранившихся домах уцелели первобытные русские печи, которые делались не из кирпича, а набивались из глины и потому назывались битыми.

В 1882 году мне пришлось видеть поправку одного с пня рубленого дома, который, как покосившийся, перебирали заново. Совершенно сохранившийся на нем лес был так прочен и так уплотнел от времени, что его не брали топоры: а битую старинную русскую печь выворотили стулом (целиком) и разбивали уже на улице горными инструментами, как горную породу, – до того она спеклась и слилась в одну общую

массу. Да и не мудрено, потому что она работала, вероятно, ежедневно в течение более 130 лет!..

Конечно, как истый охотник, я скоро узнал, что в окрестностях Сузуна пропасть тетеревей, а в его поредевших лесах еще есть рябчики и глухари, но зато почти никакого зверя, кроме зайцев, волков, изредка лисиц и мелких хищных грызунов. Хоть это последнее и производило разочарование после богатой звериной охоты в Нерчинском крае, но тем не менее я с нетерпением ждал весны, чтоб поохотиться хоть на уток и на косачей около токов, а их было очень много во всех концах близких окрестностей Сузуна.

Наконец пришла и она, эта давно жданная гостья – весна!.. Но, увы!.. Это не та красавица Забайкалья, которая, как нервная и страстная брюнетка, задыхаясь от избытка здоровья, тотчас сбрасывает с себя лебяжью опушку и скорее, скорее кокетливо летит в объятия златокудрого солнца, чтоб вместе надышаться свежестью воздуха и в горячем поцелуе слиться с ним в одно целое, живое, так упоительно действующее на душу!.. Нет!.. Тут не увидишь с первыми теплыми лучами зеленеющих увалов гор с их первыми лиловыми цветочками ургуя (прострел, ветреница), которые, так бойко и приветливо вылезая тотчас из-под снега, манят к себе из горных тайников по утрам и вечерам диких коз и изюбров! Тут весна уже в апреле месяце пустит только массу мутной воды в речки и все еще кутается в снеговом саване, как малокровная блондинка, которая все мерзнет и боится открыть свои тощие плечики.

В помощь к этим страстным охотничьим ожиданиям явился товарищем и ментором по знанию

местности бывший прислужник моих предместников Андрей Архипович Жарков. Этот очень небольшой, бойкий, юркий и крепкий человек, который всю свою жизнь с подростков вертелся около господ, а потому коротко изучил их общие потребности и знал, кому и как угодить; по душе же он был страстный, но горячий охотник.

Небольшая и приземистая фигура Архипыча невольно напоминала мне выражение нашего бывшего профессора палеонтологии в Горном институте, худо говорившего по-русски. Этот уважаемый человек, читая, бывало, лекции, чтоб охарактеризовать нужный вид, например, сплюснутой и широкой ракушки, диктовал так: «Ну да, она шире, чем длиннее – и уже, чем короче». Конечно, при этом поднимался невольный и неудержимый смех, но опытный профессор не терялся, пережидал, давал, что называется, пересмеяться кадетам, потом серьезно однажды спросил: «Ну, что вам смешно?.. Что я не умею корошо сказать по-русски? Ну, я буду диктовать по-немецки, по-французски, по-шведски, по-английски – как похотите, мне все равно!» Тут, конечно, все присмирели, переконфузились, и у всех вместо смеха явилась невольная краска на вытянутых физиономиях. Все, конечно, встали, извинились и просили продолжать по-русски. «Ну, ну, так лютче, пишите!» – сказал он и снова послышался скрип перьев под диктовку «ракушки», как называли профессора...

В описываемое время Андрей был уже немолодой, и слабая седина начала уже показываться в его русых волосах. Все господа обыкновенно звали его просто Андрей или Архипыч, а мы по его мизерности прозвали

еще и Сучком. Он имел свой дом, порядочную семью, весь домашний обиход, ружьишко и сучонку легавой породы Красотку, которая обладала хорошим чутьем, иногда делала стойку, а по своей прожорливости нередко ловила дичь, подхватывала убитую и почти мгновенно пожирала ее совсем без остатков. Конечно, Архипыч немало возмущался таким поведением сучки и частенько «расчесывал ей полушубок» плетью, прутом или снятым с пояса ремнем; но такая мера помогала немного и делала только то, что Красотка боялась близко подходить к своему хозяину, а на охоте иногда хитро скрывалась из глаз и втихомолку делала свое дело. Бывало, и смех и горе, а не брать Красотку было неудобно, потому что она, плутовка, скорее всех разыскивала дичь и в особенности подранков.

Лишь только весна входила в свои права и представлялась возможность ездить уже в тележках, я тотчас отправлялся с Сучком к тетеревиным токам и, поднимая косачей с пола на деревья, бил их из винтовки сподъезда. И, по-моему, эта охота гораздо интереснее осенней, интереснее уже потому, что она является первой после зимней томительной спячки, а весенняя природа отраднее действует на душу и нервы охотника. Тут уже нет того холода, который нередко леденит члены осенью; а косачи, подчиняясь опьянению страсти, делаются доверчивее и подпускают ближе, потому что в это время они садятся не табуном, а в одиночку. Кроме того, весною, помимо косачей, частенько случается подъехать и к зазевавшемуся селезню на какой-нибудь лыве (луже), где они охотно садятся с утками, прячась от своих соперников, а тем более потому, что ранней весной все речки

и озерки покрыты еще льдом, и им негде полюбезничать со своей избранницей.

Конечно, для такой охоты нужно вставать пораньше и к восходу солнца быть уже у токов. Иначе косачи разлетятся, не дождавшись вашего посещения, тем более в местах, близких к селению, где их часто беспокоят всевозможные ружейники, которые частенько еще с вечера отправляются к токам и, согнувшись в три погибели, ночуют там, чтоб быть на месте лишь только черкнет заря, когда слетаются со всех концов краснобровые черныши.

Весною, так же как и осенью, можно ездить и по вечерам, но в это время приходится бить косачей только из винтовки, потому что они более сторожки и близко не подпускают. В Сузуне подъездная охота хороша уже тем, что тетеревиных токов много и недалеко от селения. Так что в течение двух-трех часов можно объехать их несколько и, надышавшись чистым воздухом вместо прогулки, привезти пару или две косачей. Но такая охота удобнее с винтовкой, потому что охотник может снимать косачей за 50 и 60 сажен, чего невозможно, конечно, сделать с дробовиком, а хитрая птица очень редко подпускает на дробовой выстрел.

Да кроме того, по моему мнению, стрельба из винтовки несравненно интереснее и заманчивее: она как-то более живит всякого охотника, который имеет способность бить пулей. Тут играет важную роль искусство, а оно-то и льстит собственно самолюбию стрелка; особенно если выстрелы удаются тогда, когда косачи точно не обращают внимания на подъезжающего охотника, а преспокойно сидят на деревьях и точно подсмеиваются, сознавая свою безопасность.

Вот такой удачный выстрел я не променяю и на десять дробовичных. Тут горделивая радость заставляет невольно забыть все тревоги жизни – и с каким удовольствием при таком случае закуривается папироса или выпивается хоть маленькая рюмочка водки!.. Тогда как подъезд с дробовиком только бесит уже потому, что тетери не подпускают в меру или улетают подранками. Вот тут не только не тянет закурить или выпить, а посылается сто чертей улетевшему косачу, и охотник, вспоминая и житейские неудачи, словно ошпаренный возвращается домой, бросая ничем не повинный пустой ягдташ в какой-нибудь неподлежащий угол.

Да, а то ли дело винтовочка!.. Прелесть!.. Недаром ее и целуют многие охотники, бережно вешая на стенку и вытряхивая косачей из сумки радостно поджидавшей супруге. Пробовал я несколько раз и сам, как ружейник, сидеть в шалашах около токов, но, воля ваша, тут нет и половины того удовольствия, какое бывает при подъездной охоте, особенно когда косач, не подозревающий об опасности, сажен за 60 кувыркнется с дерева...

На токах интересно только наблюдать, как токующий косач бегает, чуфышкая, вытянув по земле шею, подняв хвост и распустив крылья по току; или как он храбрится и с треском подпрыгивает на воздух, а столкнувшись с соперником, поднимает отчаянную драку... Но мне более по душе, когда он тихо топчется на месте и ведет свою гармоническую песенку, как бы выливая в ней всю свою нежность и любовь к подруге. Действительно, в его бормотании есть что-то и душевное, и сердечное, что-то ласкающее

и лелеющее охотничью душу!.. А вдоволь наслушавшись этой песни любви, вам и дома точно слышится его нежное «гур-гур-гур!.. гур-гур-гур!..» И как поэтично и радостно отзывается этот мелодичный и страстный призыв на сердце охотника!

Однажды я спросил одного дружного промышленника, что делают косачи на току?

– А что, барин, – отвечал он, – бегают, топорщатся, шипят, словно бруском по литовке; а то так усядутся да так томно погуркивают, адоли по бархату водят, индо всю душу-то вымотают!.. Таково лестно и жутко они ластятся!

X

Сузунский шлюз. Оригинальная охота на уток. Охотничья похлебка. Опасные приключения на реке. Невольное купание Архипыча.

Каждую весну я встречал там довольно оригинальную охоту за утками; оригинальна она уже потому, что мы ее производили, что называется, не вымочив ноги. «Значит, за утками и насухе, – скажет читатель. – Странно!» А между тем ничего тут странного нет: дело в том, что в Сузуне заранее спускают заводской пруд и делают это во избежание большой опасности для шлюза, потому что река Малый Сузун все-таки довольно большая и многоводная речка весною. Лишь только посинеет и вздуется на пруду лед, а прибылая вода начнет киснуть не по дням, а по часам, тотчас необходимо завод остановить и выдуть все печи, а лед в пруду расколоть и пропустить чрез вешняки шлюза. Затем все его пролеты отворяются настежь и дастся полная свобода речке идти на пролет.

Все это легко говорится и пишется, да не так бывает на деле, в особенности, когда подхватит дружная весна и пустит вдруг массу воды. Тогда все рабочие сбиваются на плотину, чтоб пропустить лед, напирающий на предохранительные ряды свай и сквозь вешняки. Случается, что люди, «не покидая рук», работают не только днем, но и ночью, а весь шлюз дрожит от сильного напора воды, которая со страшной силой и быстротой пролетает через настежь отворенные пролеты. Можете себе представить, что в это время делается на спускных шлюзах и внизу, в так

называемых бучилах! Тут своего рода страшный водопад, где бурлит и клокочет только взбесившаяся вода, которая рвет и мечет по всему бучилу, набивает целые горы пены и поднимает на значительную высоту страшные фонтаны. Словом, тут своего рода ад, в который избави Бог попасть всякому смертному!.. А между тем, были примеры, что в этот ад попадали рабочие и волею судеб охраняли свою жизнь: их счастливо продергивало сквозь взбесившееся бучило и затем, уже далеко ниже, выбрасывало на тихие плеса и на берег. Но были и такие случаи, что несчастных коверкало и выкидывало уже обезображенными трупами.

Рассказывали, что однажды удернуло чрез вешняк одного рыбака в лодке, который не потерялся и, стрелой пролетая по спускному длинному шлюзу, все время правил веслом, почему не дал повернуться боком своей ладье, и, носом же попав в бучило, невредимо проскользнул этот ад и с залитой водой лодкой успел вылететь на косу.

Лишь только пройдет, бывало, вода и минует опасность, я со своим гитеншрейбером (письмоводитель по заводской части) Степаном Васильевичем Широковым как охотником и хорошим рыбаком и с тем же Архипычем пускался по реке Сузуну в небольшой лодочке за дорогими весенними утками. Охота эта очень веселая и неутомительная, но не совсем безопасная, потому что приходится плыть несколько верст по страшно быстрой воде освирепевшей реки, где то и дело попадаются крутые кривляки и разные наносные заломи. Тут надо держать ухо остро, следить за водой далеко вперед и не дремать при малейшей

опасности. Иначе можно выкупаться в ледяной воде и утопить все вещи, а, пожалуй, познакомившись с обитателями водяного царства, отправиться уже выше, в мир теней и духов!.. Вот почему тут надо быть наготове и соображать, что делать в случае опасности. Не могу и теперь сказать положительно, но, быть может, эта самая опасность и тянула меня неудержимо каждую весну прокатиться несколько раз за утками по бешеному Сузуну.

Надо заметить, что в это время Обь и озерки еще недвижимо стоят, покрытые посиневшим льдом, и утке, кроме небольших снежных лывок, деваться некуда; вот она и сваливается к речке Малому Сузуну, который от спуска воды из плотины проходит меньше всех остальных речек.

Мы обыкновенно делали так: рано утром привозили лодку к берегу; тут же, в селении, спускали ее на воду и, сложив все пожитки, отправлялись, благословясь, вниз по реке. Тут грести веслами не приходилось, а нужно было только умеючи править кормовым веслом, потому что лодку сильно несло одной струей течения. Поэтому Широков всегда садился в корму с правильным здоровым веслом; Архипыч помещался в средине на сложенных вещах, а я как можно удобнее с ружьем наготове пристраивался в носовой части лодки. Вот вся и штука – поезд готов!.. Нас сама река быстро несла по воде, и всякий зорко делал свое дело на избранном посту. В заводях мы тихо и плавно подвигались вперед, а на быстринах и разбоях, болтаясь на лодке, стремглав пролетали опасные места и затем или вдруг, или плавно выезжали за крутые повороты или кривляки речки.

Тут вся штука в том, чтоб плыть как можно осторожнее и тише, т. е. не разговаривать громко, не стукать и не булькать сильно веслом. Словом, это своего рода поэзия, где при утреннем свежем воздухе вы свободно дышите всею грудью, забываете все треволнения жизни, всей душой созерцаете прихотливую природу лесистых и довольно высоких берегов речки и пытливо смотрите вперед – не на жизнь, нет, а смотрите на плеса, под затопленные водой кусты, в особенности за кругляки, где обыкновенно и сидят или плавают утки, не ожидающие появления лодки.

И действительно, такое охотничье путешествие при какой-то таинственности и постоянной ажиотации сильно действует на нервы, словно лелеет душу охотника и лукаво заманивает все вперед и вперед, все дальше и дальше, но с каким-то сожалением о только что проплытых хороших местах охоты или выдающейся природы. Тут невольно забываешь не только службу, но все худое и хорошее прожитое, и даже семью!.. Так и хочется, чтобы эта поездка длилась как можно дольше и не скоро наступил вечер, который прекратит это удовольствие.

Под таким впечатлением как бы забываешься, машинально лезешь в карман, чтоб достать папиросы и покурить; но вот сзади зорко стороживший Архипыч легонько потыкает пальцем в спину и тихонько говорит:

– Утки-то, утки!.. эвот направо!.. Тут и есть!..

– Молчи, вижу!.. – И с этим последним словом раздаются громкие выстрелы – раз и два! И глядишь, парочка, а иногда и больше уток, распростершись на воде, беспомощно уже несутся вниз по течению.

В хороших местах случалось, что стрелял и Архипыч, особенно в кривляках, где ему представлялась возможность пустить выстрел вбок. После такой канонады обыкновенно близсидящие по речке утки поднимаются с места, перелетают выше или ниже или так ловко надлетают над лодкой, что является полная возможность стрелять на лету.

Затем настает тишина и является пауза; тут можно пристать к берегу и немного подождать; но можно этого и не делать, потому что нередко случается встретить прячущихся уток за первым же следующим кривляком. Иногда они так крепко и упорно таятся, в особенности под затопленными кустами, что проезжаешь их мимо, так что частенько приходится стрелять назад; но это крайне неудобно в лодке и вот почему необходимо зорко следить в поросшей кустами местности.

Такой охоты при плавании по речке Малому Сузуну может представиться верст на 15, а этого весьма достаточно, чтоб отвести душу, вдоволь настреляться и набить до 20 и более штук в несколько часов плавания.

Мы обыкновенно доезжали на первый раз до Бобровской мельницы, где причаливали, разводили огонь и варили охотничьи щи или калью из свежих уток. А что может быть лучше такой похлебки на воздухе!.. Для варки нужно не более как полтора часа времени, так что в течение двух часов успеешь отдохнуть и закусить вплотную.

Мне кажется, будет не лишним, если я позволю себе сказать здесь, как делать эту вкусную похлебку, чтоб после приятной охоты было приятно и закусить

горяченькой скороваркой. Нужно очищенных и опаленных на огне уток разрезать на мелкие кусочки, сложить их в котелок, прибавить немного репчатого луку, мелко нарезанной картошки и посыпать крошками или тертым белым хлебом, затем посолить, залить водой – и на огонь. Тут не нужно, чтоб огонь был велик, а напротив, надо варить на прогорелом костре, над грудкой раскаленных углей, и только по мере надобности подкладывать около котелка мелких дровец, чтоб только поддерживать небольшой живой огонек. Для этого лучше всего костер раскладывать тотчас по приезде на место, чтоб во время подготовления он успел прогореть и дать побольше горячих углей.

Лишь только вскипит похлебка, нужно тотчас отливать из котелка поварешкой немного жидкости в особую посудину, чтоб не давать котелку всплывать. Затем уже варить на медленном огне, или, как говорится, на жару, чтоб жидкость не сильно кипела, а упревала, и в это время чаще помешивать в котелке. Когда жидкость повыпарится, нужно отлитое раньше обратно вылить в похлебку. Такое отливание в случае сильного кипения и доливание может повторяться два и три раза. Как только упреет мясо, надо взять из котелка бульона, разболтать в нем ложку или две сметаны и заправить похлебку, дав раз или два вскипеть; затем вылить туда же рюмку мадеры, и, немного погодя, калья готова… Снимайте котелок, посыпьте перцу, а затем пейте рюмку водки и садитесь кушать прямо из котелка – вкуснее.

Быть может, многие скажут, что для этого нужно везти целую кухню, – ничуть: надо только захватить с собой в маленьких тусячках (берестяные или

деревянные бурачки) сметаны, луку и картофелю. Остальное – белый хлеб, соль, перец и проч. – почти всегда найдется у всякого опытного охотника.

Конечно, многие довольствуются и холодной закуской; почему и не так? – о вкусах не спорят; а, по-моему, никакая закуска не доставит того удовольствия, как хорошая скороварка; берите с собой только котелок да ложки – и скажете десять спасиб; особенно вечером, если поедете на ночевую да попадете под холодную погоду, тогда никакой чай не заменит похлебки.

Если скороварка делается из мяса, то поступают так же, но кладут немного рубленой капусты и крошки из черного хлеба. Только отнюдь не доливайте кипящий котелок холодной водой – испортите и похлебку, и себя.

Выше я упомянул, что такие плавания по разбушевавшейся речке довольно опасны, и вот в подтверждение этого я скажу хоть о двух-трех случаях.

Однажды С. В. Широков ездил весною таким же манером за утками с покойным казначеем Сузунского завода г. Ивановым. Проплыли они уже более половины пути и набили много уток, как их быстротой течения нанесло на подводную карчу и моментально опрокинуло лодку. По счастью, был недалеко островок, и Широков кое-как выбился на него, а Иванова выбросило на берег, так что он добрался уже сухим путем до мельницы и потом уже с товарищами подал помощь до костей прозябшему Широкову. Все же вещи и три ружья потонули безвозвратно, так что их не отыскали и по малой воде уже в начале лета. Вероятно, их замыло песком.

Чуть-чуть не то же случилось и со мной в одну из таких поездок. Дело вышло так, что на половине дороги была поставлена новая мельница, но в первую же весну плотину ее сорвало, уничтожило шлюз и унесло самую мельницу; но мы этого не знали и потому, плывя по речке, были вполне уверены, что не встретим на дороге никакого препятствия.

Широков как старожил, лучше меня знавший местность, подплывая к этому пункту, стал озираться и тихо сказал:

– Вот ведь, кажется, тут за этим кривляком мельница Стафеевского.

– Ну так придержите и подъезжайте тихонько, – сказал я. Но в эту самую минуту нас бойко протащило за кривляк, и все мы вдруг совершенно неожиданно увидали только некоторые постройки на берегу и части размытого ряжа; а потому волей-неволей Широков направил лодку по самой быстрине, и нас стрелой продернуло, как по трубе, между остатками ряжа. Все это случилось так скоро и неожиданно, что рассуждать – как и что делать – было уже поздно, а пришлось спасаться только этим смелым направлением лодки.

После того как мы быстро пролетели такие ужасные ворота, нас в одну секунду протащило далее и так сильно качало и подбрасывало на образовавшихся от сильного течения волнах, что вода едва не попадала в лодку. Видя уже безопасность, мы, конечно, обрадовались и набожно крестились, как вдруг среди широкого и глубокого плеса, образовавшегося ниже мельницы, нас моментально посадило самой серединой лодки на что-то твердое.

Лодка тотчас забалансировала, и ее чуть-чуть не отурило набок, но спасибо, Широков не потерялся и, управляя веслом, держал ее по направлению течения, а я увидал, что нас посадило на край замытого мельничного колеса.

Положение было критическое и крайне опасное.

– Господи!.. Вот где беда-то!.. Сохрани и помилуй!.. – тревожно взмолился Архипыч и набожно крестился, а левой рукой держался за борт колыхающейся лодки.

– Плохо дело!.. Нас вывернет, а мне лодки больше не удержать! Так и сбивает на бок!.. – проговорил побледневший Степан Васильевич.

Полезла и у меня с головы шапка при виде такой опасности, а раздумывать было некогда! Но, благодаря Богу, мне моментально пришла счастливая мысль: я тотчас подвинулся в самый нос лодки, а Архипычу велел скорее перешагнуть на мое место; и вот, когда мы огрузили переднюю часть лодки, у нас тотчас приподняло кормы, течением моментально спихнуло лодку с колеса, и мы благополучно поплыли далее...

С тою же целью поохотиться за весенними утками ездили мы и на реку Большой Сузун, который почти параллельно Малому Сузуну протекает в 12 верстах от Сузунского завода. Но речка эта, не имея на себе плотины, всегда расходится позже, а потому мы ездили по ней обыкновенно уже после. Уток тут держалось много, и их меньше пугали деревенские ружейники, но водяной путь здесь был вдвое короче, а потому охота кончалась скорее. Течение по этой речке всегда было тише, но зато нередко попадались заломи из наносного леса, которые немало отравляли

удовольствие охоты, потому что их приходилось расчищать и разрубать, чтобы пробиться на лодке.

Вот однажды плыли мы в том же составе и в той же надежной лодке, которую завезли туда на дрогах. Вода на этот раз поднялась высоко, а потому усилилось и течение. Уток попадалось немало, выстрелы раздавались часто, и все мы были в самом благодушном настроении; но вот встретилось серьезное препятствие, и волей-неволей пришлось остановиться. Дело в том, что поперек реки, с одного берега на другой лежала громадная лесина (дерево), которая не более как на четверть не касалась воды, так что подплыть под нее не было никакой возможности. Как нарочно, оба берега в этом месте были круты и высоки, перетащить лодку посуху нельзя, равно как нельзя и перетянуть ее через лесину, а вода подбивает к этой преграде так сильно, что того и гляди вывернет из лодки.

Что тут делать?.. Как тут быть, чтобы горю пособить?.. Думали, думали и пришли к тому, что надо перерубить лесину около комля, тогда она сама упадет в воду и сделает свободным проезд. Архипыч тотчас залез на громадную преграду и гакая начал рубить на таком расстоянии от берега, чтоб отрубленная часть упала в воду. Мы же, чтоб лесиной не подвернуло лодку, кое-как причалили к берегу.

Гулко раздавался стук топора над речкой, и крупные щепы летели направо и налево; их тотчас подхватывало водой и, крутя, удергивало быстрым течением. Хуже всего было то, что лодка стояла по речке сверху преграды, и в случае опасности на ней никак нельзя было подать помощь ниже по течению реки; а если

б свалился Архипыч, то, конечно, тотчас бы очутился по воде ниже преграды. Но вот, видя, что дело подходит к половине работы, я строго сказал до поту трудящемуся Архипычу:

– Смотри, брат, будь поосторожнее, и только затрещит лесина – тотчас соскакивай по ней к берегу.

– Нет, барин, еще далеко и надо подсечь побольше.

Но не успел он ударить топором и трех раз, как лесина моментально переломилась в подсеченном месте, и оба ее конца грузно шлепнулись в воду... В один миг Архипыч вместе с толстым концом окунулся глубоко в воду и исчез из наших глаз!..

Я просто замер от страха и не знал, что делать!.. Но вот через секунду этот конец выбросило кверху, и я увидел испуганного до смерти Архипыча, который сидел верхом на коротком обрубке и крепко держался за него руками, не выпуская и топора...

Не успел он произнести и двух раз – уфф!.. уфф!.. – как его снова погрузило в воду, но уж не так глубоко – и опять выкинуло кверху. Повторилась та же история – уфф!.. уфф!.. – и несчастный Архипыч в третий раз окунулся в воду, не теряя своего положения и топора из руки. Но этот раз был уже последним, потому что обрубок тихо поднялся над водой и, только покачавшись, не окунулся более в речку.

Мы, конечно, тотчас помогли Архипычу слезть на берег. Весь он был мокр до нитки, и с него, начиная с головы, бежала вода целым каскадом. Мы тотчас обжали его одежду и накинули на него шубу, думая, что Архипыч от испуга и холода не скажет и слова; но он, сняв шапку и обтирая лицо, сначала перекрестился, а потом, радостно улыбаясь, шутливо сказал:

– Ну, чтоб ее язвило, как она меня обманула!.. Ведь только что хотел потрясти да попробовать – как она, подлая, вдруг схрупала да и бултыхнула в воду... Всех блох-то вымочила, проклятая!..

– Ну да, брат, моли Бога, что он помог тебе оседлать лесину...

– Что вы, барин!.. Да ведь иначе бы сдернуло...

Но мы уже не дослушали, а тотчас провели лодку несколько ниже отплывшего нижнего конца лесины, посадили в нее Архипыча и скорее поплыли вниз, а затем неподалеку причалили к солнопечному берегу, разложили огонь; я достал ему свое запасное белье и такую же пару охотничьего платья.

Архипыча вытерли и напоили водкой, и затем чаем. Он скоро совсем отогрелся и был уже готов на дальнейшее плавание.

Крепкая его натура выдержала без всяких дурных последствий как испуг, так и относительно счастливое купанье в такой холодной и быстрой воде, а могло быть и очень плохо!.. Конечно, слава Господу, что все кончилось так благополучно!.. Вот почему в таких экскурсиях необходимо иметь запасную сухую одежду и все необходимое, начиная с топора и кончая порядочным запасом коньяку или водки. Тут уж именно не чаешь, что может случиться, а тем более на такой быстрой воде и в такое время года, когда и самая погода, как говорится, ездит на семером.

XI

Охота за утками из шалашей. Немец-железна. Утки около лодки. Угощение на охоте за Обью. Катастрофа. Доисторический курган-насыпь. Доисторическая запись. Памятники глубокой старины. Черневые татары. Соболя. Кандык. Щелкане. Долина Чумыша. Ископаемые. Каменные гробы. Сойоты. Легенда. Каменноугольные копи. Образцы окаменелостей.

Пробовал я также весной охотиться за утками и с утиными чучелами из шалашей на притонных озерках; но мне такая охота не по душе, а тем более в то время, когда сама природа требует большей деятельности. Тут же приходится только лежать или сидеть и, покрякивая, караулить – не пролетит ли какой-нибудь холостой селезенишко. Скучно!.. Тем более уже скучно потому, что в это время с разных сторон слышишь бормотание косачей и гоготание пролетных гусей. Нет, это не сибирская охота!.. Пусть занимаются ею там, где дорого каждое утиное перышко, а у нас пока есть где отвести душу и без подкармливания селезней на утиные чучела!..

Нет, в Сибири охотничье поле пошире, и есть где прогуляться.

А вот кстати, когда я упомянул слово селезень, мне пришел на ум довольно курьезный анекдот про одного доктора-немца, который в сороковых годах приезжал в г. Старую Руссу Новгородской губернии с екатерининскими институтками на старо-русские соляные источники.

Дело в том, что однажды наблюдательный немец, выйдя из своей квартиры во двор, увидал одну утку, тогда как всегда видел с ней и кавалера. Вот он поискал, поискал глазами и все-таки не нашел того, кого ему хотелось видеть, а потому и спросил дворника:

– А где ж железна?..

Дворник выпучил на него глаза и сначала не понял вопроса, а потому, приостановившись, только почесался и прошел мимо. Доктора оскорбило такое невнимание русского мужика к его особе, а потому он, повышая голос, спросил снова:

– Ей, ти!.. Слишишь, я тебе спрашиваль, где железна?..

– Какая такая, барин, железна?.. Я и в ум не возьму, что за железна такая!.. Скажите толком.

Немец осердился и, подумав, что русский мужик передразнивает его персону, уже кипятясь, добивался ответа:

– Ти дурак!.. Железна – это уткин муж!.. Ну, где же уткин муж?..

Весь этот разговор слышали в окно некоторые институтки и, конечно, потом передали родным, а те знакомым – и пошла писать губерния да записалась на этот раз так крепко, что после по всему городу этого доктора иначе и не звали, как Железна, или Уткин муж. С тем он и в столицу уехал, а что было дальше – не знаю.

Однако позвольте мне возвратиться к реке Большому Сузуну и рассказать, как, плывя однажды по его быстрому потоку, мы, выбравшись уже из его лесного течения на более открытое место, сначала услыхали характерный свист утиного полета и, обратив

на него внимание, увидали, как за тремя серыми утками во всю прыть несся бойкий утятник.

Эта картина борьбы за существование была так неожиданна и так интересна, что все мы невольно взглянули кверху и жадно смотрели, чем кончится эта страшная погоня хищника и во всю возможную силу полета удирание спасающихся уток. Не знаю, что чувствовали и желали мои товарищи, Широков и Архипыч, успеха ли ястребу или спасения уткам, но у меня замерло сердце, и я как бы молился, чтоб эта погоня за смертью своего ближнего не увенчалась успехом!.. В этот миг мне было почему-то ужасно жалко спасающихся уток.

Но вот все мы увидели, как быстро догнал утятник одного селезня и хотел уже спустить его на землю, но тот моментально юркнул несколько книзу, в один миг повернулся на воздухе спиною вниз и, выставив ноги, как бы отпарировал удар хищника, который после такой неудачи, нисколько не потерявшись, бросился за другим обожателем утки, как видно, преследуемой двумя искателями ее благосклонного внимания.

Что было с тем несчастным, мы уже не видали, потому что во всю прыть несшаяся пара с такого переполоха и радости за свое спасение положительно, кажется, не видала, куда она летит, и не понимала, что делает!.. И действительно, испуг ее был так велик, что она точно не видала нашей лодки и со страшной быстротой плюхнула на воду у самого ее борта, так что окропила брызгами всех нас троих.

Но мне теперь кажется, что сделала она это тогда не бессознательно, а с расчетом – дескать, хищник не посмеет ее преследовать под защитой человека!..

Но, Господи!.. Что я сейчас сказал?.. Под защитой человека!.. – этого кровожадного вампира, этого ужасного страшилища всего живущего в подлунном мире!.. Хорошую же защиту нашли в этом случае эти несчастные утки!.. И действительно, они попали из огня да в полымя!.. И вот почему: лишь только они упали на речку, как тотчас нырнули и затем в ту же секунду вынырнули почти у самого борта нашей лодки. Они как бы не видали нас и только, повернув головки, зорко смотрели кверху.

Все это произошло так скоро и так близко, что я под впечатлением всей этой картины и, быть может, первоначального сожаления сначала растерялся и почти в упор только смотрел на вертевшегося на воде селезня, и если б не Архипыч, то, пожалуй, оставил бы его в покое, но Сучок, пригибаясь к лодке и тыча меня пальцем, как-то торопливо и вместе с тем сдержанно сказал:

– Эвот, эвот!.. барин!.. Они тут и есть!.. Стреляйте, стреляйте, пожалуйста, скорей!..

Слыша этот призыв, я машинально повернулся несколько назад, быстро прицелился в голову селезня и выстрелил почти в упор. Голова несчастного отлетела на сторону и хлынувшая кровь окрасила ближайшую поверхность воды.

Архипыч тут же подхватил его в лодку, а в это время спасающаяся серуха нырнула под лодку. Я тотчас повернулся направо и, скараулив тот момент, когда она, вынырнув сажень на десять ниже лодки, стала подниматься, выстрелил вторично и убил ее наповал.

«Вот те и охрана!.. Вот те и первоначальная жалость человека...» – быстро мелькнуло у меня в голове.

И странное дело, а меня это убойство мучило не только тогда же, но и долго-долго впоследствии.

Меня словно грызло чем-то за пазухой!.. Точно скорбела душа и упрекала возмущенная совесть, как бы тихо и с укором говоря из какого-то скрытого и непонятного тайника: зачем ты это сделал? Ты ведь сам же жалел их, болел за них душой и сердцем – и их же убил сам!.. Убил во время их радости за спасение!.. Безжалостный!.. Ты ведь хуже того ястреба, которого ты презирал, ненавидел и желал ему полнейшей неудачи!..

Да!.. И я, думая не один раз таким образом, действительно долго и долго мучился; точно что-то давило мою душу и облегчало ее только то, что причиненная мною смерть была моментальна, тогда как ястреб теребил бы свою добычу заживо и принес бы ей страшные мучения!..

Но чтоб забыть этот грустный эпизод и не сказать о нем более, я скорее перейду к другому, уже более мягкому и, пожалуй, юмористическому, который был как раз в ту же поездку и предшествовал описанному случаю.

Дело в том, что мы в этот день ездили два раза. Первый – утром, когда мы несколько запоздали и убили дичи мало, потому что утки уже попрятались по гнездам, и у воды их не было, а они вылетали из кустов, с берега, только тогда, когда мы стреляли. Это и заставило нас, доплывши до места стоянки, варить обед; а затем снова завести лодку на дрогах кверху по речке, чтоб снова сплыть по Сузуну уже под вечер. Тогда, по нашему расчету, вся утка должна была вывалить на воду, в чем и не ошиблись, потому что во второй заезд мы убили вдвое больше.

Было еще рано, а потому времени для варки щей оставалось много, так что они хорошо упрели и аппетитно выглядывали из котелка. Однако же, несмотря на этот соблазн, мы как-то лениво подсели к котелку и поели немного, потому что незадолго перед обедом, обсушивая и отогревая промокшего Архипыча, мы порядочно закусили и напились чаю. И как мы ни старались, а щей осталось все-таки больше половины котелка, поэтому явился невольный вопрос – что делать и куда девать остатки! А вылить на землю не хотелось.

Вот мы посидели, покурили и все-таки не решили мудрого вопроса – как поступить с такими отлично сварившимися щами.

– А вот постойте, барин!.. Эвон кто-то идет за кустами и, кажись, направляется к нам – вот и поможет, – сказал Архипыч, показывая рукой по направлению к кустам.

– Сюда же и есть – ишь как помахивает! – сказал и Степан Васильевич.

– А вот и прекрасно! Пусть доедает. Приставька, Архипыч, котелок к огоньку – поди-ка, простыли?.. – проговорил и я, поджидая идущего.

И действительно мы не ошиблись. К нам вскоре подошел рослый и здоровый молодой крестьянин, снял шапку, пристально посмотрел на всех нас и, поддергиваясь по опояске, как-то несмело сказал:

– Хлеб да соль честным господам!

– Здравствуй, брат! – проговорили мы все в один голос.

– Чего, ваше благородие, верно утятничать вздумали?

– Да, а ты откуда?

– А вот недалечко, с Большого Сузуна (деревня), – сказал, поддернувшись, парень и ткнул пальцем по направлению к деревне.

– Ты чей?

– Кто, я-то?

– Ну да! Тебя и спрашиваю.

– Да я, барин, Агарин – Степаном зовут.

– Куда ж ты пошел?.. Что делал в кустах?

– Да так, вишь, праздник сегодня, вот и пошел пособирать яичек, значит, по гнездам... Да что-то плохо – пообраны...

– Эх, парень! Плохо вы делаете, что зорите птицу!.. Да ведь это и запрещено – разве вам не говорили об этом?

– Как не говорили... Да, вишь, не одной матки детки, а кто и говорил-то, да также собирает не хуже нашего... Ведь этот запрет только на гумаге написан.

– Что ты, Степанушка! Да если написан – значит, так надо, а вы должны слушаться. Ведь этот закон идет от царя, чтоб не зорили птицу. Вот коли не понимаете, так и штрафовать станут...

– Эх, ваше благородие!.. А кому и штрафовать-то?

– Как кому?.. Да ведь у вас старшина есть, а дальше волость, наконец, исправник, мировой судья!.. Да ты, Степан, садись и закуси – ты ведь, поди-ка, промялся?.. А вон у нас и щей много осталось.

– На этом, барин, спасибо!.. Можно и закусить, а я сегодня рано же пошел из деревни.

– Ну вот, садись и поешь, а мы уж пообедали... Архипыч, давай сюда котелок, ложку и хлеба.

Степан смело подсел к огоньку, покрестился к востоку и вытащил из пазухи холщовый мешочек с яйцами.

– Ну вот, видишь, Степанушка, что вы делаете… Ведь это и грех!..

– Знамо, что грех!.. Так вишь, барин, у нас все собирают, а птица-то вольная – нанесет снова… Вот я третий раз хожу, а набрал только 120; а вон другие-то погляди – штук по 300 надергали!.. Да ничего – птица не вымират… Ну а насчет, значит, мировых, так мы, барин, и в глаза-то их не видим, не знам, каки они и есть, то ли это взаболь чиновники, то ли блезир какой на гумаге написан…

Видя, что этот разговор ни к чему не приведет, я замолчал, а Степан начал уписывать похлебку. Чтоб не стеснять его, я улегся на траву и стал смотреть на небо, где беловатые облака плавно неслись по синеве, то поднимаясь и уменьшаясь, то спускаясь и увеличиваясь.

Со Степаном потихоньку разговаривали Широков и Архипыч. Вслушиваясь в их болтовню, я узнал, что Степан и сам иногда постреливает осенями, что он еще холост, что у них бывают в деревне вечорки, с которых молодые ребята под разными предлогами уводят потихоньку девиц и проч. Но вот слышу, что Архипыч угощает гостя, а он начинает отнекиваться.

– Ешь, брат, досыта!.. Чего церемонишься – вишь, еще много осталось! – говорил Архипыч.

Тут привстал и я и увидал, что Степан облизывает ложку и хочет подняться.

– Ты, Степан, пожалуйста, не церемонься – ведь мы уже пообедали.

– Да я, барин, уж принаелся…

– Ничего – валяй на здоровье…

Степан припоправился, распустил опояску (кушак), взял ложку и начал опять хлебать.

– Вот так – чего испугался? А еще говоришь, что с утра ушел из деревни, – сказал Степан Васильевич.

– Да ладно, ладно!.. Чего тут бояться?.. – отозвался Степан. Я закурил папиросу и сходил к речке, а возвращаясь, опять услыхал угощение и отказ Степана, который снова облизывал ложку.

– Кушай, кушай! Не облизывай!.. Вишь, сколько мяса осталось!..

– Нет, Архипыч, будет! Больше брюха не съешь, а вот бы напиться маленько…

– Да ты дай ему квасу, – сказал я, присаживаясь.

Степан напился, распоясался совсем, утер с головы пот и начал опять поддевать ложкой.

Но вот, похлебав еще немного, он хотел положить ложку, улыбаясь, взглянул на меня и сказал:

– Много доволен, ваше благородие, наелся досыта.

– Ну, Степанушка!.. Ведь немного осталось – не церемонься.

– Разве маленько, барин, всего не одолеть, уж не под силу стает…

– Валяй!.. Ведь не на землю же вываливать такое добро – грех!..

Степан похлебал немного, а затем выпрямился и, облизывая ложку, сказал уже чуть не плача:

– Нет, ваше благородие!.. Увольте, пожалуйста, не в силу!..

– Ешь!!.. – сказал я сурово, и едва удерживаясь от смеха. Степан еще хлебнул раза два, наконец, сунул

ложку в сторону, отпихнул котелок и, глядя на меня умоляющим взглядом, робко взмолился:

– Ваше высокоблагородие!.. Увольте ради Христа!.. Ей Богу, лихотить хочет!..

– Ну, как знаешь, будет, коли наелся...

Степан тотчас начал грузно вставать, подобрал кушак, но, оставив мешок с яйцами и сказав «счастливо оставаться!», торопливо зашагал в сторону, как-то пугливо оглядываясь и прибавляя шагу, отправился в кусты.

– Вот так угостили! – покатывался со смеху Степан Васильевич. – Поди-ка, век не забудешь охотничью похлебку, паршивый!..

– Ну-ка я погляжу, что он там делает? – проговорил Архипыч и несколько поднялся по берегу.

– Ну, что? – спросил я, видя, что он хохочет и хлопает руками по бедрам.

– Да чего, барин! Поглядите-ка сами – его так и хлещет на обе стороны!.. Вот-те и яички!.. Ха-ха-ха!.. Долго будешь помнить наше угощение, Степанушка!..

Мы от души посмеялись еще, собрались и поехали кверху, на речку, куда уже увезли нашу лодку...

Несколько раз мы ездили и за Обь за весенними дупелями. Тут места луговые и обширные, которые наполовину заливаются водой, а потому здесь необходима и лодка. Хотя на перевозе и можно достать лодку, но все они не приспособлены к удобству, а потому мы и сюда завозили свою, но иногда уезжали и в тарантасе. Тут по обширности места встречалась надобность и в лодке, и в сухопутном экипаже – где как нужно, а конечно, удобнее, когда есть под рукой и то, и другое.

Так как ничего особенного в таких поездках не случалось, то я описывать их не стану, а расскажу хоть коротенько об одном довольно курьезном казусе.

Надо заметить, что за Обью ранней весною, т. е. тотчас по проходе льда, дупелей почти не бывает, поэтому приходилось ездить туда попозже, когда уже полая вода начинала стекать с лугов и обнажала притонные для дупелей гривы (возвышенные полости).

Вот, забравшись однажды за Обь в тарантасе и не взяв с собой лодки, мы никак не могли попасть туда, куда нам было нужно. Надо сказать, что со мной был неизменный Архипыч, кучер и молодой, только что начинавший тогда охотник Г. П. Вяткин.

День был отличный, время подходило к хорошей дупелиной охоте, а потому мы бойко катили по луговой дороге и весело разговаривали. Но вот, не проехав и трех верст, видим, что поперек дорожки протекает небольшой напольный ручеек, образовавшийся от весеннего разлива. Мы остановились, осмотрели и смерили глубину; оказалось, что он препятствий не составит, потому что вся его ширина около трех аршин, а глубина не более двух и трех четвертей аршина.

Отлично!.. Значит, можно проехать, только надо поскорее и с маху. Так мы и порешили общим советом.

– Давай, Давыдушка, заворачивай лошадей и маленько разбегись по дороге, – скомандовал я.

– Ладно, барин! Так я и думаю, – сказал кучер, еще молодой и здоровенный парень.

Вот мы заворотили, маленько разбежались и с маху плюхнули в промоинку. Но вдруг тарантас наш так сильно уткнулся передними колесами во что-то твердое, что послышался треск в экипаже,

а все мы получили такой ужасный толчок, что Давыд слетел с козел и оседлал у шеи коренщика, Вяткина выбросило на бок за промоину, а Архипыч как небольшой человечек, недаром прозванный Сучком, полетел с козел через левую пристяжную и лягушей растянулся в небольшую лужицу. Усидел только я, потому что предвидел что-то недоброе и уперся ногами в козлы.

Лошади же, перескочив промоинку, фыркая, стояли на берегу, и все еще одна по одной дергали и пробовали вывезти экипаж.

Все мы, увидав такую картину, сначала испугались, но, видя, что ничего особенного не случилось, гомерически хохотали друг над другом. Все это, конечно, случилось в одну секунду, и я никогда не забуду тот момент, когда Архипыч на моих глазах, как-то распростерши руки и ноги, как искусный акробат, летел с большой заплатой на шароварах через пристяжную, а затем, потирая спину, быстро вскочил на ноги и с обрызганной грязью рожей, как-то испуганно вытаращив глаза, смотрел на всех и всё, точно недоумевая, что такое случилось и с его персоной, и со всеми нами!

Мне, как усидевшему на месте и не потерпевшему крушения, легче всех было наблюдать за всеми и видеть, кто и как очнулся от таких неожиданных прыжков из тарантаса.

Вяткин, как молодой человек, выскочил легко и, только испугавшись, потирал ссадненные руки; а Давыд, как медведь, тихо слезал с коренника и, также удивленно смотря вокруг, придерживал рукой лоб, которым он стукнулся об дугу.

– Ловко же я бурдымахнул!.. Чтоб ее язвило!.. – сказал первым Архипыч.

– Да ты один, что ли?.. И все-то мы, как куры с нашести, полетели из тарантаса, – проговорил, улыбаясь, Давыд.

– Ну да нет, брат, не толкуй!.. Мне ведь эвон куды убросило!.. Словно кто лопатой подхватил сзади. Пфу, какая оказия!..

Словом, подобным возгласам и рассуждениям не было бы и конца, если б я не вылез из экипажа и, от души похохотав вместе с ними, не принялся за совет, что и как делать.

Прежде всего мы осмотрели тарантас; оказалось, что погнулся только курок (шкворень) и лопнул подлисник[18], а остальное все цело – значит, беда невелика и ехать возможно; но дело в том, как выехать, потому что передние колеса совсем ушли в какую-то вязкую луду и врезались в круто подмытый берег.

Нечего делать, выпрягли мы лошадей, перевели их обратно за промоину, вытаскали все вещи из тарантаса и руками выгребли колеса из такой вязкой и крепкой луды, что ее едва-едва отдирали между спицами. Потом мы отстегнули постромки, подпрягли ими пару лошадей за заднюю ось и кое-как вывезли экипаж назад.

Затем волей-неволей поехали обратно, к озерам, и уже там поохотились за утками.

При воспоминании об этой курьезной поездке мне пришла на ум та громадная насыпь, которая, вероятно, со времен чуди, когда-то населявшей Сибирь,

---

[18] Подлисник – деталь, связывающая подушку с задней осью или поддетая под шкворень.

существует и доныне на левом берегу Оби неподалеку от Мало-Сузунского перевоза.

Насыпь эта находится среди совершенно ровной луговой местности и имеет вид удлиненного зарода (стога) сена. Вся ее длина, как помнится, будет не менее 50 сажен, толщина в поперечном разрезе сажен 15–20, а вышина по отвесу около 5–6 сажен. Одной длинной и пологой стороной она выходит на луг, а другой, более крутой, к озерку, которое, по всему вероятию, образовалось от выемки земли для сооружения этой насыпи, потому что его длина и несколько большая ширина как раз соответствует размерам этого громадного кургана. Ныне все берега озерка и часть прилегающей к нему стороны насыпи поросли небольшими деревцами и кустами, но самая насыпь, как и весь окружающий луг, кроме травы, не имеет никакой растительности.

Изъездив немалую часть Восточной и Западной Сибири, я видел множество намогильных курганов, насыпей – и целых, и воронкообразных, видел на несколько верст тянущуюся по степи Южной Даурии на р. Аргуни канаву или бывший искусственный ров, который, пересекая реку, тянется и в степи Монголии, но ничего подобного этой громадной насыпи мне видеть не довелось.

Она, как и руническая запись в северо-восточной части Нерчинского края по реке Бичиту, сделанная на громадной плите громадного утеса и описанная мною в журнале «Природа и охота» за 1887 года в статье «Кара», представляет что-то особенное.

Это грандиозные, совсем не похожие друг на друга памятники седой старины, которые и молчат, и много

говорят о чем-то, очень давно прошедшем. Не заметить их нельзя хоть мало-мало любознательному человеку; но для ученых-этнологов это великая находка и вместе с тем глубокая тайна, которую до сих пор не познал еще никто из современных смертных.

Да!.. Чьи руки и с какой целью возводили эти сооружения и крючковатые записи?.. Думали ли те люди о том, что они оставят такие загадочные и непонятные мавзолеи для нашего времени, века просвещения и торжества науки?..

Выше сказав о чуди, когда-то заселявшей Сибирь, нельзя не упомянуть, что о ней действительно нет никаких исторических сведений и до сих пор не определено, что за народ была эта чудь и когда именно заселяла она Сибирь? Предания же о ней одинаковы, как в Восточной, так и в Западной Сибири. Тут и там мы видим только оставшиеся немые памятники глубокой старины, как в намогильных курганах, различных изваяниях из каменных пород, так называемых бабах, так и в многочисленных рунических записях, как высеченных, так и нарисованных чуть не бессмертными красками на тех же горных породах. Наконец, видим остатки грубых работ на рудных месторождениях, так называемых в Сибири чудских работах. Все это доказывает нам, что в Сибири жил когда-то народ несравненно культурнее исторически известных и нынешних инородцев, которых весь культ состоит преимущественно в скотоводстве и зверопромышленности.

Судя по отчету члена Императорского географического общества А. В. Андрианова, сделавшего путешествие в 1881 году от Томска чрез г. Кузнецк

на р. Бию и оттуда чрез Телецкое озеро и горные перевалы на реки Кемчик и Улекум (верх. часть Енисея) в страну сойотов[19] и чрез Минусинск возвратившегося в Томск, видно, что во всей северо-восточной части Алтая, где живут черневые татары, почти нет никаких доисторических памятников. Зато во всем Минусинском крае и в стране сойотов (урянхайцев, как называют их китайцы) повсюду масса всевозможных изваяний и немых писем, сохранившихся в гротах, на скалах и на отдельных камнях от разных периодов обитавших здесь народов глубочайшей древности. Г[осподин] Андрианов говорит, что едва ли найдется другая страна в мире столь же богатая и по количеству, и по разнообразию древних памятников, как Минусинский округ.

Описывая черневых татар в Кузнецком округе, живущих преимущественно по системе рек Кондомы – притока Томи и Лебедя – притока Бии, он находит, что это инородцы разных племен – самый смирный и добродушный народ. По Кондоме они живут оседло по всем ее притокам в страшной глухой тайге; занимаются скудным ручным хлебопашеством, звероловством, пчеловодством и ореховым промыслом. Чрезвычайно извилистое и тихое течение р. Кондомы замечательно красотой местности. Тут, по выражению г. Андрианова, все «дышит негой, ласкает душу и ум и примиряет с жизнью; здесь так и хочется отдохнуть душой и телом, хочется мечтать и спокойно размышлять, созерцать...» («Записки Императорского Русского географического общества», т. XI, стр. 174, 1888 г.).

---

[19] Сойоты – тувинцы.

Ясак они платят пушниной, который распределяется по силе и достатку семьи и обитанию зверя, – соболями, колонками и белкой. Так, например, Кондомско-Барсаятская волость платит соболями, а Кондомско-Карачерская – колонками. Соболь тут живет преимущественно по рекам Ушташе и Мустахе, где ловят его на горах сетями.

Интересно, что в этой угрюмой тайге растет в большом количестве так называемый кандык (Erithronium dens canis.). Корневище этого растения собирается, засушивается впрок и, сваренное с молоком, составляет хорошую пищу; равно как луковицы сараны (Lilium Martag) и пучки (Heracléum sibíricum). Из этих же растений татары гонят вино и угощаются в празднества: при рождении сына, на свадьбах, похоронах, раскладке ясака и проч. Покойников после камлания они хоронят в деревянных долбленных колодах, одевая труп в лучшую одежду или шубы, зашивая в них совсем и раскупоривая при погребении одно лицо, чтоб покойный последний раз взглянул на солнце.

Совсем другая картина по системе р. Лебедя, этой обширной долине луговых мест, где гораздо лучше живет особый род инородцев – щелкане, которые занимаются преимущественно скотоводством и пьют уже арак, выгоняемый из молока. Обычаи этой расы уже более подходят к обычаям вышеупомянутых калмыков.

Интересно заметить, что в том же Кузнецком округе по р. Чумышу у деревни Мартыновой находится масса костей допотопных животных – первобытного быка, оленя и мамонта, несмотря на то, что вся эта местность лежит в гористой и глухой тайге. Кости

их вымываются из крутых берегов реки и попадаются в самых руслах речек этой системы. Надо заметить, что тут встречаются экземпляры огромных черепов, клыков, рогов, бедренных костей, ребер и прочих частей этих великанов первобытного мира.

Тут же, по реке Гробнице, или Гробовой, найдены каменные гробы. Один из них находится в самом русле речки и поражает своей величиной, простирающейся до 5 аршин длиною; его крыша как бы припаяна особой черной массой, которая и отделяется полосой от серого цвета гробового камня. Другой подобный же гроб стоит на камнях на берегу, и его длина три аршина. Предание говорит, будто бы в них похоронены богатыри первобытного народа. Если это действительно гробницы, то нельзя не сожалеть, что они не исследованы учеными и до сих пор остаются загадкой, тайной из глубокой древности.

Описывая сойотов, живущих около юго-восточной грани Алтая по рекам Улекуму и Кемчику, его левому притоку, господин Андрианов говорит, что этот народ, резко отличающийся по наружному виду от всех сибирских инородцев и ведущий с нами торговлю, – замечательные и смелые воры. Это характерная черта, которая в плоти и крови каждого сойота, – он вор даже между своими одноплеменниками. Воровство – это гордость сойота, и чем оно чаще, чем наглее и искуснее сделано, тем больше слава похитителя. Когда господин Андрианов спросил одного добродушного старика сойота, отчего их народ занимается постоянно воровством, то получил в ответ такую легенду: «Было три брата. Старший – Эрлик-хан, средний – китайский царь и младший – русский царь (Ак-хан, белый царь).

Между ними зашел спор, кому из них быть старшим. Уселись они рядом с чашками в руках и, закрыв глаза, начали читать номы. В чашке Эрлика очутилось вино, у китайского царя – вода, а у русского (белого) – молоко. Во время молитвы в чашку Эрлика-хана упал с неба цветок. Китайский царь, который с умыслом не закрывал плотно глаза, тихонько переложил из чашки Эрлика цветок в свою чашку и затем объявил, что он вычитал об упавшем к нему цветке. Эрлик по всеведению своему и могуществу узнал о поступке китайского царя и тогда же ему сказал: «Пусть ты будешь владеть народом, но зато этот народ будет сплошь воры, что бедный, то и богатый; краденым будут и албан (подать) тебе платить». С тех пор сойоты и стали ворами», – заключил старик с наивной улыбкой.

Сказав о Кузнецком округе, я, кстати, уже должен сказать, что в нем с 1830 годов были открыты казенные золотые прииски, а с 1863 г. дозволена и частная золотопромышленность, которая с разрешения золотого дела и по левому берегу Томи с каждым годом развивается все более и более. В этом же районе находятся и почти все каменноугольные копи Алтая. Тут из попадающихся окаменелостей найдены хорошие образцы, которые определены г. Кудрявцевым и в кондомских известняках, переполненных раковинами моллюсков и члениками стебельков морских лилий, принадлежат к: Spirifer cuspidatus, Spir. strangvoisii, Spir. Mosquensis, Spir. trigonalis – Orthis arachnoidea, Productus semireticulatus, Orthis resupinata, Productus longispinus, Lithostrotion junceum, Amplexus coralloides, Rhinchonella remota, Fenestrella virgosa, Euomphalus acqualis, Nautilus stygialis и другие.

Доставленные отпечатки растений, собранные господином Андриановым в деревнях Афониной и Ново-Богатской, по определению профессора Киевского университета И. Ф. Шмальгаузена, – стебли Rhyllotheca deliquscens, а листья – Rhiptozamites Goepperti. Из деревни же Н.-Богатской, кроме этих двух видов, собраны многочисленные образцы Cyclopitys Nordenskioldi (Schmalh) и один кусочек папоротника Sphenopterys prisca (Eichw.), что, по определению профессора, доказывает принадлежность Кузнецкого бассейна к юрской формации.

XII

Русское население Алтая. Недопущение евреев. Чистота расы. Сравнение с Восточной Сибирью. Поэзия. Растление нравов. Масляничные горы. Бега. Максимов и его конь. Сибирская езда. Случай в Иркутске.

Но возвратимся к Сузунскому заводу и, чтоб воспользоваться промежутком времени от весны до Петрова дня, когда уже никто почти не охотится по птице, не посмотрим ли мы на Алтай в этнографическом отношении, чтоб хоть немного познакомиться еще с его обитателями, уже помимо скуластых и узкоглазых инородцев?..

Весь громадный Алтайский горный округ, как он вполне правильно назывался до реформы императора Александра II, заселен преимущественно русскими, которые, помимо добровольного и уже тайного переселения из России, приходили сюда с 1754 года ссыльными людьми за разные проступки и распределялись в работы по рудникам и заводам. Но с 1776 года ссылка на Алтай была совсем прекращена, и осужденные люди препровождались уже далее, к Иркутску и за Байкал.

В это же время, когда правительство всеми силами старалось заселить предгория и северные склоны горного Алтая в глубине его долин и ущелий, по реке Уймону и по южному склону на реке Бухтарме тихонько селились все те, которым неудобно было оставаться в строю общества. Сюда, в так называемое Беловодье, под защиту камня шли раскольники, гонимые за веру,

рекруты, беглые солдаты, горнорабочие и мастеровые от заводской каторги, крепостные люди от помещичьего ига, и все они образовали особые поселенья, получив название каменщиков.

Вдали от всякой власти и преследования из всего этого сбора образовался особый строй общества со своим своеобразным порядком жизни, со своими, хотя и неписаными, но строго исполнявшимися законами. Таким путем выросло в короткое время до 30 мелких поселков Горносибирской сечи, которую до 1791 года проведавшие власти не могли подчинить общему государственному строю и закону. Только уже впоследствии, когда общее заселение местности, развитие горного промысла и трехлетний неурожай и голод заставили свободных каменщиков обратиться к милости великой государыни, тогда они избрали 11 депутатов и отправили их с повинной, прося императрицу принять их в подданство и сравнять в правах с инородцами. Государыня помиловала каменщиков и обложила их небольшим ясаком. Тогда из них составилось девять деревень и две инородческие управы – Уймонская и Бухтарминская.

Только в 1832 году эта вольница вошла в общий строй и была переименована в крестьянские волости. В сущности, это лучший народ Алтая, отличающийся зажиточностью, крайней добросовестностью, простотой и ловкостью. Об этом говорят и пишут многие путешественники.

Надо заметить, что на Алтай по особому высочайшему повелению давно не допускаются к водворению евреи, которых уже очень много тотчас за гранью этого края; эта мера немало хранила его от многих

мерзостей, которые почти обыденно совершаются по соседству. В общем, выходит так, что Алтайский округ настолько чист расой населения, что вряд ли с ним сравнится и любая из великороссийских губерний.

И мне кажется, что эта самая чистота, переходя в замкнутость расы, едва ли не отразилась в общей массе населения не в пользу ее наружного вида, что в особенности заметно на прекрасном поле. И в самом деле, сравнивая наглядно население Алтая с населением Забайкалья, а тем более Нерчинского края, нельзя не заметить ту поразительную разницу, которая сама собой является даже при поверхностном наблюдении.

На Алтае, сколько я мог заметить, по окрестностям Сузуна, Салаира, Барнаула и несколько далее редко увидим из простолюдинов красивых мужчин, а тем более женщин. Все они какие-то испитые, кажутся старее своих лет и в общем белорусы, так что весьма редко встретишь брюнета или брюнетку. Прожил я на Алтае около 20 лет, и мне не удавалось видеть не только красивую, но даже и миловидную девушку или женщину. Все они более или менее однообразны и не производят приятного впечатления, особенно по удаленным деревням. Конечно, я говорю в общем взгляде на расу, в чем и повторяюсь. Так, например, живя долго в Сузуне и в Барнауле и знакомясь с их близкими и далекими окрестностями, наконец, наблюдая за новобранцами, я не могу сказать, что я видел красивого мужчину или красивую женщину. Встречается только какое-то подобие и только!.. Говорят, что несколько повиднее народ в так называемых

поляках, населении к югу за Змеиногорском, но я там не бывал и ничего из личных наблюдений сказать не могу. Если же это и так, то не имело ли тут влияния смешения рас русской и польской народности. Дело в том, что этот край был заселен в 1765 году по повелению Екатерины II поляками, выведенными войсками из Польши, и раскольниками с Ветки, которых и водворили по рекам Убе и Ульбе, а также в северные предгорья Алтая. Тут является уже приволье, зажиточность и своеобразные костюмы, что и отразилось в потомственном населении с благоприятной видовой стороны, что заметил в своих записках и путешествовавший по Алтаю Финч в 1876 году.

Такова ли картина в общем в Забайкалье?.. Нет!.. Там народ той же расы гораздо представительнее, как-то разнообразнее и перемешан от самых типичных блондинов до густо-ярых брюнетов; то же, конечно, относится и к прекрасному полу. Видеть в Забайкалье красивого мужчину, а тем более красивую женщину – вовсе не редкость. В особенности такая представительность заметна у так называемых семейских, т. е. единоверцев, или старообрядцев.

В том, что встречаются красивые личности в Забайкалье даже в инородцах, я приведу небольшую выписку из известной местной поэмы «Авван и Гайро» одного нерчинского пиита Ф. И. Бальдауфа, который написал ее для своего приятеля, горного чиновника И. П. Корнилова.

В ее устах не дышат розы,
Но дикий огненный Ургуй
Манит любовь и поцелуй.
Я видел в зимние морозы,

Как на полночных небесах
Сиянье яркое сверкает:
Так у тунгуски на щеках
Румянец девственный играет…
Но с чем сравню я блеск очей,
Очей Аввана сердцу милых,
То оживленных, то унылых?..
О, дева!.. Блеск твоих очей
Ни с чем сравнить я не умею –
Я сам, о прелести твоей
Воображая, пламенею.
Как опишу я твой наряд,
Небрежность, простоту движений?
Твою улыбку, милый взгляд
И нежность чудных выражений?..

Злые языки говорят, что на алтайском населении отразилась печать забитости и плюгавости с времен обязательного труда, когда народ якобы не досыпал и не доедал!.. Но ведь это было уже давно, и тот же обязательный труд существовал и в Нерчинском крае… Почему же там более благоприятная картина расовой народности?..

И мне кажется вот почему.

В Забайкалье, а в особенности в Нерчинском крае, слишком много пришлого элемента. Ведь кого тут только нет? Поляки, жиды, грузины, армяне, черкесы, татары, немцы, шведы и даже французы и турки!..

Положим, что все они явились туда подневольно, но тем не менее эта самая подневольность заставляла их смешаться с населением края; а при этом смешении явилось как бы обновление крови, что

и отразилось благоприятно на видовом изменении расы. Разберите любую семью в Нерчинском уезде, и вы непременно доищетесь, что в ней кто-нибудь из родичей был какой-нибудь ссыльный и чаще всего нерусский.

Так или не так, но ничего подобного не могло быть на Алтае, и расовая кровь осталась в застое.

Кроме того, мне кажется, что в этом случае имело и имеет большое влияние жизненное довольство. Сколько я заметил, в общем забайкальцы живут зажиточнее алтайцев. На Алтае уже давно проявилось кулачество; там его не было, но была зажиточность, которая не отражалась на бедности тем давящим кошмаром, какой является и во сне и на яву при кулачестве. Бедность, помогая зажиточности, поправляется и сама; а так ли это при кулачестве? Нет!.. Тут она морится, мотается и не поправляется; а словно и «гореть не горит, и таять не тает, а просто измором ведется», как говорят сибиряки...

Где на Алтае те громадные табуны рогатого скота, баранов, лошадей, от которых ломятся степи Южного Забайкалья? Где те рысаки, иноходцы, бегунцы (скакуны), каких вы найдете не только в заводах и рудниках, но и почти в каждой забайкальской деревне? Что это доказывает, как не зажиточность живущего там люда?.. Тысячу раз прав наш любимый поэт Некрасов, так метко сказавший в своей поэме «Дедушка» о приволье и богатстве Забайкальского края.

...Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь за раскол,
Волю да землю им дали;

Год незаметно прошёл –
Едут туда комиссары;
Глядь – уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельницу выстроят скоро,
Уж запаслись мужики
Зверем из тёмного бора,
Рыбой из вольной реки.

Как там возделаны нивы,
Как там обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно – ведётся копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на ней душегрейка –
Из соболей воротник!..

В общем недурно живут и на Алтае, но бедности тут больше, и если нет пока пролетариата, то с началом всеобщей воинской повинности появилось много отрезанных ломтей, которые от семьи поотстали и к людям не пристали; но это не есть недостаток народности края, а теперь едва ли не общая мозоль всея Руси.

Странно, однако же, но по отзывам многих старожилов выходит так, что бывшие бергалы и подзаводские крестьяне жили при обязательном труде лучше. Они тогда не несли тех повинностей и обеспечивались во многом от казны; а при догляде так сильно не пьянствовали и далеко не было того нравственного разврата, который заметен теперь.

Что же касается духа русской народности, то он стушевывается с каждым годом все больше и больше. Грустно и тяжело сказать, а присмотревшись, выходит так, что этот дух почти целиком перешел в кабак и уже оттуда, звеня штофом, в безобразном виде, с диким ревом и потрясая кулаками является на улицы, а затем и домой... Положим, что такой дух бывал и прежде, но бывал он у пожилых людей; а ныне перешел не только на молодежь, но и на юных подростков, которые не стыдятся и не таятся в своем безобразии, но напротив, бравируют и бахвалятся или пялятся, как говорят сибиряки, а придя домой, смело воюют даже со своими тятьками и мамками.

Неужели и это еще не нравственное растление!.. И могло ли быть оно прежде? Нет!.. И его действительно не было!.. И не было уже потому, что «Бог был пониже, а власть была поближе».

Еще на моей памяти эта самая молодежь вела себя иначе и в первый же праздник, приодевшись, выходила в девичьи хороводы, бегала в беги, качалась на доморощенных качелях, играла в разлуку, скакала на досках и именно ухаживала за прекрасным полом. Она дышала другим чувством, теплее становилась к своим близким и сердечнее к своей избранной, зная и понимая, что такое любовь!.. Так ли это теперь?.. Увы! Нет и нет!!

Ныне хороводы стушевываются; их составляет как бы нехотя один прекрасный пол, который или заискивает уже сам, или обегает, завидя пьяную вереницу молодежи, предвидя ее бесцеремонное отношение или какой-нибудь скандал. В Сузуне бывало даже смешно иногда смотреть на игру в горелки, или, как

здесь говорят, в разлуку, потому что прекрасный пол даже не бегает, а, как бы считая это уже старым, только жеманно ходит. Где же тут быстрота движений, ловкость, грация?.. Где же тут соревнование, стремление поймать возлюбленную, не поддаться немилой, шепнуть кому надо любезность?.. Где же тут тот огонь, тот серебристый смех, та кипучая жизнь, которые прежде волновали молодежь, затрагивали ретивое, составляли поэзию?.. Куда же все это девалось?.. В какой тине оно погрязло?.. Или где и в какой паутине замоталась эта бывшая русская жизнь, неподдельная удаль!.. Бывало, смотришь, смотришь на этих поползух да и плюнешь невольно!..

Какие же тут могут быть теплые проявления души?.. Какая же тут любовь?.. Да этого и ожидать уже нельзя, потому что та и другая половина, потеряв все чарующее и идеальное, только материально, как-то грубо скотски смотрит на обоюдные отношения и словно не претендует за непостоянство!..

Самое слово «измена», в смысле любви, так много выражавшее в прежние годы, ныне поется только в песнях и потеряло свое роковое значение… Конечно, все это крайне грустно и тяжело, потому что ныне юные дети того и другого пола уже не слышат от старших порицания или осуждения за подобные опошления отношений и как бы с молоком матери всасывают другие убеждения и воззрения, так скоро растлившие всю прелесть гармонии жизни, весь веками освященный строй бытия народности!..

Слышал ли я душевные русские песни на Алтае?.. И опять-таки – нет!.. Здесь поют какие-то свои и поют почти все на один лад, на один мотив!.. Так

что-то же слышишь даже и тогда, когда почти те же мотивы визгливо выкрикивают и при путешествии с образами!..

Только однажды, уже под вечер, сидел я в компании на террасе, как вдруг за заводской крепостью какой-то переселенец запел крайне душевную российскую песенку. Это было так неожиданно и так сердечно отозвалось на всех, что мы невольно замолчали, словно затаили дыхание, и слушали эту песенку до тех пор, пока она, все удаляясь и затихая, наконец замерла где-то в улицах; но мы все еще сидели, думали и точно чего-то ждали...

Вот как в этом случае опять-таки не вспомнить Нерчинский край, этот пантеон всевозможных русских и хохляцких песен, в которых народная поэзия вылила так много любви и горя, так сердечно сказала о родине, семье, молодежи, русской удали. Где, бывало, слушаешь подобранные хоры и замирает душа, являются невольные слезы.

На Алтае же, сотни раз вслушиваясь в солдатские хоры, я никогда не выносил отрадного впечатления, потому и тут однообразие мотивов возмущает душу, а весь репертуар состоит как бы из припевов; в нем нет ни одной такой проголосной песни, которая бы задела струнку русского солдата хоть по отношению к родине, семье или исторической его жизни, как это есть во многих российских полках.

Вообще надо сказать, что на Алтае народ не поэтичен, тут не умеют сыграть что-либо порядочное, даже на простой гармонии или балалайке, а о скрипке и гитаре и говорить нечего – это не для него создано. Равно и о пастушьих рожках здесь не имеют понятия.

Совсем не то в Нерчинском крае, этой певучей каторге, где все эти инструменты не составляют редкости. Что же касается поэзии, то она проявляется даже у тунгусов, этих степных номадов, которые поют все, что они видят, и у промышленников уже в образе весьма интересных сказаний, сказок и легенд.

Так, например, тунгус едет верхом по степи и, завидя сурков (по-сибирски – тарбаганов), поет свою импровизацию:

Чингильтуйнэ баргила
Чириларен тарбага...

Что значит:

За рекою Чингультуэм
Тарбагана слышен свист...

В доказательство того, что в Нерчугании представительность многих особ прекрасного пола и гармония гористой природы располагает к поэзии, я позволю себе сделать еще одну выписку из поэмы одного молодого охотника, который, не забираясь на Парнас, так просто и реально-поэтично изложил свои чувства любви:

Живя в Даурии далёкой,
Один на руднике, в глуши,
Я встретил глазки с поволокой –
И полюбил их от души!..
Цветок нагорный, неподдельный,
Комета северных небес,
Алмаз Сибири беспредельной –
Богиня музы и чудес!..
Бывало, еду ли с винтовкой
И встречу глазки на пути –

Они потупятся с головкой,
Сторонкой думая пройти…
Мне станет жутко, как-то больно,
Но я заеду им en face («в лицо, спереди» (фр.)),
Тут глазки взглянут уж невольно,
Любовью страстной брызнут в вас!..
Замрёт душа и сам спасуешь,
Как ток по телу пробежит!..
Сказать «привет» как бы рискуешь,
Рука под шапкою дрожит…
Проедешь дальше – и невольно
С седла оглянешься назад:
Молчи ты, сердце!.. Ну, довольно!..
Но в нём кипит уж целый ад!..
Скорей летишь уж в лес, в трущобу,
В горах свободою вздохнуть,
Но в сердце чувствуя зазнобу,
И там не можешь отдохнуть…
Увидишь коз – сейчас сравненье
Пойдет во всем невольно с ней!
А кабарожка – в утешенье
Напомнит глазки мне, ей-ей!..
Следки красивые заставят
Сравнить у милой каблучки,
А резвость, грацию – добавят
Животных лёгкие скачки…
Лежу ль в шатре, в тайге суровой,
Но глазки можно ли забыть?..
И думу страсти думой новой
Всю ночь не в силах заменить…
Звезда ль падучая сорвётся –
Уж три желанья есть давно:

О ней одно гадать придётся,
А до других мне всё равно!..
Услышу ль плеск в реке холодной,
В мечте появится она
Какой-то нимфою свободной,
Меж всеми нимфами одна!..
Роскошны девственные формы,
Движенья прелести полны.
Играя рыбкой в тишь и штормы,
Глядит богинею волны!..
Сшумит ли ветер под горою –
Мне тотчас грёзы, как во сне:
Что будто ночью, той порою
Летит красотка на ковре
В сорочке легкой, белоснежной,
С косой, распущенной до пят;
Горит любовью в грудке нежной,
Кого-то ищет дивный взгляд!..
И вот лежу я в неге сладкой,
Гляжу в костёр на огонёк
И точно вижу, как украдкой
Оттуда смотрит мой глазок...
Услышу ль треск лесной тропою –
Она, мне чудится, идёт
В волненьи робкою стопою,
И сдавит сердце, дух замрёт:
Росой смочила юбку, шубку,
Промокли ножки, вся дрожит...
Ах, как согреть бы мне голубку –
На сердце думушка лежит!..
Весь в слух невольно обратишься,
Но вот всё смолкнет – тишина!..

Тут мысли новой уж боишься:
Не заблудилась ли она?
Кричать ау!.. Найти плутовку –
Скорей мне хочется бежать…
Утешить чудную головку,
Прижать к груди и целовать!..
Какой-то трепет от волненья
Слегка по телу пробежит –
И после чар воображенья
Мне сладкий сон глаза смежит…
Но ведь и тут душе влюблённой
Покоя нет от страстных грёз!..
Она мечтою обновлённой
С Морфеем борется до слёз…
Заснул – и вижу сон чудесный:
Что будто в церковь я иду;
Предмет любви, мне неизвестный,
Тихонько за руку веду.
Вхожу в притвор – и слышу пенье,
Но церковь мрачна, холодна;
Потом, как чудное виденье,
Вдруг вся в звездах горит она!..
А сверху месяц золотистый
Снопом раскинул яркий свет;
Алтарь весь бело-серебристый,
Везде кусты – народа нет…
В стенах я вижу скалы, горы,
То образа, то чудный лес,
В карнизах снежные узоры,
А выше с зорькой свод небес…
В каком-то ужасе, в волненьи
Пришёл я в храм и тихо стал;

Гляжу кругом, душа в смятеньи:
Зачем и с кем сюда попал?..
Во храме пол – трава живая,
Цветы и мрамор – где стоим;
Пред нами урна золотая
С крестом, Евангельем святым.
Мотив молитвы где-то слышен,
Струится лёгкий фимиам…
«Как мил твой выбор, как он пышен!»
На ухо шепчет кто-то нам!..
Весь облик девы в сновиденьи
Дышал любовию святой,
Глубокой верой в провиденье,
Отвагой, честью, добротой.
Как ангел, с неба воплощённый,
Она смотрела на меня;
Порыв души ее влюблённой
Был полон жизни и огня!..
В глазах прекрасных выражались
Доверье, ласка, красота;
Лучи ума в них отражались
Души прелестной чистота.
В них нет ни злобы, ни коварства,
В них нет кокетства, клеветы, –
Они чужды обмана, чванства,
Неправды, светской пустоты!..
Сквозит по жилкам нежность, свежесть,
В движеньях грация видна –
Все чары в ней!.. Любви вся прелесть!..
Она моя, она одна!..
В одежде милой нет обмана,
Весь бюст роскошный на глазах.

Тюник из сизого тумана,
Батист тончайший на плечах.
Как будто радугой небесной
Охвачен тонкий девы стан!
Но вдруг прервался сон чудесный,
Исчез, как утренний туман…
Смотрю, проснувшись, – вот Аврора,
Блестя с востока, как алмаз,
Так мне пленительна для взора,
Как блеск волшебный чудных глаз!..
А перед утром пурпур ночки
Прелестней, право, света дня, –
Он мне напомнил губки, щечки
И свежесть чудную ея!…

Живя в Сузуне и возмущаясь отсутствием народной поэзии и даже простых праздничных забав, всецело поглощенных кабаком, я пробовал делать на заводском пруду большие масленичные горы. Цель такого предприятия заключалась в том, чтоб хоть сколько-нибудь отвлечь молодых от пьянства и дать русской натуре повеселиться обоюдно с прекрасным полом, строго следя за тем, чтоб пьяных не допускать на катушки и по возможности облагородить общественное удовольствие.

Горы строились десяти и даже более аршин высоты и имели раскату более 120 сажен, так что такая затея приманивала волей-неволей всю молодежь тем более потому, что есть с чего лететь и есть где прокатиться, чего именно и требует русская натура. Здесь приманивал захватывающий дух полет с высоты и быстрое, до одури, движение по широкому

простору, что и напоминало слова бессмертного Островского: «Эй! Шире дорогу!.. Любим Торцов идет!..» Положим, что сюда Торцовы не допускались, тем не менее тут можно было отвести русскую душу и показать свою удаль. Не будь всего этого, и было бы плохо, а тут именно дух захватывало, как старый ерофеич, – значит, хорошо!..

Когда я спросил на горах одного пожилого рабочего, с увлечением катавшегося и предлагавшего свои услуги молодым девушкам и бабочкам скатить их с катушки: «Ну, что, парень, ладно ли?» – так он пренаивно и самодовольно ответил:

– Хорошо, ваше высокородие!.. Уж коли девки визжат да закрывают глаза – значит, в самую пору!..

И что же – попытка моя удалась как нельзя лучше: в кабаках вертелись только одни закоренелые пьяницы; они опустели и на масленице, чего никогда не было, опустели потому, что почти все, от мала до велика, бросились на катушки, вели себя трезво и настолько прилично, что, кроме похвалы, ничего сказать не умею. Вечерами горы освещались фонарями, вензелями и кострами, причем многие обыватели помогали и личным трудом и всем, чем могли, а самое катанье не редко производилось далеко за полночь. Все были довольны и радовались, веселясь от души. Насупились только одни кабатчики; ну да на них наплевать, не об них и заботились...

И по-моему, это доказывает только то, что народу необходимы общественные удовольствия, тогда он сам невольно делается мягче и забывает кабак, но – увы! – забывает тогда, когда знает, что за ним наблюдают и владеют такой силой, которая

не позволяет ему безобразничать. Хоть это и горько, а ничего не поделаешь, потому что трудно вдруг посеять снова то, что выродилось уже десятками лет...

Бывают и здесь бега на скакунах, или так называемых в Сибири бегунцах, но они имеют против забайкальских другой характер и потому не особенно охотно посещаются зрителями, и вот почему: на Алтае обыкновенно скачут на большие расстояния – верст на 15, 20, 25 и более, так что лошади по большей части приходят изморенными, далеко бросая друг друга и нередко доплетаются до меты уже кое-как, тычась и опустив уши, так что представляется мало удовольствия смотреть на то, что видишь повседневно, когда любой мальчишка скачет на водопой.

Совсем другая картина в Забайкалье, где обыкновенно заводят бегунцов с полуверсты, так называемых секунчиков, до трех и самое больше до семи верст – только!.. Вот тут всякий видит несущегося коня во всю прыть, во всей грации и легкости его полета; видит, как режутся равные силами, как волей-неволей уступают слабейшие и проч. Тут у всех зрителей волнуется кровь, и не на шутку, идут свои заклады за бурку или сивку, предлагаются знатоками и любителями даже двойные, тройные и более пари и проч. А вся эта история кончается скоро; долго мерзнуть не приходится.

Вот почему забайкальцы в этом случае более эстетичны и массами едут посмотреть бега. Над большими расстояниями они смеются и говорят, что там надо смотреть не прыть, а как давят по-волчьи.

На Алтае еще устраиваются бега на очень большие расстояния, где пускаются десятки лошадей, чтоб видеть, которая больше выдюжит и придет первой,

второй и т. д. Тут назначаются призы, и такие бега называются байга. Это бега собственно киргизские, и тут скорее есть своего рода цель, особенно у тех, которые кроме охотничьей страсти испытывают силы и прыть известной породы. Самоё слово байга туземное, и у киргизов оно имеет особое значение, на то и барантачи существуют в степях!.. Они, по восточному обычаю, и приютят, и угостят, но при удобном случае подальше за юртой не прочь и ограбить. И вот почему для них дюжие и легкие кони, на которых они охотятся и барантуют в широкой степи, слишком дороги.

Кстати, говоря о крепости сибирских лошадей, не могу не упомянуть о довольно замечательном факте. Не так давно в Сузунском заводе служил надзирателем команды кондуктор[20] И. В. Максимов, а у него был знаменитый конь, на котором он не более как в 10-11 часов выскакивал верхом около 150 верст и делал такие поездки чрезвычайно курьезно. Надо заметить, что этот Максимов был человек хотя и небольшого роста, но плотно сшит, а характера такого, что «нраву моему не препятствуй». Вот вздумается ему сбегать на вечерку в Павловский завод, отстоящий от Сузунского, считая по тракту, на 75 верст, он, отпросившись у управляющего или тихонько, тотчас после вечерней раскомандировки команды, т. е. около пяти часов вечера, оседлает своего сивку и летит к Оби; там раздевается, привязывает платье к узде на верхней части головы лошади, берет ее за гриву (или хвост?) и бросается с нею в воду. Переплыв на другую сторону реки (Оби!!), он летит далее и вечером,

[20] Кондуктор – унтер-офицер, выполняющий работу чертежника.

в самый разгар вечорки, является дорогим гостем как любитель и мастер разных плясок. Затем, вдоволь натанцевавшись, Максимов закусывал и тем же порядком являлся как огурчик в Сузунский завод к утренней раскомандировке, т. е. к 4 часам, на службу.

Такие прогулки он делал не один раз, и все окрестные жители, не говоря уже о сузунцах, коротко знали не только Максимова, но и его знаменитого сивку. Согласитесь, что подобная проделка курьезно характеризуют и эксцентричного хозяина, и его могучую лошадь!..

Точно так же нельзя не сказать и об обыкновенной езде сибиряков в экипажах, а тем более зимой. Пролететь в повозке или кошевке 20 верст в час не составляет редкости. В прежнее время такой ездой отличался на Алтае Змеевский тракт, т. е. от Барнаула до Змеиногорска, а в особенности в обязательное время, и не потому, что так скоро возили по обязанности, – нет, а потому, что зажиточные ямщики имели из любви к искусству таких лошадей. Это расстояние в 268 верст бывший управляющий Змеиногорского края А. П. Карпинский, случалось, выбегал в 14 часов.

В проезд чрез Алтайский округ его высочества великого князя Владимира Александровича в 1868 году, конечно, заранее заготовлялись лошади по всему и Змеевскому тракту. Вот в это самое подготовление ехал по этому пути служивший в крае горный инженер П. П. Иванов, которого хорошо знали и все ямщики по этому тракту. Приезжает он на станцию Мысы; его встретил старик Яковлев, который просил позволения запрячь в его тарантас готовящуюся четверку под великого князя.

– А что, разве она беспокойна? – спросил его Иванов.

– Да то-то и есть, ваше высокородие, что маленько – того!.. Вот и надо бы промять хорошенько. Вишь, и боюсь – вот и берет сумление – ну а как ты, барин, проедешь, так и скажешь – годна ли будет.

– Ладно, старик! Давай, запрягай! Вот тогда и увидим.

Иванову запрягли великолепную четверку серых сибирских лошадок, и на козлы уселись два кучера – сам старик и его сын. Лишь только отворили ворота, как вся четверня так подхватила с места и, вылетев на дорогу, так оттрепала станцию с лишком в 30 верст, что и нетрусливому Иванову показалось небо с овчинку.

– Ну, что, барин, как? Ладны ли будут? – спросил старик, когда приехали на другую станцию.

– Ну, нет, дедушка!… Таких, брат, дикарей надо мять да и мять; а то, Боже тебя упаси! Сам понимаешь, что тут требуется. Нет, дедушка, нет!.. И хороши кони, нечего и говорить, да надо выездить, вымять.

– Да они, ваше высокородие, и езжены, ну да, вишь, уж больно того! Яры, чтоб их трафило!.. Эка ты, едят те мухи!.. А я все думал, что угожу этими. Ну, да ничего – есть у меня и другие, те помягче будут.

И старик, чуть не плача, проводил далее ускакавшего Иванова.

Если я начал говорить о такой дикой езде, то позволю себе рассказать и еще случай. В 1870 году на масленице был я в Иркутске. Конечно, понадобился мне извозчик, и я попросил из гостиницы полового кликнуть получше возницу.

– А вот, барин, я приведу вам Афоньку – он лучший здешний извозчик; у него все три коня – первостатейные рысаки, а сегодня же он на бурке – лихо прокатит!..

– Да мне, братец, не кататься ведь надо, а поездить по своим. Да твой Афонька, верно, и берет дорого?

– Нет, теперь по масленице три рубля – больше не возьмет... А он всех горных знает.

Я согласился, и к подъезду явился Афонька. Почти до вечера ездил я с ним по всему городу из одного дома в другой. Но вот с обеда почти все иркутяне выехали кататься и бесконечной вереницей друг за другом тихонько поехали по главным улицам города.

– Барин! Позвольте вас прокатить, у меня здесь первый рысак, – сказал Афонька.

– Хорошо, только куда мы поедем? Видишь, сколько народу катается.

– А мы, барин, на задние улицы – там теперь пусто.

– Ну, валяй! Потешь, коль охота пришла.

И вот Афанасий, тихонько выбравшись на какую-то пустую и заднюю улицу, пустил во всю рысь. Первый конец мы сделали отлично, и нам никто не попался, конь шел великолепно и страшно пылко. Но вот мы заворотили обратно и запустили снова. На этот раз, проезжая одну поперечную улицу, к нам, как на грех, тихо выехал наперерез какой-то офицер на плохоньком извозчике. Увидя такую беду, я ужасно испугался; ткнул в спину Афанасия и сказал энергично:

– Смотри!.. Смотри!..

Но надо заметить, что извозчик и офицер, не видя нас, как нарочно оба в это время отвернулись и смотрели куда-то вбок.

Афанасий успел только неистово зареветь: «Держи! Держи!» – как в одно мгновение налетел на проезжающего, но, вероятно, угодил как раз между седоком и кучером, который, как сейчас вижу, заметя беду, как бы призадержал лошадь и, машинально захватив голову руками, нагнулся на передок.

В этот самый миг я видел сбоку, как прыгнул бурка, затем послышался сильный треск, нас как-то ужасно тряхнуло, но мы оба усидели в санях – и тем же махом полетели дальше. У меня просто захватило сердце от испуга за проезжающего, я невольно оглянулся назад и видел только, что и конь, и офицер, и извозчик сначала лежали на дороге, потом последние быстро соскочили и стали вертеться около лежащих на боку и, вероятно, разломанных саней.

– Что ты наделал, Афанасий?.. Беда!..

– Ничего, барин!.. Только молчите ради Христа!.. Ведь не нарочно… а они меня не видали…

–Да тебя, брат, все собаки-то знают, а не только извозчики.

– Нет, барин, это, кажется, и не извозчик, а чей-то свойский – вахлачок, и я сметил, что он не узнал, а вы – человек приезжий.

И Афанасий, быстро повернув в другую улицу, затем еще в какие-то переулки, а наконец почти совсем осадив коня, тихо въехал в ряды катающихся… Тем дело и кончилось, а я на этот раз, сознавая Афанасия правым, покривил душой и, промолчав, не выдал его ни одним словом даже между знакомыми.

Очень может быть, что Афанасий жив и теперь, и всякий иркутянин легко может проверить рассказанный казус, чтоб, прочитав его, не сделал гримасы и не сказал подходящей пословицы: «На чужой роток не накинешь платок».

XIII

Жизненные достатки. Толчение пшеницы. Сравнение в довольстве. Воронко. Преклонный возраст жителей. Землетрясения. Старуха. Холера. Эпидемия. Эпизоотия. Курьез. Переправа через Обь. Лебеди.

Выше я упомянул, что на Алтае народ живет плоше, чем в Забайкалье. И действительно, здесь в массе населения нет того достатка, как там, начиная уже с того, что крестьяне в общем не имеют такого количества скота и несравненно меньше едят мяса, а если и употребляют его, то преимущественно вяленое. Такой обиход можно видеть в каждой порядочной деревне; стоит только взглянуть под фронтоны крыш, куда обыкновенно вешается нарезанное продольными кусочками мясо и прикрывается от пакостливых птиц старыми сетями. На Алтае, кроме юго-восточной его части, нет диких коз, которых в таком большом количестве поедают в Забайкалье, а в массе народа нет и десятой части не только зверовщиков или промышленников, но и ружейников. Значит, тут дичина несравненно реже попадает на зубы.

Кроме того, алтайская беднота не знает употребления карымского чая (кирпичного) в том приготовлении, в каком пьют его забайкальцы, которым этот чай, приправленный молоком, маслом, сметаной или затураном (поджаренная на масле мука) с солью, вполне заменяет похлебку. На Алтае хоть и пьют кирпичный чай, но пьют из самоваров, как чай; а это совсем не то и не имеет той питательности.

Что касается овощей, то они одинаковы, но кулинарное искусство в Забайкалье богаче; там и всевозможные ватрушки, шаньги, гречушники, пряженики, ярушники, мучники, яшники, наливашники, булки, сайки, калачи и другие печенья, которых я уж и назвать не умею, на что у алтайских стряпух нет уменья и наполовину. Почти то же можно сказать и о похлебках. И все это, мне кажется, потому, что там масса пришлого люда, от которого перешли в народ и разные способы приготовления из одних и тех же материалов.

Пшеничная забайкальская булка мягка, пышна, душиста и не сравнится ни с какой крупчатной, потому что там пшеницу почти в каждом доме моют и толкут в особых деревянных ступах по нескольку раз, а затем уже сушат и мелют. На Алтае такого хозяйственного обихода почти нет или очень мало, несмотря на то что в южной его части весь народ употребляет преимущественно пшеничный хлеб, а в Забайкалье ярицу, но просевая на сите.

Толчение и мытье пшеницы производится обыкновенно летом помочами, как и капустки, конечно, с песнями и разными играми по окончании; во время самого мытья, если это происходит у речки, идет обязательное купанье всех, кто придет подурить с прекрасным полом. Так что и работе, и веселью задумываться тут некогда. И, кажется, попадись сюда хоть какой молодец, а девки осилят и все-таки выкупают!.. Конечно, достается и им, но с такой помочи почти никто сухой не уходит… Ну за то и булочки потом выходят на славу – что ешь, то больше хочется!.. И словно от них пахнет тем задорным весельем, какое было при толчении пшенички…

Живя в Сузуне, я сотни раз наблюдал за приносимым обедом рабочим людям в заводскую фабрику и пришел к тому заключению, что эти труженики кушают нежирно. Нередко весь их обед заключается в бутылке молока или кваса и куске хлеба. Реже приносятся пироги из темного теста с мелкой рыбешкой и еще реже какая-нибудь немудрая похлебка – и это там, в общей обжорной, где есть соревнование между родными или женами рабочих. Если и появляются щи, то это только один блезир, как говорят рабочие, или еще характернее по их выражению: «Наши щи хоть кнутом хлещи – пузыря не вскочит». Поэтому можно судить, что едят бедные люди по домам и в деревнях. А кто всему этому виною?.. Кабак! Тот самый русский кабак, который обирает не только заработанную плату, но и последний топор из бедного хозяйства. Недаром же и родилась пословица, что «наши ребята живут пребогато – в семи дворах один топор да на растопку забор». Конечно, в летнее время выручают в разнообразии пищи огородные овощи, но и тут при плохом хозяйстве далеко не уедешь. В Забайкалье в этом случае выручает кулинарное искусство домохозяек и кирпичный чай с разными приправами – и все-таки, значит, легче.

Сравнивая поездки в Восточной и Западной Сибири, несмотря на то что нашего брата как тут, так и там, всегда везут к более богатым хозяевам, я прихожу к тому заключению, что в Восточной Сибири можно путешествовать, не имея никакой своей провизии, а в Западной – не всегда и не везде. Тут и у богатых частенько, кроме чаю, не подадут ничего,

да и гостеприимство уже совсем не то: там тащат на стол все, что есть в печи, а тут будто стесняются.

Там при желании тотчас набросят в загнетку тонких дровец и что-нибудь сварят, как говорят, скороварочку; а здесь чем-нибудь отговорятся и ничего не сделают. Там знакомые и незнакомые часто не возьмут ничего, а тут только знакомые, да и то не всегда. Впрочем, все это было прежде, а как теперь – не знаю.

Конечно, на больших трактах, тем более по станицам, как тут, так и там история другая: возьмут чем больше, тем лучше; этим хозяева не стесняются, хотя на вопрос: «Сколько следует?» – всегда говорят: «Что пожалуете». Между тем если дашь не особенно щедро, то всегда обижаются и высказывают претензию. А потому гораздо лучше не спрашивать, а положить на стол по привычной и добросовестной оценке.

В Южном Алтае по реке Убе у так называемых поляков, как слышно, живут исправнее: там для угощения приятелей или дорогих именитых гостей подается, помимо закуски, особого рода медовое пиво, которое называется воронко; оно очень вкусно и хмельно, особенно для новичка, и действует, по отзыву многих, как старое венгерское или токайское вино, преимущественно на ноги, так что с двух стаканов и крепкий человек может сделаться мощами.

Обращаясь еще к хозяйству алтайцев, я должен сказать, что здесь мелкий рогатый скот и лошади держатся вообще небрежно и крайне невнимательно, так что они в крестьянском быту находятся в изнуренном состоянии, и это не потому, что в таком богатом крае их нечем кормить, а просто от лени и небрежного отношения хозяев. И какая в этом случае

противоположность с Восточной Сибирью, где и скота гораздо больше, и обиход за ним вдвое лучше…

Нигде я в такой массе населения не видал такого количества престарелых личностей, как в Сузуне. Тут что ни старик, что ни старуха, так и клади смело 80 или 90 лет!.. Здесь они словно старые грибы в запустевшем лесу!.. Точно они замаринованы, и никакая плесень не подтачивает их крепкий организм. У меня был ночным сторожем при доме старик Субботин, еще бодрый и крепкий человек, которого называли Барсуком. И вот я однажды спросил его, сколько ему лет? Он ответил, что ему 81 год, и прибавил, что вся его родовая жила до глубокой старости: его дед жил 115 лет, а отец умер на 107-м году.

– Ну а сколько жила твоя мать?

– Моя родительница померла, барин, еще молода – восьмидесяти годочков…

И сказал он это хоть и серьезно, но так наивно и просто, что ясно говорило о его убеждении, что такие преклонные годы еще не глубокая старость, а значит, он и себя не считал стариком. Субботин поражал меня своей замечательной памятью и в своих рассказах про старину упоминал о всех своих бывших начальниках по именам и фамилиям, припоминая мельчайшие подробности из передаваемых эпизодов своей жизни.

– А почему же тебя прозвали Барсуком? – спросил я, интересуясь такой кличкой.

– Да вишь, барин, я еще смолоду ночами шибко травил барсуков: у меня и собаки были богатецкие, так и велись породой несколько десятков лет. Потом, значит, злые люди по ехидству отравили последнюю

сучонку – так вот с тех пор и перевелись до последней шерстинки. А бывало, как надо кому барсучьего сала – вот и бегут к Субботину, знают, что есть, а либо закажут – ну и затравишь… Вот и прозвали: Барсук – так и пошло до старости.

– Ну вот ты, дедушка, постоянно ночами бывал в лесу – так не случалось ли с тобой чего-нибудь особенного?

– Нет, барин, чего напрасно и врать, коли ничего не бывало. Да я и не боялся, потому что всегды с крестом да с молитвой. Раз как-то наткнулся же на медведя в густом лесу, и только он зрюхал да на дыбы всплыл, как до разу набежали собаки да как почали его шмунить за гачи, так и прогнали куда-то; да потом целу ночь с ним и пластались – едва и отманил проклятых!.. А тут как-то попросился со мной попромышлять сусед, пристал, значит: возьми да возьми; ну я и пошел вместе да и закаялся. Он, значит, небывалый, ну и потрухивает (побаивается) ночью-то; а тут словно нарочно зверя найти не можем; вот и сели отдохнуть, а собаки, значит, бегают, нюхтят. Он и стал ругаться, что Бог фарту не дает, сыскать не можем; ну ругался да ругался и помянул черта, значит, нечистую силу… Вот маленько погодя, слышим будто кто-то едет с колокольцами, да таково бойко наухивает, да насвистывает, аж земля-то под нами трясется. Думаю, что за дичь!.. Кто же это по неочищенному лесу едет так хлестко (скоро) да и катит прямо на нас!.. Вот мы отскочили в сторону, к большой лесине, думаем, как бы не смял, да и начали молитву творить!.. Вот и слышим, быдто кто мимо нас катит в большом карантусе… Индо земля-то заходила под нами, и лесина

заколыбалась!.. Я то и дело молитву творю да крещусь: «С нами крестная сила!» Вот слышим – проехал, а глазами не видим, вот и дале, а тут и затихло!.. Маленько погодя слышим: собаки барсука погнали – ну мы, значит, и бросились к ним, да палками и добили – такой матерящий!..

– Ты, дедушка, поди-ка, уснул, как отдыхал, вот тебе и приснилось.

– Какой же, барин, сон, коли промышлять пошли, нет; а мы, как промялись, дак хлебушко ели.

– Ну так знаешь, что это было?

– Нет, барин, не знаю, чем так подековалось (почудилось)? А помекаю, что это ён, сам нечистый-то и пужал нас.

– Нет, дедушка!.. Никакого нечистого нет, а это, наверное, было землетрясение; ведь поди-ко слыхал, что земля иногда трясется?

– Слыхал, как не слыхать!.. Ну, пожалуй, что это и схоже... У нас той ночи, сказывали бабы, посуда тряслась на полках, окна потенькивали, дак мы не поверили, думали, врут, а либо заспали, во сне вот, мол, и причудилось!..

– Нет, Субботин! Бабы ваши не заспали, а ты, значит, и слышал в лесу землетрясение.

– Может и так, барин!.. На все воля Божья! Вон и в церквах молятся об избавлении от огня и меча, потопи и труса!.. Только тогды товарищ-то мой сильно перепужался – в госпитале лежал сколько-то ден!..

И действительно, если мы обратим внимание на имеющиеся сведения о бывших землетрясениях на Алтае, то увидим, что они повторялись за недавнее относительно время довольно часто и периодически

так, например: 25 ноября 1846 года было легкое землетрясение в Барнауле; 12 декабря 1857 года – в Семипалатинске; 2 января 1887 года – в Бийске; а 4 марта 1882 года – было при мне в Сузуне; оно ощущалось в то же время в Томске и Барнауле. Однажды в осеннюю непогодь я перед вечером возвращался с подъездной охоты и встретил уже на улице Сузуна высокую старуху, которая в одном платьишке и босая шла по снежным лужам. Она была до того стара и безобразна, что я невольно обратил на нее внимание и потому спросил Архипыча, чья это старуха? Он сказал мне фамилию, но я теперь не упомню.

– Ну брат, Архипыч, этакая и во сне приснится, так заревешь лихоматом! – сказал я шутя.

– Беда, барин, чистая!.. У ней словно все 77 жил стянуло в одно место – да так и закоковело до смерти; вот она и ходит как астролябия, пока не сунется в каку-нибудь канаву. А у ней, барин, и гроб приготовлен, под кроватью стоит. Такая набожная и древняя старушка!..

Что многие делают себе гробы еще при жизни – это факт общеизвестный в России. Так, однажды в Сузуне пришел ко мне старичок и просил меня дать ему из казны три тесницы. Я спросил его, на что ему тесницы?

– Да вишь, барин, домовище хочу себе изладить, пока жив, а оно лучше, как сам-то сроблю, – надежней да и спокойней будет.

Я, конечно, не отказал и старичок, крайне довольный мной, причитая разные доброжелательства, крестясь, ушел получать тесницы.

Надо заметить, что в Сузунском заводе много десятков тысяч сернистых руд обрабатывают в пожогах, так что в это время отделяется большое количество сернистой кислоты и нередко по всему селению пахнет тухлыми яйцами, а возгонная сера тонким желтоватым налетом садится поблизости пожогов, что в особенности заметно на дождевых лужах. От таких сернистых отделений поблизости завода не живут куры и пропадают вместе с некоторыми злаками, растущими в огородах. Вся медная посуда и серебряные вещи чернеют до того, что их трудно отчистить; по этому случаю пожоги по возможности делаются осенью и зимою. Вследствие этого всегда говорили и думали, что жители Сузунского завода застрахованы от разных эпидемий, но это неверно по многим наблюдениям; а ныне давно небывавшая гостья в Сибири – холера – унесла много жертв из населения, не побоявшись и сернистых ядовитых газов.

Тут считаю нелишним заметить, что первая холера в Сибири была в 1849 году, и потом она повторилась по пересыльным тюрьмам в 1870 годах, т. е. уже в то время, когда Томск был связан с Тюменью пароходным сообщением. С этого же времени и с открытия переселения в Сибирь новоселов из России тут появились и такие болезни, каких прежде не было вовсе, как, например, дифтерит. Когда переселенцы передвигались понемногу и шли сухим путем, то смертность в их среде была ничтожна и болезни не имели эпидемического характера; но с открытием тюменской железной дороги и пароходной транспортировки эпидемии в среде переселяющихся были уже не редкостью и сделались почти обычным явлением.

Причиною этого грустного факта можно считать скученность людей на пароходах и баржах, где они помещались нередко втрое больше того, чем следовало поместить на этих судах. Поэтому о всем, что претерпевали переселенцы во время долгих передвижений по водяному пути, особенно при появлении эпидемий, как, например, тифа, дизентерии, оспы, скарлатины, дифтерита и других болезней, просто говорить страшно. Тут смертность была ужасная и в детском возрасте доходила до 90% и более!.. Трудно кратко выразить и то ужасное состояние, когда новоселы приезжали поздно, иногда с последними рейсами, и, не имея возможности устроиться, поневоле гнездились в маленьких, душных и наскоро поставленных помещениях тем более потому, что пароходы и баржи сбрасывали их там, где уже население вследствие прежних передвижений было скучено, и новоселы не могли расползаться по тем местам, куда им хотелось попасть или где им предназначались пункты поселков.

Так, по отчету алтайского объездного врача, за 1881 г. представляется, например, такая картина: в избушке новосела в 7 аршин длиною, 6 аршин шириною и 3 аршина высотою осенью и зимою помещалось 18 жильцов – 14 взрослых и 4 детей!.. Кроме того, тут же должны были найти приют домашняя птица и мелкий скот – телята, ягнята и проч. Поэтому можете себе представить, что это было за гнездо смрада и грязи, где жили люди, прибывшие в Сибирь!..

Не менее ужасным бичом Алтая являются и скотские эпизоотии – это чума и сибирская язва. В мое время поражающее исчезновение скота особенно

свирепствовало с 1881 года, когда эпизоотия переходила из одного места в другое; а в 1884 г. чума рогатого скота охватила почти весь Алтай, и в округах Барнаульском, Бийском и Кузнецком погребено и сожжено, по официальным сведениям, 206 508 голов рогатого скота, но в натуре эта цифра гораздо больше. Такая потеря в народной экономии выражается по меньшей мере в три миллиона рублей!.. А какие громадные суммы потрачены в городах и селах за этот период на борьбу с эпизоотией, когда приходилось всю эту массу палого скота зарывать или сжигать ежедневно по нескольку штук, не давая им накопляться.

Интересно читать в отчетах врачебной управы, когда она, описывая многие трудности при принятии мер к прекращению эпизоотии и борьбе с косностью темного люда, между прочим в отчетах говорит о том грустном факте, что «чиновники по крестьянским делам (бывшие мировые) смотрят на повальные болезни как на дело, касающееся одного ветеринара».

Упомянув же о косности народа, нельзя не сказать, что эта косность доходила не только до безобразия, но до какого-то идиотизма и злорадства к ближнему. Так, например, многие для излечения больной скотины проталкивали ей чрез горло живую рыбу; потеряв скот на своем дворе и видя, что «Господь милует» другого, «сердобольные» соседи нарочно перебрасывали во дворы и стайки зачумленные нечистоты, чтобы и у него была также «немилость Божья»!.. Вот вам и народная самопомощь!..

Когда в Барнауле свирепствовала ужасная чума, то в числе многих мероприятий при борьбе с эпизоотией было предложено от городской управы, чтобы те жители, у которых уже болел скот, для наглядности

и опаски других вывешивали у своих ворот ярлык с надписью: «Здесь чума». В силу этого распоряжения и тоже, вероятно, для опаски какой-то школяр наклеил ярлык на входе в канцелярию, кажется, золотого отделения с надписью: «Здесь чума!!».

В 1881 г., апреля 10-го, возвращаясь из Барнаула в Сузун, я, по обыкновению, заехал в деревне Шелаболихе к своему знакомому и любимому ямщику Титу Чупину. Надо заметить, что этот так называемый Титушка был громадного роста, возил не хуже упомянутого Яковлева и был отчаянной смелости. Так как Обь стояла уже последние дни, то я поневоле задумывался, как переехать на ту сторону, а потом спросил:

– А как, Титушка, Обь? Поди-ка, не пустит?

– Плоха, барин! Шибко плоха! Да ничего, переедем. Только надо пущаться по зимнику, тут как попадем на синий лед, то и ничего; ну, а из заберегов как-нибудь выскочим…

– А на чем поедем?

– В тележках, таких, значит, легоньких пуртиках. Только надо разложиться и Степана Васильевича (Широкова) повезем отдельно, а вам уже ночевать доведется: утром-то лучше, крепче бывает по заморозку. Видите, стужа какая налаживается.

– А как ночью-то разойдется – тогда как?

– Нет, не смеет, все еще день-другой постоит.

Мы ночевали и рано утром 11 апреля отправились в путь. Неподалеку от деревни Шелаболихи нам пришлось спускаться на реку. С высокого берега нам хорошо было видно, что весь на Оби лед подняло, а с берегов были уже большие забереги воды. Не успел я выразить своего сомнения и боязни, как Титушка мигом спустился с крутого взвоза

и, перекрестившись, плюхнул в воду. Бойкие кони с маху пролетели весь широкий и глубокий заберег и почти в один дух выскочили на лед. Тележка моя хоть и сплыла, но воды попало в нее немного.

Версты три или четыре мы должны были ехать зимником, а покатили рядом, по синему льду. Но вот надо попадать и на тот берег, а место широко, и вся наледь застыла в холодный утренник. Титушка не попробовал и поехал прямо... Тонкий новый лед не выдержал, и кони наши провалились... Ну, думаю, плохая история!.. Но бойкий и смелый Титушка тотчас соскочил с козел на лед и, понуждая лошадей, в один миг заставил их скакать и проламывать лед дальше, так что тележка юркнула в проломанный путь и начала захлебываться водою с кусочками льда. В ту же минуту выскочил подальше на лед и я. Проскакав таким образом сажен 8 или 10, наша пара вылетела на старый и еще крепкий лед. Тут мы, что называется, ожили. Дали отдохнуть лошадям и выбежать воде из коробка тележки, а затем снова уселись; Титушка свистнул, и мы покатили дальше, с маху влетели опять в широкий и быстрый заберег, да так влетели, что наша пара в одном месте пошла вплавь, а быстротой течения чуть-чуть не перевернуло тележку. Однако ж все, слава Господу, кончилось благополучно, и мы во весь дух выскочили на крутой зимний взвод уже правого берега Оби.

– Ну, Титушка!.. Дикий и заполошный же ты человек, как погляжу я на тебя!..

– Так ведь, барин, с другим седоком я бы и не поехал в такое последнее время, – сказал он, улыбаясь и тряхнув головой.

– Вот так спасибо вдвойне!.. Уважил!.. По крайней мере, откровенно!.. Ах ты, чудо деревенское!

– Так что, барин, разве неверно? С другим-то тут плакать, что ли?

Мы, конечно, поговорили еще в том же духе, покурили и, дождавшись Широкова, тоже потерпевшего почти столько же, поехали уже летней дорогой. С высокого берега нам видно было далеко, и Титушка, присматриваясь вдаль по лугу, сказал:

– А вон и лебедочки сидят на озеринке – видите, барин, белеют?

– Вижу, только ведь улетят, не дождутся.

– Нет!.. Они теперь отдыхают, просидят долго, а тут версты четыре, боле не будет – долетим духом!.. Только зарядите хрушкой (крупной) дробью.

– У меня, брат, с собой уточница и есть картечные заряды.

– Вот и отлично, а я знаю, как подъехать, не испужаю.

Пара лебедей сидела все на том же месте и видна была очень далеко. Я, конечно, приготовился, зарядил уточницу мелкой картечью и не спускал глаз с лебедей. По мере нашего приближения мы поехали все тише и тише, а лебеди, сидевшие, как оказалось, на опаленном берегу, погычали и тихонько спустились на воду длинного, но не широкого озерка. Я сказал Титушке, что как только скажу ему «стоп», чтоб он тотчас остановился. Заехал он действительно ловко и умело, так что лебеди пустили нас сажен на сорок; но вот они завертелись на воде, стали погикивать и, как видно, хотели подняться – тут уж зевать не приходилось; я скомандовал: «Стоп!» – Титушка

остановился. Ту же секунду последовал выстрел и один лебедь завертелся на озерке, а другой тотчас поднялся и налетел на меня, но я не успел зарядить, и он, сделав небольшой круг, воротился и снова налетел на меня. Я приложился, но кони, увидав ружье, бросились в сторону; я вылетел из тележки и, немного оправившись, почти машинально выстрелил в него.

– Тпрру!.. Тпрру! – ревел и бранился Титушка, но скоро, удержав лошадей, заворотил и, подъехав ко мне, участливо спросил:

– Чего, барин! Поди-ка, убились?

– Нет, ничего, ушиб только немного коленко.

– А вот заряжайте скорей, смотрите, лебедка-то опять летит сюда. Она ведь от пары не отстанет и, говорят, сама убивается, коли потеряет товарища.

Я приготовился, и только она надлетела в меру – выстрелил крупной дробью. Полетело много пера, но лебедка, козыряя во все стороны, все-таки справилась, пошла к Оби и более уже не возвращалась.

Ее, как было слышно, нашли вскоре меретские крестьяне на берегу, а 12-го числа к вечеру поломало лед, и пошла Обь... Положим, что наша переправа была страшный риск: опоздай мы одним днем – и пришлось бы сидеть в деревне или уже случилось бы что-нибудь плохое, потому что Титушка все-таки не задумался бы везти нас через Обь!..

Действительно, вспоминая этот случай, нельзя не удивляться привязанности лебедки к своему погибшему супругу. Как она, бедная, заунывно гычала, надлетая на лежащего на озерке лебедя, возвращалась несколько раз и не только не боялась видимой опасности, но как бы презирала ее и точно говорила:

убейте уж и меня, потому что я не переживу такой дорогой потери!

Стоило только тележке отъехать подальше в сторону и где-нибудь залечь мне с ружьем, лебедка непременно спустилась бы на воду и подплыла бы к лебедю. Думаю и слышал от других охотников, что многие промышленники так и делают, потому что лебяжьи шкурки продаются недешево; их охотно покупают не только торговцы, но и модные барыни, которые свободно дают за них по рублю и более за штуку.

На Алтае, как и в Забайкалье, существует то же поверье, что лебедя бить не следует, потому что охотнику, посягнувшему на его жизнь, непременно будут какие-нибудь несчастия... И увы!.. Едва ли эта народная примета не оправдалась вскоре же после этой охоты, как на Титушке, так и на мне... Как ни смешны покажутся эти строчки многим читателям, но я их не вычеркиваю...

XIV

Беглые свадьбы. Рыбалка на бучиле. Пожар балагана. Охота с острогой. Неводом. Веселый ракушка. Укушение щукой. Прогулки. Кладбище. Од. Тревога. Волки. Еще волки.

Говоря об Алтае, я позволю себе сказать в этом очерке еще несколько слов об обитателях Сузуна и их жизни, думая, что следующие заметки не будут лишними, как только пришлось мне коснуться этнографии края. Тем более нелишни они уже потому, что некоторые из них близки целому населению Алтая, другие характеризуют местные условия жизни.

Выше упоминая о нынешнем простом и бесцеремонном отношении молодежи к прекрасному полу и отчасти обратно, нельзя, однако же, не сказать и о том, что в массе населения все-таки проявляются проблески если не любви, то по крайней мере, привязанности. Доказательством этого отрадного отношения, еще не совсем потухшего в современном материализме, служат отчасти беглые свадьбы, которые частенько встречаются в жизни народа.

Это явление хотя и нарушает правила общественного строя, но оно в духе русской удали и пока еще не умерло в народе, как бы говоря о том, что и в грубой натуре человека все еще тлеет та искра, которая напоминает что-то теплое, старое. Вот почему я отношусь к нему симпатично и помещаю в этих заметках.

Интересно иногда прослушать историю какого-нибудь побега невесты, и невольно только удивляешься, к каким тончайшим хитростям прибегает прекрасный

пол, чтоб внезапно улетучиться из родительского дома, где при малейшем подозрении принимаются, в свою очередь, всевозможные меры, чтобы предупредить побег. Конечно, мотивами последних бывает большею частью нерасположение родителей к личности жениха либо по его несостоятельности, либо по дурному поведению и проч. И глядишь, все-таки хитрость и любовь или привязанность девушки перехитрит бдительность надзора! Один миг или, лучше сказать, зевок в условленное время решает все – и вот еще теплая постель девушки только скажет о внезапном исчезновении ее обитательницы!.. И эта теплота или холод, или, наконец, какая-нибудь повитая кукла на ложе могут примерно сказать о времени этого моментального исчезновения.

Зато надо видеть, с какой быстротой несется сбежавшая со своим суженым или каким-либо подставным лицом чрез долины и горы, поднимая целые вихри пыли или снежной изморози, чтоб уйти от погони и успеть надеть в подговоренной церкви венцы и услышать решающий возглас: «Исайя, ликуй!..»

Но нередко в Сибири в таких случаях уносят беглянку или лихой скакун, или тихая бесследная лодочка по быстрому течению родной реки!..

Зато с какой поспешностью летит тем или другим способом погоня, если домашние хватятся вовремя, чтоб догнать беглянку.

По отзывам многих, никакое чувство страха не сравнится с тем, какое ощущается в трепещущей груди сибирской Джульетты во время побега. Каким робким и вместе с тем зорким оком смотрит она назад, приглядывается к каждой Чернове, появляющейся

вдали на оставленном ею пути!.. С каким напряжением прислушивается она ко всякому не только звуку, но даже и шороху позади ее экипажа!.. И – Боже! – какой ужас выражается на молодом личике, когда она завидит или заслышит действительно приближающуюся погоню!..

Недаром они говорят, что все это время какая-то особая давящая истома подступает под горло, точно воздуха не хватает для легких, и тревожное сердце бьется, как голубь, и каждую минуту словно хочет вылететь из высоко поднимающейся груди.

Из этого я прихожу к тому заключению, что, если в быту народа есть еще во имя любви беглые свадьбы, то, значит, схоластическая холодная рука материального века еще не наложила на него той гробовой печати, под которой уже умерли многие добрые и теплые качества русской жизни. И дай Бог, чтоб та ржавая плесень Запада, которая, как смердящий червь, ползет на восток, во век не подточила того самобытного строя, той могучей расы, из которой вышли герои Севастополя, Шипки, Балканов и те недюжинные натуры, которые с красным крестом на груди, как ангелы-хранители, самовольно шли помогать своим братьям и облегчать их страдания под градом пуль и ядер, задыхаясь в пороховом дыму и захлебываясь даже неприятельской кровью!..

Покончив пока с этнографией, я попробую возвратиться к весне, к тому времени, когда, пропустив полую воду чрез заводскую плотину, исправив все шлюзы и вычистив заводский пруд, крепко запрут все вешники шлюза и тем прекратят течение речки Малого Сузуна. Мы, т. е. рыбак Широков и я, всегда с нетерпением ждали этот день, первый после закрытия,

и в тот же вечер, лишь только стемнеет, отправлялись на особого рода рыбалку.

Дело в том, что во время весеннего спуска воды из плотины ниже главного шлюза, в так называемом бучиле, о котором я упомянул выше, всегда образуется от сильного боя воды большая и глубокая яма, в которой остается крупная рыба.

Так как запор ставней (вешняков) и засыпка их с воды назъмом всегда происходит в один день, то мы тотчас по прекращении течения воды в бучило разбирали находящиеся ниже его кани и делали в них канаву, которую вверху, под самым бучилом, плотно закладывали теми же камешками и глиной, чтоб до нужного времени не сбегала по ней вода из образовавшегося под бучилом стоячего озерка или омута. Вследствие этого вся рыба, находящаяся в этом садке, не могла выйти в реку; а между тем она, после того боя и шума воды вдруг очутившись в тихом омуте, всегда рвалась на свободу.

И вот лишь только приходил вечер и наступала тишина, мы тотчас осторожно разбирали глиняную забойку и опускали из омута воду в канаву. Она тихо сбегала по ней и открывала свободный путь в речку, но тут-то и была наша рыбалка.

Обыкновенно случалось так, что лишь только начинала сбегать вода и журчала уже по канаве, как тотчас рыба поднималась кверху и искала этот спасительный выход. Вот в это-то время и надо было сидеть как можно тише и не курить, чтоб не было видно огня. Все крупные окуни, найдя выход в канаву, обыкновенно сначала прятались и ждали, когда совсем стемнеет и наступит ночь. Но лишь только наступало это время и мрак окутывал бучило и как бы прятал нас, крупные

окуни снова являлись к канаве, и все еще не решались спуститься в канаву. Они точно высматривали – нет ли какой-нибудь опасности – и как бы пробовали выход, потому что поворачивались на бок и, отбеливая у вершины канавы, струили воду.

В это время зевать не следовало и тотчас надо было как можно тише ставить небольшой круглый сачок в воду протока.

И вот какой-нибудь смельчак или избранник из больших окуней вдруг быстро повертывался на бок и спускался в канавку. Он обыкновенно тихо поплескивал хвостом, и его бойко несло течением прямо в подставленный сак.

Большею частью случалось так, что за первым смельчаком другие окуни непременно следовали его примеру и также неслись по канавке; поэтому надо было иметь в запасе другой сачок, чтоб не пропустить добычи или как можно скорее вынимать попавшую.

В хороший год эта рыбалка крайне интересна и заманчива, как-то невольно возбуждает нервы и своей таинственностью производит особое впечатление. Тут для истого рыбака дороги те минуты, когда крупная рыба начнет подходить к канавке, мурить поверхность воды и затем, повернувшись на бок, сбелеет в ночной темноте брюшком, а потом довольно быстро понесется по канавке. Но лучший момент все-таки тот, когда крупный окунь первый раз повернется и мелькнет брюшком в вершине протока. Момент этот напоминал мне те счастливые секунды, когда, бывало, при карауле диких коз на солянках в Восточной Сибири первый раз мелькнет козуля своим беловатым задком во мраке ночи и точно скажет, что вот она тут, в нескольких шагах от притаившегося охотника!..

Ну какие же минуты обыденной жизни могут сравниться с этим приятным ощущением?.. С подобным моментом может еще посоперничать, мне кажется, только один – это момент появления во сумраке ночи знакомого силуэта поджидаемой втайне подруги, которая, решившись на свидание, боится не только какой-либо встречи, но боится своей собственной поступи или пугается своей движущейся тени!..

Как-то летом ехал я в тарантасе с тем же Широковым по барнаульскому тракту, и вот неподалеку от поскотины мы увидали перебегающий дорогу выводок белых куропаток. Я тотчас выдернул из чехла всегда готовое на всякий случай ружье и успел еще на ходу экипажа выстрелить в то время, когда все молодые бежали гуськом за маткой по мелкой траве придорожья. Мне посчастливилось убить двух, а затем после выстрела все остальные тотчас поднялись и улетели за опушку примыкающего соснового леса. Собаки со мной не было, и разыскивать перелетевших и попрятавшихся куропаток не представлялось возможным, а потому мы, довольные и тем, что попало случайно, поехали дальше. Но, подкатив к запертой поскотине, мы остановились, и ямщик крикнул сторожа, который лежал в плохо сделанном балагане (шалаше) из молодых березок.

– Эй, дедушка!.. Отвори-ка ворота!..

Но отзыва не последовало, и только небольшой огонек курился и потрескивал в самом помещении. Ямщик повторил крик, но с тем же успехом.

– Ну уж и старик, язви его, пархатого!.. А вот ругаться-то – так его дело!.. – сказал он и сплюнул на сторону.

– Эй, дедко!.. Ведь ты сгоришь!.. – закричал уже Широков.

– А ты так сдуришь!.. – отозвался сердито старик из балагана и все-таки не вылез отворить ворота.

В это время я видел, что огонек вдруг выскочил с боку шалаша и по какой-то былинке тотчас поймался за сухие веточки березки.

– Да ведь он и в самом деле сгорит, – сказал я поспешно, – смотрите, огонь уже схватился за крышу...

– Вылезай скорей!! Ты ведь взаболь сгоришь... – заревел ямщик и полез с козел.

– Ну погодишь, покуль не сдуришь!.. – опять отозвался сердито старик из балагана.

В это время выскочивший огонь уже сильно охватил сухие березки и языками полетел кверху.

– Вылезай, язви тебя!.. Ты ведь горишь! – закричал сурово Широков и тоже торопился уже вылезть из экипажа, а я подхватил вожжи закопошившихся лошадей от близкого пожара.

Вдруг весь шалаш вспыхнул, и ругательный старик опрометью выскочил в небольшую дыру, которую еще не охватило огнем. Он судорожно кашлял от дыма и торопливо оскребал руками голову и бороду от налетевших на них искр.

– Что?.. Вот-те и сдуришь!! – сказал невольно Широков и побежал с ямщиком к балагану, чтоб поскорее по возможности разбросать горящие березки и, что можно, спасти из вещей старика. Но было уже поздно, потому что повытертая старая шубенка, ветхий азямишко и холщовый мешочек – все достояние старика – затлели и дымились. Их кое-как затоптали ногами...

– Зараза вас зарази, окаянных!.. Не могли вовремя-то сказать! – прокашливаясь, ругался старик и угрожающе жестикулировал заскорузлыми руками.

– Вот так и выслужили!.. – сказал, отплевываясь, ямщик, залезая на козлы.

Кстати, расскажу и другой случай из моих путешествий с Широковым. Поехали мы однажды летом порыбачить на Бобровскую мельницу, о которой я уже упоминал выше. Под шлюзом этой мельницы, случалось, очень хорошо брали на удочку окуни и нередко попадали из них довольно крупные экземпляры, что, конечно, и занимало ехать на эту мельницу. Так как мы предполагали поездить вечером с острогой, то завезли с собой лодку и наготовили побольше смолья. С нами поехал и еще товарищ – Чупин, здоровый человек и хороший рыбак, а кучером и помощником по части хозяйственной – тот же неизменный Архипыч.

Так как мы поехали с утра, то времени было слишком достаточно, чтоб поудить, поесть свежей ухи и отдохнуть в то время, когда рыба переставала клевать. Месяц был на молоду, ветер тянул с юга, вода после разлива давно осветлела – значит, все шансы благоприятствовали; и мы действительно надергали много всякой всячины как мелкой, так и довольно крупной.

Но вот подошел и вечер. Мы снарядили лодку, поставили к ее носу железный решетчатый таган, разожгли смолье и тихо отправились по подмельничным плесам. Ночь была довольно темная, и огонь хорошо освещал даже в глубоких местах речки Малого Сузуна, так что на ее дне видна была не только мелкая рыбешка, но даже камешки и небольшие водоросли.

Широков сидел на корме с правильным веслом, я поместился на середину с сачком, а Чупин, как считающийся между рыбаками хорошим бойцом острогой, стал у носа лодки со смертоносным орудием и был наготове.

Как тихо плыла наша лодочка, мерно покачиваясь на быстрых местах и, как тать, плавно подвигаясь по тихим плесам, без всякого шума и плеска веслом! Как эффектно и причудливо освещал огонь береговые кусты, то обагряя их в золотой пурпур, то бросая на них только желтоватый отблеск и тушуя группы листвы в полутени или оставляя их почти черными силуэтами! Такие картины чрезвычайно разнообразно сменялись почти ежеминутно по мере движения нашей лодки. Какой игрой красноватого освещения пробегали лучи по лицам и одеянью Широкова и Чупина!.. Какие отпечатки души и настроения озарял огонь на их физиономиях, где замечалось то внимание, то улыбка, то что-то непонятное и даже страх!

Но вот красноватый луч вдруг блеснул по одной стороне приподнятой ручки остроги, затем он моментально исчез, мелькнула согнувшаяся фигура Чупина, сильно качнулась на один бок наша лодочка, и послышалось сначала короткое взбулькивание воды и затем тупой, с каким-то пучканьем удар остроги.

– Придержи, придержи маленько!.. – сказал Чупин вполголоса Широкову и вскоре вытащил из воды порядочную щуку, которая вилась хвостом и широко разевала свою зубатую пасть.

– Вот не докуль тебе озорничать!.. – проговорил Широков и торопливо привернул лодку к берегу, чтоб отряхнуть с тагана угли и положить нового смолья.

– Нет, это не та, Степан Васильевич!.. – сказал серьезно Чупин и стал колотушкой сбивать с остроги пронзенную около жабер щуку…

Поправившись и покурив у берега, мы так же тихо и плавно поехали дальше. Убили еще несколько щучек, довольно крупных окуней и потом, после второго отдыха, поплыли на другой берег реки. Подплывая к одному большому кусту, у которого довольно крутой берег прямо опускался в темное и широкое плесо, Чупин вдруг прямо несколько пригнулся, как бы рассматривая что-то в воде, потом тотчас замахнулся острогой и хотел, по-видимому, ударить со всей силы. Но вот он удержался, пожал плечами, и лодка тихо прошла мимо, а Чупин помаячил рукой, чтоб Широков взял на воду, заворотил и заехал снова.

Мы поплыли осторожно назад. Я посмотрел на лицо Чупина, и мне показалось, что оно выражало и радость, и тревогу, и даже настоящий испуг… Но он хорошо владел собой, хотя и прерывающейся от волнения фразой сказал:

– Ну-ка… давай, Степан Васильевич, заедем снова!.. Тут что-то есть…

Мы заехали к берегу, поправили огонь и с величайшей осторожностью поплыли снова под тот же куст.

Повторилась та же история: Чупин насторожился, присмотрелся и хотел уже ударить со всех сил, но опять удержался, и лодка так же проехала мимо. Эта таинственность и пока необъяснимая причина ужасно волновала душу и заставляла тревожно биться охотничье сердце… Затем по знаку Чупина мы снова сплыли назад и приткнулись к берегу. Нас невольно обуяла какая-то непонятная истома, которая давила под горло и сушила рот, а в общем-то, ощущались

не то неопределенная надежда и радость, не то безотчетный страх!..

– Ну, господа!.. И щука же там же стоит... под кустом... Страсть! Ну и зверина!.. Я сначала подумал, что это лежит бревно... топленина... а она, матушка, как разинула пасть, так словно наш Пашка... Просто смотреть было страшно!.. – сказал Чупин.

– Так ты что же ее не бил? – заметил я.

– Побоялся, ваше высокородие... Вишь, этой острогой ничего не поделаешь – утопит!.. а тут глубоко – как раз вывернет...

– Ничего, Чупин, не вывернет!.. Давайте заезжать снова да и валяй, благословясь, поближе к жабрам.

– Пожалуй, давайте попробуем; что будет, то и будь!.. Творись воля Господня!.. Давайте!.. Только надо поосторожней, уж шибко большая рыбина, однако, аршинчика два будет, если только не больше – страсть!.. – сказал, воодушевляясь, Чупин, разулся и снял с себя пальтишко...

Мы поехали в третий раз и, подплывая к кусту, невольно следили за Чупиным, ожидая каждую минуту серьезной катастрофы. Но вот тихо проехали наконец и куст; Чупин все еще стоял, замахнувшись острогой и приготовившись к отчаянному удару.

– Ну, что? – тихо спросил Степан Васильевич.

– Ушла, язви ее проклятую!.. Верно, заслышала, а вот тут и стояла, это самое место...

Мы, словно опущенные в воду, погоревали, поахали и волей-неволей поехали дальше; но уже с острогой стал Широков, который, подплывая обратно к мельнице, убил большого налима.

Тут кончилась наша охота, и мы только перед утром возвратились домой.

Много раз ездили мы на рыбалку и на Обь, но уже в компании, где принимали участие не только рыбаки, но и весь дамский персонал и дети. Тут ловля производилась неводом, которым управляли настоящие рыбаки-крестьяне, из числа коих был один весельчак, который постоянно потешал публику и в особенности детей, так называемый Ракуша. Это пожилой, лысый и довольно тучный крестьянин из деревни Большой Сузун.

Понятное дело, что дети, узнав прозвище этого рыбака, постоянно лезли к нему и дразнили его Ракушкой. И вот веселый и добродушный старик, как бы сердясь, бросался за ними во всю прыть и старался надеть кому-либо из них свою лохматую и мокрую шапку. Все, конечно, стремглав бросались от него врассыпную – и шуму, и визгу тут не было конца.

Но вот однажды пристала к нему одна бойкая барышня, которая, надеясь на свою прыть, говорила ему, что «комары да мошки отъедят Ракушке ножки». Старик как бы не обращал на нее внимания и затем, скараулив удобный момент, вдруг бросился за ней и к общему удовольствию всей компании догнал беглянку, когда она запнулась, а он полетел около нее и все-таки успел надеть ей свою рваную пропотелую шапку!.. Хохоту не было конца, а к барышне приставали еще долго и после этой шутки.

В невод попадало много разной рыбы, в числе которой почти всегда вытаскивали несколько штук бело-серебристых нельм и стерлядей.

Вот из них-то на ершовом бульоне и варилась обыкновенно на берегу уха, да такая уха, какую, вероятно, немногим доводилось кушать не только в знаменитых столичных ресторанах, но и на берегах Волги!..

«Ну, расхвастался!» – быть может, скажет читатель, но если он вспомнит, что обская стерлядь славится своим вкусом, а нельмы – собственно достояние немногих сибирских рек, то поверит этому хвастовству.

Конечно, при таких поездках вся честная компания испытывала только одно удовольствие и, слава Богу, тут никаких особых приключений не было – все сходило чинно и хорошо. Вспоминая это, как уже, пожалуй, давно прошедшее время, не могу не сказать одного довольно курьезного случая. Когда однажды подтягивали невод к берегу, захваченная рыба сильно ходила в неводе, и для того, чтобы не выскакивали через тетиву щуки, рыбаки просили плавающую тут же на лодках публику приподнимать эту тетиву. Все, конечно, с удовольствием подъехали к неводу с разных сторон, и много дамских ручек протянулось к веревке.

Но вот слышится: «Ах!! Ах!!» – и одна из этих ручек моментально оторвалась от веревки и замахала в воздухе. И что же?..

Оказалось, что небольшая щучка так сильно схватила за руку одну дамочку, что она невольно закричала; кровь лилась из ее прокусанных пальчиков!..

А чтобы тут было, если б хватила большая?..

Скажу уж и еще о наших прогулках по ближайшим окрестностям Сузуна. Ходили мы тут в компании, ходили и в одиночку; а чаще всего я путешествовал с молодым охотником Вяткиным и со своим сыном, тогда еще мальчиком, лет 9–11. Эти прогулки мы делали и зимой, несмотря на то, что приходилось иногда пройти от 3 до 5 верст. Там, где нам приходилось путешествовать по крутым и высоким берегам р. Сузуна, мы называли Балканами; а переход через речку, устроенный

на курьих ножках в одну или две тонких плашки, – Чертовым мостом. Надо заметить, что неподалеку от лазарета, стоящего на холме, находилось кладбище, поросшее березовым лесом, почти примыкающим к сосновому бору. Вот тут, на кладбище, на родных могилках своих детей у нас был всегда отдых.

Надо заметить, что в народе существовало нелепое поверье, что будто бы на этом кладбище чудится, вследствие чего многие другие суеверы боялись вечером либо ночью проходить или проезжать мимо этого тихого пристанища и упокоения смертных.

Вот однажды под осень мы трое, т. е. Вяткин, сынишка и я, запоздав на прогулке, пришли отдохнуть на избранный нами пункт, уселись на могилки и повели разговор о помянутом народном поверье. Было уже одиннадцать часов вечера, и совершенно стемнело. С нами бегали две охотничьи собаки, которые, нагулявшись, мирно лежали на траве около могилок. На этот раз мы что-то долго засиделись и, как нарочно, продолжали разговор о разных привидениях на кладбищах, болотных видениях в том же виде и духе и проч., стараясь объяснить их причины и происхождение нелепых верований народа тем более потому, что они вполне подходили к объяснению известного профессора Рейхенбаха, который в 1860 годах (даже, кажется, ранее) опубликовал свои ученые исследования и произведенные опыты над открытым им световым и невесомым началом, распространенным в природе, но видимом и ощущаемом только при известных условиях, которое он назвал «Од». Наблюдения и изыскания Рейхенбаха крайне интересны и для меня лично имеют то великое значение,

что я проявление одических световых отделений видел два раза ночью при безусловном комнатном мраке осенью 1859 года, когда не имел еще и понятия, что такое од… Ныне подобные явления, кажется, стараются объяснить гипнотизмом. Так ли это и все ли равно, что од, что гипноз, – не знаю да и не слыхал об этом и решительного слова науки, а вещь крайне интересная и требующая серьезного исследования. Я же, повторяю еще раз, видел одические явления ранее прочитанной мною статьи господина Босковица об оде в журнале «Библиотека для чтения» за 1861 год, где ясно увидал поражающее сходство приводимых изысканий профессора Рейхенбаха.

Но я увлекся, да и простит мне читатель за это уклонение от неоконченного рассказа, где остается сказать, что в самый разгар нашей беседы на могилке вдруг наши собаки подняли головы, ощетинились и начали грозно ворчать; а затем они встали и, вертясь около наших ног, продолжали более и более тревожно повизгивать и пристально посматривать за соседние и более удаленные могилки. Когда же мы их посылали и говорили: «Возьми!.. Пиль!..» – они еще сильнее прижимались к нам и не шли.

– Что за притча? Что тут такое? – думал я вслух и не понимал причины тревоги. Молодые же мои спутники молчали, трусили, но скрывали это состояние души и также напрягали зрение в темноту леса за могилки.

Мне почему-то казалось, что нет ли тут тех негодяев, которые портят памятники, вынимают из них образочки, ломают чугунные решетки и проч., и вот я громко спросил:

– Кто тут?

Но полнейшая тишина и мрак ночи были ответом.

Я поднялся с могилки, свистнул собакам и сказал молодежи:

– Ну-ка, пойдемте и посмотримте, что там такое?

Лишь только мы двинулись, собаки тотчас побежали вперед, мелькнули между могилками и с визгом и лаем бросились в темноту леса.

Мы пошли туда же за ними – и что же оказалось?

Большая мохнатая сибирская кошка, фыркая, взмыла от собак на березу и, мелькая загоревшимися глазами, сидела уже на суке…

Но в другой раз, уже зимою, около того же места могла бы выйти история иного сорта – и слава Богу, что мы успели вовремя возвратиться домой.

Часу в седьмом вечера, когда уже совсем смеркалось, а мы только что пришли с гулянья, ко мне второпях прибежал Архипыч и сказал, чтоб я скорее брал ружье и ехал к Сузунскому броду.

– Да что там такое случилось? – спросил я.

– Там, барин, целое стадо волков, должно быть, свадьба. Я ехал вот сию минуту с сеном – вон и теперь воза стоят у ворот – и только, значит, хотел спуститься на брод, как слышу какой-то гвалт и людской рев. Вот я испужался, остановился и гляжу – с того взвоза бегут на простых крестьяне, верно, сено же возили в завод, увидали меня, узнали, все знакомые ребята-то, да и кричат: «Не езди, не езди, Архипыч! Там, брат, целое стадо волков на самой дороге; мы вот и вчетвером, да едва проехали – ступай объездом!..» Вот, что мне тут делать? А они убежали, у них кони-то шибко напужались, и остановить не могут. Вот я скорей

заворотился да потихоньку и проехал у кладбища, а у них там на лугу такой вой и потасовка идет, что так и обдирает всю кожу… страсть!..

– Да ведь я, Архипыч, сейчас там был, гулять ходил, и никого не было.

– Ой нет, барин!.. Смотрите-ка, что они там теперь делают!

Я тотчас послал на конюшню за лошадьми. Мне живо запрягли пару в кошевку, а в это время я зарядил два ружья картечью, и вместе с Архипычем и старостой отправились к броду, но уже там никого не было. На другой же день утром я нарочно поехал посмотреть то место, где волки праздновали кровавую свадьбу. Большая утолока около самой дороги была избита волчьими лапами и облита почти вся кровью, а местами валялась обмусленная волчья шерсть и клочья кожи да остался обгрызок волчьей лапы.

И вся эта баталия и кровавая тризна произошла, вероятно, не более как через 20 или 30 минут после того, как мы шли в том же трио по этому самому месту, потому что Архипыч проехал почти тотчас вслед за нами…

Вроде того же был с нами случай и летом. Не упомню, когда именно, после сильного дождя днем к вечеру совершенно выяснило, и показавшаяся полная луна, причудливо выглядывая из соснового леса, сманила нас на прогулку. Долго не думая, мы в той же компании живо собрались, свистнули собак и отправились к лесу. Выйдя на барнаульский тракт, окруженный с обеих сторон бором, мы почему-то захотели прогуляться не тут, а лесной дорожкой, которая вела к поповской мельнице на р. Большой Сузун. Тут по узкости этой дорожки, пролегающей в чаще леса, прогулка казалась гораздо

интересней; а луна, поднимаясь все выше и выше, еще сильнее манила в те дебри, где так фантастично пробивались ее лучи, или, выбиваясь полным снопом света, так эффектно и причудливо освещали целые группы сосновых и лиственных деревьев. Идя довольно скоро и разговаривая, мы зашли далеконько и, только заметив, что луна поднялась уже высоко, решили вернуться; но нам не хотелось идти тем же путем обратно, а потому мы вздумали пробраться поперечными лесными дорожками на тракте. Нам казалось, что он недалеко и прошел параллельно нашему первому пути. В действительности же оказалось, что тракт шел несколько направо, а поповская дорожка влево, так что образовавшийся между ними клин в линии нашего пересечения был не менее трех верст!..

К счастью, я по всегдашней своей манере все примечать и наблюдать обратил внимание на то, что когда мы шли вперед, то луна была прямо перед нами, а когда мы поворотили направо, к тракту, она должна во весь этот переход оставаться с левой стороны. Следовательно, возможно было ориентироваться только ею, и она одна могла быть нашей путеводительницей. И действительно, вышло так, потому что поперечные дорожки то исчезали, то являлись снова в неопределенном направлении, и мы совершенно в них запутались. Пришлось волей-неволей держаться только левого освещения луны и идти уже целиком, пробираясь по чаще леса.

Строго следя за этим, я был вполне убежден, что иду правильно и, конечно, рано или поздно выйду на тракт, а потому шутил с молодежью и не давал им сомневаться в избранном направлении.

– А что ты, Санька, будешь делать, если на нас нападут, например, волки? – спросил я своего сынишку.

– А я, папочка, сейчас полезу с тобой на сосенку – там не достанут.

– Это, брат, верно – они по деревьям не лазают.

Но не успел я и договорить, как собаки, все время бегавшие неподалеку от нас, вдруг бросились в сторону и тотчас же воротились, поджав хвосты, ощетинившись и тихо, как бы про себя, ворча и повизгивая.

Мы остановились и невольно стали приглядываться в ту чащу, куда было бросились наши собаки и так постыдно, а в этом случае благоразумно, ретировались. Однако ж, ничего особого не заметив, мы отправились дальше и на всякий случай запаслись толстыми сучьями. Прошли мы еще немного, и нам удалось выбраться на чистую полянку, а за ней показались и столбы трактовой дороги.

– Вот, слава Богу, и тракт!.. – сказал я, крайне довольный таким исходом.

В это самое время сзади нас в лесу раздался крайне жалобный визг как будто небольшой собачонки, а вскоре затем послышался страшный волчий концерт, который начинался с грубых нот стариков и кончался высокими нотками молодого волчьего поколения.

По всей вероятности, мы прошли мимо самого гнезда, таившегося в той чаще леса, куда бросались собаки.

Такая прогулка после дождя вымочила нас до того, что на нас не было сухого кусочка, и мы благополучно возвратились домой уже во втором часу ночи.

XV

Тетеревиная охота. Павел. Архипыч. Стрепет. Ночевка. Рассказы. Искусственный пруд. Гоняние волков. Медведь. Пьянство. Убийство. Крестины в проруби. Охота на горбачей. Курьезное гадание. Гроза. Случаи.

Выше я упомянул, что в окрестностях Сузунского завода водится очень много тетеревей. И действительно, тут они живут не только по полям, сенокосам, но и в лесу, где тоже выводят молодых. Поэтому понятно, почему я, как страстный охотник, всегда с большим нетерпением ежегодно ожидал лета. И вот, только лишь подходила половина июля, я обыкновенно отправлялся сначала в ближайшие окрестности, а затем ездил уже и подальше с ночевкой.

Для этих последних охот я познакомился с крестьянином Павлом Архиповым из деревни Мыльниковой, которая находится от Сузуна в 18 верстах. Этот простой и добродушный человек среднего роста и самой обыкновенной русской наружности был самым страстным охотником, держал у себя хороших лаек и считался в деревне первым ружейником. Павел хоть и не умел красно говорить, но, как охотник, все хорошо знал, по-своему понимал и скоро усваивал то, что нужно для нашего брата охотника, и как человек был хороших честных правил; водки пил мало и обладал замечательной памятью, сметливостью, наблюдательностью и простым русским здравым смыслом. Все это постоянно отражалось в его умных серых глазах, в его практичных приемах на всякое дело и основательно умном суждении в пределах его знаний

и понимании окружающей его жизни. Жаль только одно – он был безграмотен. Жил он хоть и не богато, но и не бедно, имел весь крестьянский обиход, сеял разного рода хлеб, держал свою мельницу и небольшую пасеку.

Как охотник он был винтовочник и был очень доволен, когда я подарил ему, хотя и немудрый, дробовик. На полету он не стрелял, но из винтовки промахов почти не делал.

Вот подружившись с этим симпатичным человеком, я каждое лето ездил с ним не один раз за тетерями в знакомые ему палестины в окрестностях Мыльниковой. Тут он знал каждый куст, каждое место, где водились тетерева, а потому был настоящим моим чичероне.

При поездках в Мыльниковские окрестности я всегда заранее сговаривался с Павлом, и он ждал моего приезда на условленном месте, обыкновенно аккуратно являясь к нему к назначенному часу.

Надо заметить, что по страшно колотливой дороге к Мыльниковой, пролегающей на 12 верст среди смешанного леса, я всегда встречал тетеревей около лесных полянок и охотился тут попутно с неизменным Архипычем. Соединясь же с Павлом, мы уже отправлялись на поля и производили охоту так: он ездил верхом со своими собаками и только приискивал выводки, не давая их распугивать; это он делал чрезвычайно искусно: зная своих собак, Павел тотчас смекал, когда они нападали на выводок, а потому, бросаясь верхом в сторону, он отманивал их за собой и, отъехав подальше, не пускал их туда, а заставлял искать новых тетерь.

Наша задача состояла уже в том, чтоб, выбравшись из охотничьего экипажа, идти со своими собаками наготове и бить молодых из-под стойки.

Таким образом, охота не была утомительна, а выводков приобреталось несравненно больше, чем при ходьбе и отыскивании их без собак. Положим, что такая охота походила скорее на промысел, но мы этого не разбирали, а вырвавшись по большей части в праздник от обязанностей службы, не могли, что называется, насытиться и были рады тому, что нам в один день, или, лучше сказать по-сибирски, в три у повода, т. е. вечером в день выезда и утром и вечером другого дня, удавалось брать от 50 до 90 штук молодых тетеревят. Цифра 90 была, впрочем, максимум из наших охот, а обыкновенно она вертелась около 60–70 штук.

Бывало, частенько смешил меня на охоте Архипыч, который при своем маленьком росте ходил с очень длинной одностволкой. Уже одна его фигура с такой фузеей невольно вызывала улыбку, особенно когда он, отставляя ружье прикладом от себя, заряжал его шомполом почти выше себя длиною. Бывало и смешно и досадно, когда Архипыч долго поцелится по вылетевшему тетеревенку и, не выстрелив, опустит ружье или вскинет его на плечо; вот и спросишь его тут же:

– Ты что же, Архипыч, не стрелял?

– Да я, барин, не тем глазом прищурился.

– Так ты смотри лучше обоими, тогда и не будешь сбиваться!.. А заряда не жалей, валяй да и только, хоть совсем зажмурившись!.. Слышишь!.. Ну что за беда, коли промахнешься.

Вот пройдешь несколько времени, и, глядишь, Сучок опять только приложится и не выстрелит.

– Ну, а теперь чего же ты не палил?.. Смотри, как ловко вылетел!..

– Эх, барин!.. Все мимо-то дать не хочется – вот и боишься.

– Поди ты к черту!.. Так ведь я тебе сказал, чтоб ты не жалел и не считал зарядов... Этак никогда не убьешь и не научишься, если промахов будешь бояться.

Но зато какое удовольствие, бывало, отражалось на добром лице Архипыча, если он успеет выцелить и спустить тетеренка иногда шагов уже на 80!.. Как он во весь дух бежит тогда к тому месту, где упал молодой, – и от радости, и потому, чтоб его не слопала его ненасытная Красотка.

Никогда я не забуду, как однажды совершенно врасплох почти из-под самого тарантаса вылетел выводок уже покосачившихся тетеревят и попрятался в разных местах около несжатой полосы овса. Я послал Архипыча с одной стороны пашни, а сам со своими собаками пошел с другой. Только что мы разошлись, как Красотка сделала стойку. Сучок приготовился, тихо подошел к собаке, скомандовал: «Пиль!» – и молодой косачонок ловко вылетел из-под стойки. Архипыч прицелился, выдержал и дал промах. Вот он, как бы не видя меня, сначала сделал постную рожу, затем пожал плечами и плюнул на воздух вслед косачонку, а потом, точно недоумевая, оперся рукой на ружье и, смотря на улетающего, перекрестил его рукой и сердобольно сказал:

– Ну так лети ж, лети, Бог с тобой!..

В это время косачонок, сделав дугу, заворотился и налетел на меня. Я выстрелил, и он упал недалеко от Архипыча.

– Что!.. Каково?! Вот-те и улетел!! – радостно говорил Сучок и уже бежал отнимать тетеревенка у Красотки...

Надо заметить, что в хорошие жаркие дни мы всегда находили выводков больше, чем в пасмурные и холодные. Но вот в один очень уж жаркий день мы долго не могли разыскать тетерят и, видя, что они сбились в лесные колки (острова), отправились к ним.

Забравшись в один длинный и объемистый колок, это было уже в августе, мы нашли в нем такую массу тетерь, что положительно растерялись не только сами, но и собаки, потому что дичь была чуть не на каждом шагу, и от ее взлета шум шумел, куда мы только не подходили. Но стрелять было крайне неудобно, так как большие и уже хитрые молодые поднимались из-за кустов и улетали по лесу, однако же, не оставляя колка и западая на другом конце леса.

Поэтому нам пришлось переходить из одного места в другое и возвращаться по нескольку раз туда, где уже были. Придешь в один конец – тетери улетят в другой, и так продолжалось несколько часов сряду, пока мы не измучились сами, и пока не полегли собаки.

Все-таки кончилось тем, что мы в одном колке взяли 22 штуки; в том числе проворный Павел ушиб молодую тетерку, ткнув ее дулом винтовки в то время, когда она низко летела мимо него. Он попал ей как раз под санки, т. е. снизу под голову; она тотчас упала, захлобыставшись, в траву, и ее поймала собака.

В этот же день я в первый раз в жизни убил совершенно неожиданно стрепета, когда он налетел на меня сзади в то время, когда я ехал в экипаже. Надо заметить, что на Алтае стрепета хоть и водятся, но в очень небольшом количестве и преимущественно в открытых местах южной его половины, хотя изредка попадают около Павловского завода, Барнаула и в других чистых местах. Как попал стрепет на Мыльниковские поля – не понимаю; но Павел говорил, что тут почти ежегодно он поднимал выводок стрепетов, и вот, наткнувшись, вероятно, на тех же стариков, поднял и в этот раз, закричав мне, что на меня полетели стрепеты и чтоб я стрелял.

Впоследствии мне изредка доводилось их убивать проездом около Павловской дороги и на охоте за Барнаулом.

Как ни хороша охота на Мыльниковских полях при таком изобилии дичи, но едва ли не большее удовольствие доставляла мне вечером, когда мы обыкновенно у какого-нибудь стога сена разбивали табор и готовились к ночлегу. Это своего рода поэзия, которая не поднимается на Парнас из уст знаменитых поэтов, но тепло забивается в душу охотника и ласкает его мысли и чувства настолько, что он, как очарованный, забывает все остальное и живет только самим собой, своей собственной, но особой жизнью!..

Конечно, в дурную погоду тут не до поэзии и страстному охотнику, но в тихий, теплый и ясный вечер – это своего рода нектар охотничьей жизни, особенно в небольшой и дружной компании...

Бывало, пока варятся таежные щи, мы все дружно работали, устраивая ночлег, разбивая холщовый

полог, делая из сена мягкие постели, запасая дрова, ухаживая за лошадьми, потроша набитую дичь и проч. Все это надо было сделать до темноты вечерней, чтобы успеть отдохнуть и покейфовать перед ужином.

Но вот, наконец, все излажено, по выражению сибиряков, щи поспевают; в ожидании такого дорогого блюда невольно начинаются разговоры или рассказы о былом, из охотничьих случаев или курьезов сибирской жизни с ее поверьями, обычаями и проч. Но все это пока коротенько, как бы мимоходом, потому что главное повествование является всегда уже после ужина, особенно когда располагает к этому удачная охота, приятный вечер и комфортабельное устройство ночлега. В случае же дурной погоды мы всегда устраивались в полевых избушках, которые Павел знал наперечет и всегда подгонял так, чтоб к вечеру подъехать к такому помещению.

– А что, Павел! Есть в деревне винтовочники получше тебя? – спросил я однажды, усаживаясь на приготовленную постель.

– Да кто их знает, барин! Не мерился. А вот, тово-вонако, у меня был дядя, теперь уж покойный – царство ему небесное! – так он ездил раз осенью на охоту с проезжавшим тут губернатором, так вот он удивил!.. Летят, значит, тово-вонако, гуси, погигикивают, а он и говорит губернатору: «Вот, ваше превосходительство, дозвольте подарить вам одного гуська?» – «Где? В небе-то?» – сказал губернатор. – «Зачем в небе? А вот как». Значит, приложился из винтовки да как пустил в переднего, так тот закултыхался да и сунулся на жниву. Тут генерал-от только руками всплеснул да и говорит: «Ну, молодец! Еще впервые

такого и вижу». Взял достал с кармана гумажник, вынул красненькую, значит, десятку да и бросил покойному дяде: «На, говорит, это тебе также на память от меня!..» Так оно вот как, тово-вонако!.. Ну и стрелец был – богатеющий!.. С ним уж никто не споровался!.. (не спорил).

Но вот поспели и щи, Архипыч докладывает, что мясо упрело. Значит, остается только их заправить сметаной и для большего удовольствия подправить рюмкой мадеры. Еще одна легкая вспышка огонька, еще раз вскипят – и готово!.. Щи промешиваются, отставляются, чтоб немного остыли; крошится лук, сыплется молотый перец. Остается только выпить по рюмке водки и браться за ложки...

И как хороша в это время здоровая рюмка этого русского бальзама!.. Тут она положительно бесценна!..

Надо видеть со стороны, как уписываются, как говорят сибиряки, промявшимися охотниками эти таежные щи!.. Право, как вспомнишь, так и сейчас, несмотря на поздний час ночи, с удовольствием похлебал бы такой похлебки... Но! И всегда это «но» означает что-нибудь такое, что приходится не по душе, – так и тут; ну разве могут эти щи, одному, в кабинете, составить что-либо подобное тому, как они поедались в поле, с добрыми товарищами, при совсем другом настроении?.. Конечно, нет, и они – увы! – являются уже только одним приятным воспоминанием далекого прошлого...

После ужина все обыкновенно укладываются на свои места и начинаются мало-помалу рассказы. Большею частью я всегда каким-нибудь анекдотом или курьезной бывальщиной подбивал Павла,

и все мы уже только слушали. Так, между прочим, он рассказал нам очень интересную историю одного искусственного пруда в их деревне, мимо которого мы проезжали на охоте. А меня заинтересовало то обстоятельство, что в этом пруде торчали из воды довольно большие посохшие деревья хвойного леса; я и спросил, что это значит.

– Да вишь, барин, тут кака штука произошла. Есть у нас в деревне, тово-вонако, умнящий и богатый мужик (фамилию не упомню); он, значит, пришел раз на сходку, как покосы делили, да и говорит обчеству: «А мне, ребятушки, отдайте вон тот сухой лог (тоже не помню названия), только в вечное владение, а ведь он вам, мирянам, ни к чему – там и скотина-то, что есть, не ходит, да и взять нечего». Все, значит, посмеялись, тово-вонако, да и говорят: «А тебе он к чему? Не сады ли разводить хочешь?..» – «А так, – говорит, – это уж мое дело, не ваша забота!..» Вот обчество посмеялось, посмеялось, подиковало да и порешило отдать. Что ж бы ты думал, барин? Этот мужик в тот же самый год осенью сделал помочь, надрал нами же, дураками, дерна тут же в логу, навозил прутняку, прорыл канаву, тово-вонако, и сделал плотину – значит, загородил валом. Все тут же помочане напились вина и посмеялись: вот, дескать, дурак-от!.. А этот дурак-от ту же осень очистил ниже вала весь лог, провел сохой с боков канавки да и ждет весны. А как пришла она, матушка, и налила ему к валу-то целый пруд воды. Вот он и держит ее, не выпущает; а как пришло лето, он, тово-вонако, и почнет по канавам-то помаленьку спущать воду да и помачивать лог, ниже-то. Вот на первый же год и уродилась у него трава,

да такая, что мужики-то и рты разинули, только глядят да почесываются!.. Вот он и сена наставил зарод на зароде – страсть!.. Потом он, барин, что же придумал? Взял да и стал ловить карасей в озерках да и ну-тко возить их в кадушках в свой пруд, ловит да возит, ловит да возит!.. И сделал, едят его мухи, такой садок, что теперь у него, тово-вонако, рыба-то там кишмя кишит, как в котле!..

– Вот так дурак!.. – сказал я невольно. – Ловко он вас околпачил!..

– Ну да, барин, этот дурак так одурачил все обчество, что оно теперь только в носу ковыряет да к нему же с поклоном идет купить карасиков да окуньков на похлебку.

– Как же вода в пруду – не усыхает? Не уходит в землю?.. Ведь весенней снежницы недостанет?..

– А дожди-то на что?.. Он, брат, и сверху-то, тово-вонако, провел канавки – вот и всякая капля туда да туда – он и не сохнет!.. А теперь оброс травой да кустами, ну и крепко; вот уж семой год стоит!.. А травы-то, барин, кажинный год все боле да боле... Ноне он и городьбу уже сделал около этого покоса... Так и насадит копну на копну!.. Словно чирьи!..

– Ну, а как вы, Павел, волков гоняете? Ведь у вас, в Мыльниковой, говорят, зимой и следа волчьего не увидишь!..

– А мы, барин, тожно (тогда) артелями собираемся и бьем их еще с осени, по первым снежкам. Ну и зимой спуску не даем – только бы показался. Вот, значит, оседлаем коней, возьмем батики – да и ну-тко по следу. А как примем на вид, ну, тово-вонако, и почнем налегать; вот и давим, вот и давим со всех концов, иной

раз до вечера. Только отдыха не давай, вот и умается, вот и выпустит язык да почнет хватать снег. А что боле ест, то боле преет!.. Ну, а мы тут и пуще того напирать станем... Вот тут и встанет навовсе, значит, уставит ноги-то нарасшарагу, словно они у него опрутеют, а голову-то повесит, адоли пьяный!.. Вот набежишь на коне да как цопнешь батиком по бирюльке – ну и готово!.. Вот и твой!.. Только добить надо. А тоже бывает, что новой огрызается, чакает зубами-то, стращает!..

– Ну хорошо, так ведь и кони пристать могут?

– Бывает, что пристают, худы-то; так нас ведь людно (много), у кого пристанет, у кого нет; ну вот, тово-вонако, и бежит скоря к нему. А вот хуже всего, как попадет материк, значит, могутной да и хитрый; да как увидит, что плохо, вот он и юркнет в чащу либо в мелкий осинник, такой, значит, хлыстовник, тут и горе! Другой раз и выжить не можем, так и попустимся... Ведь знает, гнусина, что туды с конем не проедешь и пешком не продерешься, так того иной раз из винтовки пристреливаем, а коли можно – народом выживаем... А тут как-то раз откуль-то по осени зашел к нам медведь, только небольшой, полагать надо третьячок (3 лет), так тот, проклятый, нагнал холоду!.. Я в ту пору был подростком, так, тово-вонако, и не ездил, а родитель после обсказывал. Ну, этот воистый, не волку чета, а бегает тише. Зато как почнут его нагонять, он, проклятый, того же разу изметнет на дыбы, поймает одной лапой за дерево да вдруг и обернется рылом к тому, который нагнал, чтоб сцапать другой лапой... Беда!.. Вот эдак-то он, тово-вонако, и обманул одного мужика. Тот, значит, налетел на него без опаски

с батиком, а медведь-то духом повернулся к нему из-за лесины, сцапал его за ляжку да сдернул с коня! Вот тот и заревел лихо-матом: «Ой, ребятушки, задрал!.. Не дайте душе погинуть!» Дак, по счастию, товарищи-то были близко, подскочили, озлобились да и давай его все долбить – кто батиком, кто топором, ну и забили. А мужика-то уже привезли; долго он, бедный, маялся – все не заживали царапины, так он его взборомошил!..

– Ну а вот что скажи-ка, Павел, сильно у вас пьянствуют?

– Пьют, барин!.. Сильно пьют!.. Другой и живота-то (скота) лишился. Особливо жрут это винище в свадьбы либо в праздники. Дак раз, тово-вонако, чего случилось вон в соседней деревушке: был там, значит, такой матерящий парень, осилок, ну и задорный, озорник настоящий!.. А как напьется, дак и способу нет, всех прибьет, и своих, и чужих, и пособиться не могут!.. Да у него, барин, и кулачищи были, словно пудовые гири, как долбанет, проклятый, дак от него и летят, как метляки, все на сторону да рылом в крапиву!.. Уж его и стягами-то лупили – только пуще осердится, а ему ничего!.. Оклемается да и почнет буровить пуще старого: кому зубы, кому скулы, кому плечи повыставит! Уж и родня-то вся не рада ему стала – всех починил!.. Вот как-то недавно, на праздниках, напились все, ну и, тово-вонако, пошли на стяги; а он и давай всех крошить, словно капусту, оглоблей!.. Тут, значит, один мужик сохватал винтовку да и цопнул его из-за бани... Вот тожно и растянулся да тут же и душу Богу отдал!.. Так и прошло, и вся деревня порадовалась!..

– Как, Павел, прошло? Да разве можно на виду всех скрыть убийство?

– Эх, барин! А мир-то на что? Все были довольны, что извели такого душегубца. А от него-то сколько увечных осталось? Сколько в землю ушло? Ну, значит, и скрыли миром!.. А как, тово-вонако, наехал суд да стал разбирать, дак и показали все в одну душу, что пьяный застрелился сам, – так и прошло! Ничего не докопались!

– Ну, брат, это, значит, худо разбирали; а вот поспросили бы потихоньку ребятишек, так и сказали бы правду.

– А кто их знает, может, и спрашивали, меня в ту пору не было. А вот спроси теперь кого хошь, только со стороны, так кажинный и скажет, как было дело, как потом вся деревня поминала покойника да так настегались, что и бабы-то очумели да хвосты задирали...

– Пфу!..

И действительно, что касается пьянства, то на Алтае не прочь иногда повыпить и бабы, а про мужиков и говорить нечего. Даже старообрядцы под предлогом испить пивца так напиваются своим воронком, что лежат недвижимо. В особенности пьют рабочие люди на рудниках и заводах; и процент винной смертности поразителен! Так, например, в мою бытность в Сузунском заводе умерло одних плавильщиков, этих самых нужных людей, 11 человек. А когда мы стали разбирать причины их смерти, то оказалось, что 9 из них умерли вследствие пьянства; то пьяный упал с коня и расшибся; то, выпивши, упал с повети и тут же убился; то пьяного у кабака изувечили и т. д. Словом, вышло то, что из 11 человек только двое умерли, как говорят те же рабочие, своей смертью.

А вот тут кстати будет сказать, что одни из сектантов, так называемые поморцы, проживающие в деревне Куяч, имеют такой обычай, который, по словам очевидцев, описывается так: как умирать у них кто-нибудь станет, они его на прорубь или на речку – крестить… Младеном, говорят, станет, когда после этого крещения помрет… Младеном без всякого греха. Старосту-то нашего мало на огне палить – ведь он отца закрестил. В горячке старик-то лежал, а они также вот его потащили в прорубь. Дело было до пасхи, лед еще был. Потащили его на прорубь, хотели его перекрестить, младеном доспеть, да после крестин-то он тут и душу отдал, труп домой принесли…

Выходит, что и у христиан такой способ ничем не лучше того, как восточно-сибирские инородцы иногда после шаманства вывозят своих труднобольных еще заживо в лес и там оставляют, говоря, что в их ламских книгах так велено сделать. Потом они ездят смотреть, конечно, уже покойника: поел его зверь или хоть поклевала ли хищная птица. Если окажется поеденным или поклеванным – значит, он угоден Богу, и тогда они делают над трупом или его останками какой-то особый обряд. Если же покойник в течение трех суток не тронут – значит, плохо, им гнушается не только Бог, но даже и хищная птица…

Вот и скажите – где у этих зверей в образе человека душа! Где то сердце, которое так отзывчиво даже у животных? Неужели их искаженное верование поборает не только здравый смысл, но и то чувство сожаления, ту братскую любовь, которые так тепло, так лучезарно горят в учении Спасителя!..

Но зачем удивляться поступкам иноверцев, когда встречаются еще хуже, еще звероподобнее люди из среды христиан, помимо упомянутых куячан, по соседству с Алтаем, к восточной окраине. Тут некоторые промышленники нередко охотятся за так называемыми в Сибири горбачами. Итак, вы думаете, читатель, что это за особый зверь или птица – горбач? Конечно, вы не найдете такого названия ни в какой зоологии и, конечно, не приберете к нему такого настолько характерного имени и по латыни. А сибиряк коротко и ясно назвал горбачом рабочего человека, возвращающегося с заработком с золотых приисков или бежавшего с каторги!.. Выходит, что это не зверь и не птица, а человек, у которого за плечами горб из котомки с разным барахлом.

Вот их-то и караулят по сибирским дебрям, к несчастию и стыду человечества, озверевшие промышленники!.. Их-то при удобном случае и бьют из винтовок, говоря, что «горбач не в пример лучше зверя: тут и лопать (одежда) и деньжата перепадают!» Вот как вы назовете таких личностей?.. И будут ли они хуже исторически прославившихся Торквемадов, Арбуесов и подобных им палачей, которые не придумали бы и той ужасной мести, которую творят в свою очередь и горбачи, если попадает в их руки оплошавший зверовщик.

Они надевают ему так называемую красную шапку, т. е. раскаливают докрасна медный или железный котелок и накрывают им преступную голову озверевшего охотника!.. Какой прием из такой войны лучше – судить не берусь, но поражающие картины того и другого способа, мне кажется, настолько ясно

говорят сами за себя, что излишни всякие комментарии. Да вряд ли какое перо и какая кисть изобразят те адские страдания, которые испытывает человек в этой ужасной шапке!..

К счастью, на Алтае до такой возмущающей душу профессии, кажется, не дошли, а потому я позволю себе сказать о довольно курьезном и непонятном факте, какой в числе подобных ему всезнающие и непризнанные авторитеты с особым апломбом, но, не давая себе отчета, стараются объяснить совпадением или простой случайностью. Быть может, это и так – спорить не стану, хотя и не считаю подобные изречения объяснением, а лучше расскажу, что было: в 1874 году в июне месяце я был вытребован на экстренный горный совет в городе Барнаул. Вся моя семья оставалась в Сузуне. Со мной по обязанности службы, как заводский гиттеншрейбер[21], поехал Степан Васильевич Широков. Во все время совета мы помещались в крайне немудрой и единственной гостинице Агапова, где и занимали две небольшие комнатки. Понятное дело, что, прожив в удалении от семьи более двух месяцев, мы оба сильно соскучились, а тем более потому, что почта из Сузуна приходила раз в неделю. Понятно также и то, что мы с нетерпением ждали конца совета, рвались домой и, как институтки, считали чуть только не минуты нашего отъезда. И вот десятого августа эта давно желанная минута пришла, но пришла она вечером после последнего заседания. Ехать в ночь мы не захотели и порешили так, чтоб выехать в 4 или 5 часов утра 11 августа.

[21] Гиттеншрейбер – плавиленный писарь.

В этот последний вечер я не захотел идти в гости, хотя и звали повинтить, а предпочел остаться дома и стал укладываться. С помощью Широкова работа эта кончилась скоро, и мы потребовали ужинать.

Девушка накрыла на два куверта, но просила немножко подождать, потому что было еще рано, а кушанья приготовлялись в собрании, где и держал буфет хозяин гостиницы.

Я от нечего делать пошел осматривать комоды и шкафы, чтоб убедиться, что мы сложили все и ничего не оставили; но оказалось все пусто, а только на подоконнике мне бросился в глаза какой-то небольшой сверток. Я посмотрел и нашел завернутые в бумажку карты.

А надо заметить, что за несколько дней перед этим я получил письмо из Сузуна от жены, где она писала, что двухлетняя наша дочь Лидия «прихворнула и все еще покашливает».

И вот, когда я совершенно неожиданно взял карты, мне почему-то пришло неодолимое желание погадать, хотя я и немного понимал в этом искусстве. Мне хотелось поворожить – здорова ли теперь Лидочка?.. Но не умея сделать это так, как гадают многие, а где-то видя, что раскладывают просто крестиком всего на шесть карт, что гораздо проще и короче, я отбросил от шестерки мелкие карты. Тасуя колоду, я вынул даму бубен, положил ее на стол крапом кверху, как говорится, втемную, и задумал так: если выпадет из пяти предназначенных к гаданию карт девятка пик – значит, Лидочка больна; если будет семерка пик и дама червей – значит, жена в большом горе и в слезах; если будет туз пик – плохо! – значит, Лидочка

умрет или же умерла. В благоприятном же случае должна выпасть красная масть и десятка бубен или червей.

Передумав все это и еще раз перетасовав карты, я вынул из колоды поодиночке пять карт, не смотря, положил их также крапом кверху – одну поперек на даму бубен и четыре по бокам; затем переплел их между собою концами, связался крестик, или подносик.

Подняв или, лучше сказать, перевернув этот крестик крапом вниз, я, к удивлению моему, увидал с одного бока дамы бубен – девятку пик, с другого – даму червей, а с коротких боков – семерку пик и девятку червей. Под дамой же бубен лежал поперек какой-то туз. Видя такое поразительное совпадение вынутых наобум карт с моими мыслями, я как бы боялся посмотреть, какой именно туз лежит под дамой, но вот выдергиваю – и вижу туз пик!.. Меня до того озадачила такая история, что у меня невольно навернулись слезы, и я тотчас же посмотрел на часы; было ровно десять часов вечера 10 августа.

Видя, что меня что-то ошеломило и расстроило, Широков ко мне подошел и участливо спросил:

– Что это вы, гадали?

– Да, Степан Васильевич, к сожалению, согрешил!.. Гадал на Лидочку, и вот что вышло!.. Господи!.. Да неужели она умерла!.. Тут и девятка пик – болезнь; тут семерка пик и дама червей – слезы матери; тут и девятка червей – это мой дом; а это, посмотрите под дамой, туз пик – смерть Лидочки!..

– Вот охота вам пришла ворожить, и неужели вы верите таким пустякам?

– Верить не верю, но странно, что все эти карты выпали так, как я думал, когда тасовал, а ведь их всего пять из 35 карт! Теперь как раз 10 часов…

Прекратив этот разговор, мы поужинали и в 11 часов улеглись уже спать; а утром, напившись чаю, укатили из Барнаула. Везли нас, по обыкновению, хорошо, так что мы часу во втором дня были уже верст за 80 за деревней Шелаболихой. Но вот, спустившись на луг и проехав еще три или четыре версты, Широков увидал на озерке четырех кряковых уток.

– Александр Александрович, берите ружье – вон на озерке утки сидят и подойти ловко, – сказал он.

– Ну хорошо, а если убью, то кто доставать будет?

– Ничего, только убейте, я сплаваю; а сегодня смотрите, какое тепло.

Я велел Титушке (ямщику) остановиться, взял ружье и пошел скрадывать уток. До озерка было сажен полтораста. Идти приходилось по скошенному лугу, а затем уже согнувшись или ползком подбираться из-за осоки к берегу озерка. По счастью, осока стояла густая и высокая, так что ползти не пришлось, и я, незаметно подкравшись и выждав, когда сплылись утки, убил двух.

Ко мне тотчас пришел Широков, разделся, сплавал и достал уток; а когда он начал одеваться, то мы услыхали потенькивание почтовых колокольчиков, а надо заметить, что в Сибири всегда подвязывают под дугу и на дышло не один, а два небольших колокольца.

– Вон кто-то едет из Сузуна, – сказал Степан Васильевич.

В это время из-за кустов действительно выехала небольшая ямская тележка и стала рысцой подвигаться к нашему тарантасу.

– Кто же это едет? – спросил я, не видя хорошенько седока.

– А знаете кто? Это будто наш писец Хлебников. Да он же и есть! Вон, видите, остановился у тарантаса и разговаривает с Титушкой.

– Вижу, только странно, куда и зачем он поехал?

– А должно быть, нарочным; сегодня день не почтовый; да вот он сюда и направился, должно быть, к вам.

Видел я все это хорошо сам, и при слове «нарочный» меня точно что-то кольнуло в сердце, и оно так тревожно и сильно забилось! Ну, думаю, значит, что-нибудь случилось; а когда мы поздоровались с Хлебниковым, и он подал мне письмо с почерком на адресе нашего секретаря, а не жены, у меня отлегло от сердца, и я подумал, что что-нибудь случилось в заводе. Меня удивляло только то, почему Хлебников молчит, а Широков не спрашивает, что совершенно не в характере сибиряков.

Читаю письмо, и что же?!

Наш заводской секретарь Петр Яковлевич Вяткин пишет:

«Евдокия Ивановна просила меня послать к вам нарочного, а сама она писать не может: вчера в 10 часов вечера скончалась ваша дочь Лидия. Приезжайте поскорее. По заводу все благополучно, и вся остальная семья ваша здорова. Будем ждать к похоронам. 11 августа 1874 г. Сузун. зав.»

В эти самые минуты я только три раза перекрестился и кое-как удержался от слез, хотя и сильно щемило в груди. На меня вопросительно и вместе с тем как-то растерянно смотрел Широков, а Хлебников вертел в руках шапку и нарочно старался не глядеть на мою физиономию.

– Нате-ка, Степан Васильевич! Прочитайте! – сказал я, передавая письмо.

– Господи!.. Что же это такое?.. И как раз вчера в 10 часов вечера!.. – прочитав письмо, сказал он и пожал только плечами.

Но это не все, я видел, как у него навернулись слезы, а на лице выражалось полнейшее недоумение.

– Вот то-то и есть, Степан Васильевич! Что вы теперь скажете? А вы знаете, что написал Шекспир в своем бессмертном произведении?..

– Знаю, читал на досуге, в Барнауле...

– Да, батенька!.. Мы знаем только то, что мы ничего не знаем!..

Все мы как-то тихо, точно спутанные, пошли к тарантасу и поехали к Сузуну. Меня всю остальную дорогу давила не столько тоска, сколько удручающее совпадение моего гадания...

Ныне я, может быть, сказал бы не так; хотя и прежде словно ощущал, словно сознавал что-то неопределенное, пока неуловимое для наших понятий, но никак не предполагал, что доживу до тех дней, когда станут открыто, не боясь всезнаек, писать на ту же тему современные звезды науки, как Фламмарион, Крукс, Вагнер, Бутлеров и другие.

Коснувшись темных, каких-то неразгаданных сил природы, скажу теперь о тех, которые видит каждый и невольно удивляется их иногда причудливому проявлению. Я говорю о грозе, так нередко бывающей на Алтае. В самом деле, нельзя не удивляться тому, как она иной раз поражает то, куда направит свои перуны.

Так, например, был такой интересный случай в Сузуне: не упомню, которого именно числа был

я в заводской конторе, где шли обыденные занятия. Пробило 11 часов дня, и все поторжные рабочие ушли обедать. Ясный безоблачный день горел под лучами летнего солнца и не предвещал перемены погоды. Но вот появилось небольшое белое облачко, поднялся вдруг порывистый ветер и разразился такой страшный удар грома, что все невольно соскочили со своих мест и, крестясь, бросились затворять открытые окна.

В это время все мы увидали, что из казенной слесарни, находящейся около конюшенного двора и пожарного сарая, повалил из трубы не дым, а как бы копоть и сажа. Конечно, подумали, что удар попал в слесарню и, вероятно, зажег ее деревянное здание. Вследствие этой мысли все мы побежали туда и, отворив слесарню, где уже никого не было из рабочих, увидали тоже не дым, а поднятую в помещении только пыль и копоть, а в здании пахло как бы серой.

При дальнейшем же исследовании мы заметили, что все кирпичи в стоявшей тут русской печи получили очертание своей формы и потеряли между собою связь по спайке их глиной, так что каждый кирпич можно было вынуть руками, но печь все-таки как бы крепко стояла; несколько отделившись со своего места, упал только нувал, т. е. вывод к дымовой трубе.

Все слесарные инструменты, валявшиеся на большом, во всю стену, верстаке, лежали не поперек, как их обыкновенно кладут при работе, а вдоль по верстаку, и некоторые из них спаяло друг с другом. Под большими же слесарными тисками заметна была воронкообразная ямка в земляной пол, что ясно показывало, куда ушла грозовая сила.

Но интереснее всего вышло с бревенчатыми стенами слесарни. Тут гроза точно подшутила: она выдернула ровными лентами весь мох из пазов, на который клались бревна при постройке здания как теплого помещения. Это показывало, что в момент удара каждое бревно порознь было приподнято и весь мох в то же мгновение выдернут какой-то непонятной силой не наружу, как бы, кажется, следовало при напоре воздуха в замкнутом помещении, а внутрь!.. Словом, все здание встряхнуло поштучно, и при этой страшной силе все стекла в больших рамах остались целы!..

Это такой поражающий фокус, который невозможно произвести никакой искусственной механикой, и остается только смиренно удивляться над непостижимыми проявлениями великой природы!.. И в самом деле, тут работала точно не свирепая моментальная сила, а как бы одно могучее слово!..

Другой замечательный случай удара молнии был в присутствии акцизного надзирателя Г. М. Бе-та, который ехал по своей дистанции в окрестностях Барнаула и на дороге попал под страшную грозу. Видя, что молния чертит у самого пути и ужасные удары следуют тотчас за появлением молнии, он закрылся в тарантасе кожаным фартуком и спустил верхний зонтик, а ямщику велел ехать как можно тише.

Но вот страшный удар разразился у самой его повозки. В этот же момент он почувствовал сильное сотрясение воздуха, колокольчики замолкли, и лошади остановились.

Бе-т спрашивает ямщика, что такое случилось, почему он остановился, но ответа нет, и только сильный дождь сечет и шумит около его экипажа, застилая

непроглядной пеленой окружающую окрестность. Он приподнимает зонтик и видит, что ямщик согнулся на козлах, а одна лошадь лежит на земле.

Оказалось, что ямщика и коня убило грозой!

Когда же Бе-т добрался до дому, то заметил, что на его теле совершенно правильно отпечатался темным пятном березовый лист, который, вероятно, был на его верхнем платье. Вся же его одежда долгое время была настолько наэлектризована, что при дотрагивании рукой выделялись слабые искры и слышалось легкое характерное потрескивание.

XVI

Ловля рыбы руками. Осетр во дворе. Зайцы в водополье. О подъезде. Охрана. Вечорки. Присушки. Курьезный мост. Волк. Волк в сенях. Волки на улице.

Выше, говоря о весне и лете, которые я проводил как охотник в Сузуне, я забыл упомянуть о довольно курьезном случае. Однажды, отправившись на казенный покос с цеховым надзирателем В. А. Вяткиным и проезжая мимо одного высохшего озерка, образовавшегося в весеннее полноводье, мы заметили, что над ним в большом количестве вьются чайки, коршуны и даже вороны. Нам показалось это довольно странным, и мы поехали к озерку посмотреть, что такое привлекает этих хищников.

Оказалось, что видимое озерко – даже и не озерко, а просто остаток воды от сильного полноводья, который, не имея стока, испаряется от солнечной теплоты и с каждым днем становится все меньше и меньше; а в настоящее время дошел до того, что в нем осталось воды в самом глубоком месте немного выше колена. Вся водная поверхность этого озерка была не более 10-15 шагов по перпендикулярным диаметрам.

Когда мы подошли близко к воде, то заметили, что в ней масса рыбы, которая, положительно как в котле, плавала на поверхности и, задыхаясь в такой же небольшой луже, выставляла головки кверху и жадно дышала жабрами. Мы соблазнились и попробовали ловить ее шапками, а затем в полуадамовском костюме зашли в озерко, невольно взмутили воду и ловили уже руками.

Сначала нас это занимало, как ребятишек, а потом, видя удачный промысел, мы уже занялись и вплотную. Вся рыбешка старалась попрятаться в более глубокое место, но и тут мы свободно доставали ее руками. Нередко случалось, что, переступая босыми ногами, мы чувствовали, как вертелась под нами рыба, и, царапая руками по мягкому илу, мы добывали по два и по три карасишка сразу, которые прятались группами в тину.

Интереснее всего было смотреть на мою охотничью собаку, которая сначала только приглядывалась и никак не могла понять, в чем дело; но когда она увидала, что мы таскаем рыбешку, она бродила около плоских берегов и лишь только заметила, что что-то двигается и мутит воду, как стала хватать и ловить мелких щучек, которые лезли больше к берегу. Сперва она, поймав щучку, тут же опускала ее обратно в воду, а когда я стал ей говорить: «Возьми, пиль!.. Подай сюда!..» – она уже либо подавала свою добычу мне, либо выносила на плоский берег, но делала это неохотно, брезгливо поднимая губы.

Провозились мы на такой курьезной рыбалке, как полагаю, не менее полутора часов, но нас сильно напекло солнцем, и мы бросили, добыв, как оказалось, мелких карасишек и щучек не более 2-3 вершков длиною, кажется, более двух пудов. Сложив всю добычу в мешок от овса, мы привезли ее домой.

Странно только, что, кроме карасей и щучек, не было никакой другой рыбешки. По крайней мере, нам не попадалось под руки и мы не видали.

Конечно, вся эта рыбешка в случае ясной погоды обсохла бы совсем, и ею воспользовались бы одни

птицы, что, вероятно, и случилось с той, которая осталась от нашей курьезной ловли.

Нельзя было не удивляться дерзости ястребов (или коршунов, как говорят сибиряки), которые, не боясь нас, быстро спускались к той кучке, куда мы выбрасывали добычу, и, моментально схватив любую рыбку, они тотчас отлетали подальше на луг и пожирали. Чайки же только невыносимо пищали и кружились над нами, но разбойничать не решались.

Вспомнил я эту историю и невольно приходит на память и другая, когда крестьянин деревни Долговой, по рассказу Титушки, Савелий, или, как он называл его, Савка Долгов, поймал у себя во дворе довольно большого осетра. Дело в том, что в ту весну была сильно большая вода и всю деревню затопило, так что ее обитатели волей-неволей выкочевали и поселились на время кому где любо. Долгов, подъехав однажды на лодке к своему дому, который был крайним у берега, заметил, что в его затопленном дворе всплеснулась большая рыбина. Он не стал ее пугать, а тотчас объехал с другого конца, набрал разного хламу и загородил потихоньку то место, куда могла зайти неведомая рыбина. Затем вода через несколько дней сбыла, и Савка, к удивлению многих уже сельчан, легко поймал у своих ворот порядочного осетра.

Что же касается зайцев, то мне часто случалось видеть их в полноводье сидящих в затопленных островах, на срубленных пнях или на горизонтальных сучьях больших ив. Бывало, плывешь в лодке по Оби и видишь, как косой, спасаясь от воды и завидя своего врага-человека, прижмет вплоть к спине свои

длинные уши, утянет в себя мордочку, боязливо прищурит, сколько может, несмыкающиеся глаза и, весь дрожа от страха, подпускает плывущую лодочку. И мне кажется, что он дозволил бы взять себя руками, но я этого не пробовал и всегда жалел этих животных, которые, быть может, несколько дней просиживали на таких неудобных помещениях, терпели, конечно, и холод, и голод, и все-таки не решались уплыть куда-нибудь на берег, несмотря на то, что в случае крайности зайцы довольно легко плавают.

Зная эту боязнь зайцев, многие ружейники плавают на лодочках весною около полузатопленных островов и бьют этих животных.

Думаю, что во время больших разливов, вероятно, много их гибнет вследствие своей трусости; но трупов их как утопленников мне все-таки видеть никогда не случалось.

С ранней осени, лишь только повалится с леса лист, у меня являлась охота бить тетеревей с подъезда, и лишь только наступал сентябрь, я уже с Архипычем ездил около полей и лесных колков, куда садилась поднятая птица.

Это же самое время и было лучшей охотой моего приятеля Павла, который ездил всегда со своими лайками, поднимал тетеревей на лес и бил их десятками из винтовки.

Позднею же осенью и в начале зимы вся тетеря сваливалась обыкновенно в лес, и охота уже производилась с подъезда, пока не углубеет снег, на особого устройства подъездных санках, которые делаются на широких полозьях без отводов и на высоких копыльях.

В первых числах сентября, пока нет снега, неподалеку от Сузуна по Кусковской дороге мне не один раз случалось ездить рано по утрам, еще до света, за глухарями. Тут они в это время вылетают на самую дорогу и бегают по песку. Вся штука заключалась в том, чтоб ехать потихоньку, а завидя или вспугнув глухарей, тотчас перейти на шаг и подъезжать к тем, которые сидят по опушке леса. Конечно, стрелять приходилось из винтовки, потому что осторожная птица всегда садилась на самые верхушки больших сосен.

Приехал ко мне однажды Павел и звал к себе в Мыльниково пострелять тетерь из-под лаек, но я отказался на том основании, что ехать туда все-таки далеко, а вблизи Сузуна и без того хорошая подъездная охота.

Павел, закусив и напившись чаю, не торопился домой и засиделся, а потому мы, конечно, вдоволь наговорились, и я между прочим спросил его о том, что, вероятно, он знает разные заговоры от того, чтоб злой человек не портил охоты или ружья. Я спросил об этом серьезно и нарочно келейно, чтобы задеть слабую струнку всякого истого сибирского охотника, который непременно отчасти суевер и потому верит в разные порчи и заговоры.

– Дак ведь нам, барин, без этого никак нельзя. Для того, тово-вонако, у нас и охрана такая есть, – сказал он тихо.

– Какая такая охрана?

– Да такая, значит, молитва, чтоб охраняться от всякого недоброго человека.

– А ты ее знаешь?

– Как не знать – знаю. Меня, значит, старики наши учили этому – ну, я и запомнил.

– Что же, ты читаешь эту молитву, когда отправляешься на охоту?

– Дак как не читать – читаю, значит, про себя; а то ведь, барин, всяки люди есть. Новой (иной) подлец плевка не стоит, а, тово-вонако, на каку пакость, так первый человек по своему ехидству.

– Так ты, Павел, скажи и мне эту молитву, а я запишу да и выучу.

– Изволь, изволь, барин, скажу; пошто не сказать, ведь это не худо какое, а ты же и помоложе будешь.

– А разве не все равно, моложе или старше?

– Нет, не все едино. Вот будь ты постарше меня годами, я уже тожно тебе не передам; а то, значит, тебя-то охраню, а у самого девствовать не станет – вот оно какое это дело-то! Надо, тово-вонако, говорить правду. Вот и тебе, барин, когда доведется, старе себя не передавай, а то все себе дело разтотманишь.

– Ну ладно, понимаю! Так ты говори, только не торопись, а я запишу.

Павел огляделся во все стороны и, видя, что мы одни, нагнулся к письменному столу и тихо, слово за слово продиктовал мне такую охрану.

– Вот, барин, и все! – сказал Павел и утер полой с лица пот.

– Ну, брат, и охрана! Это уж действительно на 77 жил и в 77 суставов!.. Так насквозь и хватает. Она и тебя до поту добила!.. Этакую и не выучишь.

– Ну, да сколь долга?.. Вот я и не грамотный, да затолмил.

– То-то, поди, и зубрил целую неделю?

– Нет, барин!.. Она, тово-вонако, как-то скоро далась мне. А то вот есть и другая, коротенькая; дак эта

больше от своей думы, а либо глаза; а то ведь случается, что и сам себя изурочишь.

– Ну так ты скажи уж и эту.

– А вот пиши! – И Павел, также оглянувшись, тихонько продиктовал: «Чур мои думы, чур мои мысли; чур глаза мои завидущи и товарищевы, во имя отца и сына и святого духа! Аминь!..»

– Ну, брат, эту самую я и в Восточной Сибири слыхал.

– Ну дак что?.. Вишь сколь далеко идет!.. Эвон куда стегнула! А поди-ка, дак наши же туда затащили; разве мало нашего брата и отсюль туда за колобродство уходит, проторили дорогу-то, поди, дак и вех не надо!..

На том мы и покончили на этот раз в такой интимной беседе. И странное дело, а все подобные охраны и молитвы действительно одинаковы по всей Сибири да едва ли не по всей Руси. Разница заключается в небольших варьянтах – и только.

– Ну, прощай, барин!.. – сказал Павел, тихо поднимаясь со стула и подавая руку, взявшись другой за шапку и рукавицы.

– А ты куда же торопишься – ведь еще рано!..

– Да, вишь, нельзя, сегодня у меня вечорка, ну, и надо взять хоть орехов да свечку купить.

– Ох ты, старый хрен!.. Так ты еще по вечоркам ходишь!

– Нет, барин!.. Ходить я не хожу, за это хозяйка обижаться станет; а, вишь, знакомые девки избу просили, вот и дозволил; а у меня просторно – пусть попляшут, потрясут курдюками-то!..

– То-то эти пляски, поди-ка, доведут до развязки.

– Ну да всяко же бывает!.. Другая будто и мух не ловит, а уйдет, дак буровит!..

Павел уехал, а я невольно остановился на слове вечорка и припомнил многое-многое из давно прошедшего. Вот и в настоящую минуту, вспоминая этот разговор, я снова останавливаюсь на этом слове и также невольно спрашиваю читателя:

– А знаете ли вы, что такое сибирская вечорка?..

И спрашиваю это потому, что мне почему-то думается, что, вероятно, немногие знакомы с нею, а потому и позволю себе сказать о вечорках хоть коротенько.

Вечорка – это собрание девушек и молодых ребят; тут же бывают нередко молодые бабочки, мужья и даже маменьки и тятеньки взрослых дочек.

Вечорки устраиваются преимущественно осенью и зимою, хотя случаются и в другое время года, при праздновании свадеб, помимо так называемых девишников. Они делаются большей частью в том доме, где живут зачинщики предполагаемого собрания; если же он мал или сложившиеся обстоятельства не позволяют сделать у себя вечорки, то просят помещения у тех односельчан, у кого большая изба или есть особая половина, а еще лучше – горница.

Обыкновенно оповестителями устраивающейся вечорки бывают мальчишки, которые по указанию старших бегают по жительству и зовут или, лучше сказать, просят пожаловать на вечорку. Но в особо важных случаях хозяева сами ездят по домам и приглашают гостей, но это бывает только при просватании дочери или женитьбе парня. В обыденных же случаях мальчишки даже не заходят и в дома, а просто постучат в окно и кричат:

– На вечорку милости просим!

– А к кому? Где собираются? – иной раз слышится из избы несколько голосов.

– От дяди Максима – к дяде Михею! – кричит пискливо мальчуган и летит далее, утягивая ручонки в рваный полушубок несоразмерной величины с его маленькой и тощей фигуркой.

В избе, конечно, тотчас пойдут суды и пересуды, смешки и догадки, а затем приготовления к вечорке. Девушки обыкновенно умываются мыльцем, мажут волосы скоромным маслом, чешутся роговыми гребнями и лезут в сундуки за более пригожей одеждой.

На вечорках бывают знакомые и незнакомые; но последние не иначе, как с позволения или по особому приглашению, что чаще всего и случается с приезжими лицами из других местностей. Тут, что называется, с ветру придти нельзя, а в особенности мужчине, а то, пожалуй, так расчешут прическу, что не поправит и дома никакая знахарка. Тем более этот порядок ведется на простых вечорках, где местные ребята зорко охраняют своих девиц и не любят, когда им мешают чужие. На свадьбах – дело другое: там все совершается по особому зову, и тут чужие поезжане не только не терпят фиаско, но чествуются как хозяевами, так и своими гостями.

Но так как свадебные веселья имеют особый характер, то мы о них умолчим и посмотрим на простые домашние вечорки.

Все они имеют целью веселье. Тут поются песни, ведутся разные игры, рассказываются побасенки, своеобразные каламбуры и идут танцы. Вместе с девушками пляшутся: барыня, восьмерка, четверка прусская; а в более просвещенных местах, как,

например, в заводах и рудниках, танцуют кадриль, вальсы и польку. Мужчины же без прекрасного пола пляшут казачка, присядку, голубца, трепака, камаринского. Но тут надо заметить, что в пляске голубца совмещается все: здесь и присядка, и трепак, и всякая штука, кто что сможет и как сумеет. Голубца обыкновенно пляшут только двое и становятся друг против друга. Пройдет какое-нибудь колено один – останавливается, к нему идет другой, либо повторяя то же колено, либо выплясывая свое. Тут в ходе даже разные фокусы под такт музыки, которые делаются в одиночку либо совместно. Например, так: один проплясывает колено только до половины дороги, приостанавливается и расширивает ноги; другой в это время падает на четвереньки и, в такт выплясывая ногами и руками, проходит меж ног своего противника – и наоборот, первый проходит между ног поднявшегося товарища.

Музыкой служит на вечорках обыкновенно самодельная скрипка, балалайка и реже гармоника или гитара; случается, что пляшут просто под песни. Освещением большею частью бывает одна или две сальные свечи, которые ставятся всегда куда-нибудь повыше.

Угощение тут бывает и не бывает – на это не претендуют, лишь бы поплясать, поиграть, потешиться, попеть и отвести молодую душу.

Вообще, надо сказать, что на вечорках держат себя прилично и тут не принято ни брани, ни пьянства, ни какого-либо дебоширства; за этим следят сами друг за другом и не дозволяют безобразничать, иначе девицы обидятся и разбегутся.

В таких общественных компаниях всегда есть какой-нибудь весельчак, который заправляет весельем и смешит публику всевозможными фокусами, каламбурами, хотя иной раз и едкого, но безобидного смысла, а тем более оскорбительного. Такие люди крайне дороги и без них скучно; они всегда веселы, никогда не падают духом, не гнутся перед нуждой и не оплакивают горя; они, не краснея, публично посмеются и над своими заплатами, и над тем, что у них «харчей хоть немало – да в рот не попало, хоть в горшке не уха, зато ложка суха, она и не грязнет – в зубах мясо не вязнет, хоть и в брюхе свистит, зато рожа блестит...» А что касается их находчивости и остроумия, то действительно нередко только удивляешься, откуда у них что и берется!.. Понятное дело, что таких шутников любит вся компания, любят их и девицы, а потому когда они почему-либо не приходят на вечорки, то действительно точно чего-то не хватает и является невольная сухота. Зная это из жизни, недаром наш поэт Никитин, сопоставляя «заботу и удаль», так наглядно и поэтично сказал:

Тает забота, как свечка,
Век от тоски пропадает;
Удали горе – не горе,
В цепи закуй – распевает.
...Песня заботы – не песня:
Слушать – тоска одолеет;
Удаль присвистнет, притопнет –
Горе и думу развеет.
...Явится в гости забота –
В доме и скука, и холод;
Удаль влетит да обнимет –
Станешь и весел, и молод.

Так как на вечорках по большей части бывает тесно, то тут не только не возбраняется, но считается вежливостью, если кавалер садится на лавку и берет к себе на колени девушку, обыкновенно, конечно, ту, которая ему более по сердцу; или же, наоборот, чтоб скрыть что-либо и не дать тени подозрения, хитрецы отводят свои симпатии и до времени проводят зорко следящую компанию. На вечорках главным образом идет игра в любовь и девушки кажут себя, а молодые ребята высматривают себе подходящих подруг жизни, что в особенности и бывает с приезжими лицами. Тут между своими заводятся интрижки, устанавливаются интимные отношения, прямо или чрез посредство других и проч. Словом, вечорка, помимо веселья, – это та ступенька, с которой стараются подняться выше или, по крайней мере, несмотря ни на какие жизненные толчки, устоять на ней твердо – в противном случае плохо! Тогда либо что-нибудь обнаруживается, либо является сомнение, ревность и самое главное – измена! Тут уж совсем плохо, и глядишь, веселье какой-нибудь особы кончается если и не явно, то келейно слезами, проклятьями и хуже всего – местью! А все это было, есть и будет, несмотря ни на какой материализм, ни на какие новомодные отношения. И все это потому, что людские сердца и души все-таки сделаны из тех же материалов и основ жизни, как и у нашей прародительницы Евы!..

Словом, вечорка – это своего рода связующее звено, которое способствует в жизни народа обобщать отношения, развивать симпатии и делать то великое

дело природы, которое, соединяя сердца и души, кладет начало, из которого нередко вытекают основы семьи и гармония жизни.

Что касается симпатий и антипатий молодых сердец обоего пола, то в народе в случае нужды есть глубокая вера в колдовство, к которому и прибегают чрез знахарей и знахарок, употребляющих в дело разного рода присушки и отсушки. Вследствие этих пресловутых приемов в народе существуют особые термины вроде, например, присушили или отсушили. Первые чары колдовства употребляются, конечно, тогда, если какая-либо особа не симпатизирует сердечным вздохам другой. Вот тут и являются на сцену различные присушки – так, например, наговаривают на мыльце, которым, не зная о колдовстве, должна умыться известная особа. Или же сохраняют тот березовый листок от веника, какой крепко прилипает к телу в бане. Его сушат, растирают в порошок и с чем-нибудь дают той особе, которую надо присушить.

Подобных способов много, и все они в большом ходу в жизни народа. Что касается отсушек, то они делаются тоже разными способами и с наговорами противоположного смысла.

Я знал еще в Восточной Сибири одного торговца, уже пожилого, вдовца Мигунова, который со слезами рассказывал мне, что он, не имея успеха в ухаживании за одной молодой особой, прибегнул к колдовству, каковое подействовало и присушило так крепко его избранницу, что он, имея постоянные разъезды, чуть было не рехнулся и едва не погубил всей своей торговли, будучи не в силах уехать

из дома, а отправившись, ворочался с полдороги. Дело дошло до того, что он должен был прибегнуть к обратному действию – отсушке, за что и поплатился вдвое дороже.

– Ведь вот, барин, вы, конечно, не поверите, что так было со мной в жизни, – говорил он, – а, в сущности, это истина, да простит мне Господь, что я согрешил на старости лет!.. А ведь до того дошло, что я лишился было всего и сам себе не имел воли – хоть топиться, так в пору! Вот ноет душа, дай шабаш!.. Вижу – плохо, сам пойду по миру! Ну, а как сделали отсушку, так, поверите ли, – как рукой сняло!.. Тут я и поправился, о чем и благодарю Господа! – заключил он, набожно молясь на образ.

В случае же мести прекрасный пол прибегает к особому приему, схожему с тем, который употребляют индийцы в случае ревности, или изводят счастливую соперницу нередко самыми варварскими, вопиющими способами: но о них говорить не станем – будет и этого...

Случается, что во время вечорки, а чаще ранее делаются прохвостами разные даже и непозволительные штуки – так, например, келейно посыпается пол мелко истолченным сухим табаком, или чемеркой, вследствие чего при танцах поднимается едкая пыль, и все начинают чихать, кашлять и выбегать на улицу. За такую проделку, если узнают виновника, является всеобщее презрение, и его заставляют в присутствии всех вымести хорошенько избу мокрым веником.

Но интереснее всего бывает тот момент, когда изощряющийся весельчак начнет снимать нагар со свечки и как бы невзначай нарочно ее потушит. Тут после

взрыва хохота обыкновенно наступает таинственная тишина, в которой слышен только легкий шелест платья, тихий шепот, и вдруг среди этой тишины раздается где-нибудь сдержанный поцелуй!.. Тут снова является неудержимый взрыв хохота, а затем шептанье и хихиканье слышится уже повсюду, даже с полатей и печки, где обыкновенно сидят и лежат ребятишки! А хитрый весельчак нарочно медлит, чиркая спичку, точно не может зажечь свечку!..

Но иной раз он делает это совсем иначе: приготовившись и потушив свечку, он в ту же секунду зажигает духовую спичку и, осветив ею собрание, ловит какой-нибудь нескромный прием или горячий поцелуй, так сказать, на месте преступления!..

– Ну, Сенька! Ты зачем лижешь Пашутку?.. Она ведь и так еще не обсохла с мороза!.. – говорит шутливо весельчак, и новый взрыв хохота покрывает общее смущение, а попавшимся голубкам дает возможность поправиться...

Вечорка кончается обыкновенно поздно, даже ночью, и все бывшие на ней уходят вместе с шумными разговорами, смехом и песнями, затем уже разбиваются партиями и расходятся по улицам. Бывало, живы в руднике (селении), всегда слышишь, когда возвращаются с вечорки, а многие бойкие девушки, словно в отместку, что не был с ними на вечорке, проходя мимо квартиры, еще нарочно запоют новую любимую песню:

Уж вы, кумушки, вы, голубушки!
Вы подите-ка, приведите-ка,
Я кого верно люблю!..

А либо другую, более сердечную, как по словам, так и по мотиву:

Уж ты беленький, хорошенький,
Спокинул меня…

Поют, поют да еще и постучат нарочно, плутовки, в окошко! Дескать, слышишь ли ты, засоня, что мы проходим мимо и поем твою любимую песенку!.. Да, и все это было, давно уже было! Теперь другой ветерок подувает, и старому хрену не до вечорок – свои дочки большие!..

И чтоб забыть это веселое прошлое, которое так тепло отзывается еще за пазухой и так крепко сидит в памяти, я расскажу лучше довольно курьезную переправу через речку во время моей подъездной охоты.

Была уже осень во второй половине, и свежие порошки покрывали тонким слоем снега еще не застывшую землю, потому что погода стояла все-таки теплая и на санях ездить было нельзя, почему приходилось волей-неволей путешествовать на тележке. На охоту мне хотелось попасть за речку Каменку, протекающую в нескольких верстах от Сузунского завода, где, говорили, живет много тетерь. Ехать на большой мост мне было не по дороге да и далеко, так что вопрос состоял в том, как попасть прямо.

– А вот спустимся маленько пониже – там есть другой мостик, вот по нему и переедем, – сказал мне утвердительно Архипыч.

– Как, а разве брода тут нету? – спросил я.

– Нет, нету, барин. Речка-то ведь крутоберега, и на тележке не попасть, а до мостика с полуверсты, более не будет.

– Ну хорошо, давай, Архипыч, поедем на мостик...

Он заворотил лошадей, и мы живо доехали до переправы, но уже никак не мостика, потому что поперек речки лежали с берега на берег две большие лесины – и только!

– Где же тут мост? – спросил я невольно.

– А вот этот и есть, тут и сена возят на телегах.

Архипыч стал выпрягать лошадей, а я все еще смотрел на перекинутые бревна и не догадывался, в чем дело, но не хотел сознаться и молчал. А вышло так, что ларчик открывался просто и доказывал народную мудрость. Архипыч по протоптанной дорожке тихонько спустил лошадей к речке, переехал верхом на ту сторону и уже по бревну воротился ко мне. Затем он подвез тележку к мостику и закатил колесами так, что они пришлись как раз между бревнами, а на них накатились только одни длинные трубицы. Далее – штука простая: Архипыч связал оглобли чересседельником, прицепил к ним постромку, перешел опять по бревну на ту сторону и потянул за веревку; а я, идя сзади тележки по бревну же, пихал ее в задинку – и тележка отлично перекатилась на трубицах по параллельно положенным бревнам, как по рельсам.

– Ну, брат, и механика же тут устроена! – сказал я невольно, очутившись с экипажем за Каменкой.

– Что вы, барин! Так ли еще бывает, да переезжаешь; а по такой подведенной астролябии и сено тут возят.

И действительно, Архипыч прав, потому что, вечно служа при господах и наслушавшись слова астролябия, он в шутливом тоне и сказать другого ничего уже

не мог, а такой астролябии не придумает и никакой немец, сделавший обезьяну.

Но вот зимою сплошал и Архипыч. Захотелось ему покараулить волков у издохшей лошади, которая как раз лежала около старой кузницы, выходившей за селением в поле. Я дал ему двустволку, зарядил картечью, и довольный Сучок ушел домой, чтоб взять теплую лопать (одежду) и вместе с товарищем засесть с вечера в кузницу. Волки же действительно были у пропастины, поели и притравилисъ.

Поужинав, охотники взяли подушки, потники (войлочки) и отправились на караул; но, проходя между огородами по переулку и покуривая цидулки, они, подходя к полю, встретили, как им показалось, большую собаку, которая, опустив хвост и понуря голову, тихо пробиралась около них в селение. Архипыч, долго не думая, подхватил с дороги мерзлый конский шевяк и пустил в собаку, но не попал, а она тотчас махнула через огородные жердочки и выпрыгнула назад, в поле.

Тут только Архипыч увидал, что около него вплоть была не собака, а волк, который пробирался по переулку.

Затем охотники просидели в кузнице целую ночь, досыта намерзлись и никого не видали.

Какая же, в самом деле, дерзость волка! – встретить вооруженных людей в узком переулке и, притаившись, пробираться около них в селение!.. Это уж, как хотите, особая наглость животного!..

Вероятно, этот же самый притаившийся волк забрался ночью к рабочему Уварову, который жил с семьей в своем домике в одной из дальних улиц

Сузуна. Дело, кажется, было в феврале, когда Уваров и его жена услыхали ночью, что их ощенившаяся сучка, поместившаяся со щенятами под крыльцом, вдруг сильно завыла и затявкала в своем неприглядном убежище. А надо заметить, что по Сузуну давно уже ходил слух, что в улицах видели волка.

Слыша тревожные вопли собачонки, Уваров, встав с постели, как был, взял топор и пошел в сени, чтоб посмотреть, на кого или почему так беспокоится собака. Но лишь только отворил он из сеней дверь на лесенку, как увидал пред собой на площадке волка. Он тотчас замахнулся топором и хотел ударить зверя, но промахнулся, а волк схватил его зубами за нижнюю часть живота. Тут Уваров неистово закричал и успел ударить волка по загривку обухом; зверь отскочил, спрыгнул на дворик, а затем выпрыгнул на улицу и убежал невредимо. Уваров же долго хворал в лазарете и кое-как поправился без всяких дурных последствий, что и доказывало, что волк был не бешеный, а просто озорник, который притравился в селении и не боялся, так как все его пакости проходили ему безнаказанно.

В 1883 году, кажется, в день Благовещения сидел я после обеда на террасе своей казенной квартиры в Сузуне и, наслаждаясь хорошей погодой, покуривая папиросу, разговаривал с молодым еще тогда охотником Г. П. Вяткиным. В это время многие женщины, девушки и даже небольшие девочки носили мимо нас на коромыслах воду. В улице направо за моим домом слышались песни и голоса играющих ребятишек, обрадовавшихся празднику, хорошей теплой погоде и приближающейся весне, хотя, в сущности, стояла еще настоящая зима, и снегу повсюду

было много, так что ездили на санях. Тут на террасу пришел ко мне занимающийся извозом Семен Тархов, который спрашивал – нет ли у меня какой-нибудь клади в Барнаул?..

Терраса выходила одной стороной на улицу, и потому нам хорошо было видно всех проходивших мимо. По счастью, вышла тихая пауза, и на улице никого из водоносок не было.

Вдруг я вижу, что по той самой дорожке, где ходили с ведрами, бежит трусцой громадная серая собака; сначала не обратил на нее особого внимания.

– Это чья же такая большущая собачища? – спросил Вяткин. Тут я невольно взглянул на нее попристальнее и увидал, что это не собака.

– Батюшки!.. Да это волк!.. – Вскочил я и посмотрел через перила террасы направо, куда трусило животное.

– Да ведь волк же и есть!.. – сказал Тархов и засуетился на террасе.

– Семен! Беги, брат, пожалуйста, поскорее на улицу за угол да кричи народу, чтоб поберeглись, а то ведь могут и не заметить, а там же и ребятишек много.

Тархов сначала замялся, поискал во дворе какой-нибудь обороны, но, ничего не найдя, тотчас побежал на улицу, заворотил за угол соседнего дома и закричал: «Берегись, берегись! Волк, волк!»

Я же в ту же минуту бросился в кабинет, схватил ружье, но второпях не вдруг нашел картечные патроны, а потому немного замешкался. В это время мне подали дежурного коня, и я, бросившись в санки, поскакал налево в полной надежде перехватить волка по другой улице. Со мной плюхнул в санки и Вяткин.

На пути мы увидали торопливо бежавший народ – кого с вилами, кого с топором, – который направлялся задворками к той улице, куда убежал волк. Видя это, мы напрямик поехали туда же и заметили там уже толпу рабочих, которые суетились на месте, размахивали руками и громко о чем-то говорили.

Когда мы подъехали и поздоровались, народ тотчас расступился; в середине образовавшегося круга лежал на снегу громадный волчище. Все, конечно, радостно толковали, и всякий высказывал свое; в общем, оказалось то, что по крику Семена народ увидал волка, который, попав в среду людей, как бы невольно сшиб одного молодого парня с ног и наскочил на рабочего Степанова, но тот не оробел и, как бы предвидя такой казус, заранее подхватил на улице обледеневший обломок доски и успел ее ребром так ловко ударить зверя по переносью, что тот тут же сунулся на дорогу и завертелся без памяти. В ту же минуту подскочили другие и чем попало добили волка.

После оказалось, что этот же самый волк попал перед этим навстречу катавшейся по пруду матери Вяткина; но она, несмотря на раннее время, когда еще солнце довольно высоко стояло на небе, не узнала зверя и приняла его тоже за большую собаку, а кучер побоялся сказать ей, кого они встретили.

Другой раз, тоже в последней половине зимы и также после обеда, мне сказали, что недалеко от моего дома за верхней улицей лежит у назьмов волк. Я тотчас взял ружье и поехал туда, а выехав за огороды, увидал лежащего волка; но он, заметив меня, соскочил и переменил место, спрятавшись за большую кучу. Я поехал тихонько в объезд, но он опять

соскочил и уже побежал к лесу. Думая встретить его где-нибудь по дорожкам, я направился туда же, но все мои попытки не увенчались успехом, и волка я больше не видал, а потому воротился домой, где мне и сказали, что этот волк побежал от меня не в лес, а воротился и выкатил в селение. Тут он, пробежав улицами и задворками, неожиданно явился к пруду и прибежал к близстоявшему дому секретаря, где его заметили конюх Давыд и мой кучер Мелентьич. Они тотчас вскочили на лошадей и погнали зверя через пруд к базару, но тут он, увидав народ, бросился чрез заводскую ограду к лесопилке. Здесь его настигли верховые и загнали на высокий шлаковый отвал, откуда он полетел уже к лесопилке и попал на платформу, по которой гонят лес к машине. Этим воспользовались Давыд и Мелентьич, мигом спрыгнули с лошадей, подхватили березовые стяжки, которыми гонят бревна, и убили ими волка, хотевшего, но побоявшегося соскочить с высокой платформы на проводную канаву.

Убитого зверя бойкие сибиряки притащили ко мне во двор, и тут мы увидали, что это крупная волчица, в утробе которой оказалось, кажется, девять штук уже довольно больших волчат.

Один раз зимней ночью волки задавили только что проданного с аукциона коня, который по привычке к казенной конюшне, вырвавшись из незнакомого ему двора, вздумал отправиться к старому месту. Волки гнали его по пруду и поймали уже у крайней проруби вблизи заводской конторы и против самых ворот завода, где постоянно ходят и ездят не только рабочие, но и все, а у постов находятся караульные сторожа.

В крайних домах по береговой улице, выходящей к лесу по Шипуновской дороге, жил в низенькой избенке заводский нарядчик Долгов, у которого против дома лежали стопой бревна. Однажды вечером Долгов с семьей пил чай и вдруг заметил в окно, что кто-то движется по бревнам. Присмотревшись хорошенько и заслонившись от света, он увидал, что против стекол светит несколько пар волчьих глаз. Дети Долгова, узнав в чем дело, испугались и в одну секунду повскакали на печку, а сам хозяин на случай волчьей дерзости схватил топор и начал стучать обухом в стену. Только тогда волки соскочили с бревен и отправились в близлежащий сосновый лес.

Все это, конечно, доказывало, что около Сузунского завода много волков и потому несколько раз соблазняло меня ездить ночами по окрестностям селения и дальше в лес с поросенком. Но, несмотря на все мои старания и разные хитрости, мне ни разу не довелось обмануть хитрых животных. Только однажды выбежала из леса пара волков и сначала быстро направилась к нам, а затем вдруг остановилась, словно одумалась, и тихо поплелась обратно к лесу. Мы тотчас потихоньку заехали по боковой дорожке по их направлению, но уже больше их не видали.

Затем сколько десятков раз проезжал я по тем же местам, возвращаясь с подъездной охоты уже вечером в лучший первый ход зверей, и все-таки никогда не мог встретить волков; а глядишь – тем же путем едут крестьяне или рабочие и видят их нередко. Что это значит?.. Неужели они чуют что-то недоброе для себя или слышат запах горелого пороха от ружей?

XVII

Легендарный Широков. Отдев невода под льдом. Поедание рюмки. Зубная операция. Землетрясение. Редкое явление планет. Заводский праздник. Пожар. Шутка.

Как всегда и везде бывают эксцентричные люди, так, конечно, не без этого греха и Сузунский завод. О таких людях говорят обыкновенно при жизни, а после их смерти составляются более или менее легендарные сказания. Как бы ни были эти сказания неправдоподобны, тем не менее в них всегда есть часть истины и тем более потому, что эти легенды создаются еще при жизни тех, которые хорошо знали легендарную личность. Так что основание легенды хотя и колеблется сначала между истиной и мифом, но чрез являющийся контроль, более или менее подходящий к истине, она все-таки несет и в потомство часть или основание правды.

Так, в Сузуне был рыбак и охотник старик Широков, отец вышеупомянутого Степана Васильевича. Вот от него-то я преимущественно и слышал много рассказов про его эксцентричного покойного родителя; хотя то же самое слышал и от посторонних, хорошо знавших старика. Это был крепкий и здоровый человек, если и не ладно скроенный, то плотно сшитый. Отличиться какой-нибудь эксцентричной выходкой было в его характере, который, где подобало, совершенно гармонировал той пословице, что «нраву моему не препятствуй».

Старик любил и выпить, в чем ему всегда симпатизировал его приятель, бывший уставщик Сузунского завода Анчугин, человек громадного роста и, вероятно, соответствующей силы. Эти два друга в случае выпивки всегда были вместе и, хватив окаянного, чудили немало. Конечно, всего слышанного не расскажешь, да и незачем, но хотя с немногим познакомить читателя следует.

Так, например, старик Широков, имея страсть к рыболовству, частенько неводил не только летом, но и зимою, когда на льду систематически прорубаются проруби и чрез них заводится под лед невод. Способ такой ловли, конечно, не новость, но дело не в этом, а в том, что старик, не разбирая погоды, в случае задева неводом за какую-нибудь причину долго не раздумывал: он по прорубям умел безошибочно находить то место, где задело и тотчас принимал такую эксцентричную меру: он в ту же минуту ставил в намеченную прорубь длинный шест до самого дна, крепко втыкал его в почву и, живо раздевшись и крестясь, спускался по нему в воду.

Случалось, что он не успевал отдеть невода сразу, тогда он тотчас поднимался по шесту в прорубь, выставлял в нее свою лысую голову, набирал в могучую грудь воздуха и спускался снова. Говорят, что такая водолазная экспедиция в одном адамовском костюме повторялась иногда до трех раз и все-таки кончалась тем, что старик выручал невод. Как единственное предохранение от случайности он подвязывал себе под мышки вокруг груди веревку, по которой в случае крайности могли бы его вытащить.

Вот и вся штука! Кажется, и небольшая, и не особенно мудрая, а пусть кто-нибудь другой решится на такое добровольное погружение под лед в зимние морозы!..

А старик этим не особенно затруднялся и, сделавши дело, тотчас вылезал из проруби; на него прежде всего накидывали шубу и подавали стакан вина, а затем он одевался и работал за двоих. На разные вопросы по этому поводу он отвечал всегда лаконически и шутливо:

– А ничего, там тепло; только дух спирает – вот и надуваешься, как пузырь!

И все это сходило старику без всяких последствий, даже и «никакой насмоки (насморка) никогда не приключалось», как говорил он.

Случалось не раз, что Широков ради курьеза показывал и другую свою особенность: при закуске после выпитой рюмки водки он тотчас на виду всех ломал зубами хрустальную рюмку, толчил ее в порошок, словно жерновами, и поедал без остатка. Такие фокусы он делал обыкновенно в компании, особенно при собрании дамского общества.

Лично я этого не видал, но все знавшие старика не один раз утверждали такой факт.

По увещанию своего друга Анчугина старик решился сделать себе операцию, но не хирургическими инструментами в умелых руках доктора, а посредством зубов своего могучего приятеля.

Дело в том, что у старика была на плешивой голове порядочная жировая шишка, которая почему-то сильно его стесняла, а тут его друг Анчугин предлагает ему свои услуги скусить ее зубами!

– То есть как же это зубами? – спросил старик.

– Да так, очень просто, возьму да и откушу зубами. Будет и дешево и сердито – значит, по дружбе, понял? А я, брат, не только лен, а вон какие кости перекусываю свободно, ну, а твою шишку и Бог велел!

И вот после недолгих размышлений Широков решается на зубную операцию, преспокойно садится верхом на повернутый к себе спинкой стул, крепко обнимает его руками и говорит:

– Валяй!

Анчугин, тоже не думая долго, принялся из всей силы своих здоровых челюстей скусывать шишку; но, как он ни старался, как ни подбирался под нее зубами, конечно, никак не мог отгрызть злополучного жирового нароста. Такая оперативная пытка продолжалась несколько минут; старик обливался кровью и все-таки терпел! Но вот наконец сам оператор, видя свою безуспешность и измучившись до третьего пота, заявил своему другу, что он откусить шишки не может!

Говорят, что интересная сцена была после этого между приятелями, когда покончилась неудавшаяся операция, но я ее не знаю даже и со слов других. Слышал только, что сконфуженный Анчугин, утирая окровавленный рот, все бранился и говорил:

– Черт ее знает что такое!.. Да она у тебя словно резиновая – только чавкает! Под зубами катается, а с головы не отделяется – пфу!

Конечно, после этого старик волей-неволей попал к доктору, долго хворал и остался, кажется, все-таки с ненавистной ему шишкой.

Покончивая с Сузуном, нельзя не упомянуть, что он находится в области землетрясений, хотя и не сильных, но все-таки заметных. Так, например, в 1883 году 4 марта в 6 часов утра был ясно слышен подземный гул и несколько колебалась поверхность почвы. В это время я лежал еще на кровати и, слыша какой-то особый грохот, как бы от проезда большой и тяжелой колесницы по твердому грунту, тотчас подумал, что это что-то особенное. И вот в ту же секунду затенькали стекла в оконных рамах, потом появилась дрожь и легкое колебание во всем здании, так что в буфете зазвенела посуда, откуда-то посыпались тонкие пленки штукатурки и вертикально затрясся небольшой комнатный фонарик, привешенный к потолку спальни. Тем дело и кончилось, но другие говорили, что ощущали колебание полов, стен, потолков и что у них потрескались печи.

Подобное же землетрясение я чувствовал ночью осенью 1861 года в Нерчинском крае, когда я служил в Алгачинском руднике. Только тогда подземный грохот был гораздо сильнее...

Делая свои обычные гулянья и зимою, как я упоминал выше, 1 февраля 1881 года я возвращался домой по заводскому пруду, как вдруг заметил, что на западе тотчас после заката солнца появились три большие звезды, которые в этот вечер были совершенно на одной горизонтальной линии. Это явление сильно заинтересовало меня уже потому, что в такое раннее время вечера не было на небосклоне еще ни одной звезды. Впоследствии я узнал, что эти звезды были планеты Сатурн, Юпитер и Венера, которые в этом

же порядке и располагались на небе довольно высоко от горизонта по прямой линии.

Погода в первых числах февраля стояла ясная, и я, ежедневно гуляя с Г. П. Вяткиным, на третий же день заметил, что прямая линия между звездами изменилась, но, которая из планет вышла из этого положения, мы, конечно, решить не могли. Приглядываясь на четвертый и пятый день, мы видели только, что прямая линия изменялась все более и более – и все-таки не знали, которая из планет так быстро уходит.

Чтоб решить эту задачу, так сильно нас тогда интересовавшую, я придумал простой графический способ: выстрогал длинную деревянную рейку, прибил ее аккуратно к колонкам террасы и направил отфугованным краем как раз по линии пока не изменяющих, по-видимому, своего положения двух звезд С. и Ю. Эта простая обсерватория в известный час показала нам на первых же днях, что уходит Венера, быстро поднимаясь кверху.

К 10 февраля из этих трех звезд образовался уже правильный треугольник.

А через день Венера отошла уже настолько далеко, что составила тупой угол с Сатурном и затем, к удивлению нашему, в этот же вечер к этому редкому явлению присоединилась новорожденная луна, так что расположение всех четырех планет имело уже вид довольно правильного четырехугольника.

Конечно, в такой фигуре он был виден нами только несколько минут, потому что луна тотчас ушла по своему пути, оставив замечательный треугольник, а мы, потолковав на террасе о редком совпадении, отправились в комнаты – повинтить.

Нельзя, однако же, не заметить, что это действительно крайне редкое явление в неизмеримом пространстве вселенной пришлось как раз в день воцарения императора Александра II.

После этого дня погода изменилась, сделалось пасмурно, и мы уже не могли наблюдать дальнейшего изменения в положении планет. Затем, читая «Новое время», я увидал весьма интересную заметку, в которой говорилось, что совпадение подобного пути планет наблюдалось китайцами за 2500 лет до Рождества Христова и что такое явление крайне редко случается в небесном мире.

После окончания наряда по выплавке штыковой меди, что обыкновенно случалось в мое время к концу года, в Сузунском заводе делался ежегодно рабочий или заводский праздник. Для такого дня выбирался какой-нибудь табельный день[22] после Нового года и в более свободное время от работ. Пеклись большие пироги из крупчатки с крупной нельмой, делались мясные пряженики, покупалась очищенная водка и ставилась закуска из просольных груздей, рыжиков, пластовой капусты и огурцов.

Надо было видеть, с каким всегда нетерпением ждали этот день рабочие люди, тем более потому, что за угощение они ничего не платили, а пироги с нельмой едали только в этот день!..

Конечно, праздник начинался с поднятия образов после обедни, которые при большом стечении народа приносились в самую фабрику, где и служился отцом Павлом благодарственный молебен. После креста и окропления св. водой всех предстоящих

---

[22] Табельный день – день официального календарного праздника.

и молящихся, а равно и всех отделений фабрики иконы чинно уносились обратно в церковь и начинался праздник, который делался в большом теплом помещении воздуходувной машины. Тут всякому фабричному и простому рабочему подавался большой стакан водки и раздавались пряженики и пироги.

Конечно, большая часть людей тотчас после выпивки тут же поедала свои солидные порции пирогов, а многие из них нельмовые пироги тщательно завертывали в платочки и уносили домой, потчуя ими как особым лакомством свое семейство. Надо заметить, что во время празднества рабочие вели себя всегда хорошо и никогда не бывало ни одного скандала, никакой неприятности. Напротив, всюду от них слышались только одни добрые пожелания и душевные приветствия, что и говорило о их довольстве и расположении. А это последнее рабочие люди доказали не один раз в трудные минуты заводской жизни.

Так, например, 10 сентября 1876 г. я встал в три часа утра, чтоб поехать на Кусковскую дорогу и пострелять с подъезда глухарей. Как вдруг, сидя уже за чаем, я услыхал набатный звон в заводский колокол. Конечно, я в ту же секунду выскочил на улицу и увидал пожар в заводской крепости около самой фабрики и громадных угольных валов, в которых находились более 10 тысяч коробов[23] древесного угля.

И вот тут надо было видеть усердие рабочих, когда они тушили здание весовой, где помещались горизонтальные десятичные весы, и отстаивали заводскую фабрику и угольные валы.

---

[23] Короб – мера древесного угля, равная 327,5 кг.

Интереснее всего, как один рабочий пробрался чрез окно письмоводного отделения, которое было в общей связи с весовой, и в одиночестве толково и не торопясь замазывал глиной щели у деревянных дверей, выходящих к горящей весовой и поливаемых из брандспойтов снаружи.

– Ты что тут делаешь? – спросил я, заметя его чрез окно.

– А вот, барин, огонь не пущаю – глинкой щели замазываю.

– Так ты как же сюда попал? Ведь дверь снаружи и теперь на замке?

– Так точно, она и была заперта; а я выставил потихоньку раму и пролез с ведром в окошко...

Кончилось тем, что сгорела одна весовая, а письмоводную отстоял именно тот рабочий, который не пропустил огонь внутрь. И как не скажешь сердечного спасиба такому человеку за радение к казенному интересу и за его замечательную находчивость!

Однажды зимой я, по обыкновению, пошел утром в завод в старом нагольном полушубке и встретил на дороге едущего к моей квартире крестьянина.

– Тебе, любезный, что надо? – спросил я, останавливаясь.

– Да управляющего повидать надо бы...

– Ну так и говори, что тебе надо?..

– Вишь ты какой бойкий!.. Так я тебе и обсказал свою нужу.

– Так я самый и есть управляющий, вот и говори.

– Не хлопай (не ври), брат!.. Не оплетешь! Я ведь не робенок.

– Ну как знаешь, коли не веришь, – сказал я и ушел в завод.

Через три часа уже из конторы я воротился домой и вижу, что этот мужичок сидит у меня на террасе и ест шаньгу.

– Ну что, видел управляющего?

– Не!.. Черти его знают!.. Куда-то утянулся, говорят, еще с утра.

В это время на мой звонок мне человек отворил дверь и сказал:

– Это ведь, барин, вас дожидается.

Тут мужичок встал, сунул шаньгу за пазуху, сдернул овчинную шапку и осовел до того, что забыл и свою нужу – так что я едва только ласкою добился, что ему надо? Вполне удовольствовавшись моим ответом, он, и крестясь, и хлопая руками по шубе, тихо, как-то бочком пошел с террасы и все время что-то причитал вслух, ругая себя и оглядываясь, так что я слышал, стоя за дверью, как он говорил:

– Ну и оказия, братцы мои!.. Вот дураков-то нас бить надо!.. Ведь даве сам в руки давался, дак не поверил!.. А оно начальство-то еще вон како бывает... Пфу!.. Оказия да и только!.. Вот ты и узнай его... Пфу!..

XVIII

Барнаул. Музей. Модель первой паровой машины. Порошин. Первая школа на Алтае. Первая железная дорога. Козлов. Бегер. Пуртовы. Шайдуров. Фролов.

К осени 1883 года я вышел в отставку и, простившись с Сузуном, поселился в г. Барнауле, где в то время было еще много моих приятелей и сотоварищей по службе, а жизнь была не особенно дорогая.

Надо сказать, что Барнаул очень чистенький и правильно выстроенный городок. Я уже говорил о нем коротенько выше и здесь считаю долгом упомянуть о том, что в нем находится, помимо хлебного рынка, играющего ныне такую важную роль в торговле Западной Сибири. С 1883 года тут существует магнитная обсерватория; духовное училище (1869); женская школа, две богадельни; горнозаводской лазарет и больница Красного Креста; две частных, горнозаводская и городская библиотеки; помимо приходских, училищных храмов и собора, тут существует уже более ста лет и немецкая кирха, а с 1885 года организована школа народного образования по инициативе и деятельному участию в образовании капитала преподавателя горного училища В. К. Штильке. Затем почти тотчас за гранью города находится содовый завод Г. Пранга, а в самом городе несколько пимокатных и шубных заведений, которые в большой массе приготовляют разного покроя черненые овчинные шубы, получившие большую известность по всей Сибири и называющиеся барнаулками.

Главное же горное училище здесь существует с 1789 года, которое в 1857 году предположено было переорганизовать в мужскую гимназию, но дело это по разным причинам остановилось. Гимназии нет и по настоящее время![24]

В 1883 г. последовало новое ходатайство от Барнаульской думы об учреждении в Барнауле классической гимназии; а затем в 1890 году, по постановлению педагогического совета Барнаульского горно-окружного училища, все-таки не имея в Барнауле гимназии, решено уже ходатайствовать преобразовать это заведение в горнопромышленное учебное заведение.

В Барнауле при горном училище находится весьма интересный музеум, в котором есть много местных редкостей, между коими замечательна коллекция алтайских насекомых; немало также чучел птиц и млекопитающих из местной фауны; находятся коллекции горнокаменных пород; всевозможные оруденелости металлоносных жил; модели рудничные и разных механических устройств. И вот в числе этих последних хранится крайне интересная модель первой паровой машины сибиряка Ползунова, который при небольшой технической подготовке познал силу пара и, вздумав воспользоваться им ранее известных многих механиков, был предтечей прославившегося по всему миру Уатта.

Что это действительно так, тому служат доказательством исторические данные, которые собраны моим хорошим знакомым П. Б-ым и напечатаны в газете «Екатеринбургская неделя» за осенние месяцы 1892 года.

[24] Была открыта в 1912 году.

Это мировое открытие было сделано Ползуновым в 1763 г. и представлено Алтайским горным начальником на усмотрение Великой Екатерины II, которая своим гениальным умом тотчас поняла великое открытие своего бедняка подданного, маленького простого человека, и повелела дать средства на постройку машины, а Ползунова произвести в инженер-механикусы и выдать ему в награду 400 рублей! Но – увы! – бедняк Ползунов по воле судеб не получил этой всемилостивейшей награды и просил у своего начальства уже перед смертью 15 рублей для сооружения себе мундира![25]

Машина Ползунова, несмотря на отсутствие механических приспособлений на Алтае, была действительно им построена, стоила 7435 рублей 51 копейку и пущена в ход в 1766 году, но уж чрез несколько дней после смерти гениального механикуса, при жизни которого она только перепускалась при подготовке и поднимала паром подвешенные к рычагам бревна. После же смерти Ползунова, убившего все свое здоровье при постройке этой машины примитивными средствами, она была приспособлена уже учениками Ползунова к работе в воздуходувном помещении для одной сереброплавильной печи и сплавила 9335 пудов серебросодержащих руд в Барнаульском заводе.

По времени применения пара к работе, хотя и был первым Ньюкомен, но проба его была неудачна, а Ползунов был первым с удачным применением работы пара с непрерывным действием машины, и вот кому по-настоящему надо отдать ту мировую честь,

[25] Как пишет В. Ф. Гришаев, награда в размере 400 рублей была выдана И. И. Ползунову лишь в конце апреля 1766 года, за месяц до смерти изобретателя.

которую мир по неведению о каком-то Ползунове отдал уже опоздавшему Уатту...

О Ползунове же, как о маленьком русском человечке, забыли его современники, а ученый русский мир не догадался почтить его подобающую память, так что с его кончиной исчезло его имя, исчезла его машина, а ныне исчезла и его могила!.. Увы!.. Ее уже никто не может указать на кладбище, и ее надгробная насыпь или сравнялась с землею, или над этим дорогим прахом лежит уже кто-нибудь другой из смертных, и, быть может, кости гениального человека рассыпались снова на поверхности прахом и развеяны ветром, как развеяна о нем и память...

Вот почему г. П. Б-ъ, так систематически и серьезно очертив в своей интересной статье деятельность этого замечательного механика, так тепло отнесся к бесследно погибшему Ползунову и издал свой очерк под заглавием «Забытое имя»...

Нельзя не сказать г. П. Б-ну за восстановление памяти о гениальном Ползунове от всего русского мира искреннего спасиба. Кто знает, быть может, этот очерк сделает свое дело, и несчастный Ползунов воскреснет не только в истории науки, но и на поверхности земли в виде подобающего памятника!.. А следовало бы!..

Помимо этой замечательной модели машины, в Барнаульском музее есть чучело, кажется, единственного кабана, убитого на Алтае, и два чучела тигров, тоже убитых крестьянами в южной половине края. По всей вероятности, звери эти попали сюда случайно или пионерами из киргизских степей, прилегающих к Ташкенту, где и поныне встречаются тигры и еще много кабанов.

В числе редкостей музеума есть очень интересный серебряный кубок, найденный в 1858 г. близ Гурьевского завода. Кубок этот чеканной работы с обронными и вырезанными листьями. Кроме того, много вещей из одежды, утвари и разные предметы из камня и меди из Камчатки, земли чукчей и из раскопок чудских могил доисторической эпохи. Есть также довольно большие камни с рельефными изображениями человеческих фигур, а также каменные топоры, схожие с топорами Северной Америки.

В музеуме существует книга для записи посетителей, в числе коих видны собственноручные записи А. Гумбольдта, Г. Розе, Эрнберга (4 августа 1823) и других знаменитостей ученого мира.

Делая этот краткий обзор, считаю нелишним сказать, что со времени заселения Алтая, еще в прошлом столетии, было обращено внимание на образование юношества, и первая школа была учреждена в Змеиногорском руднике в 1761 году; а затем в 1816 году была тут же построена первая железная дорога на протяжении двух верст с тою целью, чтоб по этому пути доставлять руду на сереброплавильный завод[26].

Теперь я, как истый охотник, перейду к этой страсти и скажу, что, поселившись в Барнауле, я познакомился с известным местным охотником и милейшим человеком Савелием Максимовичем Козловым. Эта уважаемая личность может вполне назваться старожилом города Барнаула; имея уже почтенные года, он знает не только все близкие и далекие окрестности, но лично знал и всех тех больших и малых охотников

---

[26] Длина дороги составила 1883 метра. Ее эксплуатация началась 24 августа 1809 года.

и неохотников, которые по своему положению имели значение по служебной иерархии как Барнаула, так и целого Алтая.

Вот кого надо послушать, чтобы составить себе понятие о бывшей жизни и бывших людях в Барнауле. Он – настоящий живой архив всевозможных сведений местного бытия; рассказы Савелия Максимовича увлекательны по их содержанию, потому что он по природному уму и меткой наблюдательности ничего не пропускал и живо схватывал все, что только выходило из ряда обыденной жизни. Конечно, всего не упомнишь, но я, по возможности, при случае постараюсь познакомить читателя с этой уважаемой личностью.

Много искрестил я с ним и полей, и лугов, и воды на совместной охоте, и всегда и везде он был верен себе как по знанию дела, так и по достоинствам человека.

Козлов смолоду был бедным человеком, а вместе с тем страстным охотником и рыбаком, а по ремеслу – хорошим скорняком, что сперва и поддерживало его материальное благосостояние. Воспитывался он у отставного солдата времен Екатерины II, великого оригинала, и потому можете судить, что он испытал и пережил в свои юные годы. Вот уже вполне натерпелся и холоду, и голоду; но все эти лишения не могли поколебать его честных правил, достоинств человека и той великой веры в самого себя, которая только укрепляла его могучую натуру и находила покой в его твердых убеждениях и любящем добром сердце.

И странное дело, а какой курьезный случай поправил его тяжелые обстоятельства.

Вот что рассказывал мне однажды Савелий Максимович, который в настоящее время проживает в г. Томске:

– В старые годы у нас дичи было пропасть повсюду. Вот изволите знать нынешнюю больницу Красного Креста? Тут был все лес, и мы, охотники, нередко бивали в нем тетерь, особенно осенью. Бывало, только выйдешь на верхнюю улицу, глядишь – и сидят по деревьям... Кругом ведь бора были страшенные, далеко ездить, как ныне, не приходилось, тетеря были дома... А этой утки и гуся что было, так теперь никто и не поверит, кишмя кишело почти под самым городом... Бывало, только сбегаешь пораньше утром на протоку – ну и тащишь бремя домой. Да и утка-то разве такая была, как теперь? Нет, ничего не боялась: бывало, идешь мимо, а она только поглядит да и потянется потихоньку в траву. Чего и говорить – утки было как грязи! Тут и плодилась повсюду, вблизи города.

Вот, знаете, кажется, в конце тридцатых годов и приехал сюда горным начальником Бегер – страстный охотник.

– Так я его знаю, Савелий Максимыч, такой лысый и большеносый, с красным лицом; потом он был начальником штаба, – сказал я.

– Ну вот, он самый и есть. Вот, знаете ли, и пошла молва, что новый начальник бьет дичь на лету. «Как мол так? Может ли быть?» – говорили все. А мы тогда, откровенно говоря, стреляли только сидячих, да и то с сошек. Тогда наши охотники удивлялись даже и тому, кто бил с руки, значит, без сошек; а тут вдруг стали говорить, что Бегер бьет на лету – ну и не верили. Вот и стали потихоньку ездить за ним

да подглядывать; а как увидали сами, своими глазами, вот тогда и поверили да и начали, кто половчее, пробовать и учиться. Ну, с тех пор и пошла потеха. Тут и я стал постреливать влет. Вот с Бегера мы и дупелей узнали, а то и не понимали в них толку – чуть их ногами не пинали весной.

– Экая глушь тогда была у вас, Савелий Максимыч!..

– И не говорите!.. Теперь вспомнишь, так самому смешно делается. А тогда все наши главные охотники, служащие да советники Горного правления, все были люди – эвот какие! – с брюшком, в три подбородка! Идет, так далеко услышишь – пыхтит, словно паровоз. Ну, конечно, где же им было гоняться за Бегером! А тут как-то раз они и поспорили с начальником, что ему раньше их не убить уток весною: дескать, он хоть и бьет налету, а скрадывать не умеет, ползать не станет, да и рано утром ему не встать. А весенняя утка знаете какая – хитрая. Я, конечно, этого не знал и о их споре ничего не слыхал, а только подошла весна, я и начал ходить с ружьишком по лывам, где в это время прежде всего появляются первые утки. Вот иду раз рано утром и вижу, что сидит на лывке парочка серых; ну-ка я их скрадывать, ну-тко скрадывать, подполз, выждал, как они сплылись, стрелил да и убил обеих. Вот, знаете, только я встал, подобрал уток, зарядил ружье – слышу, что кто-то едет, колеса постукивают, а вот и увидал, что едет Бегер в тележке, на парочке. Я, конечно, встал, вытянулся по-солдатски и снял шапку. Он ту же минуту увидал, что у меня за поясом две большие утки, велел кучеру остановиться, подманил меня пальцем и сказал: «Здравствуй, братец!» – «Здравия желаю, мол, ваше превосхо-

дительство!» – «Ты, – говорит, – чей?» – «Козлов, ваше превосходительство!.. Вот, что собольков выделывал вашей супруге». Тут он огляделся во все стороны, подманил меня еще ближе к тележке, взял этак за плечо да и говорит, подавая мне червонец: «Послушай, Козлов!.. отдай, брат, пожалуйста мне этих уток, но только смотри: пока я жив, не говори об этом никому!.. Слышишь – никому!.. Ни полслова!.. А мне их нужно – понял?» – «Понял, ваше превосходительство!.. Вот возьмите уточек и никакого червонца мне от вас не надо, а я буду счастлив, что угожу вам!..» – «Нет, нет!.. пусть червонец останется тебе на память, а ты, в чем будешь когда-либо нуждаться, приходи ко мне, я тебе помогу; но помни, что я тебе сказал – молчи!.. Молчи, как могила!..» – «Будьте, мол, благонадежны, ваше превосходительство! Не тот я человек, чтоб не исполнил вашего желания и не сумел сохранить эту тайну». – «Ну то-то же, Козлов, смотри!.. А все, что тебе нужно, приходи ко мне».

Я, конечно, поблагодарил, а он заворотил лошадей и уехал домой. Пошел я потихоньку за ним же следом; пришел к своему воспитателю и, конечно, ни слова не сказал, что встретил начальника и что получил червонец за уток – молчу; а деньги спрятал подальше, чтоб как-нибудь на глаза не попали. Да вот с тех пор, откровенно говоря, сохранял эту тайну. А прежде, надо заметить, тут и жалованье выдавали все золотом; даже у рабочих этих полуимперьялов было немало, почти что у каждого; тогда весь расчет велся здесь на звонкую монету.

– Ну и что ж вы, Савелий Максимович, не воспользовались приглашением Бегера и его помощью?

– А вот я вам и хочу сказать, что он-то и поставил меня на ноги. Хотя я сначала и стеснялся идти к нему и просить о чем бы то ни было, да и думал, что такой большой человек, конечно, давно забыл обо мне, маленьком человечке; но вышло не так, он помнил свое слово не хуже меня. Даже, знаете, обиделся, что я не иду к нему и ничего не прошу; а раз, встретив меня на улице, выговорил об этом и тут же расспросив, где и как я живу, велел строить мне дом. «Да как же, мол, ваше превосходительство, на что я построю?» – «Не тужи, – говорит, – об этом, Козлов! Все будет, а ты только выбери себе место и скажи мне».

Так я и сделал: думаю, отчего же, в самом деле, не воспользоваться таким случаем? И доложил ему, когда нашел вот это самое место, где и теперя живу. Вот он и приказал навозить мне лесу, кирпичу и послал рабочих людей; а тогда их было в казне столько, что не знали, куда и девать лишних. Ну, и пошла постройка, а он сам иногда приедет да и посмотрит, либо спросит, что нужно... А потом он, изволите видеть, давал мне разные поручения, и я поправился. Так вот что сделали эти уточки! Чрез них я человеком стал! И чтобы я ни просил – отказу уж не было. Дай Бог ему царство небесное!.. Для меня он был настоящим благодетелем.

– Да, батенька!.. Вот видите, что значит угодить вовремя такому человеку и суметь сохранить его тайну. И мало ли мы видим подобных примеров по истории.

– Все это верно, Александр Александрович, на то она и жизнь, а люди – везде люди!.. Да вот здесь были купцы, богачи Пуртовы, посмотрите-ка, что они делали и какую силу имели!.. Беда!.. Вся торговля была

в их руках, а народ они не обижали – ни Боже сохрани! А еще что, например, делали: придет, бывало, крестьянин да и просит продать ему хорошего тонкого сукна на поддевку; что ж бы вы думали? Этот же Пуртов и начнет его бранить, зачем он тратит деньги да и покупает то, что ему не подходит... Ну и урезонит его взять что-нибудь попроще – дескать, по барыньке и говядинка!.. Так и не даст. Эти Пуртовы и охотники были хорошие, и каких только ружей у них не было!.. Целая стена была завешена и старбусами, и лазаринами – и чего-чего тут только не висело!.. Бывало, глядишь, так слюни бегут, глаза разбегаются... А пришло потом время – так куда что девалось!..

– Вот те раз!.. Это почему же? – спросил я, недоумевая.

– Да видите ли, Пуртовы, откровенно говоря, как и все тогда богатые люди, любили выпить; ну, а как перехватят маленько, так и черт не брат, никому спуску не давали!.. А если, например, зовут кого, да не приедет – вот и обидятся; зато уж как попадешь в руки, так силой затащат, двери на замок и не выпустят, пока не натешатся!.. А эта потеха-то иной раз суток двое-трое и продолжается, ну, конечно, и всячина тут бывала... А в то время был тут стряпчим кровопивец Шайдуров, так только один Господь знает, что он с ними выделывал! Беда! А я тогда был еще подростком; Пуртовы меня любили и доверяли; вот я у них и живал подолгу, так вдоволь нагляделся на все это. Бывало, так и навьючат воза да и велят отвезти – кому? Шайдурову!.. Тут и ружья дорогие и рысаки, и иноходцы совсем в упряжке – все переходило с Пуртовского двора во двор к Шайдурову!..

А он, подлец, бывало, и спасиба не скажет, ломаного гривенника не даст за доставку!..

– Как же это, Савелий Максимович, дозволяли Шайдурову так безобразничать? Уж неужели на него и власти никакой не было?

– Э-эх! Александр Александрович!.. Так тут разве меченое посылалось?.. А этакую приказную строку разве кто усчитает? Такие карамболи подведет, что и в нос не бросится!.. Да и было ли что хуже этих чернильных пиявок! Высосут, хоть кого высосут!.. Ну, а сами Пуртовы были люди малограмотные, простые, вот и за правое дело возили возами, а сутяжиться не любили. Плюнут да и отдадут собаке что ни лучшую кость...

– Что ж, значит, Шайдуров стал потом богаче Пуртовых?

– Ну да, к тому подходило; но все не впрок пошло. Господь наказал этого кровопийцу – пропал как собака.

– Ну, а вы, Савелий Максимыч, езжали с Пуртовым на охоту?

– Что вы – езжал не один раз; только я тогда с ними не охотился, а больше находился при обозе.

– При каком обозе?.. На охоте-то?..

– Гм!.. Так Пуртов разве так ездил на охоту, как мы с вами?.. Не-ет!.. Он назовет с собой целую компанию – ну и везет с собой всякую всячину – и людей, и поваров, и закусок, и вин – вот и выйдет обоз!.. Ну и бражничают до положения риз, а охота-то тут уж на втором плане... Да кроме того, он оставлял меня больше дома – наглядывать, чтоб чего не случилось. Вот и дочки у него были, так тем он не доверял, держал их строго; а бывало, как уедет куда – вот

и запрет их на замок, дескать, лучше, меньше соблазна для девок... А кончилось тем, что нашлись молодцы, развязали концы, так подстроились, что и замки не сохранили – только они-то целы и остались! Ну, а к девкам-то и ключи подобрали!..

Впоследствии, уже в мое время, большой каменный дом Пуртовых был уже сгоревшим и считался во владении Ф-ки. Его купило городское общество, отделало заново и ныне в нем помещается городская библиотека.

– А вы, Савелий Максимович, помните, когда был начальником Алтая знаменитый Фролов? – спросил я после паузы, оставив пуртовских девок под крепкими замками.

– Помню, да и как не помнить такого человека!.. Вот уж, откровенно говоря, была голова!.. Одна не бедна, да все знала до дна!.. Ну и власть у него была полная; это не то, что теперь: один не тянет, другой не везет. Нет, у Фролова все бы из гужей повылезли да повезли без подстежки. Нет, у него бы не стали показывать пальцами да говорить – моя хата с краю, ничего не знаю. Не стали бы задирать голову, как нынешние мировые, да, не понимая, в чем состоит настоящая гуманность, поблажать всякому прохвосту – нет!.. Он бы утер замаранное-то в пушку рыльце!.. Фролов был всему голова, и ничего без его ведома не делалось. И вот все, что вы видите хорошего, все капитальные постройки, и самый дом начальника, и лазарет, и горное училище и проч. – все дело рук Фролова. А по заводам, по рудникам, что он понаделал!.. Это не чета нынешним! Фролов был человек именитый, одно слово – начальник!.. Правду он говорил, как

рассаживал тополевую аллею по песчаному грунту; и когда ему доложили, что в песке тополя не вырастут, посохнут, врете, говорит, дураки, головешку посажу и отрастет! И выросли!.. Вон и теперь стоят по Московскому тракту.

– Все это верно, Савелий Максимыч, и я убежден, что у Фролова действительно отросла бы и головешка – это видно уже по тем сохранившимся документам, которые мне доводилось видеть в горном архиве. И знаете ли что? Я однажды читал стихотворение местного пиита, который сказал так:

«Видал, как дельно работая, один владыка тут царил – Фролов, бессмертный для Алтая! И царь недаром говорил:

– Там, где Фролов, – закон не нужен.

– И не был край при нем сконфужен...»

– Ну, это и верно, что ему краснеть не приходилось, – сказал дедушка и продолжал: – Хлопотливое было времечко, и трудились все, и курьезов было немало. Бывало, смех да и только!.. А во всем была старина-матушка, патриархальность!.. Одевались не этак, как теперь, и экипажи были не такие... Что ни возьмите: хоть сани, хоть дрожки или самые кареты – все это допотопщина!.. Запрягали в них четвериком, а то и шестериком!.. Бывало, выедет в праздник начальник, ну так и видно, что генерал едет – все дорогу дают; а на запятках поставят одного, а то и двух казачков в ливреях – беда! Он, небось, в соборе к свечам не становился, а как гоголь стоял впереди на подобающем месте; да и смей-ко у него кто не явиться к молебну, как теперь, нет!.. Об этом и думать боялись. Ну, а в простые дни – так уж простота была непомерная...

XIX

Поездки с Козловым. Приезд великого князя Владимира Александровича. Аткинсон. Ящерица. Змеи. Разнообразие уток. Бекас на дереве. Хищная чайка. Случай с Козловым. Смерть охотника. Брем. Охота. Нелепый слух. Стенография Брема.

Чаще всего ездил я с Савелием Максимовичем в его знаменитой лодке за Обь на дупелей. А прежде их много бывало по заобским покосам, особенно в водополье, когда затопит низкие места и останутся одни гривы. Конечно, он всегда садился на руль и мастерски управлял лодкой, несмотря ни на какую погоду, а все охотничьи места знал как свои пальцы. Стрелял он отлично, ходил не торопясь, имел превосходного сеттера; сам нрава спокойного, веселого – чего же лучше? Таких товарищей и днем с огнем не отыщешь.

Вот почему и все воспоминания об этом уважаемом человеке всегда так теплы и приятны, что с искренним удовольствием пишешь о совместных с ним поездках. Много раз мы ночевали под лодкой либо в рыбачьих помещениях, и всегда он рассказывал о чем-нибудь прошлом, которое так интересно, что невольно просится под перо, на бумагу.

Конечно, на самой охоте всегда старались попасть на дупелиные токовища, около которых птица водилась постоянно, особенно весною. В это время тут не только можно, но даже лучше охотиться без собаки, потому что дупеля вылетают и без нее, а она нужна только для скорейшего отыскания дичи. Там

же, где дупелей много, собака нередко мешает, и вот почему Козлов при таком условии всегда брал своего знаменитого Мильтона на сворку. Случалось попадать нам и на такие места, где дупеля вылетали по два, по три и более зараз. Тут не следовало только горячиться, и тогда удачные дуплеты шли один за другим. Конечно, бывало и наоборот, и пудель за пуделем[27] как-то особенно гулко оглашал окрестность. Но это зверю не рана – зарядов мы не считали и в таком случае, отдохнув, прохолонувшись, как говорят сибиряки, наверстывали потерянное время уже удачными выстрелами, и случалось, нередко убивать в день штук по сорока и более дупелей. Но Козлов говорил, что в старые годы бивал он и побольше сотни, так что недоставало припасу, и охота кончалась. Вот почему барнаульские охотники и теперь всегда берут с собой избыток патронов, особенно те, которые не считают зарядов.

Теперь будет понятно, почему в проезд великого князя Владимира Александровича барнаульцы хотели угостить его высочество дупелиной охотой и всю весну ограждали караулом то место, где предполагалось устроить охоту; это неподалеку от Барнаула на обских лугах под Турьей горой. К великому сожалению барнаульцев, великий князь чувствовал себя не совсем хорошо и на охоту не поехал, а тут-то и было приготовлено настоящее дупелиное эльдорадо!.. Вот им-то и заведовал Савелий Максимович, который почти ежедневно ездил под Турью гору, наблюдал, все ли в исправности и неприкосновенности.

[27] На жаргоне охотников «пуделять» – стрелять мимо.

Известный Аткинсон[28], бывший на Алтае в 1848 году, говорит, что он, быв на дупелиной охоте в окрестностях Барнаула, в течение 3 с половиной часов с тремя товарищами убили 153 дупеля, и это было еще тогда, когда не существовало казнозарядных ружей.

Однажды, охотясь по речке Чесноковке вблизи Барнаула за Обью и устроившись отдохнуть, закусить и напиться чаю, мне Савелий Максимович сказал:

– А вот тут, на самом месте, раз я закусывал с покойным К. П. Платоновым. Сидели мы этак же и пили чай. Он, знаете, откусил да и держит в руке булочку; вдруг, откуль ни возьмись, большая зеленая ящерка подбежала к нему да и тянется к булочке, не боится того, что мы тут, живые люди, шевелимся и разговариваем да еще две собаки лежат тут же около нас!.. Я увидал ее да и говорю: «Смотрите, смотрите, Константин Павлович, ящерка-то вас погубит!» Он увидал ее, соскочил с места, закричал да и затопал ногами. Ну, конечно, ящерка ту же секунду убежала, а его напугала... Ведь удивительное дело, что и собаки ее не тронули, а только утомились да и глядят, что она делает.

– Так ведь она не вредная – это не змея.

– Знаю, а все же как-то неприятно их видеть. А вот змей так я боюсь до смерти, а почему? – а потому, что раз она, проклятая, бросилась на меня да и гналась, как я побежал.

– Как гналась?

---

[28] Томас Уитлэм Аткинсон – английский художник, путешественник, находившийся в Барнауле с 1848 по 1853 год. Главы из его книги «Воспоминания о татарских степях» были опубликованы в 2013 году в рамках губернаторского издательского проекта.

– Да так – гналась!.. Я, изволите видеть, был еще молодой, ходил за утками да и пришел в кустах к большой валежине, хотел закусить; приставил ружье и вытащил уже мешочек с закуской, положил его на валежину да и стал развязывать… Вдруг слышу, кто-то зашипел неподалеку от меня; я обернулся, гляжу – большущая змея лежит у самых моих ног; вот я взял да и пнул ее ногой, думаю – уползет, испугается; а она, проклятая, свернулась кольцом да и фыркнула прямо на меня… Я, знаете, увернулся, смотрю, а она, промахнувшись-то, снова свертывается калачиком; вот я испугался, схватил только ружьишко да и ну-тко бежать, а она за мной да на скачки!.. Да, знаете, так машет, что я только успею нагнуться, а она, гнусина, так через голову и махнет. Едва-едва я убежал от нее да так напугался, что бросил и закуску! И вот с тех пор боюсь их ужасно!.. Это вредная тваринка!.. А если где теперь и увижу врасплох – так скорее ее пристрелю… А то ныне мне уже не бежать, тяжи-то ослабли.

– Вот вы, Савелий Максимович, сейчас упомянули об утках, а ведь у вас здесь, на Алтае, и многих нет тех пород, какие встречаются в Восточной Сибири, особенно из мелких уток, чирков. А посмотрите-ка там какое разнообразие, тем более весною, в пролет… Тут и трескунчики, тут и свистунчики; а то есть еще так называемые клоктуны: все клокчут, как сидят где-нибудь, так что сами про себя скажут, что они тут. Ну а здесь их нет совсем. Там еще попадаются с длинными волосками по спине и на голове; а то есть еще большие белые утки, с казарку величиной; так их в Нерчинском крае зовут ангашуями.

– Нет, здесь таких нету совсем; а вот за р. Кулундой, на соляных озерах, так там встречаются большие красные утки – атайками называют, а белых нет вовсе.

– В Нерчинске красные утки тоже есть, только те другой породы – турпаны. Они и живут больше около полей, а гнезда вьют часто в горах, в расселинах, в утесах.

– Ну, а вам случалось когда-нибудь видеть на деревьях бекасов? – спросил меня дедушка.

– Да вот здесь только раза три и видел около болотных колков, а в Нерчинске не доводилось. Я, знаете, сначала и глазам не верил; слышу, что где-то наверху тэкает, да и гляжу к небу, а он, бестия, забрался высоко на лесину да там и катает свою песню – тэки-тэки!.. тэки-тэки!.. Думаю, что за диво, неужели бекас взаболь на дереве? – А он как раз и слетел с ветки да и заблеял, как барашек; вот тогда только я увидал, что это действительно бекас.

– Что вы? Они садятся и на поскотины либо на осточжья; тут я и бивал их не один раз весною.

Однажды плыли мы с дедушкой мимо невысокого покосного берега Оби, над которым на одном месте тряслась в воздухе чайка; она сильно кричала и бросалась книзу, почти к самой траве.

– Что она тут делает? – спросил я, заинтересовавшись таким маневром, по-видимому, и не хищной птицы.

– А верно, утку сживает с гнезда; смотрите, как уставила книзу клюв и бросается, – сказал Козлов.

В это время из-под чайки действительно вылетела большая серая утка, а чайка, как бы удовольствовавшись победой, полетела в сторону.

– Вот видите, что она, шельма, делает!.. А вот будька в гнезде яйца, так все побьет и выпьет, а то, верно, нету, что улетела не солоно хлебавши.

– Что вы, Савелий Максимыч! Да неужели она справится с такой большой уткой?

– А кто ж ее знает! Драки не видал, но, верно, справляется, а либо берет смелостью да нахальством, как тот Шайдуров, про которого я вам рассказывал – помните?..

Много раз ездил я со стариком и в тележке как на дупелей, так и за молодыми тетеревами, и никогда ничего особенного с нами не случалось. Но вот уже в 1889 году поплыли мы весною за Обь в так называемый садок, где прежде всегда бывало много дупелей, но потом место это узнали и туда стали ездить уж многие тем более потому, что оно было недалеко от города.

А надо заметить, что садок от берега Оби находился в полуверсте и отделялся небольшой, но глубокой проточкой, которая весной всегда наполнялась быстрым потоком, так что без искусственного перехода за проточку попасть было невозможно. Отправившись туда, мы не запаслись жердями в полной надежде на то, что недавно в садке был зять Козлова и, как он говорил, сделал чрез проточку переход. Приехав туда, мы действительно нашли переправу, но очень плохую, а укрепить и подправить ее нам было нечем, потому что вблизи росли только небольшие кусты; у нас, кроме складного ножа, не было с собой никакого другого орудия. Все-таки мы нарезали прутьев, свернули их пучками и немного укрепили переход. Вся штука состояла в том, что нижние

поперечные слеги были тонки, а потому сильно гнулись под тяжестью человека и вертелись под ногами. Приходилось держаться за особую жердочку, которую ставили вертикально в воду; тогда уже, располагая ноги боком, нужно было передвигаться как можно осторожнее. Как бы то ни было, но туда мы попали и пошли к излюбленному месту; дупелей было мало, и мы, проходив часа два, волей-неволей должны были вернуться.

Подвигаясь потихоньку обратно, я зашел в кусты, чтоб посмотреть, нет ли у прилегающей тут старицы уток, но их не видал, а нашел принесенную, вероятно, водой, длинную доску или, скорее, горбину от теса. Вот, думаю, отличная штука: положить ее пиленой стороной кверху и пропихать сверху по жидкому переходу. Взял я эту горбину и притащил к переправе, наложил ее, как думал, но она оказалась немного коротковатой. Ну, ничего, все-таки крепче!.. Дедушка Козлов пораскис в жаркий день и далеко отстал. Я посмотрел и, видя, что он еще неблизко, тихонько перешел на ту сторону и хотел уже идти к лодке, как подумал, что надо подождать старика, а то как бы чего-нибудь ни случилось при таком неудобном переходе. Под этим впечатлением я остановился, закурил папиросу и пождал, когда он подошел к переходу.

– Ну уж и устал же я сегодня, просто едва дотянулся... – сказал он и, увидав положенную горбину, обрадовался. – О!.. Да вы и мост укрепили!.. Вот это хорошо...

Тут он взял шест, воткнул его в проточку и, придерживаясь за него, стал перебираться боком по переходу. Дойдя до средины, он хотел переткнуть подальше

подручный шестик и стал его выдергивать, но тот сначала не подавался, а потом вдруг выскочил. Дедушка, не ожидая такого пассажа, закачался на переходе.

Видя эту штуку, я страшно испугался и завертелся на месте, чтоб что-нибудь схватить в руки и помочь, но в это самое время мой милейший Савелий Максимыч полетел в воду; по счастью, он упал не спиной, а как бы соскочил назад.

Надо, однако, заметить, что на старике был тяжело набитый патронташ, надет через плечо большой ягдташ, и через плечо же висело заряженное ружье, а на ногах были болотные сапоги. Словом, весь он был обвешан и спутан!..

Вот, думаю, беда!.. верчусь, суечусь и не знаю, что делать, а на мостик взобраться никак нельзя, да мало и толку... Плохо!.. Но дедушку я не спускаю с глаз и вижу, что он, совсем окунувшись в воду, ухватился сначала за стоявшие в протоке кустики, а потом поймался одной рукой за переходную жердочку, но бойкое течение тянет его дальше, а тяжесть всего навьюченного топит в воду...

Вспомнив, что на мне был подпоясан по коротенькой курточке кушак, я тотчас бросил свое ружье в траву, мигом распоясался и залез, сколько было возможно, ногой на переходик и бросил дедушке конец кушака, закричав ему:

– Хватайте скорее да замотайте на руку!..

По счастью, он успел правой рукой поймать кушак, завернуть за кисть и несколько подтянуться к берегу, тогда уже я вытащил его из крутой протоки...

Только тут точно тяжелая ноша спала с моих плеч, а на сердце стало так тепло и отрадно... Мысленно

возблагодарив Господа и видя, что дедушка хоть и испугался, но может идти, я скорее побежал к лодке, которая была недалеко от переправы, и велел взятому с нами гребцу поскорее развести побольше огонь да кипятить чайник.

Но вот подошел и он.

– Ну что вы, Савелий Максимыч, поди-ка замерзли?

– Нет, теперь ничего, присогрелся; а давеча сильно охватило, словно варом обдало!..

Тут, конечно, пошло переодеванье, сушенье мокрого платья, чистка ружья и проч., а в это время поспел чай, и мы совсем, что называется, пришли в себя.

– Ведь вот на этой самой протоке утонул третьего года молодой человек, – сказал, оправившись, дедушка. – Он этак же вот весной пошел сюда поохотничать да и не воротился. Искали, искали – нигде найти не могли. Да уж по спаду воды нашли его в этой поганой протоке... Стоит бедняга, замытый по пояс песком, и ружье в руках как держал, так и застыло!.. Надо полагать, что он с того берега хотел перескочить, вероятно, понадеялся на свою прыть – дескать, не широко, ну да, видно, не осилил, сердешный!.. Как скакнул с маху-то да, поди-ка, завяз ногами в тине – так и остался... А видите, глубь какая!.. Должно быть, его сразу покрыло водой, а выбиться-то не мог – ну и погиб, бедняга!.. Жена и ребенок, говорят, остались...

Вниз по течению Оби неподалеку от Чесноковского луга находится другой, Токаревский луг, тоже известное дупелиное место. Вот на этих-то лугах в 1876 году 15 июля барнаульские охотники чествовали дупелиной охотой своего дорогого гостя – известного всему ученому миру Брема.

С нами был, конечно, и Савелий Максимыч, который и распоряжался охотой, зная хорошо местность. Все мы ездили в одной большой лодке, а провизия и нужные для такого случая люди – в другой. С удовольствием вспоминаю я этот веселый день и теперь, когда уже минуло почти 17 лет!.. Высокий и здоровенный, Брем с присущей ему веселостью и замечательным остроумием всю дорогу рассказывал нам разные разности из своих путешествий, охот и смешил до того, что все мы покатывались от смеха, в особенности, когда он вовремя приправлял свои рассказы великопостными анекдотами. Неудобство состояло только в том, что Брем мало понимал по-русски, а мы столько же или немного больше по-немецки; но это все-таки не мешало понимать друг друга и хохотать одним смехом тем более потому, что в трудных обстоятельствах нас обоюдно выручал аптекарь М. А. Сандзер, который, как праздничный охотник, поехал с нами в качестве переводчика и из желания приятно провести время с таким замечательным человеком, как Альфред Брем.

Конечно, во время привалов у хорошей закуски веселью не было конца, а за шампанским говорились разные спичи, причем веселый Брем не забыл даже и официанта Афанасия, которому сказал и сердечное спасибо, и веселые пожелания.

Тут немало удивил меня Брем тем, что он пил много чаю и предпочел его кофе, говоря, что он только в России пьет хороший чай и пристрастился к этому благородному напитку.

Конечно, на самой охоте Брему отдавалось предпочтение и уделялись лучшие дупелиные места, так

что он один убил 26 штук, а всех долгоносиков приобретено в этот день 72. С начала охоты Брем много пуделял и шутя говорил при неудачном выстреле:

– He! Donnerwetter! (Черт возьми (нем.).)

Но потом он стрелял великолепно, несмотря на то что выпил всякой всячины порядочное количество. И в этом случае ему надо было отдать пальму первенства: споить его, мне кажется, было невозможно!

Товарищи Брема по экспедиции в Сибирь О. Финш и граф Вальдбург-Цейль на охоте с нами не были; они отказались, потому что накануне объелись сибирскими пельменями и ехать не могли.

Но Брема не испортило и это сытное и новое для него блюдо – он кушал много и только похваливал. Казалось, что этот могучий человек должен был прожить не менее ста лет!.. Но судьбе было угодно распорядиться иначе.

И вот в 1884 году телеграф разнес по всему образованному миру печальную весть о кончине Брема, которая и последовала 13 ноября в Рейтендорфе на 55-м году его трудовой жизни.

В записках Финша говорится, что когда они путешествовали на Алтай с юга и проезжали Лепсу, то у тамошних жителей, предупрежденных о их приезде, почему-то родилось нелепое убеждение, и они говорили, что эта экспедиция путешествует в масках и что гр. Вальдбург-Цейль, отличавшийся от других военной фуражкой, есть не кто иной, как очень высокопоставленное лицо, путешествующее инкогнито со своими приближенными. И вот почему, говорит Финш, мы возбуждали в народе такое любопытство, что нас всегда

встречала и провожала такая масса людей, что трудно поверить; и любопытные, не имея возможности видеть их близко, залезали на заборы и крыши, чтоб посмотреть загадочных путешественников!..

Вероятно, этот нелепый слух одной Лепсой и закончился, потому что ничего подобного на Алтае уже не было и, как мне известно, тут о масках в народе не говорилось ни слова; например, в Барнауле народ не обращал на путешественников никакого особого внимания.

Известно, что Брем отличался большим красноречием, и интересно то, что он во время вояжа вел свои записки стенографическим способом, который тотчас в этом виде посылал своей супруге, и она уже печатала их немедленно.

Такую крючковатую рукопись я видел своими глазами, застав однажды Брема за этой работой в Барнауле. А когда я в знак особого уважения презентовал ему свою книгу «Записки охотника Восточной Сибири», то он, особенно поблагодарив меня и тут же развернув книгу, отделанную в хороший переплет, четко и с расстановкой прочитал: «За-пис-ки о-хот-ни-ка Во-сточ-ной Си-би-ри». Но этого мало, он начал читать сам и сделанную мною надпись по-русски на пробелом листочке книги, но не мог, а потому и спросил меня:

– Was ist das? (Что это? (нем.))

Тогда я прочитал ему сначала по-русски:

Брем! Муж познаний и науки!
Когда заснуть не можешь ты –
Возьми, брат, книгу эту в руки,
И сон прервёт твои мечты!..

Но выслушав это, он, видимо, не понял и потряс головой; тогда я тотчас дал ему построчный перевод на немецком языке, сделанный доктором Гопфенгаузом. Брем, прочитав его, расхохотался от души, замахнулся на меня книгой, а потом обнял по-братски и расцеловал три раза.

XX

Поездка на гусей. Охота. Рассказы. Цепочка ласточек. Разговор о рецензии. Коростель в колодце.

Много раз слышал я, что на устье реки Алея около деревни Самодуркиной – это в 65 верстах к югу от Барнаула – весною бывает очень много гусей. И вот сильно захотелось мне вспомнить старину, поехать туда и поохотиться, но путешествовать так далеко одному – скучно, а потому я стал сманивать с собой и дедушку Козлова. Передалось мое настроение, заговорила охотничья страсть и у старого ветерана, он согласился, и мы, несмотря на ужасный весенний путь по Алтаю, около половины апреля 1887 г. отправились туда в своей проходной телеге. Нанят у нас был барнаульский мещанин, хороший, трезвый парень Егор Кузнецов, который и должен был свозить нас на своих лошадях туда и обратно, чтобы ночевать в Самодуркиной или где придется две ночи.

Весь недостаток Кузнецова заключался в том, что он сильно гнусавил, так что без привычки трудно было и разобрать, что он говорит, за что народ и прозвал его Гнусом. Как мы ехали эти 65 верст – описать трудно. Помню только, что мы то и дело переезжали с одной стороны дороги на другую, местами брели водянистым снегом, объезжали особым путем проклятые глубокие запоры или пробивались чрез них силодером, помогая лошадям и выручая телегу из воды и снега. Но, как бы то ни было, криво или прямо, а мы все-таки, выехав в 4 часа утра, приехали на место в тот же день около 6 часов вечера.

Не зная, где, что и как, мы все-таки сразу попали на высокий берег Алея, с которого ясно видели близлежащую деревню и пропасть гусей, сидевших, плавающих и разгуливающих по проталинам далеко под нами. Не зная, откуда к ним попасть, я попробовал выстрелить сажен на 80 в одну брачущуюся парочку из винтовки, но немного обвысил, и надо было видеть, какая масса гусей поднялась от выстрела, зашумела, загоготала и, разбившись в разные стаи, отправилась куда-то подальше от нас.

Мы потом хоть и спустились к Алею, но ничего поделать не могли, потому что не знали притонных мест для караула, и решили ехать в деревню, чтоб взять местного ружейника, которого и обрели в тот же день.

Ночуя в Самодуркиной, мы первый вечер провели в разговорах и расспросах нашего будущего чичероне, очень сметливого, бывалого, веселого и неглупого охотника. Тут он рассказал нам, как мы будем утром охотиться, преимущественно напирая и на подъезд, и стоянку на перелетах. Кроме того, предлагал полежать в засидках на карауле и между прочим сообщил, что ему много раз удавалось убивать гусей и с того места, где мы были с приезда, но не с верха берега, а выкапывая под ним, в глубоких наносах снега, караульные ямки. В них охотники стелят солому, садятся и закрываются сверху чем-нибудь белым – вот и вся штука.

Гуси, не подозревая засады в массе снега, садятся по берегам Алея и попадают под меткие винтовочные выстрелы.

Утром мы отправились уже с этим крестьянином и, провозившись целый день, кое-как убили двух больших гусей – одного с подъезда из винтов-

ки, а другого на перелете. Дело в том, что гуси были тут только утром и вечером, а днем они улетали куда-то на поля кормиться. Появляясь же у речки и около озер, они, по обыкновению, были настолько зорки, хитры и осторожны, что только всякими уловками мы смогли убить двух.

Тут гусей различают две породы: одни простые полевые гуси, а другие, так называемые черневые, которые больше ростом, чернее оперением и сильно осторожны, так что убить их очень трудно.

Все-таки довольные охотой, мы весело возвратились в деревню, закусили, сговорились с чичероне относительно завтрашней охоты и улеглись спать; но было еще рано, и мы с дедушкой стали вспоминать прошлое.

Чтобы вызвать его на разговор, я вспомнил одну курьезную штуку, случившуюся со мной еще в Нерчинском крае.

– А знаете ли, Савелий Максимович, какую вещь встретил я однажды на охоте в Забайкалье?.. Вещь крайне интересную и, пожалуй, более чем странную... Жил я тогда в Алгачинском серебряном руднике. Как-то осенью после обеда пришел ко мне брат моей жены и говорит: «Ну, что вы киснете? Берите лучше ружье да пойдемте прогуляться, может, где-нибудь и толуя выгоним». А надо вам сказать, что в Нерчинском крае есть особая порода зайцев, которые несколько поменьше беляков, гораздо их резвее и всегда желтовато-серого цвета. Живут они преимущественно в степных местах, около безлесных гор.

Долго не думая, я приоделся, взял ружье, и мы отправились за селение. Вскоре мы действительно на-

ткнулись в кустах на толуя, и я его только подстрелил, так что он все-таки убежал и куда-то тут же запрятался. Мы стали его искать и пришли к небольшой речушке, которая уже давно замерзла, и под одним ее берегом образовалась под торфом большая щель или отдувина, как говорят сибиряки. «Ну-ка, Прокопий Иванович, погляди, мол, пожалуйста, в эту щель – не забился ли он, щельмец, туда?»

Он, знаете, тотчас нагнулся, даже встал на колени да и говорит: «Нет, тут его нету», – а сам в это время тянет туда рукой и что-то достает. «Ты что там нашел?» – спрашиваю я. «Да не знаю, – говорит, – что такое, а только что-то мудреное». Смотрю, он бережно тянет какую-то цепочку, которая, цепляясь за неровности, того и гляди оборвется. «Ну-ка, мол, Проня, покажи, что это за мудреная штука».

Оказалось, что эта цепочка состояла из девяти штук ласточек, которые, сцепившись коготками на ножках одна с другой, лежали в самом углу земляной отдувины, под дерном.

– Что за история?! – сказал заинтересовавшийся дедушка.

– История, батенька, действительно мудреная, понятно, конечно, что эта щель образовалась ранее, и ласточки, забравшись в это помещение, уже тут составили эту цепочку, но для чего? Для какой цели?.. То ли по естественному закону природы их бытия, то ли случайно, чуя приближающуюся зиму, потеряв своих собратий, чтоб улететь в теплый край за сине море?.. Вот тут и объясните!..

– Ну, и что же вы сделали?

– А сделали, кажется, величайшую глупость: долго мы вертели и смотрели эту замерзшую цепочку с разных сторон и начали пробовать разгибать сначала коготки, но и они, и самые ножки были так хрупки, что ломались, как мерзлые прутики. Ну а дальше мы пробовали отгибать и шейки птичек, но и они почти свободно ломались, несмотря на то, что мы старались их отогреть в руках и своим дыханием, а одну птичку брат держал за пазухой... Кончилось, знаете, все-таки тем, что мы переломали всех, и нам, дурням, не пришло тогда в голову унести две-три штуки домой, не ломая цепочки, и попробовать отогревать их понемногу, постепенно повышая температуру. Кто знает, может быть, что-нибудь и вышло бы интересное из такого опыта!.. Ведь подвергаются же даже млекопитающие животные, как, например, сурки, такому полузастывшему состоянию, так что у них почти останавливается кровообращение и становится едва уловимым дыхание?.. Это та же летаргика или, как еще лучше называют, дремлющая жизнь.

– Конечно, вам следовало бы попробовать отогревать потихоньку, – сказал еще более заинтересовавшийся Козлов.

– И знаете ли, Савелий Максимович, какую интересную штуку довелось мне прочитать вот недавно, кажется, в какой-то газете, что ныне в Парижскую академию наук было представлено – не помню, каким-то ученым-натуралистом – сообщение, что он, заметя именно такое же явление над ласточками и пробуя отогревать их тем подходящим теплом, которое постепенно является с наступлением весны, дошел до того, что привел их к жизни, так что ласточки

ожили. И, кажется, такая же штука была наблюдаема и проверена уже кем-то из академиков, но вот жаль, что у меня дурная память на фамилии, особенно иностранные, и я забыл этих ученых наблюдателей, а выписку эту где-то затерял в бумагах. Уже одно то, что ласточки в моем случае сцепились коготками и составили цепочку, не есть случайность, а доказывает какую-то цель природы в их жизни, иначе и быть не может!.. Нет, это не так!.. Тут что-то кроется...

– Ну вот видите, Александр Александрович, какая это интересная вещь, а вы и не догадались?..

– Ну да, батенька, что поделаешь – и в ум тогда не пришло; а когда писал свои записки, то, верьте, боялся сказать об этом: думаю, осмеют, охают и не поверят. Ведь уж со мной была подобная штука, когда явилась пресловутая рецензия на мою статейку под заглавием «В Кадаче», помещенную в «Русском вестнике», ведь вы ее, кажется, читали?

– Как же, читал, и не один раз читал. Так охота вам обращать внимание на эти рецензии... Они кого только не обругали?

– Ну нет, Савелий Максимович! Не обращать на них внимания нельзя, потому что в добросовестных рецензиях пишется много и дельного; а вот если нарочно, чтоб охаять кого-нибудь, с умыслом искажают самую речь автора – это уж подлость, недостойная честного имени рецензента!.. Так, например, я говорил о том, как утка крохалюха носила во рту своих птенцов к воде из гнезда, сделанного ею в утесе, и сначала зарывала их на песчаной косе по самую шейку в песок, чтоб они не разбрелись, пока она летает за другими. Он же, рецензент, не упоминая о месте гнезда,

прямо глумится и иронически говорит, что утка всегда гнездится у воды, следовательно, ей нет надобности носить птенцов во рту и прятать в песок. Так что читающий рецензию и незнакомый со статьей, конечно, улыбнется и поверит меткости этой пресловутой рецензии – дескать, в самом деле, какую чепуху городит автор!.. А далее еще лучше: он глумится уже над тем, что утка, отрывши потом птенцов, «стряхнула с них песок»; тогда как у меня сказано так: «дала им хорошенько отряхнуться», – значит, стряхивала песок не сама. Это уже умышленное искажение, злорадство и желание представить читателю, незнакомому со статьей, якобы ее недостатки, прямо чепуху, которую он находил сам. А ведь это, батенька, рецензия уважаемого журнала «Русская мысль» (за февр. 1886 г.).

– Ну вот видите! – не вытерпел дедушка. – Берется судить о том, чего он не знает и не понимает, да еще и смеется!.. Это уж, откровенно говоря, нечестно, глупо!.. Вот если автор напишет ерунду или просто чушь, он и докажи, что это чушь, да тогда и глумись, хоть дураком назови, а то ведь выходит наоборот. Вся и штука, значит, в том, что только сила-то на их стороне – эка заслуга!.. Да он хотя бы здесь посмотрел, сколько уток делают свои гнезда в древесных дуплах, так что крестьяне нарочно вон ставят такие в колках и караулят, когда вылупятся молодые, а то так и маток хватают в этих гнездах руками. Ну вот как же она с дерева-то спустит утенка, как не во рту снесет? Хоть бы он это подумал!.. А ведь вырастить утят в дупле невозможно!.. Вот то-то и есть... А ведь другой незнающий и действительно поверит тому, что он плетет, какую антимонию по злорадству разводит.

А вот вы давеча говорили о ласточках, – продолжал он, – так подобная же штука случилась со мной в самом городе. У меня, знаете, есть дома колодезь; ну и сказали, что он замерз, что и воды достать нельзя; а это было в конце декабря или в январе, хорошенько не помню. Вот я и пошел, чтоб обдолбили при мне лед и сделали побольше дыру. А морозы стояли тогда сильные. Ну, знаете, как только спустился туда мужик да стал обдалбливать – вдруг из колодца вылетела какая-то птица да так одурела и завертелась. Думаю, что за диво? Какая же это птица?.. Подошел поближе, смотрю – коростель дергается в снегу!.. Верно, он, шельмак, с осени спасался в колодце, внизу-то ведь тепло; а тут как охватило его вдруг морозом, вот он и упал, а либо из потемок-то попал сразу на свет, так его окружило – не знаю. Вот я тотчас взял этого коростеля, положил за пазуху, пошел домой и отпустил в комнату. Тут он скоро оправился, но сначала дичился и все прятался за шкафы да за комоды; а потом – ничего, освоился, стал есть, бегал уже везде, слетал к цветам и жил у нас долго, чуть ли не до мая, да потом попала из кухни кошка и задавила его, подлая! А бывало с ним и весело, как он бегает да тараканов ловит, а то так по вечерам начнет дергать, да так громко, что хоть зажимай уши. Станет куда-нибудь в угол да и заведет свою песню, индо прискакивает да дергает!.. Бывало, и смешно, и любо, словно и сам забудешься да подумаешь, что в поле находишься. Ну вот напиши это, так тоже зубы-то оскалят да не поверят, а этого коростеля почесть весь Барнаул видел. Вот бы и надо было написать вам да разъяснить, над чем они без толку смеются.

Мы поговорили о разных курьезных случаях до позднего вечера и незаметно уснули. На другой день мы снова поехали за гусями и убили еще двух, в числе которых попался один и черневой.

Тем наша охота и кончилась. В эту весну Алей бежал еще только местами, а в других пунктах он был подо льдом и набоями снега, так что мы свободно переезжали его в тележках, несмотря на то что был уже давно апрель месяц.

При возвращении домой нас всю дорогу и сердил, и смешил Кузнецов; он, бывало, лишь только завидит где-нибудь гусей или уток, как тотчас начинает тыкать в пространство руками и гнусаво кричать:

– Гм! гм!… гутки-то, гутки!..

И глядишь, хитрая дичь тотчас поднимается с придорожного озерка или снежной лывы.

– Да молчи ты, ради Бога!.. Ну чего ты кричишь?.. Ведь мы и без тебя видим, – скажем ему с досады.

– Ну гадно, гадно, барин!.. Не стану!.. – прогнусит он, но, глядишь, появится новая дичь где-нибудь на пути – и Кузнецов опять не утерпит и гнусит то же, размахивая руками.

XXI

Охота с дедушкой. Заячьи облавы. Курьезы. Охота с чучелами. Случай от грозы. Сонная луковочка. Рассказы хозяина. Блеснение летнее и зимнее. Случаи.

Не один десяток раз ездил я с Савелием Максимычем, летом – за молодыми тетерями, а осенью – на балаганную охоту с чучелами, и везде и всегда он был тем же милым товарищем.

Конечно, и на этих охотах нам приходилось несколько раз ночевать и просто под открытым небом, и в полевых избушках. Все эти охоты так обыденны, что, право, их описания уже набили оскомину, и говорить о них как об охотах, конечно, не стоит, тем более потому, что шли они всегда шаблонным путем и ничего особенного тут не случалось.

С осени же начинались заячьи облавы, которые и делались уже целыми компаниями. В них мой милейший дедушка был обыкновенно распорядителем по знанию как дела, так и местности. Вот тут бывали разные курьезы или, лучше сказать, неприятности, потому что не все охотники одинакового покроя с дедушкой и всем угодить по курьезным претензиям невозможно. То номер попал неудобный, то сосед не по сердцу, то он стреляет на чужую линию, то добил пропадающего зайца и присвоил себе – да мало ли что тут бывает, и стоит ли говорить о всех этих дрязгах, которые и курьезны, и ребячески забавны; хотя все-таки они интересны, но только по личной характеристике и не имеют значения для постороннего

читателя, а личный сор выносить неудобно да и не следует. Итак, сдадим их лучше в архив барнаульских хартий и скажем о чем-нибудь другом.

Странно только, что на всех барнаульских заячьих облавах, которые производятся по островам, отдельным большим колкам, займищам и, наконец, лесным участкам, крайне редко выгоняют лисиц и тем более волков, тогда как и те и другие в большом количестве живут около Барнаула и шляются по тем же местам за зайцами. Специальных же облав на волков при мне не устраивалось. Почему это так – объяснить не умею. Просто как-то не принято, а следовало бы.

Никогда я не забуду, как однажды покойный Е. Б. Пранг, милейший из милейших человек, стоял на заячьей облаве рядом со мной. А надо сказать, что снег был уже очень глубок, и все волей-неволей надели лыжи. Нам пришлось в этот раз быть на крайних номерах. Вот я и вижу, что далеко выскочил заяц и тихонько поскакивает к нам. Увидал его и Пранг и показывает мне пальцем – дескать, не зевай, а сам начинает приседать, потому что против него чистое место – только одни небольшие кустики. Вот заяц и поближе подскакивает, а Пранг все больше и больше приседает. Ну, думаю, что тут будет. Видя уморительную фигуру товарища сбоку, просто не могу удержаться от смеха. Пранг заметил мое поведение и тихонько погрозил мне пальцем. Прошла еще пауза; вижу, что мой милейший сосед прицелился и выстрелил. Заяц перевернулся на месте, а Пранг в тот же момент полетел через голову, в глубокий снег, так что на поверхности остались одни ноги и болтающиеся лыжи.

Видя эту картину, я чуть не умер от смеха!.. Пранг барахтается и никак не может подняться из снега. Я подбежал к нему на лыжах и помог ему выбраться. Он, обтираясь и отряхиваясь от всюду засыпавшегося снега, хохоча сам, увидал лежащего зайца и самодовольно сказал:

– Ничего!.. А все ж таки я убил подлеца!..

Вроде этой же истории была катастрофа и с аптекарем М. А. Сандзером, тоже на заячьей облаве; этот зрелый и веселый человек был также на лыжах, но, не умея ими орудовать, шел плохо и подтрунивал над другими. Вот наконец стали все на места, а Сандзер все еще возится и обламывает сучки на деревьях. Вдруг заревела и затрещала облава!.. А зайцы, как нарочно, штуки по две и по три полетели во все стороны; началась повсюду пальба; Сандзер как-то неумело повернулся и полетел на спину в снег. Вот он барахтается, вертится во все стороны, но проклятые лыжи совсем его спутали и не дают подняться. Он сердится, кричит:

– Помогите же встать!

Наконец, бранится и все-таки еще более забивается в снег, а зайцы, видя пустой интервал, буквально летят и прыгают через него.

Всем, конечно, не до Сандзера, все стреляют, хохочут от души и кричат ему:

– Ничего, полежи!.. Вперед не будешь просмеивать!..

Так он, бедняга, и проболтался в снегу во все время загона. Наконец его выручили, и он уже сам хохотал чуть не до истерики.

А сколько курьезов бывало и на чучелиной охоте, когда ездили компаниями, причем, конечно, некоторые выпивали и за себя, и за здоровье Гавайской королевы!.. А очень нередко преспокойно засыпали в своих балаганах; а тетери, как нарочно, садились на их деревья и уже после долгой паузы падали от винтовочных выстрелов какого-нибудь ближайшего соседа. И тут, конечно, смеху и удовольствия было немало. Вот те и Гавайская королева! Не пей за ее здоровье!..

Конечно, в подходящей компании весело, и нахохочешься иной раз вдоволь, но все-таки лучше, когда поедешь вдвоем или втроем с дружными товарищами, которые без особых претензий и выпивают только за свое здоровье. Тут и ночлеги гораздо удобнее и наговоришься по душе да по сердцу.

Так вот однажды и попал я на ночлег в теплое зимовье все с тем же милейшим Козловым. Вечера осенние длинны, хватит и на чай, и на ужин да и после много останется; вот уляжешься на неприхотливое ложе и от нечего делать поневоле толкуешь либо с гостеприимными хозяевами, либо вспоминаешь старину с дедушкой.

Вот как-то заговорили о грозе, и старик хозяин рассказал нам разные случаи, бывшие на его памяти, но так как в них не было ничего выдающегося, то я, вспомнив один курьезный случай, попросил их послушать.

– Было это в 1861 году, когда я служил приставом Алгачинского рудника в Нерчинском крае. В числе прочих служащих был тут унтер-штейгер[29] Алабышев, который ходил в присмотре за рудничными работами;

[29] Унтер-штейгер – высшая техническая рудничная должность.

у него росла дочь Матрена – девушка уже невеста, лет восемнадцати. А надо вам сказать, что там все девушки носят обыкновенно две косы, которыми и повивают вокруг головы, что очень удобно, опрятно и красиво, особенно при густых хороших волосах.

Вот однажды летом Алабышев поехал со своей Матреной в Александровский завод – это в 35 верстах от Алгачей. Возвращаясь домой уже под вечер, конечно, по обыкновению, на одном коне и в простой тележке, он стал уже спускаться с большого и крутого Алгачинского хребта, что всего в 4 верстах от селения, как вдруг их накрыла страшная синяя туча. Дождь полил как из ведра, замелькала повсюду молния, и страшные раскаты грома оглушали уже всю окрестность. Алабышев закрыл свою Матрешу потником, а сам натянул запасный зипунишко и тихонько спускался с горы; но дорога ослизла, конь катился, а тележонка вертелась на облипших глиной колесах... Как вдруг черкнула молния, раздался в то же мгновение страшный удар грома, и мухренький конишко упал от испуга, но тотчас поправился и поднялся на ноги, а Алабышева сильно оглушило на одно ухо. Вот он, видя, что тут ничего особенного не случилось, испугался только за дочь и тотчас посмотрел на нее под мокрый потник и тревожно спросил:

– Матрена? – Она откликнулась и взглянула на него испуганными карими глазами. – Ну слава Господу!.. Ничего! – сказал он и поехал дальше.

Добравшись благополучно домой, Матрена, конечно, тотчас выскочила из тележки и убежала в избу, а старик повел скорее коня под наветь. В избе, понятное дело, пошли разговоры, расспросы матери,

ответы дочери, и все бы кажется ладно, да вдруг мать увидала, что у Матрены нет обеих кос, а дочь этого и не заметила. Она тщательно отжимала промокшую юбку своего платья. Но вот мать всплеснула руками и с испугом спросила:

– Матреша!.. Да у тебя косы-то где же?

Та, конечно, схватилась за голову, пощупала и обвела руками, но, не найдя кос, побледнела как полотно и, едва сказав:

– Не знаю! Ей-богу – не знаю, маменька! – захватила лицо руками и заплакала, как ребенок...

Тут пришел в избу отец и, жалуясь на погоду, стал снимать промокший зипун.

– А ты видел, что случилось с Матреной? – сказала ему жена.

– А что! Ничего, – говорит, – не видал; чего она ревет, как по покойнику?.. Дура!..

– Ну за что ты бранишься? Погляди хорошенько, где у ней косы-то?

Вот поглядел и отец, уставился в недоумении и не знал, что сказать, а развел руками и подумал уж что-то недоброе, что бывает с гулящими девками.

– Как же так? Ровно (будто) были, как мы поехали из завода? Вот еще оказия-то!.. – говорил он, унимая Матрену.

Посудили, порядили и ни к чему не пришли, а кому-то из них уже после пришло в голову посмотреть в тележку, где и нашли, к удивлению всех, как обрезанные, две черные косы, которые, словно большие пиявки, лежали на дне тележки!..

Оказалось, что их отстригнуло молнией и ничего больше не тронуло; даже на потнике, которым была

накрыта Матреша, никакого следа не осталось!.. Значит, это случилось так моментально и так чудодейственно силою грозы, что Матрена ничего не слыхала!..

– Вот так диковина! – сказал хозяин нашего помещения и хлопнул руками. – Это уж, барин, Господь наказал эту Матрену, зачем она две косы носила, когда и в писании сказано, что девки должны носить только одну... Вишь, оно дело-то какое!.. Оказия, брат, и есть!.. Супротив Бога не ходи – нет!.. Он, батюшко, найдет, от него и в земле не упрячешься – достанет и тут!.. Да, барин. дивное диво!.. Как отстригнуло, что и не слыхала!.. Оказия!..

– Действительно, дивные дела творит Господь! – сказал, усаживаясь на свое ложе, и Савелий Максимович. – Да вот, откровенно говоря, знаете, какая штука со мной случилась? Был я молодым еще парнем, но уж женатым. Вот и побежал однажды весной за утками... Набил много да и пошел домой. Забрался я, знаете, с Оби на Турью гору, на самый крутой елбан да и сел отдохнуть; думаю, посижу маленько, остыну, а то жарко стало, как на Крутик забрался. Вот, значит, сижу; сижу да и ковыряю от нечего делать землю; ковыряю да и выдергиваю травинки... А вот какая-то и попала под пальцы крепкая; тяну, а она словно упирается, нейдет... Вот я и посильнее; смотрю, вытянулся корешок, а от него дальше тянется будто волосовинка. Думаю, что за диво?.. Взял да и подкопал тихонько пальцем землю; гляжу, а там и сидит такая малюхонькая беловатая луковка, словно репочка. Постой, мол, попробую, какого она вкуса!.. Вот я обчистил эту луковочку от земли, положил в рот, да и пожевал маленько – и покажись она мне такой вкусной

да сладкой, я и проглотил. Ну проглотил, значит, посидел немного и поманило меня на сон. Вот я прилег – да ничего и не помню.

Много ли, мало ли я проспал – не знаю, но чувствую, что я стал зябнуть и, не соображая, знаете, того, где я нахожусь, ищу рукой покрывало, дескать, накроюсь; хватаю, хватаю и ничего найти не могу... Думаю, что за оказия!.. Вот я очувствовался – и вижу, что я лежу на самом Крутике елбана весь мокрый, и на небе зоря красноватая – то ли перед утром зорится, то ли перед вечером погорает – сообразить не могу!.. Посмотрел около себя – вижу, ружье и утки лежат, тоже мокрые от росы... Тут только я и понял, что это утро, а вот, мол, и заря начинается из-за Оби. Тут я и вспомнил уже все, что было, и так испугался, что подхватил дичь и ружьишко, да и давай задувать к дому. Пришел – только солнышко всходить начало, а дома уж беспокоятся и верховых послали разыскивать...

И вот теперь уж много лет тому назад, а я всякий раз, как только доведется быть мне на этом увале, уж непременно покопаюсь в земле; все, видите, думаю, что опять найду такую же луковку; да нет, не могу натакаться... А ведь не одна же она и выросла тогда на этом месте. Все охота найти да показать ученым людям, чтоб определили, какое такое растение так скоро на меня подействовало и совсем из ума, было, выстегнуло.

– Вот бы вам, Савелий Максимыч, тогда же отыскать стебелек этой луковки и принести домой – вот и нашли бы, что за растение.

– Да то-то и есть, что мне тогда и в ум не пришло об этом, а я как очнулся, так только давай Бог ноги, убежал без оглядки.

– А это, поди-ка, нечистый подшутил над тобой! – сказал старик хозяин. – Вот ты и очумел сразу; а ён, брат, мотри, каки колена иной раз выкидывает – беда!.. Вон, сказывал мой дедушка, что случилось с ним единожды в пути, значит, на дороге. Дак ночью к нему сатана-то явился – товарищем да и завел его зимой на край яра и говорит: «Ну вот и приехали!» Вот старик-то и хочет быдто во двор въехать, а конь-то, значит, упирается, нейдет; вот он его понужать – нейдет, козлит, да не слушает. Дедушка-то и говорит: «Господи Иисусе Христе! Что такое случилось!» Глядит, а товарища-то уж и след простыл – нету!.. А ён, значит, завел его меж двух кустиков, да и поставил на самом обрыве, над Обью!.. Вот не створи-ка дедушка-то молитвы да сунься в эти ворота нечистого – дак только бы косточки сбрякали!..

Теперь посмотрим на более интересную охоту, которую знают немногие, а тем более на Руси. Это я хочу сказать о блеснении. В строгом смысле слова, это, пожалуй, и не охота, а рыбалка; но в Сибири называют ее тоже охотой или прямо говорят термином блеснить.

Здесь я упомяну об этой охоте только коротенько, а всякий желающий познакомиться с блеснением специально, может обратиться к журналу «Природа и охота» или «Охотничьему календарю» господина Сабанеева.

Дело в том, что блеснением добывают только более крупную рыбу и ловят на глубоких местах и преимущественно на ямах, где нет сильного течения. Вот почему в Барнауле рыбаки и любители-охотники блеснения выезжают для этой цели на старую

Обскую протоку, где уже известно несколько ям, имеющих до 20 и более аршин глубины и носящих свои особые названия, как, например, Губинская яма и др.

Летом блеснения нет, а лишь только сделается похолоднее и вода очистится от мути после спада коренной воды, или коренного водополья, наступающего, как я и говорил выше, после весеннего полоя, когда рыба нагуляется и спустится на глубокие места и ямы. Блеснами же ловят и зимою, но об этом я скажу особо.

Летняя блесна делается обыкновенно самими же рыбаками или привычными к этому слесарями из олова, желтой и красной меди и серебра. Величина их и форма весьма разнообразна, но в общем они не делаются более вершка шириною, имея вид более или менее похожий на изображение сердца, только без верхней выемки. Самая блесна не что иное, как чисто сделанная пластинка, несколько изогнутая посредине по поперечной оси. К нижнему ее концу, так сказать оконечности сердца, крепко припаивается загнутый кверху и под углом к блесне крючок без всяких зазубрин, который и оттачивается как можно острее. В верхней, более широкой части блесны просверливается дырочка или продевается колечко, куда прикрепляется четверти на две проволочная леса, а далее идет леса уже волосяная, которая и вьется или сучится умелыми руками в 10, 15, 20 и более волосков – смотря по надобности. Леса наматывается не на длинное удилище, а на короткую рогульку, обделанную посредине листьями камыша. Вот вся и штука.

Главное достоинство блесны заключается в том, чтоб ее металлическая пластинка была как можно

чище обделана с обеих сторон и блестела, для чего блесны всегда полируются, а у рыбака имеется какое-нибудь приспособление (например, суконка с мелом), чтоб отчищать блесну на самой ловле. Для оттачивания же крючка должен быть мелкий подпилочек и брусочек.

Блеснят всегда на лодках, в которые садятся один, два, три и даже четыре рыбака. Главная суть в том, чтоб уметь кормовым веслом держать лодку в известном направлении и не давать сносить ее течением. Вот почему садится управлять всегда тот, кто может это сделать, а умеющие и опытные рыбаки мастерски правят одной рукой, а другой блеснят. В тех же местах, где рыбы много, а течение велико, или, как говорят, поносит, становятся на небольшие якоря, для чего может служить как тяжесть даже обыкновенный кирпич.

Суть блеснения состоит в том, что, выехав на яму, прежде всего вымеривают блесной глубину, т. е. спускают ее на лесе в воду до тех пор, пока она не хватит дна, да и покажется на поверхности воды несколько ослабевшая леса. Узнав глубину, рыбак тотчас закрепляет лесу на рогульке и начинает довольно сильно подергивать рогульку за рукоятку. От этого блесна, находящаяся около дна, как бы подпрыгивает в разные стороны и неопределенно блестит.

Крупная рыба, видя такую бьющуюся и светящуюся приманку, хватает ее ртом и нередко попадает на крючок чем придется, и от быстрого подергивания блесны кверху – подсекается. Тут не следует подергивать часто и очень сильно, а раз 30–40 в минуту. От сильного же подергивания крючок, зацепившийся за крупную рыбину, может изломаться.

Если лодку сносит, то нужно чаще намеривать, чтоб блесна не ползала, а тем более не лежала на дне, а всегда была только близко.

Вот главная суть всей премудрости блеснения.

Кажется, штука и не особенно хитрая и не стоящая особого внимания, как охота. Но это не совсем так, потому что хорошо блеснить надо уменье и большую опытность, что дается только долговременной практикой.

Что же касается охотничьих ощущений, то это такая штука, с которой не может сравниться даже и охота на крупного зверя, особенно если рыбак почувствует, что попала большая рыбина. На охоте вы видите, с кем имеете дело, а тут является какая-то чарующая таинственность.

Описать тот момент и то ощущение, когда хватит кто-то за блесну и вы почувствуете, что подсечено что-то солидное, трудно. Это надо испытать самому и тогда уже отдать себе отчет в том, что вы в эту секунду испытали в своей нервной системе, что вас так чем-то кольнуло за пазухой, что такое точно пробежало по вашей спине и что ощутила восторженная душа!.. Нет, и все это не то, что хочется передать читателю, и не то потому, что не хватает силы выразить на бумаге тот как бы электрический толчок, который охватит вас то всего сразу и физически, и духовно, то словно рассыплется в один миг по частям и сразу пролетит повсюду в отдельности!.. Нет, и это все не то, ну не то да и только!.. даже ерунда какая-то вышла, а как выразить – не знаю. Скажу разве проще: при первом ощущении попавшей крупной рыбины вас точно подбросит на лодочной лавочке;

словно вас всего передернет по 77 суставам и во всех 77 жилах; как бы охватит и теплом и холодом сразу; а вместе с тем явится то бесконечная радость, то охватит какая-то робость, то, наконец, мелькнет надежда или вдруг ошпарит тяжелое сомнение!.. Да просто и не разберешь, что тут перечувствуешь в какую-нибудь секунду. Одним словом, если не поняли, не разобрали – так дополните, пожалуйста, сами своим воображением, это будет вернее!.. А если не сможете и сами это сделать, так спросите какого-нибудь понтёра, который, заломив отчаянную карту, глядит на банкомета, который, быстро бросая карты направо и налево, вдруг приостанавливается и тихо сводит верхнюю карту, а понтёр, смотря на следующую и видя пока одни боковые очки, не знает, семерка это или восьмерка!.. Вот ощущение этого понтёра, кажется, ближе всего и подойдет к этому случаю.

Значит, так на этом и остановимся, а то мне хоть до завтра, так больше ничего не придумать!..

Ну а как не явиться такому чувству, когда на блесну попадет иногда пудовая и более щука, которая так потянет в воду, что трудно держаться в лодке, а то как раз вывернет, что и случалось, если обробеет рыбак. Тут ведь не ершей таскать с берега какого-нибудь пруда, нет, здесь надо смелость и держать ухо остро!.. И в том случае, если чувствуешь, что попала очень крупная рыбина, нужно только стараться отодрать ее от дна, несколько поднять кверху, но не тянуть на воду. Тогда она тотчас начнет бросаться во все стороны, и случается, повезет на туго натянутой лесе и лодку, и ее пассажиров по разным направлениям большого и глубокого плеса.

Вот тут и надо уменье рыбака не упустить такую редкую добычу, для чего рыбине дают свободу погулять, помаяться, но отнюдь не отпускают лесу, т. е. не ослабляют, а все время стараются держать натуге. При этом, как бы ни тянула рыба, не следует заматывать лесу на руку или привязывать к лодке, а нужно управлять или держать, как вожжу. Когда же добыча умается, тогда пробовать подтягивать кверху, выбирая лесу, и караулить тот момент, когда она подойдет к поверхности воды, и тут уж зевать не следует, а крепко держа рыбину одной рукой на лесе, другой подхватывать ее из-под воды особым крюком (на коротенькой палке) или сачком – и затем сразу выбрасывать в лодку, где уже скорее отшибать деревянной колотушкой, все еще не спуская ее с блесны. Это потому, что большая щука при первом ударе так хлеснет, что может вылететь опять в воду.

Из этого следует, что при блеснении с лодки необходимо иметь рыбаку особый крючок, сачок и колотушку и, конечно, запасные блесны и лесы, которые нередко рвутся, несмотря на то что они сделаны иногда в 30 и более волосков и на которых легко можно повеситься и самому, даже без тоста за Гавайскую королеву.

На блесну ловятся преимущественно крупные окуни, налимы и щуки. Окуни, конечно, не страшны, а большого налима необходимо бить колотушкой по хвосту, иначе он тотчас закрючит им за край лодки – и был таков. Щуку же бьют по льну (затылку) и по голове. Случалось добывать из глубоких омутов и ям очень крупных окуней, но, какого были они весу,

сказать не могу, потому что их почему-то не весили, а длиной они были около тринадцати вершков.

Однажды одному опытному рыбаку попала щука, «такая зверина», по его выражению, что она вытаскала его в лодке по всему плесу. Наконец он, заметив, что она умаялась, но все-таки побоявшись вытащить ее в лодку, привел эту зверину к берегу, выскочил на сушу и потянул из воды; но она лишь только увидала свет и почуяла воздух, так поперла рыбака за собой в воду, что он не мог ее удержать и поневоле отправился за ней, потому что был не в силах размотать завитую на руке лесу. Испугавшись, закричал он во все горло; его, по счастью, услыхали другие рыбаки, которые тотчас подплыли и помогли вытащить громадную щуку, а также и его, когда уже он был по пояс в воде и по колено в вязком глинистом дне глубокого плеса.

Нельзя иной раз не удивляться тому, как большая рыбина, попавшись на блесну боком, не может сорваться тем более потому, что крючок блесны без всяких зазубрин. Вот почему и необходимо держать лесу всегда натуге, иначе крючок может вывернуться, а ослабевшую лесу щука не прозевает перекусить.

Много курьезных случаев бывает при этой охоте, особенно с новичками, которые еще только учатся блеснить. Но раз был забавный казус и со старым опытным рыбаком Е. Б. Прангом, когда он блеснил с Козловым. Попала ему большая щука; он заводил ее до изнеможения, но ее уже общими силами вытащили в лодку; когда она перед носом Пранга разинула свою пасть, то он до того испугался, что откачнулся назад, закрыл лицо руками и закричал:

– Бей ее, ради Христа, поскорее!.. Съест, ей-богу, съест!..

Ну, да и действительно, с ней шутки плохие, это ведь не ерш!

Летнее блеснение производится на Алтае обыкновенно с начала августа и продолжается до самых заморозков.

Совсем другая история – блеснение зимнее. Тогда рыба делается крайне смирной, и потому лесы делаются тоненькие, в два, три и много в четыре белых волоска; а самая блесна приготовляется уже из свинца и очень маленькая, с небольшим крючочком. Вид зимней блесны просто конусный, а величина не более таракана.

Самое блеснение производится более по старицам и протокам на тихой воде. На льду пробивается прорубка, рыбак спускает в нее блесну, измеряет глубину, прикрепляет лесу к рогульке и, держа ее за рукоятку, тихонько потряхивает, потому что тут отнюдь не следует сильно дергать.

Если не клюет в этой прорубке – пробивается другая, третья и т. д. Бывает так, что рядом сидящие рыбаки на какой-нибудь сажени расстояния – один подергивает окуней, а у другого и не клюнет.

Зимою многие блеснят с наживой, для чего служат обыкновенно мормыши; это особая порода крохотных рачков, но скорее имеющих форму крупной вши. Их зовут также и бокоёрзиками.

При этом мормыша надевают на малюхонький крючок блесны и уже с ним натряхивают в прорубке. Для приманки рыбы мормышей иногда кладут в особо устроенные баночки, у которых спадает с привязи

донышко. Вот такую баночку спускают на веревочке в прорубку до самого дна, тогда подергивают за веревочку, отчего баночка приподнимается, а донышко отворяется, и мормыши расползаются по дну.

Конечно, крайне весело, если хорошо берут окуни, особенно крупные. Тогда тут и не до закуски, и хитрый рыбак, что называется, заложит уши, притаится и выдернутого окуня тотчас прячет в снег или под низенький коровий стульчик, на котором он сидит. Это, видите, для того, чтоб не сглазили или не пришли к нему в соседство порыбачить другие. А если и придут к нему хотя и вновь прибывшие, да незваные гости и скажут: «Здравствуйте!.. Клев на рыбу!.. Ну что? Каково берется?» – он непременно покосится и скажет: «Да плохо что-то! Не клюет...» А посмотрите под его стульчик, так там, наверное, десятка полтора либо два крупных окуньков и лежит под засыпкой в снегу.

Надо сказать, что этих мормышей ловят обыкновенно крестьяне на тех озерах, где они водятся. Это своего рода промысел, который дается тоже не всякому, и тут надо своего рода уменье и практику. Слышал я, что мормышей ловят корытцами, которые как-то заводят под лед и скребут их краями по нижней поверхности льда, где прилегают мормыши. Пойманных таким образом бокоёрзиков прячут в особые помещения и везут продавать рыбакам в город, но так, чтоб их не заморозить.

Поэтому и рыбаки хранят купленных за гроши мормышей в подпольях в мокрых тряпках или во мху, а при блеснении сохраняют за пазухой. Некоторые же не брезгливые люди держат их десятками во рту,

за щекой; правда сказать, видеть такую штуку неприятно, даже противно до того, что, пожалуй, можно тут же познакомиться с фридрихом[30].

Зимние блеснения начинаются обыкновенно тотчас по замерзании речек, продолжаются иной раз всю зиму и в особенности перед весной, когда станет поднимать лед и освежит воду.

Когда соберется много рыбаков, весело и, конечно, не опасно; но одному такая охота не совсем иногда удобна, потому что, случается, приходят посмотреть на рыбака табунами и волки!..

Однажды один рыбак приехал к протоке на коне, поставил его в кусты, дал сена и пошел долбить пролубку, но оказалось, неудачно, не клюет; он утянулся подальше, прорубил новую; тут он стал подергивать окуньков, конечно, сосредоточился на удачной ловле и увлекся. Но вот он услыхал какую-то возню, храп и фырканье коня – оглянулся и увидал, что шесть штук волков напали на его гнедка, свалили и уже кушали на его глазах, не поздоровавшись и с хозяином. Видя такую штуку, рыбак начал кричать, махать чем попало под руки, но потом ему было уже не до того, и он поскорее тайком выбрался подальше на дорогу да по добру по здорову удрал домой. Коня, конечно, съели, а заряженное ружье, оставленное рыбаком в санях, было только благородным свидетелем кровавой трапезы.

Летом в хорошие дни при этой охоте, помимо самого блеснения, доставляет рыбаку большое удовольствие как любителю природы уже самая

[30] Автор говорит о рвоте (известно, что Фридрих Ницше мучился беспрерывными головными болями и тошнотой с рвотой).

обстановка, особенно в ясное теплое утро, а потом свежая уха и затем, уже вечером, если он заночует в рыбачьей избенке или немудрой землянке, приятная компания!..

Тут, конечно, чай, маленькая выпивка, закуска и снова самая свежая уха; ну а после ужина пойдут обыкновенно сначала беседы об удачном и неудачном промысле; а затем рассказы, воспоминания о разных случайностях, бывалъщинах и проч., нередко с приправой постных и скоромных анекдотов, так что вечер пройдет незаметно, а там и ночлег, кто где устроится... Идиллия!.. И заранее видишь, как многие, прочитав эти строки, только иронически улыбнутся, а, пожалуй, что-нибудь и скажут, ну хоть вроде того, что «хороша идиллия – ночевать в грязной землянке!.. Нашел чем похвастать!» А ведь, в сущности, это и верно отчасти, а потому в ответ только покачаешь головой, конечно, в знак согласия и тоже весело улыбнешься!.. И все это ничего, потому что и сам улыбнешься; а вот плохо, как сядет за перо рецензент, да и начнет подергивать окуньков при такой уже не утиной, а щучьей идиллии во имя той рыбины, которая иногда заглатывает своего же брата!.. Это и было действительно, когда на Оби поймали в невода аршинницу щуку, которая заглотила такую же щуку четверти в три длиною, но, конечно, проглотить не смогла, а еще ходила с такой, больше своей утробы, закуской!.. Ну, понятно, что тут немало подивовали рыбаки, вдоволь наплевались за такую алчность, выбросили такую поимку воронам и только приговаривали: «Ну и животина же, проклятая!.. Мотри, как сама собой подавилась!.. Пфу!..»

XXII

Щуки в колее. Курьезная ловля налима. Эксцентричный генерал. Меченые дупеля. Федот Бабушка. Осилок Овчинников. Медвежья расправа на воде. Картинка ночевки.

Вот однажды при такой веселой рыбалке мне довелось снова послушать много видавшего и немало пережившего уважаемого Савелия Максимыча.

– Раз в весеннее водополье, – говорил он, – когда вода напирает на луга, а рыба тут же вслед за водой лезет из реки, был я на дупелиной охоте за Обью. Вот, знаете, иду я по гривке около дороги, которую только что затопило, потому что вода так и киснет, как на опаре, и чуть только меня не обгоняет, иду да и вижу, что кто-то всплеснулся в дорожной колее. Думаю, что за оказия? Кто же в нее забрался?.. Вот я подошел поближе да и увидал, что по колее то идет на луга щука, да и порядочная – аршинница! Постой-ка, мол, я тебя, голубушку, взбрызну!.. А она, значит, увидала меня да и захлесталась не на милость Божью, а деваться-то некуда, повернуться в колее не может, да и вперед ускокнуть нельзя – еще мелко. Вот я приложился да как цопнул ее дупелинником под жабры – тут и растянулась! Так, знаете, после никто ведь не верит, что я убил ее из дробовика, да еще где же – в колее!.. Врешь, говорят, смеешься!.. А вы, мол, посмотрите под жабры-то, так и сами увидите, как я добыл.

– Нет, а помните, Савелий Максимыч, – сказал один из товарищей, – как К-ов весной кривдой ловил на берегу Оби?.. Сколько потом смеху-то было!.. Тот

не по-вашему поступил: он привязал лодку у куста да и уселся кривдить пониже. Вот поймал одного налима да как заправский рыбак и говорит: «Не тот», – и бросил его в лодку. Распустил опять кривду, ждет, вот маленько погодя у него кто-то стукнул в сетку; он захлопнул жерди, посмотрел – опять налим такой же величины. Ну взял его, да и снова говорит: «Не тот», – и этого бросил в лодку же. Вот сидит – и опять стукнуло; вынул... – налим! Да так до шести раз, а он все приговаривает «не тот», да и думает: «Слава Господу!.. Как ловко попадают и все ровнячки, точно отмерены! Только как бы, мол, самому себя не изурочить... пфу!.. пфу!» Да наконец обернулся к лодке и видит, что налим-то уцепился хвостом за борт да и вывернулся в воду, а вот маленько погодя и опять стукнуло в кривду, посмотрел – налим!.. Вот он тогда только и догадался, в чем дело: бросил с досады кривду, пришел к лодке, а там пусто, нет ни одного налима!.. Вот те и ровняки!.. А он, значит, шесть раз поймал одного и того же налима!.. Вот те и «не тот»! А в сущности-то все тот же самый. Сам ведь рассказывал про себя такую диковину – помните?..

– Как не помнить – помню!.. Еще сколько тогда хохотали, да и сам-то он помирал со смеху!.. Уморил, будь он не ладен!.. Только трясется да плюется, вспоминая свою охоту.

– А вот как раз против этого места на той стороне, – продолжал дедушка, – так покойник М. П. Ай-ров какую штуку, знаете ли, со мной сделал?.. Попросил он меня свозить в моей лодке на дупелиную охоту; ну я, конечно, с большим удовольствием предложил ему свои услуги; а ведь нельзя и не угодить, знаете

сами, какой он был человек – беда!.. Попробуй-ка отказать его превосходительству!.. Вот поехали. Привез я его на самое лучшее место. Ходит, палит не на живот, а на смерть, доволен, что много птицы. Ну а я, откровенно говоря, подальше, чтоб, значит, не мешать; знаю, что не любит, и пусть, мол, потешится.

Вот и зайди же, как на грех, туча. Вижу, дело неладно, – будет погода. А дело-то за рекой, надо поскорей домой убираться. Вот я подошел, да и говорю: «Михаил Петрович!.. Видите, какая синеха заходит?» – «Ну, так что за беда, что заходит!.. Ты уж, – говорит, – талова[31] голова, и испугался?.. Не бойся, не сахарный – не размокнешь». – «Ну, да видите, дело-то, мол, заречное; с Обью шутить нельзя и надо поскорей домой убираться». – «Ничего, – говорит, – пройдет мороком».

Вот я вижу, что с ним ничего не поделаешь, взял да и пошел на свое место; пошел да и слышу, что гром вдали погромывает, штука худая!.. Нет, думаю, ворочусь и пойду его сманивать. Гляжу, а его и на берегу-то уже нет... Вот я туда иду, тороплюсь – пришел; а мой Михайло Петрович уселся уже в лодку и приказал отчаливать. Я и глазам не верю. Кричу: «Постойте!.. Постойте!.. меня-то возьмите!..» – «Да, а ты где был? Талова голова!.. Вишь, какая туча заходит, а тебя ждать!..» – «Что вы, Михайло Петрович!.. Помилуйте, да я куда же тут денусь в одном пальтишке?..» – «Ну ладно, вперед не зевай, талова голова!» – кричит мне из лодки, уже отъехав сажен десять от берега.

Я знаете, стою на берегу да и думаю – шутит!... Дескать, не может же быть, чтоб он меня бросил. Вот

[31] Талова – деревенская (диалект.).

стою и кричу опять то же. Смотрю, а он и внимания не обращает, плывет, да и только!.. Тут так мне стало забедно, что я, откровенно говоря, сплакал. Думаю, Господи!.. Да что ж это такое?.. Ведь такого колена и ни один мужик не удерет, а тут – царской милостью жалованный генерал!.. Генерал, которому я же хотел услужить и повез в своей лодке.

Что ж бы вы думали? Ведь так и уехал!.. Ну, мол, все же одумается, пошлет обратно хоть лодку… Вот я ждать, вот ждать, а начал накрапывать дождик. Вижу, беда!.. Зашел я в кусты, хотел балагашик сделать, да однеми руками много не сделаешь. Тут полил дождь, поднялась гроза, а мне и притулиться некуда. И так меня отмочалило, что хоть выжми, продрог, зуб на зуб не попадает, а, кроме патронташа, ничего с собой нет. Хотел было чрез ружье добыть огня, разладить костер и погреться, но все смокло – добыть нельзя; ну, думаю, ночью совсем околею. Вот слышу на реке веслами постукивают, верно, мол, лодку послал, одумался. Ну, знаете, бегу к берегу, смотрю – рыбаки едут половить после дождя. Вот я обрадовался, что и ребята-то все знакомые… Стал я их просить: «Перевезите, мол, сделайте милость, я вам заплачу, а то совсем околел (замерз)». – «Извольте, – говорят, – садитесь». Тут они мне дали зипун, чтоб накрыться, и давай спрашивать, как я тут один очутился. Я им что-то наврал, потому что стыдно было сказать, что меня бросил, да еще кто? – Генерал! Так я добрался до дому и своим посовестился сказать правду об этом.

– Что же потом Ай-ров? – спросил я Козлова.

– А что? Ничего, только хохочет!.. Словно пошутил остроумно!..

– Хороша шутка!

– А то, знаете, раз на тетеревиной охоте, так он этак же меня бросил. И пусть бы я ушел куда далеко, а то ведь тут же, поблизости... Потому – с ним пива не уваришь; и вместе не ходи, и далеко не отлучайся, словно для меня тетери тут особо и насажены в поле!.. Вот и попал мне выводок, я и утянулся за колок, да и постреливаю. Потом вышел на чистое место, смотрю: нет Михайла Петровича; вот я пошел, да и вижу, что он уже в тележку садится. Ну я, конечно, закричал: «Подождите!» Руками-то машу, опять кричу. Ничего не бывало, сел да и уехал! Так, поверите ли, я в самый-то жар, обвесившись тетерями, верст пятнадцать полоскал до деревни. Едва-едва уже к вечеру только добрался, нанял лошадей и уехал домой.

– Вот чудак-то! – сказал я.

– Гм!.. Чудак!.. Нет, это уже что-то другое! Какое-то глупое самодурство!.. Видите, обиделся, что я нашел выводок да набил тетерь, а он попусту это время прошлялся – ну и взыграл!.. Да ведь если рассказывать про него, так проговоришь до утра.

Тут дедушка замолчал и прилег, а кто-то рассказал такую историю.

Был в одном сибирском городе аптекарь Ле-ин, тоже охотник, и собак хороших имел, но дичи носил домой немного, зато на словах бил десятками. Тут же были и два брата То-вы, хорошие охотники и искусные стрелки. Вот они как-то раз узнали, что Ле-ин собирается завтра на охоту на дупелей и в такое-то место. Они сговорились, да и отправились туда же пораньше, и, зная, что у аптекаря собаки хорошие, сочинили такую штуку: убили штук шесть дупелей,

написали на бумажках свои пометки, свернули их маленькими трубочками, аккуратно запихали их в горлышко каждому дупелю и разбросали эту готовую дичь в разных местах. Сами же поскорее свернулись и уехали подальше, на другие дупелиные угодья. Вот слышат, что на том месте, где они были, кто-то стреляет. Ну это значит, Ле-ин приехал – его дуплеты раздаются по полю. Вот и они стали постреливать и по дичи, и нарочно в белый свет, чтоб приманить аптекаря; дескать, услышит и, наверное, приедет к ним же на эти частые выстрелы. Потом они раскинули табор, развели огонек – закусывают и ждут.

И действительно, они не ошиблись, потому что немного погодя подъехал к ним Ле-ин. Видя его довольную физиономию, То-вы переглянулись, поняли, что на их удочку клюнула желанная рыбка. Просят закусывать вместе. Идут, конечно, разговоры, выпивка, но То-вы нарочно молчат и как бы не видят, что в сетке приятеля лежат дупеля, а Ле-ин тоже воздерживается и не хвастает: нам, мол, это дело обыкновенное и не в диковинку.

Но вот к ним же по уговору То-вых как бы случайно приезжает еще охотник, вынимает свою закуску, потчует и проч. Словом, беседа составилась полная, веселая, и разговорам нет конца. Наконец, приезжий и спрашивает Ле-ина, как он поохотился? «Да ничего, – говорит, – так себе!.. Только я сегодня что-то не в ударе и много пуделял, а все же вот убил столько-то», – показывая на свой ягдташ. «О!.. Так вы еще ладно настегали, а я плохо! Совсем плохо! – говорит гость, берет сетку Ле-ина и начинает пересматривать дупелей, как бы из любви к искусству. – Ба!.. Да они у вас

еще меченые!..» – говорит он, посматривая в рот дупелю. «Как меченые?» – вскричал Ле-ин и покраснел до ушей. – «А это что?., поглядите-ка!..»

Берет одного дупеля, раскрывает клюв, бережно вынимает сверточек, расправляет бумажку и читает вслух: «Убит (такого-то числа) То-м первым». Берет другого и, проделывая ту же операцию, читает тем же порядком: «Убит (того же числа) То-м вторым».

Ле-ин багровеет, трясется и, прослушав еще такую же запись, выхватывает из рук гостя свою охотничью сумку, вскакивает и, задыхаясь от гнева, хватается за ружье, но у него отнимают. Он уже с пеной у рта кричит: «Это подлость!.. Это низость!.. А все вы, господа, подлецы!.. Прохвосты!..» – и т. д.

Что тут было, конечно, мы не видали, но дело выходило плохое и чуть-чуть не дошло до кровавой драмы.

Умялась эта история уже в городе, когда кто-то из больших людей принял участие в этой разыгравшейся катастрофе и как-то помирил Ле-ина с проказниками, кажется, под тем условием, чтоб То-вы дали слово не разглашать о такой злой шутке и молчали даже со своими друзьями.

Ну и молчали, так что этой истории долго не знали даже и дошлые сибиряки. Но потом острое шильце, конечно, все-таки выставило свое жальце из потайного мешочка, и его увидали уже многие.

Но вот отворилась низенькая дверь, и в нее вошел наш возница, известный всему Барнаулу Федот Спиридонович, или так называемая Бабушка, – прозвище, которое он не может равнодушно слышать, сердится и бранится, если с ним шутят не только насчет

бабушки-повитухи, но и атрибутов ее специальности, как, например, мыльца, трубки, ромашки и проч.

– Ты что, Федотина? – спрашивает его кто-то.

– Да вы тут занялись сладкими разговорами, а рыбу-то и забыли, ведь она лежит в лодке, изопреет. Надо ее ополоскать, убрать, да и лодку-то опрокинуть, а мне одному не осилить.

– Ну так позови Овчинникова, вот он и с тобой, и с родильницей унесет ее куда хочешь, – сказал я, шутя.

– Что-то?! – окрысился вдруг Федот. – Вы, верно, хватили не в меру, вот у вас и путаются мысли-то.

– Не сердись, не сердись, Спиридоновна!.. Пойдем я тебе помогу.

– Что-о?! – опять свирепеет Федот и, пропуская меня в дверцы, говорит, и шутя, и будто сердито: – Эх вы! Чему вас только учили? Мужика от бабы отличить не умеете!..

Все хохочут и вместе с нами полезли со своих насиженных мест помогать Бабушке.

Покончив работу, все мы собрались в избушку и стали приготовляться к ночлегу. Пришел с нами и Федот, чтоб выспаться в тепле, потому что холодная уже сентябрьская ночь загнала в жило и привычного ко всем невзгодам Федота.

– А вот вы давеча помянули какого-то Овчинникова, – это что же за личность, которая унесет и лодку, и бабушку с родильницей? – спросил меня дедушка.

– Ну, уж вы-то бы помалкивали, – огрызается Федот, устраиваясь на полу. – Ведь вам 90 лет будет в субботу, а вы все лезете к Федоту!.. И помирать бы уже время!.. Такое старье, и на земле одно бремя!..

– А вот помру, так тебя обмывать позову – принеси только мыльце.

– Что-о?!. Вот я вас обмою, что не сползете и с лавки! – ворчит, укладываясь, Федотина, этот небольшой добродушный старичок, и, обращаясь ко мне, ласково говорит: – Ну-ка, барин, расскажите-ка взаболь про Овчинникова-то.

– А это был, видите ли, крестьянин в Нерчинском крае, такой силач, что и поверить трудно; сам роста большого, в плечах две старухи улягутся…

– Пошел опять с ума-то сбиваться!.. – перебил меня Федот.

– Ну хорошо… А кулачищи у него, знаете, были чуть не с подойник… – Тут Федотина опять бурчит что-то. – Вот он раз шел с обозом, да и приходит на постоялый купить сена; а на дворе-то только что с возами приехали, но запоздали и выпрягли лошадей, чтоб переметать уже утром. Вот хозяин и спрашивает Овчинникова – сколько ему нужно сена? «Да, – говорит, – вязанку, более не надо. Что возьмешь?» – «Ну да, брат, кака ведь вязанка?.. Вот бери, сколько унесешь, и давай 30 копеек». – «Ну ладно, идет! – говорит Овчинников. – А я вот и вожжи с собой захватил – получай деньги».

Хозяин сосчитал 30 копеек, а Овчинников пошел во двор, выбрал подходящий себе воз из стоящих тут же, поднял оглобли, связал их чересседельником, поставил с головок воз на попа, опоясал его поперек вожжами, а сам залез спиной между полозьев, продел руки между копыльев, кряхнул, подхватил воз со всем, с санями, на спину, подтряхнул его на воздухе да и пошел преспокойно с этой вязанкой в ворота, где уже ждали его товарищи.

Хозяин все это время стоял на крыльце и только осовело глядел на проделку Овчинникова; а когда он ушел с возом за ворота, хозяин только развел, знаете, руками да и говорит: «Ну, брат Овчинников, буду я тебя помнить да и внукам своим сказывать стану, каки еще люди бывают на свете!»

Ну, конечно, тут и многие выскочили на улицу посмотреть на такую диковинку!..

Вот с тех пор и пошел слух по всему тракту, по всему Нерчинскому краю о таком осилке, а овчинниковская вязанка вошла в поговорку. Ну, так вот, как этот молодец не унесет такой лодчонки и с бабушкой.

– Вот вы опять спятили! – перебил меня Федот. – Да нешто в лодке родят?

– Нет, на тебя поглядят! А ты знаешь пословицу, что родить нельзя погодить!..

– Ну ладно, ладно!.. Не придуривайтесь да не сбивайтесь с дороги-то!.. А вот слышали, что ноне весной было вон за Бобровкой, ну, как ее называют деревню-то, запамятовал?..

– Ну да все равно, Федот, а сказывай, что там было?..

– Да и было, что весной-то вышел из бору медведь да и бродил у поскотины. Его, значит, увидали да и прогнали народом, а он и ушел, да не в лес, а в колок. Ну, а в ночь-то и нахлынула вода, его оттуль и выгнало: вот он и стал колобродить по гривам! Его опять на грех-то и увидали два мужика, когда водой окружило, и поплыли за ним в лодке. А он, будь он проклят, возьми да и залезь на большу карчу – такая, значит, толстущая тополина лежала. Вот они и удумали, что зверь боится воды: давай, говорят,

съездим в деревню, возьмем веревку, накинем ему на шею удавкой да и стащим в воду; он, дескать, тут и захлебнется.

Вот они с большого-то ума съездили, приплавили веревку и явились к зверю, а он, значит, лежит на тополине да только рюхает...

Вишь, говорят, боится. Давай, брат, накидывай петлю... Он им и дался, словно нарочно. Вот они накинули, плюхнули в лодку да и стали его тащить с карчи! А он, значит, как бултыхнет в воду да ну-тко за ними, догнал, выворотил из лодки и давай их починивать по-своему. Одного-то только поранил; тот как-то уцепился за лодку и спасся; а другого-то, дурака, так и закунал в воде – утопил до смерти.

– Ты где это слыхал, Федот?

– А вот сегодня мужики прибыли сверху, с самой Рассказихи, так сказывали.

– Вот болваны-то! А который теперь час? Поди-ка, и спать пора! – сказал дедушка.

– Да уж давно коромысло-то (Большая Медведица) повернулось, спать же и надо! – отозвался Федот и завернулся в полушубок.

И вот немного погодя засопели и захрапели уж многие... Небольшой огонек все еще догорал в рыбачьем очаге и, то потухая, то вспыхивая синеватым огоньком, причудливо освещал одну половину избенки... Вот против очага все еще видна освещенная часть готовящейся сети, и в ней торчит воткнутая рыбачья игла. Из-под сети же к самому потолку виден конец длинной одностволки; а в углу избенки на длинном черенке и зубьями кверху стоит рыбачья острога. Тут

мне невольно, но смутно явились на память превосходные стихи Рылеева из поэмы «Войнаровский».

… Пришли – и ссыльный торопливо,
Вошед в угрюмый свой приют,
Вдруг застучал кремнём в огниво,
И искры сыпались на трут,
Мрак освещая молчаливый;
И каждый в сталь удар кремня
В углу обители пустынной
То дуло озарял ружья,
То ратовище пальмы длинной,
То саблю, то конец копья…

А здесь вон на полке светится часть самовара, белеют бочки фаянсовых чашек, и несколько ниже уж в сумраке желтеет контур балалайки… А в темном углу на лавках лежат, как покрытые мумии, наши охотники… Но вон и Федор Спиридоныч, словно восковая кукла, с желтым лицом от мерцающего очага, торчит из-под полушубка.

Что-то и у меня падают веки сами собой и смыкаются глаза… Очаг, кажется, чуть-чуть уже мелькает… Забываюсь помаленьку и я…

XXIII

Снова весна. Поездка за гусями. Река Алей. Возвращение. Катастрофа на дороге. Ужасное зимнее купанье. Спасение.

«И круты горки, да забывчивы», – говорит русская пословица, и совершенно верно, потому что забывчивы, например, для охотника его бывшие неудачи. Сколько раз приходили мне на память наши не совсем счастливые поездки с дедушкой за гусями, а глядишь, придет весна, обогреет, словно обнимет, солнышко, побегут мутные ручейки, и снова тянет туда же; а тянет потому, что охотничье сердце не может равнодушно смотреть на пролетающих лебедей, гусей, уток, и также не может оно равнодушно слышать их гычанья, гоготанья и свиста гусиного полета. А тут, как нарочно, приезжают знакомые крестьяне и говорят, что водяной птицы появилось уже много, «адоли грязи», как они выражаются. Ну и пуще того заноет и затоскует душа; так бы вот, кажется, и бросил все и скорее, скорее бежал на простор полюбоваться весной, повоевать с сибирской природой и только хоть посмотреть на прилетевших гостей. Является непонятная истома. Какая-то сладкая потягота, а руки, словно они чешутся, точно зудят и просят работы.

Вот в такие минуты мне и пришло на память, что один мой знакомый охотник и состоятельный человек, некто Александр Андреевич Мер-в, проживающий в селе Чистюньке, не один раз звал меня на охоту за гусями, говоря, что у них гусей собирается множество и что у них охота эта производится легко

и удобно, потому что все места им известны, а в притонных пунктах есть скрады (караулки), где можно поджидать гусей на воду или стрелять на перелетах, чего, дескать, нет в Самодуркиной.

Ну, как вспомнил всю эту штуку, так и загорелось в душе – ехать, непременно ехать в Чистюньку. Но как и с кем туда отправиться?.. Дедушка что-то отказывается и уж одну весну не ездил; а одному неудобно и дорого – кого же сманить на поездку?..

И вот счастливая судьба помогла мне в этой трудной задаче: приехал ко мне исправник уважаемый Андрей Андреевич Н-ский, хороший охотник и веселый приятный товарищ. Я в это время служил городским головой в Барнауле, а потому при его явлении невольно подумал: «Ну, что-нибудь неладно, верно, опять какие-нибудь неполадки или совместная работа». Вследствие этой неприятной мысли я пытливо посмотрел на выражение его лица – дескать, что оно изображает? Кислое или нет? Смотрю – ничего; оно, по обыкновению, добродушное и даже улыбается!.. В чем же дело?..

– А смотрите-ка, дни-то, дни-то какие стоят – просто прелесть! – сказал он.

Эге, думаю, ладно! Это не обмундирование полицейских чинов, а что-то наклевывается доброе!..

– Да, действительно хороши!.. Да вы лучше не соблазняйте, потому что и без того хочется улизнуть куда-нибудь поохотиться.

– А знаете что? Махнемте-ка в Чистюньку! Мер-в давно приглашал меня на гусей, а мне туда все равно нужно ехать по делу.

– Ну, батенька! Да вы точно вороньи яйца ели!.. Ведь я только сидел и сейчас думал об этом.

– Вот и прекрасно, значит, поедем; а у меня же и тарантас отличный, поместительный, мягкий, и меня как исправника провезут по каким угодно зажорам.

Можете судить о моей радости, а тем более при такой неожиданной приятной случайности! Конечно, мы тут же сговорились, кому что взять с собой на дорогу и когда выехать.

Одним словом, около половины апреля 1889 года мы отправились по Змеевскому тракту и без особых приключений доехали в тот же день к вечеру до третьей станции, т. е. до Чистюньки, и остановились у гостеприимного и любезного Александра Андреевича Мер-ва.

Весь вечер протолковали мы о том, как завтра устроить охоту. Но так как самому хозяину, к сожалению, почему-то ехать было нельзя, то он откомандировал с нами своего молодого родственника, милейшего юношу, приятного человека и хорошего охотника, который знает все гусиные места. И тут на общем совете решено было так, что мы уедем к р. Алею сначала на тележках и поохотимся: а затем к нам привезут лодку, и мы уже будем разъезжать в ней; потом уплывем по реке домой, в Чистюньку.

Словом, план составился великолепный, а хороший ужин, удобное помещение и гостеприимство хозяев доставили нам приятное расположение и спокойный сон, под самыми радужными надеждами.

Да и как легко и сердечно вспоминается этот вечер!..

Рано утром добрая хозяюшка угостила нас чаем с разными горячими произведениями кулинарного искусства, и мы, насытившись до второго пота, весело отправились вверх по правому берегу Алея.

Проехав несколько верст по холмистому берегу, мы видели несколько озеринок, но все они были пусты и только представляли собой громадные зеркала, в которых, как находящихся почти под нашим берегом, в обратном виде отражались наши тележки. В нескольких местах уже далее мы видели уток, но не стреляли, потому что боялись звуками выстрелов, как говорят сибиряки, оголчить окрестность и напугать гусей.

Но вот, проехав еще две-три версты, нам показались и гуси, то плавающие на озерках, то спокойно сидящие или разгуливающие по их пологим берегам.

Тут мы попробовали заезжать на тележках, но гуси, как и везде, хитрые, осторожные гуси близко не подпускали и с тревожным криком улетали куда-нибудь подальше. Так мы провозились очень долго и наконец, потеряв терпение, начали стрелять не в меру из хваленых уточниц и винтовок, где мне и удалось подбить одного гуся пулькой; но он все-таки, тяжело раненный, утянулся еще за мерзлую болотину, где и запрятался в кустарнике.

Как мы ни старились заезжать еще десятки раз и караулить на перелетах, мне довелось спустить только одного, который ловко упал на сушу, а затем подбить другого уже вечером; но этот упал за Алей и погиб безвозвратно. Товарищи же мои, как ни стреляли, но не могли добыть ни одного, потому что их ружья

не брали на ту высоту, на какой пролетали осторожные гуси.

И все это ничего: мало ли каких неудач ни встречается на охоте? Но плохо вышло в том, что, воротившись спустя несколько времени к назначенному пункту, чтоб закусить и отдохнуть, мы увидали, что лодку нашу привозили, но, не дождавшись нас, снова увезли в Чистюньку. Что тут делать?.. Толковали и судили на все манеры и пришли к тому заключению, что надо послать за ней снова, а 9 верст расстояние небольшое, и лодка приедет хоть к утру. По счастью, нам попался проезжающий крестьянин, который согласился тотчас уехать и доставить лодку, для чего и дали ему полновесную записку Мер-ву.

Все-таки кончилось тем, что лодку нам привезли. Мы ночевали и на другой день пробовали счастья на все манеры. Тут исправнику удалось убить почти у самого табора одного гуся 8-м номером дроби, потому что он летел невысоко и недалеко, не видя стрелка за кустами.

Тем наша охота и кончилась. Пришлось возвращаться домой уже в лодке, и вот, кажется, тут мне удалось убить еще одного гуся из винтовки.

Надо сказать, что в это время Алей был в полной воде, в некоторых местах выходил уже из берегов и нес нас с большой скоростью вниз по течению. На дороге нам пришлось проплывать одну деревню, где весь народ суетился около берега и укреплял его разными способами, потому что Алей, подмывая крайние постройки, преспокойно спускал их в воду...

Все это картинно, если хотите, но в сущности – какая безотрадная местность по долине этой реки!

Повсюду низменные берега, затопленные луга, кое-где попадающиеся небольшие островки и займища, поросшие кустарником или жидким лесом, и только; так что глазу, любящему природу, отдохнуть негде – монотонно и скучно!.. Можно спать в лодке сколько угодно и не жалеть, что проплыл несколько верст по такой пустынной и неоживленной природой местности. Только одни гуси, таившиеся по берегам, напоминали нам о себе и заставляли бодрствовать, а потом, уже вечером, полная луна, причудливо и эффектно освещая извилистое течение реки и поминутно отражаясь в воде, по разным затонам и озерам то справа, то слева, вызывала полюбоваться затопленной местностью.

Часу в первом ночи мы благополучно приехали обратно в Чистюньку, ночевали и утром после занятий исправника по делам и после закуски отправились восвояси. День был хороший, но холодный и ветреный, так что нам пришлось одеться теплее и залезть в полушубки. Лошадей подали хороших; по дороге особых препятствий не было – и мы катили по-сибирски. Действительно, мягкий тарантас исправника словно летел и только на небольших неровностях, как в зыбке, покачивал своих пассажиров, а мягкий переливный звон колокольчиков вместо няни убаюкивал плотно покушавших охотников. И вот мы волей-неволей задремали...

Но вот я неясно слышу сквозь сон разговор исправницкого сержанта, сидящего с левой руки на козлах с ямщиком.

– Тут, смотри, мостик; да он, брат, худой, так надо объехать! – говорит и ласково и внушительно сержант.

– Знаю, почитай кажинный день тут езжу, так попривык! – самонадеянно и с достоинством отвечает ямщик.

– Пошто же не изладите? Ведь тут трахт, а то, пожалуй, и карантус посадишь!..

– Да вишь, братец, и ладили, да все водой подмывает... Да ничего, проедем!..

В это время я слышу, что лошади зашлепали по воде, а тарантас, побулькивая и покачивая колесами, поехал по мягкому.

– Что ты сдурел?!. Держи полевее!.. Куда ты воротишь?!. – сердито и громко говорит сержант.

Слыша это, я все-таки не могу овладеть собой, чтобы сесть и посмотреть, где и куда мы едем?.. Ну вот слипаются глаза, да и только!.. А уверенность, что опытный ямщик, который кажинный день тут ездит, конечно, лучше сержанта знает свою дорогу, как бы дала мне возможность остаться в покое и не беспокоиться...

Но вот в это самое время я чувствую, что тарантас, уже булькая по глубокой воде, вдруг справа под заднею осью валится на мою сторону... В ту же минуту я слышу усиленные крики сержанта и ямщика на лошадей, наконец, вижу, как последний валится с козел, и сам моментально лечу из тарантаса, а за мной с распростертыми руками мелькнул в черном большом тулупе и мой милейший сосед!..

В ту же самую секунду я увидал перед собой большую воду и почувствовал, что я уже плюхнулся в холодную, как лед, влагу, которая тотчас охватила меня в открытых частях тела, забравшись уже за пазуху, и попала за спину!.. Еще не придя в себя и не усвоив

того, что с нами случилось, сознаю только то, что я в воде, не могу ногами достать дна и потому плыву к берегу… В это же время слышу сзади себя фырканье исправника, а оглянувшись, вижу, как он с испуганной физиономией и вытаращенными глазами барахтается в шубе в воде и старается ухватиться за юбку моего полушубка, которая пузырем надулась над водою.

Ту же минуту я выбиваюсь руками на берег и слышу, как сзади меня исправник и бранится, и ухает от охватившей его холодной воды!..

Наконец мы на берегу, поднялись уже на ноги, растопырили мокрые руки и удивленно смотрим друг на друга!..

– Черт ее знает, что за штука случилась!.. – говорит он.

– Ничего, штука хорошая!.. Молите Бога, что мы вылетели одни и за нами не улетел тарантас!..

– Ты что же это, болван, наделал? – обратился он к ямщику, который с испугу бросил вожжи и, перебежав выше по лыве, спешил к нам на помощь.

– Помилуйте, ваше высокоблагородие, не в первый раз езжу!.. Да, вишь, обрезало задним колесом.

– Обрезало!.. Обрезало!.. Дурак ты, вот что!.. – сказал исправник и, вероятно увидав еще раз мою мокрую фигуру, от души расхохотался.

Испуганный сержант стоял за тарантасом, видимо прячась от взора исправника, и, растерявшись, не знал, что ему делать – то ли оправдываться, то ли винить ямщика, но вот хохот Андрея Андреевича поднял и его душевную борьбу.

В это время лошади подхватили и понеслись по мокрому лугу, но сержант и бойкий ямщик успели

их догнать, подхватить вожжи и, на маху заскочив в тарантас, скоро их остановили.

С нас каскадом бежала вода, и мы мокрыми рукавами старались обтереть свои физиономии. Ветер, как нарочно, усилился и, кажется, хотел нас снова спихнуть в эту большую и глубокую промоину...

Оказалось, что мы верстах в двух от той самой Самодуркиной, куда мы ездили с дедушкой за гусями; а потому мы и порешили, не раздеваясь, как можно скорее добраться до этой деревни. По счастью, из тарантаса ничего не выпало, не оказалось только моей винтовки, которую я вместе с другими ружьями выносил из дома Мер-ва лично сам и положил в тарантас с моего бока. Ясно, что она вместе со мной вылетела в промоину, а потому мы решились ее поискать длинной жердью, которую, сержант тотчас и притащил с луга, выдернув ее из старого остожья.

И можете себе представить, что этой жердью длиной не менее 9-10 аршин мы едва достали дно ямы, как-то ловко поддели винтовку за погон кожаного чехла и вытащили на берег.

Одумавшись и оглядевшись, мы от души возблагодарили Господа, что мы и в несчастии так счастливо отделались, а весьма легко могла случиться крайне плохая история. Дело в том, что ямщик попал на самый отвесный край промоины, но попал наискось, и только поэтому наш тарантас действительно обрезало только одним задним колесом!.. А что бы было, если б туда же попало и переднее колесо бока? Тогда бы и мы, и тарантас, за ним и лошади улетели в глубокую водяную пропасть!!

Чтоб не вымочить все, что было в тарантасе, своими мокрыми полушубками, с которых все еще бежали потоки несмотря на то, что их обжимали по шерсти и ямщик, и сержант, мы встали по бокам на приступки экипажа и велели скорее катить в Самодуркину.

Тут мы остановились уже в знакомой мне квартире, попросили поставить самовар, еще хорошенько отжать нашу мокрую одежду и подсушить, а сами занялись переодеванием в запасное сухое белье и платье, так что волей-неволей пробыли тут не менее четырех часов. Здесь мы узнали, что промоина, в которой мы купались, величиной гораздо более всей усадьбы нашего хозяина и что она, наполнившись вся водой, могла поглотить не один десяток тарантасов!.. И наше счастье еще в том, что добрые кони выхватили экипаж уже на трех колесах на окраину ямы…

Да, слава Создателю!.. А улети мы в эту страшную промоину с тарантасом и лошадьми – это был бы вопрос ужасный, вопрос жизни и смерти!.. И Бог знает, что бы случилось… Могли ли бы мы выкарабкаться на земную поверхность?..

Не сетуй, читатель, если я тут же позволю себе обратиться к Андрею Андреевичу и сказать ему: «Вы еще в Барнауле, более чем за две тысячи верст от меня, но если вам случится прочитать это воспоминание, то припомните, дорогой мой, все сами… Припомните и то, как мы, минуя беду, сначала таили случившуюся катастрофу от наших жен, а потом уже вместе с ними хохотали чуть не до истерики. Как мы летели один за другим из тарантаса, как потом плыли в полушубках, невольно ухая от холодной воды, и как, наконец,

как мокрые индюки, смотрели друг на друга, обоюдно находя себя в крайне оригинальном состоянии!..»

Положим, что описанный мною случай курьезен, но что выражает наше купание в сравнении с купанием К. А. Аб-ова, которое как выдающийся факт я хочу сейчас занести в свою хартию, чтоб всякий читающий мог сообразить, каким сюрпризам подвергаются иной раз сибиряки в своих путешествиях и служащие люди в своих служебных экскурсиях и командировках.

Дело в том, что К. А. Аб-ов, служа в горном ведомстве на Алтае как отводчик золотоносных площадей, еще в молодых годах возвращался однажды зимою из тайги в Барнаул. Снег был уже довольно глубок, и ему запрягли в кошевку парочку лошадей впростяж, т. е. не рядом, а гуськом, одну за другой, потому что иначе ездить по тайге неудобно, а при глубоком снеге и невозможно. Морозы стояли хотя и порядочные, но быстрые горные реки нередко долго не замерзают совсем или имеют открытые полыньи.

Выехав с промысла прииска еще днем, он как раз ночью должен был спуститься на реку и уже ею ехать; сколько-то верст – хорошенько не помню, да и суть не в расстоянии.

Ямщиком у него был бойкий молодой парень, который, лихо побежав таежной просекой, не задумываясь, спустился на реку и, посвистывая, катил по ней уже по льду. Страшная тайга покрывала оба берега и бесприютно и угрюмо смотрела на отважных путешественников. Как седок, так и ямщик, конечно, хорошо знали, что на большом перегоне они не встретят ни одного жилого места – ничего, кроме высокого

темного леса; тем не менее привычные люди ехали без особой боязни, и Аб-ов, укутавшись по-зимнему и ловко приютившись в уголок кошевки, даже вздремнул.

Как вдруг ямщик испуганно затпрукал, моментально остановился и соскочил с облучка. Проснулся, конечно, и Константин Александрович и, видя, что что-то случилось, выскочил из кошевки.

Оказалось, что, объезжая одну полынью, передовой конь попал на подпарину и провалился, а за ним с маху провалился и коренник, но зацепился запрегом за лед и только потому не последовал в глубокую и быструю воду за своим товарищем. Кошевка стояла еще на льду, а коренник, захватившись мордой за край льда, болтался на подбрюшнике.

Видя такую беду и сообразив, в чем дело, они решили, что переднего коня спасти уже невозможно, потому что он был под льдом и только тянул коренного постромками туда же; сметливый ямщик тотчас выхватил из кошевки топор, живо обсек у оглобель постромки – и бедного передовщика, конечно, моментально удернуло быстрым течением.

Затем они оба принялись выручать за оглобли коренного, но видя, что этого нельзя, они обрубили гужи, и тогда конь при их помощи выскочил на лед. Но одна беда – не беда! а явилась другая, получше первой: Аб-ов, помогая ямщику, как-то оступился или провалился и улетел в воду, а его тотчас быстриной удернуло, как и коня, тоже под лед!..

Бойкий ямщик не потерялся и тут: он, моментально приметив, что в нескольких саженях ниже по реке чернеет другая полынья, тотчас бросился туда, мигом

подполз на животе к ее окраине и, несмотря на темноту ночи, увидал, что что-то счернело на воде; он схватил это что-то рукой и выдернул меховую шапку. А затем он снова заметил опять что-то слабо счерневшее на поверхности воды и, мигом схватив этот призрак своей могучей пятерней, поймал за волосы Константина Александровича и вытащил его на лед!

Можете судить о радости того и другого в эту ужасную и счастливую минуту!.. Но тут же посудите и о том, какой опасности подвергался и ямщик, решившись ночью один среди тайги подползти по тонкой окраине полыньи и не побояться того, что и сам он может провалиться туда же!.. Да, а много ли таких, которые вовремя найдутся и не подумают о самохранении?..

Но что приходилось делать путникам далее?

Назад оставалась тайга – и впереди виднелась все та же бесприютная холодная тайга!.. Как же быть?.. Куда ехать? Назад или вперед?.. А ехать необходимо, потому что разводить огонь долго, да он и не поможет при таком случае. Подумали-подумали и пришли к тому, что надо по возможности выжать поскорее всю промокшую одежду, надеть ее снова и лететь к кордону.

Так они и сделали; отжались общими силами, а затем Аб-ов уселся в кошевку, ямщик накрыл его своей дохой, утыкал сеном и, живо исправив гужи, напряг коня и уже на одном покатил к кордону…

И все это, конечно, сотворилось в недолгие минуты, чтобы не замерз и конь, покупавшись в такой ледяной купели, который сначала едва передвигал ногами, но затем размялся и добежал благополучно.

– Вот удивительное же дело, – говорил мне Константин Александрович, – я тогда был так возбужден нервами, что не чувствовал холода, а улегшись в кошевку, даже потом согрелся до того, что, несмотря на сырую одежду, чувствовал на себе уже испарину. Отлично доехал до кордона, обсушился, напился чаю, крепко заснул и, приехав в Барнаул, был совершенно здоров; не случилось даже и насморка! А вот теперь пройдешь только босыми ногами по крашеному полу – и глядишь, подхватит тебя всякая нелегкая!

Да, скажу по опыту и я. Молодость и привычка жить на воздухе во всякую погоду – лучшая порука от всяких простудных заболеваний. Подобные же купанья испытывал и я не один раз – и все сходило благополучно; а мокрая одежда, но изолированная от ветра всегда действовала как согревающий компресс и, как говорится, вышибала клин клином. Similia similibus curantur (Подобное излечивается подобным (лат.)) – недаром служит основанием гомеопатии!..

И если б я был ранее знаком с великим учением Ганемана, я уверен, что, странствуя по сибирским трущобам, я спас бы не одну жизнь как моих подчиненных тружеников, как многих простолюдинов, живущих в беспомощных дебрях Сибири, так и своих детей, умиравших и в таежных помещениях, и на глазах эскулапов, пичкавших их всевозможными кладями.

XXIV

Солнечное затмение 7 августа 1887 года. Коршуны. Курьезы на медвежьей охоте. Мальчик-медвежатник. Разговоры. Оларовский.

Не соблюдая в своих записках строго хронологического порядка, я пишу то, что придет на память по месту моего жительства и подходящего случая; а потому, говоря о Барнауле, не могу не сказать о солнечном затмении 7 августа 1887 года.

Конечно, о нем заранее протрубили все календари и газеты, которые ныне получаются хоть в одном или двух экземплярах даже во многих и сибирских селах священниками, торгующими и волостными писарями. Поэтому весть о таком событии распространилась повсюду задолго, и самое явление не застало народ врасплох, что, конечно, имело свою хорошую сторону. Тем более уже и потому, что народ подготовлялся некоторыми благоразумными священниками в проповедях, так что, как говорят, и в самых глухих деревушках не было никакой паники, что случалось прежде, когда многие темные люди то ли по неведению, то ли с умыслом творили разные глупости, приписывая солнечное затмение преддверию появления антихриста и прочее.

Словом, вследствие разумного подготовления народа затмение 1887 г. прошло совершенно спокойно. По крайней мере, так было в Барнауле и его окрестностях. Но все-таки были примеры, что некоторые старухи, слыша о будущем затмении, постились и ждали этот день не совсем спокойно, и не особенно веря предсказанию.

Ждал его, конечно, с особым настроением и весь образованный мир, заранее заготовив копченые и цветные стекла. Здесь день 7 августа с утра был ясный и тихий, так что все с большой энергией караулили появление затмения.

В Барнауле оно началось в 9 часов 11 минут утра; в 10 часов 27 минут оно было уже почти полное, оставляя незакрытым небольшую нижнюю часть солнечного диска, так что остающийся световой серп хоть немного, но все-таки светил и мешал эффекту полного затмения. В 11 часов и 39 минут уже открылся почти весь солнечный диск, и только на левой его стороне оставалось маленькое пятнышко. Такое исчисление времени было, по крайней мере, на обыкновенных часах, и полагаю, что оно подходило довольно близко к обсерваторскому времени, потому что все мы более или менее проверяли свои часы на телеграфной станции.

Во время наибольшего закрытия диска сделалось далеко не темно, но как бы получились особого рода сумерки с синевато-серой окраской всего видимого, так что самые лица наблюдателей, казалось, приняли этот колорит и походили на лица покойников или изнуренно больных. Весь эффект выражался тем, что все казалось в том виде, как бы смотрели чрез химически окрашенное стекло синевато-серого цвета. Кроме того, во время наибольшего затмения наблюдалось небольшое понижение температуры.

Интересно было видеть, как в эти минуты весь Барнаул словно замер, настала полная тишина, улицы опустели, и почти не было ни прохожих, ни проезжих. Это, конечно, доказывало только то, что все, кого где

захватило, оставались на месте, наблюдали и созерцали столь редко повторяющееся явление.

Теперь надо ожидать его, как гласят астрономы, 18 августа 1904 года, так как полное затмение повторяется через 18 лет и 11 дней; а на одном и том же месте бывает через 54 года и 34 дня.

Как известно, такие полные затмения были за недолгое время нашего бытия в 1850 году июля 6-го, в 1868 году июля 27-го.

Конечно, последние наблюдения – дело, не подходящее нашему брату, а такие серьезные вычисления и не нашего ума-разума – для этого и поделаны астрономы; а мы, простые смертные, только пользуемся их выкладками и при небольшой наблюдательности замечаем то, что нам доступно, но чего многие как бы не хотят видеть. Речь эту я веду к тому, чтоб сказать несколько слов о тех, которых не занимают такие интересные явления природы, и они, не забывая о таких редких днях, преспокойно просыпают на мягких ложах, а такие интересные субъекты нашлись и в Барнауле!..

Теперь я перейду к небольшой заметке о коршунах, в таком большом количестве появляющихся с весны и проживающих до поздней осени в Барнауле. Хотя и кажется, что птица эта так обыкновенна, так маловажна, что о ней не стоило бы и говорить, но мне желательно отметить свои наблюдения, доказывающие поражающую зоркость и наглую смелость этих хищников.

Когда мне случалось приезжать на горный совет летом из Сузуна в Барнаул с моим товарищем по службе С. В. Широковым как гиттеншрейбером, то он во время досуга и скуки ради притравил к своему окну летающих десятками коршунов. Для этого

он бросал им кусочки мяса, сначала сырого, а потом вареного и жареного.

Нельзя не удивляться, в самом деле, тому, что довольно высоко летающие коршуны усматривали тот момент, хотя и не ежедневно повторяющийся, когда небольшой кусочек вылетал из окна на дорогу. Заметив его, хищник тотчас моментально спускался к дороге и так ловко подхватывал этот кусочек на маху своего стремительного налета, что ничем не задевал землю и никогда не делал промаха.

Лишь только, бывало, Широков выбросит кусочек, как который-нибудь из коршунов сначала сделает небольшой круг на воздухе, как бы для того, чтоб убедиться, что это не обман, и как бы примериться к похищению, а затем в один миг он только мелькнет перед окном – и кусочка уже нет.

Забавляясь таким образом, Широков пробовал их и обманывать, бросая не мясо, а кусочек черного хлеба, по-видимому весьма схожего по цвету с вареным или жареным мясом, но коршун, бросившийся на добычу, в тот же миг своего стремительного полета успевал разглядеть обман и не хватал хлеба. Неужели это не острота зрения хищной и притравленной к мясу птицы?!.

Затем другой курьезный опыт вполне удавался Широкову и обратил внимание уже многих, видевших пролетающих коршунов с картами или небольшими запечатанными конвертами. И это делалось так: к кусочку мяса привязывались на жилке или тонкой струне игральные карты или конвертик и бросались на улицу уже после нескольких налетов птицы на чистое мясо. Хищник подхватывал кусочек, а с ним поднимал на воздух и карту, которая, болтаясь

вершков на шесть ниже, нисколько не мешала коршуну тут же на полете проглотить мясо. Но дело в том, что хищник никак не мог перекусить или оторвать когтями тонкой струнки, и карта, развеваясь по воздуху, долгое время летала вместе с ним. Выходило и смешно, и оригинально, а сердившийся хищник садился на деревья и крыши, всеми силами старался отделаться от ненавистной ему посылочки и все-таки не мог от нее избавиться, пока не переваривалось в его желудке мясо – тогда уже карта отлетала сама собой.

Однажды сынишка содержателя гостиницы Агапова, мальчик лет 7 или 8, нес на ладони телячий пузырь, полученный им от отца при колке теленка. Как вдруг стремительно налетел коршун, схватил с ладони пузырь и в ту же минуту поднялся с добычей, а испуганный мальчуган заплакал и закричал во всю глотку.

Почти то же самое было и с сыном чиновника Васильева. Мальчик нес через двор на тарелке котлету, и коршун точно так же схватил ее на всем маху и огнивцем крыла ссаднил ему щеку!..

Заканчивая свои воспоминания об Алтае, не могу не рассказать той курьезной истории, которая встретилась у нас на медвежьей охоте 5 июля 1887 года.

3 июля приехал ко мне тот же милейший Андрей Андреевич Н-ский и без всяких предисловий сказал:

– А вы, Александр Александрович, не поедете ли на медвежью охоту?

– Как, летом? Разве хотите покараулить на лабазе? – спросил я.

– Нет, а вы разве не слыхали, что у деревни Овчинниковой вот уж с неделю ходит большой медведь,

даже в поскотине, и напугал жителей до того, что теперь они сидят дома, боятся и на покосы выехать.

– Слышать-то я слышал, Андрей Андреевич, да только не верю, поди-ка, все врут.

– Чего врать – это факт! И я уж получил от волостного старшины официальное заявление – просит сбить народ и сделать облаву.

– Ну, хорошо, но кто же поедет? Ведь мы вдвоем не составим облавы?..

– Да решайтесь только вы, а там уж я найду. Мне и воинский начальник хочет дать человек пять лучших стрелков из бывших охотников.

– А когда ехать?

– Тут медлить нельзя, и я уже дал знать, чтоб старшина собрал народ к 5-му числу. Значит, завтра и поедем, а я вас довезу даром, по обязанности службы. Овчинниково ведь недалеко, это третья станции по Бийскому тракту. Значит, едем?.. Решайтесь!.. А я подыщу еще кого-нибудь; да я, признаться, был вчера на мельнице у Платонова, видел Генриха Мартыновича – так и он с сыном собирается ехать.

– Как, Бе-т?.. Что вы, смеетесь!.. Ведь он совсем не охотник и боится ружья до смерти, а сын его совсем еще мальчик и тоже не охотник.

– Да нам-то что за дело? Едут и пусть их едут, а мы дадим им надежных ассистентов.

– И сделаем из них медвежью котлету, – перебил я исправника.

– Что вы! Они об этом и не думают, а вчера, заполучив ружья от Платонова, нарисовали мелом на амбаре медвежью фигуру и часа два жарили в нее пулями.

– Как, а разве Иван Константинович не собирается?

– Нет, ему почему-то нельзя, и он отказывается.

– Вот это жаль!.. А он получше десятерых Мартынычей. Ну, а Савелий Максимович?

– Тоже не едет, говорит – устарел, да и штуцера не имеет.

– Ну, так, наверное, поедет Шутницкий?

– Нет, не собирается и он, а, по обыкновению, шутит, говорит, что он немного глуховат, а раньше с Михаилом Потапычем знаком не был и под старость не желает заводить с ним даже шапочного знакомства...

– Ну, хорошо, я согласен; только вы за мной заезжайте, ведь вам по пути будет, а я к утру буду готов и припасу какую-нибудь закуску...

На том мы порешили, а 4 июля, переплыв на пароме за Обь, часов в 10 утра были уже на первой станции в селе Белоярском. Тут исправник заехал к своему сослуживцу, становому приставу, хорошему охотнику и мужчине большого роста и атлетического сложения. Он согласился ехать с нами и тотчас велел подать себе лошадей.

Штуцерники же, охотники из военной команды, были отправлены раньше.

Рано вечером мы были уже в Овчинниковой и, конечно, первым делом спросили на станции о медведе. Нам сказали, что дня за четыре он напугал одного крестьянина, который косил в лесной лужайке. Прежде всего тут увидала зверя его кобыленка, которая, испугавшись, оторвалась от привязи и, храпая, во весь дух убежала в деревню; а мужичонко, испугавшись не хуже ее, стал кричать и бруском тенькать в литовку; затем у него перехватило горло, и он, только

разевая рот, бросился наутек, без ума прибежал в деревню и объявил старшине.

С этого переполоха жители деревни Овчинниковой третьего дня сделали сами облаву.

Нашли медведя в ближайшей к деревне лощине, поросшей кустами и небольшим лесом, и погнали на засевших впереди стрелков. Но медведь выскочил не туда, а попал на одного облавщика, который ударил его в лоб кистенем. Медведя хоть и ошеломило, но он смял мужика и немного поранил ему голову; в это время какой-то стрелец выпалил в него из винтовки; затем сбежался народ; Мишка неведомо переметнулся в кусты, а потом куда-то исчез незаметно…

– Вчера его не видали? – спросил исправник.

– Нет, не уприметили, ваше высокородие! Верно, куда-то упорол и ён с перепугу.

– Ну, а крови не заметили, где его стреляли?

– Нет, не видали… Да, должно полагать, мимо полыхнул… Тут такая суета была, что не приведи Бог!.. Друг друга мяли и все затоптали… Вестимо, народ – кто во что горазд, галдят, суетятся, а толку нет.

– Ну, а мужик, которого поцарапал, живой?

– Живой, живой!.. Ничего не доспелось, так маленько со лба погладил…

В то время приехали Бе-ты, а потому, конечно, пошли новые распросы, разговоры, суждения, предположения и проч.

Все мы напились чаю и, выйдя из душной избы, увидали на дворе громадные ножи, насаженные на длинные и здоровые черни. Оказалось, что это якобы рогатины, которые вчера же openкованы на Платоновской крупчатной мельнице по просьбе Генриха

Мартыновича. Их было штук 5 или 6, и все они были до того велики и тяжелы, что все мы тут же порешили хоть наполовину обрезать у них чуть-чуть не оглобельные рукоятки; но Бе-т не соглашался и говорил, что он сделал их для того, чтоб отмыкаться ими вокруг себя на номере и тогда, если медведь полезет на него, то наткнется на эти рогатины сам!..

Конечно, нельзя было не посмеяться над такой курьезной фантазией, и все мы едва убедили его в том, что медведь сам не заколется и что лучше их обрезать и раздать предполагаемым у каждого номера ассистентам.

Так и сделали – черни обрезали и успокоились, а вечером некоторые охотники ушли за деревню и стали снова пристреливать ружья. Конечно, выстрелы раздавались по окрестности и ужасно сердили исправника, потому что они могли напугать зверя, если он близко.

Ввиду этого мы сейчас же послали за охотниками, попросили их на квартиру и успокоились снова. Но вот Генрих Мартынович усмотрел, что все военные охотники подвыпили, и потому на них надежда будет плохая. Конечно, приняли меры и тут, а вечером после долгой беседы закусили и улеглись спать.

Рано утром по распоряжению исправника все облавщики должны были собраться к станционному дому, а старшина должен был нанять лошадей с тележками, чтоб всем охотникам можно было ездить к назначенным местам облавы...

Почти с полуночи соскочил с своего места Генрих Мартынович и все время о чем-то хлопотал и суетился.

Но вот наконец и желанное утро. Самовар уже пыхтел и кипел на столе, а хозяюшка то и дело бегала в двери и таскала из другой избы разные печенья для закуски. Народу собралось около станции видимо-невидимо. Он запрудил всю улицу и торчал на всех заборах. В среде их был и поглаженный медведем мужик с тем же кистенем в руках и грязной повязкой на голове.

Словом, все оказалось в исправности и запряженные лошади в тележки стояли уже во дворе, а около них лежало пять полевых борон, сложенных в кучу. Так как вчера вечером тут их совсем не было, конечно, все мы невольно обратили на них внимание.

– Для чего это тут бороны? Они только мешают, – сказал исправник.

– А это господин Бе-т приказали изладить! – ответил, улыбаясь, хозяин станции.

Не понимая, в чем дело, но все-таки догадываясь о цели их назначения, все мы, конечно, тоже улыбнулись и спросили Генриха Мартыновича:

– Для чего понадобились вам бороны?

– Как для чего?.. Я повезу их с собой на номер, велю четыре из них поставить на ребро зубьями наружу и залезу между ними, а пятой, тоже зубьями кверху, велю себя накрыть. Потом бороны свяжут по концам, и мне будет безопасно, а я могу стрелять в любую дыру, и поверьте, тут уж никакой медведь меня не достанет.

Слушая эту штуку, все мы невольно расхохотались и опять едва убедили медвежьего охотника, что это просто смешно, и что возить с собой бороны да устраивать их на каждой облаве невозможно, что с нами

будут у каждого номера избранные надежные люди по два человека, а ему дадут хоть десять, если он боится, так что опасаться тут нечего, а что его пресловутую клетку медведь может приподнять, опрокинуть и расчесать остроумного изобретателя.

Кое-как уладивши и это курьезное дело, мы пригласили желающих из крестьян быть нашими ассистентами или, лучше сказать, телохранителями, и, заполучив их по выбору из многих, изъявивших свои услуги, мы, наконец, напившись чаю, отправились на охоту. Вся облава весело двинулась за нами и по приказу исправника шла тихо и не галдела.

Надо заметить, что вся окрестность около деревни Овчинниковой на несколько верст поросла большими кустами и деревьями, но все-таки не изображала из себя тайги, или черни, и повсюду были пробитые дорожки, так что ездить было удобно.

Сделали мы пять или шесть шумных облав, но медведя не выгнали; он куда-то действительно исчез, и только в одном месте народ сильно закричал и заухал, так что все, как оказалось уже после, думали, что облава наткнулась на зверя, и потому всякий по-своему желал его встретить. Но вместо медведя выскочила на поляну черная коровенка, которая, задеря хвост, как сумасшедшая козлила и пронеслась мимо.

Тем наша охота и кончилась. Одно время немного покрапал дождик и, только постращав нас вымочить, прошел где-то боком, но зловещие тучи показались повсюду и обещали что-то серьезное.

Всех нас удивил присутствовавший на облаве мальчик лет 10 или 12, который все время ходил с народом, кричал за двоих и весело помахивал своей

крохотной рогатиной, т. е. небольшим ножиком, приделанным к тоненькой березовой палке.

Его спросили, как он сюда попал.

– За тятьку пришел, вишь, он чем-то болеет.

– А кто же тебе сделал это копье?

– Сам изладил.

– Ну а если б на тебя налетел этот медведь, то что бы ты сделал такой плюгавой обороной?..

– Как что? – как будто обидевшись, сказал мальчуган. – Я бы, брат, так саданул его в бок, что небось не ушел бы живым.

– Что ты, мальчуган! Да ведь это не кошка, знаешь, какой он большой и страшный?

– Так ведь я его видел, когда был с ребятами на облаве: ничего не страшный, ведмедь как ведмедь и есть!.. – сказал он с убеждением, и нисколько не бравируя.

К сожалению, я где-то затерял ту записочку, где были занесены имена и фамилии этих храбрецов, как мальчика, так и того крестьянина, который долбанул медведя кистенем и получил за это от него царапину, а с нами снова отправился на облаву и был, кажется, избран кем-то в телохранители.

– Вот и сравните этого мальчугана с нашим милейшим изобретателем колючей клетки! – сказал я исправнику уже на обратном пути к Барнаулу.

– А знаете что? Ведь я вот сижу и об этом же думаю. Ну что из него выйдет, когда он вырастет?.. Вот будет настоящий зверовщик!.. Я ему дал за его удаль сорок копеек.

– И я тоже, мы точно сговорились...

– Ну, батенька! Зато насмешил же нас всех Генрих Мартынович!.. Вот бы полюбоваться, как бы он сидел, как щеголь, в этой забавной клетке!.. Ведь это можно деньги заплатить за одну поглядку, особенно если посадить его в форменной треуголке!..

– А вы видели, как лукаво улыбались и мужички над его боронами?

– Что вы, как не видать!.. Поэтому-то я погрозил им пальцем, чтоб они чего-нибудь не ляпнули по адресу...

– А знаете ли, Андрей Андреевич, кого мне напомнил этот храбрый мальчуган?.. Покойного Эпиктета Павловича Оларовского, которого я уже не застал на Алтае, но слышал о нем много курьезных рассказов.

– Слышал и я, только не знаю, что вы хотите сказать?

– А то, что этот оригинальный человек ехал однажды по тайге и встретил на тропинке медведя. Все, бывшие с ним, испугались и закричали, а он, долго не думая, дал шенкеля коню и мигом полетел на зверя с нагайкой.

– Ну и что же?.. Я этого не слыхал.

– А ничего, медведь, видя такой смелый натиск, не выдержал, пошел наутек, и, как говорят, Оларовский на бегу успел отпустить ему несколько мантов.

– Ну нет, я что-то этому не верю; поди-ка, нарочно кто-нибудь сплел для красного словца такую курьезную штуку.

Верьте не верьте, а это знают многие на Алтае. А то вот тут, в бывшем местном батальоне, был какой-то офицер Федоров, страшный силач; так он, этак

же наткнувшись в тайге на медведицу, одной дубиной сначала отбил у ней медвежаток, а потом порешил и ее.

– Это я от кого-то слыхал, только не про него, а про какого-то силача Пазникова, который, по словам Айдарова, протыкал большим пальцем воловьи кожи и говорил, что они негодны для приема в казну, потому что его не помазал подрядчик.

Но тут мы приехали к станции, и разговор прекратился.

XXV

На мельнице. Гроза. Засели. Сомнительная туча. Ужасный смерч. Разговор. Кудрявцев. Опять эксцентричный Оларовский.

Нам живо запрягли лошадей, и мы покатили дальше.

– А знаете что, не махнем ли мы вместо Барнаула к Платонову на мельницу?.. А там всегда гостям рады – поиграем в картишки и отлично проведем время.

– Да, а потом ночью тащиться на перевоз?..

– Зачем? Да мы там и ночуем; а теперь еще рано, доедем отлично, а то, видите, что-то грозой пахнет.

– Пожалуй, поедемте – я люблю этот дом и с удовольствием побываю с вами, и Платоновы такие милые, гостеприимные люди.

Исправник приказал ямщику ехать на мельницу, и мы прикатили туда еще далеко засветло. Милейшие хозяева были очень рады, расспросили нас про охоту и вместе с нами вдоволь нахохотались курьезной выдумке Генриха Мартыновича. Потом туда же явился и сам виновник нашего смеха, составился вистик, и мы отлично провели вечер; но вскоре разыгралась страшная гроза, и наш милейший хозяин куда-то скрылся, потому что он сильно боится грозы и, несмотря на свою могучую натуру, нервно болеет при первом появлении молнии...

После завтрака 6 июля мы от души поблагодарили милейших хозяев и, несмотря на перемежающийся дождь, отправились восвояси.

Когда мы приехали к Обскому лугу, только что освободившемуся от коренного водополья, нам пришлось не на шутку задуматься – как и где проехать? Дорог было много, и все они по растоптанным колеям говорили о том, что тут плохо и там нехорошо, а где лучше – неизвестно.

Пришлось выбрать путь наудачу, и мы сначала поехали сносно, но вот жидковатое место, и мы так засадили и лошадей, и тарантас, что пришлось провозиться часа полтора, пока ямщик не вырубил с берега прилежащей старицы большие стяги, и мы уже общими силами выручили из топи тарантас.

Надо заметить, что в этот день с утра все небо было покрыто страшно густыми и кучистыми облаками то темного, то синеватого цвета. Повсюду собирались тучи, но, как бы жалея нас, проходили мимо.

Еще выручая тарантас, я заметил, что слева от нас в сильно сгущенной массе облаков выделилась довольно большая синевато-темная туча, а из нее словно черный рукав спустился книзу и как бы повис над землей, не касаясь ее поверхности. Туча эта, а вместе с нею и зловещий рукав, тихо подвигаясь на Ю.-З., грозила чем-то ужасным тем более потому, что этот рукав, как головная кишка сердившегося индюка, то удлинялась, то укорачивалась постоянно, то суживаясь, то раздуваясь и меняя цвета от темно-бурого до сине-багрового.

– Андрей Андреевич!.. Вы видите эту штуку? – сказал я, смотря и показывая на громадную кишку, или хобот, который висел уже над лесом и точно чего-то искал, за что бы ему схватиться, покачиваясь своим почти черным концом.

– Вижу, какая забавная туча!..

– Смотрите, как бы она не позабавила нас чем-нибудь грозным!.. Надо поскорее убираться.

– Нет, ничего. Вы видите, она тихо проходит стороной.

Тем не менее мы помогли ямщику поскорей запрячь лошадей, сели и кое-как добрались до перевоза, на котором был устроен отличный самолет[32].

Поджидая исправника, перевозчики придержали судно и при нашем появлении тотчас засуетились, чтоб спустить с крутого взвоза наш устряпанный в грязи тарантас.

В это время я взглянул на зловещий хобот и заметил, что он уже неподалеку от нас, страшно раздулся, посинел и почти касается берега Оби.

– Постойте, Андрей Андреевич! Не велите, пожалуйста, спускать экипаж, посмотрите, что делает эта туча? Как бы чего-нибудь ни случилось, а воевать с ней на воде – шутка плохая.

– Да, лучше подождать, – сказал он и приказал перевозчикам остановиться, не спускать тарантас и переждать.

В воздухе наступила именно зловещая тишина, и только пахло какой-то особой сыростью, точно чем-то давило сверху.

Все мы ждали невольно чего-то особенного, и оно не замедлило разразиться в ужасной картине.

И вот не прошло и минуты, как спустившийся хобот, приблизясь к громадной реке, вдруг сам собой подтянулся нижним концом к Оби, в один миг, как

[32] Самолет – паром, тип переправы через реку.

говорили перевозчики, схватился с водой – и послышался страшный, оглушающий шум!..

Почти вся видимая часть Оби, несмотря на свою большую ширину (средн. верста), в каком-то непроницаемом и неопределенного вида столбе соединилась с темной тучей. Около же этого грандиозного столба клокотала вода, клубилась пена, и громадные фонтаны били так высоко, что их вершины казались выше больших кустов и деревьев противоположного довольно высокого берега; и все это, взятое вместе, вертелось как бы спирально около своей оси и тут же подвигалось поперек реки.

Это и был какой-то первобытный хаос! Целый ад жизни и смерти, крутящийся от воды до неба, которое всеми тучами собралось в одно место, к вершине этого гиганта, и, слившись с ним, застлало непроницаемой мглой видимый горизонт этой части реки. Да, это был именно ад, который поражал своей ужасной картиной, и если не наводил на душу особого страха, то только потому, что этот ужасный смерч проходил от нас не ближе 200 или 250 сажен. Тем не менее все рыбаки и перевозчики сняли шапки и набожно крестились.

Во все это время, несмотря на расстояние, был такой ужасный шум и гул, что мы не могли говорить, потому что не слыхали друг друга.

Но вот шум сделался меньше, смерч ушел за колено левого берега Оби, и мы уже не видали момента его исчезновения. Нам вскоре показалась только одна приподнявшаяся туча и разбитые кругом облака. Погода вдруг прояснилась, и воздух до того освежился,

что все мы заметили это явление после той духоты и сырости, которые давили до этого.

– Что, Андрей Андреевич!.. Какова картинка?..

– Ужасная!.. Вот, оборони Создатель, попасть на реке под такую штуку! Тут и от парома останутся одни щепки.

Налюбовавшись этой грандиозной картиной природы, мы, радуясь в душе, что такая страшная беда прошла мимо, и тому, что случилось видеть это редкое явление, закурили папиросы и молчали, все еще находясь под обаянием виденного.

– А вот сегодня же, так, значит, в обед, слышался такой шум из туч, что мы, ваше высокородие, перепужались до смерти, – сказал старик перевозчик.

– Какой шум? Разве гром в отдалении? – заметил исправник.

– Никак нет, барин!.. Гром так гром, и мы знаем, что гром, а это просто с небеси шумело, да так страшно шумело, что все ребята испужались и стали креститься... Ну, а потом – ничего, пошумело, пошумело и затихло; а то адоли вода ключом кипит и клокочет в поднебесье, только как-то глухо, а шумно да таково страшно, что упаси Бог!.. Вот сколько тут нас было – все слышали, все лоб-то крестили.

– И дождь был?

– То-то и есть, что не было, только, значит, тучи ходили да одна на другую наползали.

– Ну, а как ты думаешь, дедушка, вот что сейчас было – что это такое? – спросил я.

– А по-нашему, барин, так это труба, где вода с небом соединяется, да и тянет за собой всю поднебесную воду.

– Отчего же ты думаешь, что она тянет, а не к небу поднимается по этой трубе?

– Как отчего? А пошто же фонталы-то били вон выше леса стоячего? Значит, она, вода-то небесная, и спуталась столбом на реку. Пошто же потом и прояснило скоро?..

В это время другие перевозчики спустили тарантас на паром, отдали чалку, старик повернул руль, и нас быстро потянуло силой течения на противоположный берег.

– Вот и возьмите сибирского мужика – слышали, как рассуждает! – сказал тихо исправник, когда мы уже поехали к Барнаулу.

– Нагляделся я на них, Андрей Андреевич! И не раз удивлялся их природному уму. Да вот какую интересную вещь расскажу я вам. Еще в Восточной Сибири, в Нерчинском крае, когда я служил там на Карийских золотых промыслах, моим постоянным охотничьим чичероне был зверовщик старик Кудрявцев. Вот однажды весной я поехал с ним зверовать в тайгу на р. Унгурку; но по большой воде попасть на ту сторону мы не могли, а потому волей-неволей должны были остановиться у речки, чтоб отдохнуть и потом уже охотиться в близлежащих горах. Сидя у огонька, мы заметили на горном увале (солнопечная сторона горы) медведицу с медвежатами, с которыми она играла и всячески их забавляла. Но по дальности расстояния мы не могли ясно рассмотреть, что именно она делает, а потому я стал смотреть в бинокль и рассказал старику; потом дал бинокль ему и научил его, как нужно смотреть и как наводить винтом по глазам. Он, конечно, тотчас понял, направил по своему

зрению, стал смотреть и удивлялся не столько забавам зверя, хорошо ему знакомым, сколько биноклю. Видя, что его больше интересует трубка, я стал рассказывать о том, что вот, мол, есть такие большие трубы, что в них рассматривают планеты и видят, например, на Луне горы, а на Сатурне – окружающие эту звезду кольца и проч. в этом роде. Он внимательно все это слушал и удивлялся науке и искусству. Чтоб убедить его сильнее в том, что все это действительно верно, я сказал ему, что все календари вперед знают и предсказывают, когда именно, в какое число, час и минуту будет, например, солнечное или лунное затмение. Обо всем этом он слыхал ранее и еще больше удивлялся тому, как ученые люди знают все это вперед. Словом, заинтересовался старик сильно; видя это, я потом для шутки и сказал: «А вот, дедушка, есть ныне и такие большие трубы, что, когда глядишь в них ночью на небо, так и царство небесное видно».

И что ж бы вы думали, что он сказал мне на это? Да еще после того доверия, какое было!.. «Ну нет, барин, это уж ты хлопашь (т. е. врешь). Может ли быть, чтоб царство небесное было видно? Нет, это уж ты схлопал», – сказал он, улыбаясь. – «Это, дедушка, верно, и я нарочно тебе схлопал, хотел пошутить и тебя попробовать, а царства небесного, конечно, увидать нельзя». – «Ну тот-то же и есть!.. Да я уж и понял, что ты шутишь, думаешь, что я не разберу. Да ведь есть вон и из нашего брата дураков-то много – поверят». Ну вот видите, Андрей Андреевич, каков наш сибиряк, его не проведешь. Подумайте, какой здравый смысл у человека, совсем неграмотного?.. А сколько находчивости, терпения, выносливости! Право, им часто

приходится удивляться. Ну да тоже ведь и учили их!.. Вы слышали ведь, конечно, хотя бы, например, про то, как Оларовский ехал из Зыряновского рудника?

– Нет, что-то не слышал.

– А вот, если хотите, так я вам расскажу, что мне передавали его бывшие приятели и что знает как курьез целый Алтай.

– Расскажите, расскажите – это, вероятно, что-нибудь интересное.

– Да, видите, поехал он однажды экстренно по делам службы в Зыряновский рудник, а дело-то было весной, он и торопился, чтоб не засесть в этой трущобе и к Пасхе возвратиться в Барнаул. Приехав туда и сделав свое дело, он живо стал собираться в обратный путь. Ему говорят, что ехать нельзя. «Как, – говорит, – нельзя? Это почему? Кто меня не пустит?» – вскипел он по своей горячей натуре. «Да не пустит вас Иртыш, который, по слухам, уже тронулся», – объясняют ему окружающие. «Вздор! – говорит. – Пустяки! Это вам наплела какая-нибудь баба, а вы и поверили! Ведь я недавно проехал по Иртышу, и он стоял целехонек». – «Наплела нам, – говорят ему, – не баба, а приехал объездчик и доложил, что река местами уж тронулась. Оставайтесь, Епиктет Павлович, и дождитесь перевоза». – «Наплевать, – говорит, – все это чепуха! Стану я ждать... Да и нет такого места, где б не проехал Оларовский! Прикажите запрягать лошадей!»

Кончилось все-таки тем, что как его ни уговаривали, как ни стращали и как ни просили остаться, он настоял на своем, велел подавать и укатил из Зыряновска.

Ночью приехал он к Иртышу и при полном освещении луны услышал характерный шум распалившейся реки и увидал плывущие льдины. «Стой! – говорит он ямщику. – А вот как только подойдет к берегу большая льдина – так и катай на нее!» – «Что вы, ваше высокородие! Погибнем! Оба утопнем!.. Где же видно, чтоб переезжали на льдинах!.. Помилосердуй, барин!» – взмолился испугавшийся ямщик. «Молчать! – заревел могучий Оларовский и взял ямщика за шиворот. – Переедем, и ты получишь 25 руб. на водку!.. Слышишь? А то я тебя, шельму, в зубах затрясу! Понял?» – ревел он на весь берег и держал ямщика.

И вот как раз плывет громадная синяя льдина, уткнулась одной стороной в берег и как бы приостановилась, потому что ее тотчас стало быстрым течением реки отурятъ на точке опоры. «Пошел!» – заревел Оларовский и сам ухнул на лошадей. Ямщик, видя беду спереди и сзади, вероятно, подумал, что двум смертям не бывать, а одной не миновать, перекрестился, живо свистнул на коней, тряхнул вожжами, и бойкая тройка мигом взлетела с повозкой на льдину.

Оларовский успокоился, достал кисет, закурил трубку Жукова табаку, встал на ноги и молча зорко караулил.

Громадную льдину, конечно, скоро отурило, т. е. поворотило почти кругом, пока она упиралась в берег, и понесло вниз по Иртышу в том месте, где он называется тихим. Таким образом их тащило верст 6 или 7. Оларовский молчал и только курил трубку за трубкой, а ямщик все время крестился и творил молитвы.

Но вот Иртыш заворотился налево, и течением стало бить в правый его берег, а потому и ледяной паром

понесло водой в ту же сторону. Видя это, Оларовский велел подготовиться ямщику и, как только льдина подойдет близко к берегу, тотчас ухнуть на коней и выскокнуть на сушу. Так и случилось. Господь услыхал молитву ямщика: льдину принесло к правому берегу и также уперло в него одной стороной, дескать, готово – приехали!.. «Пошел!» – заревел опять бесстрашный седок, и кони со всего маха вынесли повозку на правую сторону Иртыша.

Оларовский, поблагодарив Господа теплой молитвой, тут же вынул четвертную, похвалил ямщика и отдал ему обещанную на водку.

Вот ведь, Андрей Андреевич, ну кто же поверит, что это не сказка?.. А между тем это сущая быль! Оларовский поспел еще ранее Пасхи домой, а ямщик, говорят, поседел в эту роковую для него ночь!..

– Ну да есть отчего и поседеть! – сказал исправник.

– Да, а ведь сколько подобных курьезов рассказывают про покойного Оларовского, простого и доброго человека, но замечательного эксцентрика.

Мы доехали благополучно до Барнаула и лихо прокатили мимо дома начальника. Построен этот дом во времена Фролова, в 1820 годах, совершенно отдельно и занимает собой почти целый квартал, выходя на три улицы. С главного фаса к бульвару с одной стороны примыкает своим большим садом к улице, с другой – тоже к широкой улице, где стоит немецкая кирха; с четвертой же – его большой двор, усадебные постройки и огород.

В 1870-х годах я был в Барнауле еще новичком, служил тогда в Сузунском заводе, как я и говорил выше, и в город ездил только по делам службы. В один

из этих годов меня пригласил остановиться в нижнем помещении дома бывший в то время горным начальником многоуважаемый и милейший человек Юлий Иванович Эйвальд. Сам он с семьей жил в верхнем этаже, а три большие комнаты внизу оставались пустыми, но отапливались и были меблированы. Ранее я имел честь служить с этим милым и добрым человеком в Нерчинском крае, и мне, конечно, было крайне приятно воспользоваться его любезным приглашением и чаще бывать в обществе его и его милой семьи.

Приехав осенью уже по снежникам, когда отапливались комнаты и повсюду были двойные рамы, я остановился у него, и мне отвели внизу большую среднюю комнату, вторую от сада. Однажды после обеда я сначала прогулялся по Барнаулу, а потом пришел в свое помещение и ради сумерек прилег на диван, зная, что скоро будут пить вечерний чай и меня позовут.

Внизу была полная тишина, потому что дежурный швейцар находился в это свободное время в своей комнате, четвертой по счету и через комнату от меня.

Я лежал и думал о том, как бы мне угодить одному строптивому и горячему охотнику, который просил меня пристрелять ему винтовку, которая в его руках фальшивила и, вероятно, была им попорчена.

Вдруг в это время я слышу превосходную игру на рояле, но где-то довольно далеко, так что я не мог сообразить, откуда доходят такие приятные мелодичные звуки, и, конечно, решил, что это играет, вероятно, милейшая, крайне симпатичная женщина – супруга Юлия Ивановича, многоуважаемая Аполлинария Алексеевна. «Ах, – думаю, – как она славно играет, так

в душу и просится!..» Лежу, слушаю и наслаждаюсь, но никак не могу разобрать, что именно она играет.

Но вот отворяется тихонько дверь, показывается к коридорному свету фигура лакея.

– Барин, вы спите? – окликнул лакей.

– Нет, не сплю, а что нужно?

– Пожалуйте чай кушать, барыня просит.

Я сейчас же соскочил, причесался, поправился и побежал чрез парадную лестницу наверх. Проходя громадное зало, я заметил, что тут нет рояли; думаю, верно, она в большой гостиной, но вхожу туда и, осмотрев комнату, вижу, что рояли нет и здесь. И делал я этот осмотр не потому, что я не знал, есть рояль или нет, быв в квартире не один десяток раз прежде, нет, а как-то невольно, вследствие живого впечатления от слышанной мною музыки.

В это время из маленькой гостиной выходит хозяйка, смотрит на меня и говорит:

– Вы, верно, слышали музыку и потому ищете у нас рояль?

Такой вопрос меня очень удивил, и я сказал:

– Как вы угадали? Действительно, я слышал крайне приятную игру на рояли, а потому ищу инструмент и хотел поблагодарить вас за доставленное удовольствие.

– Гм! Да разве вы не знаете, что у нас нет рояли?.. А догадалась я потому, что тут жил раньше бывший наш постоялец К. Р. Ле-ц, с которым несколько раз повторялась та же история, и он также неоднократно искал глазами у нас инструмент; вас выдал мне такой же растерянный вид.

– Что же это значит?

– Это пока неразрешенный вопрос – тайна дома! – шутя сказала она.

Мы пошли в столовую к чаю и тут, конечно, много говорили о том, откуда может быть слышна музыка, когда ближайший рояль только в доме г. Давидовича за садом и улицей, до которого будет не менее 70 или 80 сажен песчано-глинистого грунта. Тут же за чаем я услыхал в первый раз, что в этом доме изредка чудится и показывается какая-то фигура в образе женщины, которую и называют Синяя Дама, потому что ее будто бы видят всегда в синем костюме.

Тем дело и кончилось; прожил я еще два или три дня внизу и слышал вторично такую же музыку, но уже глуше как-то ночью, но не обратил большого внимания.

Чрез несколько лет после этого в этом доме жил уже другой горный начальник, покойный Александр Алексеевич Смирнов с большой семьей. В семье некоторые барышни шутя занимаясь столоверчением, спрашивали, что за особа является в этом доме; им всегда отвечал стол, что Синяя Дама – Лариса, которая лежит в саду под колодой около задней калитки, просит отрыть ее прах, отпеть и предать погребению.

Слыша это от детей, покойный Александр Алексеевич всегда смеялся и, конечно, этому не верил, а для убеждения в том, что это чепуха, хотел нарочно прокопать указываемое место; но барышни восстали и упросили отца почему-то этого не делать...

Странное дело, однако же, но этот призрак Синей Дамы видали многие; прислуга, как говорят, так уже привыкла к нему, что не обращает внимания на его появление.

Библиография

Отдельные издания

1. Записки охотника Восточной Сибири (1856–1863) : [техническая часть охоты. Ружье, заряд, порох, дробь, пуля. Прочие принадлежности охоты и др. Хищные звери. Снедные звери] : с рис. в тексте / предисл. авт. – Санкт-Петербург : Изд-во книгопродавца С. В. Звонарева, 1867. – 707 с. : ил.

2. Записки охотника Восточной Сибири (1856–1863): заключающая в себе: некоторые замечания, касающиеся собственно-технической части охоты [...] : с рис. в тексте / предисл. авт. – 2-е изд., испр. и значит. доп. – Санкт-Петербург : Изд-во А. С. Суворина, 1884. – 678 с. : ил.

3. Записки охотника Восточной Сибири / вступ. ст. И. П. Копылова. – Изд. 3-е. – Иркутск : Иркут. обл. кн. изд-во, 1950. – 240 с.

4. Записки охотника Восточной Сибири / под ред. Е. Д. Петряева. – Чита : Читин. кн. изд-во, 1958. – 352 с., [4] л. ил., портр.

5. Записки охотника-натуралиста / [ред., авт. вступ. ст. «А. А. Черкасов и его «Записки охотника-натуралиста» Е. Т. Сыроечковский]. – Москва : Изд-во АН СССР, 1962. – 504 с. : ил.

6. Из записок сибирского охотника : сб. рассказов и очерков / сост. и авт. послесл. «Жизнь среди природы...» Е. Д. Петряев ; худож. А. Аносов. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. – 571 с., [9] л. ил., портр. – (Литературные памятники Сибири).

7. Записки охотника Восточной Сибири / [авт. предисл. «Александр Александрович Черкасов – натуралист, охотовед, писатель» Ф. Штильмарк]. – Москва : Физкультура и спорт, 1990. – 576 с. : ил., портр. – Библиогр.: с. 570–572.

8. Из записок сибирского охотника. – Москва : Физкультура и спорт, 1994. – 639 с. : ил., портр.

9. На Алтае : записки городского головы / предисл. В. Гришаева. – Барнаул : б. и., 2004. – 286 с. : портр. – (Библиотека журнала «Алтай»). – Содерж.: Гришаев В. Забытое имя ; На Алтае ; Федот ; Альфред Брем.

10. Записки охотника Восточной Сибири (1856-1863). – Чита : Экспресс-издательство, 2006. – 560 с. – (Золотая библиотека Забайкалья). – Библиогр. в подстроч. примеч.

11. Мир зверей : записки охотника Восточной Сибири. – Москва : Воениздат, 2007. – 392 с. : ил. – (Редкая книга).

12. Рассказы сибирского охотника. – Чита : Экспресс-издательство, 2009. – 483 с. : ил., портр. – (Золотые имена Забайкалья).

Публикации в периодических изданиях и сборниках

13. Описание действий золотоискательной партии в конце 1856 и начале 1857 года в западной части Нерчинского горного округа в Прионской формации сланцев // Горный журнал. – Санкт-Петербург, 1858. – № 10, ч. 4. – С. 27–62.

14. Записки охотника Восточной Сибири : [главы из одноим. кн.] // Дело. – 1867. – № 4. – С. 45–133.

15. Начало зимы ; Алгача ; Сломанная сошка : из записок сибирского охотника // Природа и охота. – Москва, 1883. – Февраль. – 2 отд. – С. 28–57.

16. Култума : из записок сибирского охотника // Природа и охота. – Москва, 1883. – Ноябрь. – 2 отд. – С. 1–35.

17. Урюм : из записок сибирского охотника // Природа и охота. – Москва, 1884. – Январь. – 1 отд. – Стр. 1–74.

18. Подъездная охота в Сибири : из записок сибирского охотника // Природа и охота. – Москва, 1884. – Сентябрь. – 1 отд. – С. 1–35 ; поправка: 1884. – Декабрь. – 2 отд. – С. 1–64.

19. Бальджа : из записок сибирского охотника // Природа и охота. – Москва, 1885. – Январь. – 2 отд. – С. 1–51 ; Февраль. – 2 отд. – С. 1–50.

20. В Кадаче ; Разбойник : из записок сибирского охотника // Русский вестник. – Москва, 1886. – Январь. – С. 239–260.

21. Зерентуй : из воспоминаний прошлого // Природа и охота. – Москва, 1886. – Сентябрь. – 1 отд. – С. 56–112.

22. Шахтама : из воспоминаний прошлого // Природа и охота. – Москва, 1886. – Ноябрь. – 1 отд. – С. 1–58.

23. Федот ; Альфред Брем : из воспоминаний прошлого // Природа и охота. – Москва, 1887. – Январь. – 1 отд. – С. 36–70.

24. Киргизка : из воспоминаний прошлого // Природа и охота. – Москва, 1887. – Март. – 2 отд. – С. 98.

25. Кара : из воспоминаний прошлого // Природа и охота. – Москва, 1887. – Сентябрь. – 1 отд. – С. 1–71 ; Октябрь. – 1 отд. – С. 1–86.

26. На Алтае : из записок сибирского охотника // Природа и охота. – Москва, 1893. – Июль (гл. 1–4). – 1 отд. – С. 1– 62 ; Август (гл. 5–9). – 1 отд. – С. 1– 65 ; Сентябрь (гл. 10–14). – 1 отд. – С. 1–70 ; Октябрь (гл. 15–20). – 1 отд. – С. 1–76 ; Ноябрь (гл. 21–25). – 1 отд. – С. 1–59.

27. Алтайские инородцы : [рец. на сб. этногр. статей В. И. Вербицкого] // Деловой корреспондент. – Екатеринбург, 1895. – № 19/20.

28. Белковье // Охотничьи просторы : альманах. – Москва, 1984. – Вып. 41. – С. 121–126.

29. «Синяя дама» : [фрагм. записок «На Алтае»] // Алтайская правда. – 1992. – 25 авг.

30. Записки городского головы : [из лит. наследия нашего земляка] // Алтайская правда. – 1993. – 18 сент. – С. 6.

31. Записки барнаульского городского головы // Алтай. – 1993. – № 2. – С. 83–98 ; № 3. – С. 127–146 ; № 4. – С. 129–152 ; № 5. – С. 127–147 ; № 6. – С. 109–123 ; 1994. – № 1. – С. 129–141.

32. Из Записок сибирского охотника // Хрестоматия по литературе Алтая : в 2 ч. / Ком. администрации Алт. края по образованию, Алт. гос. ун-т ; авт.-сост.: Т. Г. Черняева, О. Г. Левашова. – Барнаул, 1996. – Ч. 1. – С. 93–107 : портр. – Библиогр.: с. 107 (3 назв.).

33. На Алтае / послесл. В. Гришаева // Бийский вестник. – 2003. – № 1. – С. 22–70 : портр. – Содерж.: На Алтае : избр. главы с некоторыми сокр. ; Альфред Брем.

34. На Алтае : (отрывки из книги очерков «На Алтае») // Формула жизни. – Бийск, 2007. – Вып. 7. – С. 3–6.

35. О Барнауле и барнаульцах // Тобольск и вся Сибирь : альманах. – Тобольск, 2010. – Кн. 13. – С. 187–194 : фот.

36. Из воспоминаний прошлого : (очерки) // Образ Алтая в русской литературе : антология : [в 5 т.] / Упр. Алт. края по культуре и арх. делу, Алт. гос. ун-т ; [редкол.: А. И. Куляпин (гл. ред.) и др. ; худож. А. В. Казанцев]. – Барнаул, 2012. – Т. 1. – С. 405–438 : ил., портр. – Содерж.: Федот ; А. Брэм.

Литература о жизни и творчестве

37. [Портрет А. А. Черкасова] // Природа и охота. – Москва, 1883. – Февраль. – 2 отд. – [1] вкл. л. между с. 32 и 33.

38. Галин А. Александр Александрович Черкасов // Природа и охота. – Москва, 1883. – Ноябрь. – 2 отд. – С. 109–111.

39. Вагин В. И. [Из воспоминаний] // Сибирский сборник. – Иркутск, 1888. – Вып. 3. – С. 31–36. – (Прил. к газ. «Восточное обозрение»).

40. [Портрет А. А. Черкасова] // Природа и охота. – Москва, 1891. – Март. – (Прил.: Альбом сотрудников и список статей. – Л. 9).

41. Друг [Галин П.]. А. А. Черкасов // Екатеринбургская неделя. – Екатеринбург, 1894. – № 5. – С. 108.

42. Баснин П. П. А. А. Черкасов // Горный журнал. – Санкт-Петербург, 1895. – Т. 2. – С. 141–142.

43. [Некролог А. А. Черкасова] // Исторический вестник. – Санкт-Петербург, 1895. – № 4. – С. 338.

44. Баснин П. Александр Александрович Черкасов: (некролог) // Вестник золотопромышленности. – Томск, 1895. – № 5. – С. 141–142.

45. Друг [Галин П.]. А. А. Черкасов // Охотничья газета. – Москва, 1895. – № 7. – С. 100.

46. [Некролог А. А. Черкасова] // Псовая и ружейная охота. – Санкт-Петербург, 1895. – № 13. – С. 281.

47. Баснин П. П. Памяти А. А. Черкасова // Деловой корреспондент. – Екатеринбург, 1895. – № 22, 24.

48. Друг [Галин П.]. А. А. Черкасов // Деловой корреспондент. – Екатеринбург. – 1895. – № 23, 25.

49. Черкасов А. А. // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон : в 86 т. – Санкт-Петербург, 1903. – Т. 76. – С. 572.

50. Жеребцов Б. Сибирская охотничья беллетристика // Охотник и пушник Сибири. – Новосибирск, 1928. – № 12. – С. 54–56.

51. Сергеев М. А. Неудачное переиздание // Сибирские огни. – Новосибирск, 1951. – № 5. – С. 115–117.

52. Скалон В. Н. Книги о зверях и охоте // Природа. – Москва,1952. – № 5. – С. 124–126.

53. Петряев Е. Д. Редкая книга и ее автор // Забайкальский рабочий. – Чита, 1957. – 23, 27 янв. : портр.

54. Сергеев М. А. Классический труд об охоте в Сибири // Сибирские огни. – Новосибирск, 1959. – № 10. – С. 184–185.

55. Петряев Е. Сибирский Аксаков // Сибирские огни. – Новосибирск, 1968. – № 7. – С. 164–169. – Библиогр. в подстроч. примеч.

56. Смирнов Н. Черкасов А. А. // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. – Москва, 1975. – Т. 8. – Стб. 458-459.

57. Гришаев В. Ф. «На Алтае» : [о цикле очерков А. А. Черкасова, опубл. в журн. «Природа и охота» в 1893 г.] // Алтайская правда. – 1985. – 12 сент. – (Страницы истории).

58. Гришаев В. Ф. Забытое имя // Алтай. – Барнаул, 1986. – № 2. – С. 117–121 : портр.

59. Юдалевич М. Сибирский Аксаков // Юдалевич М. Барнаул (1730–1917). – Барнаул, 1992. – С. 152–154.

60. Гришаев В. Забытое имя // Алтай. – 1992. – № 6. – С. 120–122 : портр.

61. Гришаев В. Ф. 160 лет со дня рождения писателя, исследователя Алтая А. А. Черкасова (1834–1895) // Страницы истории Алтая, 1994 г.: библиогр. указ. / Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова, Ком. адм. края по делам

арх., Барнаул. гос. пед. ин-т, Лаб. ист. краеведения. – Барнаул, 1993. – 132 с. – С. 108–111. – Библиогр.: с. 111 (9 назв.).

62. Левашова О. Г. Творчество А. А. Черкасова / О. Г. Левашова, Т. Г. Черняева, М. Г. Никитина // История Алтая : [учеб. пособие] / Ком. администрации Алт. края по образованию, Алт. гос. ун ; [редкол.: А. П. Анашкин, В. А. Скубневский (отв. редакторы) и др.]. – Барнаул, 1995. – Ч. 1. – С. 395–398. – Библиогр. и примеч. – С. 440–445.

63. Юдалевич Б. М. Литература [Алтайского края] // Энциклопедия Алтайского края : в 2 т. / [редкол.: В. Т. Мищенко, А. П. Бородавкин, И. М. Дмитриенко и др.]. – Барнаул, 1996. – Т. 1. – С. 258–281. – Из содерж.: [А. А. Черкасов]. – С. 263.

64. Александр Александрович Черкасов (1834–1895) // Хрестоматия по литературе Алтая : в 2 ч. / Ком. администрации Алт. края по образованию, Алт. гос. ун-т ; авт.-сост. Т. Г. Черняева, О. Г. Левашова. – Барнаул, 1996. – Ч. 1. – С. 92 : портр. – Библиогр.: с. 107 (3 назв).

65. Гришаев В. Ф. Черкасов Александр Александрович (1834–1895) // Энциклопедия Алтайского края : в 2 т. / [редкол.: В. Т. Мищенко, А. П. Бородавкин, И. М. Дмитриенко и др.]. – Барнаул, 1996. – Т. 2. – С. 400 : портр.

66. То же. – Барнаул, 1997. – Т. 2. – С. 400 : портр.

67. Зотычев В. Сибирский Аксаков // Новая жизнь. – Сузун, 1997. – 3 мая. – С. 10 : портр.

68. [Деятели Барнаульской городской Думы: Н. А. Давидович-Нащинский, А. А. Черкасов, В. Л. Карпинский, Г. Б. Баитов, Д. Н. Сухов, В. К. Штильке, В. И. Николаев, М. О. Курский, В. Н. Баварин] // Барнаульская городская Дума, 1877–1996 : сб. документов. – Барнаул, 1999. – С. 199–201, 227, 296, 297, 302 : фот.

69. Гришаев В. Ф. Александр Александрович Черкасов (1834–1895) // Гришаев В. Ф. Алтайские горные инженеры. – Барнаул, 1999. – С. 223–229 : портр.

70. Гришаев В. Ф. Черкасов Александр Александрович // Барнаул : энциклопедия / [редкол.: В. А. Скубневский (гл. ред.) и др.]. – Барнаул, 2000. – С. 332.

71. Черкасов Александр Александрович // Исследователи Алтайского края, XVIII – начало XX века : биобиблиогр. слов. / Ком. по культуре и туризму администрации Алт. края, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова, Алт. краев. Рос.-Нем. Дом. – Барнаул, 2000. – С. 226–227.

72. Юдалевич М. Город [Барнаул], богатый талантами // Барнаул. – Барнаул, 2000. – № 3. – С. 10–18.

73. Юдалевич М. И. Литературная жизнь Барнаула // Барнаул. История культуры : пособие для учителя / Женский центр «Надежда» при содействии адм. г. Барнаула ; [редкол.: В. Ф. Гришаев и др.]. – Барнаул, 2000. – С. 60–69. – Из содерж.: [А. А. Черкасов]. – С. 64–65.

74. Лен К. В. Городские головы Западной Сибири (70–90-е гг. XIX в.) // Предприниматели и предпринимательство в Сибири : сб. науч. ст. / Ин-т истории СО РАН, Алт. гос. ун-т ; [редкол.: В. А. Скубневский (отв. ред.) и др.]. – Барнаул, 2001. – Вып. 3. – С. 228–251 : табл. – Из содерж.: [А. А. Черкасов]. – С. 242–243.

75. Кузнецов С. М. Народ : [о горном инженере и писателе А. А. Черкасове] // Кузнецов С. М. Записки инженера о Колывано-Воскресенских заводах. – Новосибирск : [б. и.], 2003. – Кн. 2. – С. 76–79. – Библиогр.: с. 79.

76. Родионов А. Инженер – Голова – Писатель : заметки об А. Черкасове, барнаульском городском голове конца XIX в. // Вечерний Барнаул. – 2004. – 31 марта : портр.

77. Тяпкин М. О. Охрана лесов Томской губернии во второй трети XIX – начале XX в. – Барнаул, 2006.– 225 с. – Из содерж.: [А. А. Черкасов]. – С. 32–33.

78. Александр Александрович Черкасов, горный инженер, писатель, автор знаменитой книги «Записки охотника Восточной Сибири» // Сибирские огни. – Новосибирск, 2006. – № 11. – С. 2.

79. 175 лет со дня рождения барнаульского городского головы, писателя, исследователя Алтая А. А. Черкасова (1834–1895) // Барнаульский хронограф, 2009 г. : календарь знаменат. и памят. дат. – Барнаул, 2008. – С. 73–77 : портр.

80.[175 лет со дня рождения писателя-натуралиста Александра Александровича Черкасова] / материал подгот. А. Горшенин // Сибирские огни. – 2009. – № 2. – С. 189–190.

81.Катренко Н. Плеяда барнаульских градоначальников : [есть сведения об А. А. Черкасове] // Вечерний Барнаул. – 2010. – 3 сент. : фот.

82.Храмцов А. Городские головы (старосты) и их помощники в городах Западной Сибири в 1870-1900-е годы // Муниципальная служба. – 2012. – № 2. – С. 81–98 : табл. – Из содерж.: [Черкасов А. А.]. – С. 84, 94.

83.Коржов В. М. Сибирский Аксаков // Вечерний Барнаул. – 2014. – 20 дек. : фот.

84.Коржов В. Сибирский Аксаков //Вечерний Барнаул. – 2015. – 22 сент. : фот.

Документальные источники

85.Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 2. Оп. 5. Д. 603. Л. 72–83.

Библиографические пособия

86.Русская охотничья литература : крат. библиогр. указ. : [есть сведения об А. А. Черкасове] // Настольная книга охотника-спортсмена : в 2 т. / сост. Н. П. Смирнов ; редкол.: П. А. Мантейфель и др. – Москва, 1955. – Т. 1. – С. 395–397.

87.Черкасов А. А. // Петряев Е. Д. Краеведы и литераторы Забайкалья : материалы для биобиблиогр. словаря. – Чита ; Иркутск, 1965. – Ч. 1: Дореволюционный период. – С. 80.

88.Черкасов Александр Александрович // Писатели Восточной Сибири : биобиблиогр. указ. – Иркутск, 1973. – С. 34–35.

89.Сибирские огни : лит.-художеств. и обществ.-полит. журн. : указ. содерж., 1922–1964 гг. / Новосиб. обл. науч. б-ка ; [сост.: А. Ф. Соустина и др. ; вступ. ст. Н. Н. Яновского]. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1982. – 215 с. – Из содерж.: [Черкасов А. А.]. – С. 286, 302.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Литературное
наследие
Алтая

Черкасов
Александр Александрович

НА АЛТАЕ

Редактор-составитель: С. А. Мансков

Художественный оформитель: А. Н. Шелепов
Автор иллюстраций: А. В. Казанцев
Корректор:
Верстальщик:

Подписано в печать 00.00.2019.
Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 23,73. Гарнитура Orbi.
Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 000 экз. Заказ 00000

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ КОЛОРИТ».
630001, г. Новосибирск, ул. Сухарная, 35, корпус 7/3